

ISSN 0042—8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

7

2002

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

7/2002 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- И.В. Сталин — «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» — и идеологическая подготовка к мировой войне (Вступительная статья **М.В. Зеленова**)..... 3

СТАТЬИ

- П.С. Стефанович** — Боярство и церковь в домонгольской Руси 41

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- В.Л. Генис** — Павел Петрович Введенский 60

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Б.С. Илизаров** — Душа Кобы подлинного 84

ВОСПОМИНАНИЯ

- К.И. Глобачев**. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения (Вступительная статья **Дж. Дейли** и **З.И. Перегудовой**) 100

ПУБЛИКАЦИИ

- А.Г. Шляпников** — За хлебом и нефтью 123

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

Г.И. Анохин – Исторические судьбы Исландии 151

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

С.И. Горелова – Александр Густавович Брикнер — историк и педагог 161

ИСТОРИОГРАФИЯ

Л. Исупов – В. Б. Жиромская. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное .. 166

С. Филиппова – С.В. Сопленков. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века) 168

А.П. Богданов – Персональная история. Исповедь судьбы 170

Д.В. Ефременко – А.В.Тырсенко. Фельяны. У истоков французского либерализма 171

С.А. Мадиевский – А.Кухенбекер. Сионизм без Сиона. Биробиджан: идея и история еврейского государства на Советском Дадынем Востоке 173

И.В. Сталин — «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» — и идеологическая подготовка к мировой войне

Работа И.В. Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» повлияла не только на освещение исторических проблем, но и на общую политическую обстановку, на формирование внешнеполитической идеологии в 1934—1941 годах.

Написанная 19 июля 1934 г. и предзнаменовавшая соучастие СССР в переделе сфер влияния, статья была опубликована в главном журнале ЦК ВКП(б) «Большевик» лишь в мае 1941¹ — после пакта Молотова—Риббентропа и накануне нападения Германии на СССР. Ее предполагали включить в XIV том Сочинений Сталина, о чем свидетельствует макет тома², составленный Институтом Маркса—Энгельса—Ленина в 1946 г., который так и не был издан. (Другой вариант тома был издан в США в 1967 г.³)

В 1950 г. Георг фон Раух в обобщающей статье «Основные тенденции советских исторических исследований в годы сталинизма» обратил внимание на связь публикации сталинской работы с борьбой против концепции М.Н. Покровского в области истории внешней политики⁴. Анализируя политику советского руководства накануне второй мировой войны, Н.В. Романовский ставит публикацию статьи в 1941 г. в связь с заявлениями Сталина о невозможности нападения Германии на СССР. Это соответствует логике сталинских рассуждений: если Энгельс обращал внимание на личные свойства лидеров государств, толкавшие их на войну, то Сталин акцентировал внимание на материальных интересах господствующего класса и утверждал, что материальные интересы Германии удержат ее от войны с СССР⁵. Переиздавая недавно статью Сталина, С.В. Константинов объяснял ее появление следующими геополитическими представлениями Сталина: главные причины мировых войн — борьба за колонии, рынки сбыта и источники сырья, Англия — важнейший фактор мировой политики, глубокие противоречия между Англией и Германией влияли на международные отношения и в 1934, и в 1941 году. Политика умиротворения Германии в 1941 г. проявилась и в критике ненавистного Гитлеру Энгельса со стороны Сталина в мае 1941 года⁶.

В литературе отмечалось влияние статьи Сталина на историографию, на становление официальной концепции истории первой мировой войны, а также Отечественной войны 1812 года⁷.

Переданные из Архива Президента в РГАСПИ материалы сталинского фонда (ф.558, оп.11) способствуют уточнению представления о политических обстоятельствах, сопутствовавших появлению статьи. Это прежде всего

пометки Сталина на полях перевода статьи Энгельса и его отдельная рукопись с замечаниями, предназначенная для ориентации ближайшего окружения. Опубликованная переписка Сталина с Л.М. Кагановичем, относящаяся ко времени отпуска Сталина в августе 1934 г., проливает свет на появление другого важнейшего документа, тесно связанного с указанной статьей, — письма Сталина членам политбюро о комментариях редакции журнала «Большевик» (написанных Г.Е. Зиновьевым) к письму Энгельса Иоану Надежде от 4 января 1888 года⁸, и проясняет политическое значение корректировки идеологического курса.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что статья появилась в переломный момент, когда складывался новый курс формирования исторической мифологии. Пришло время объявить порочными прежние ориентиры, утвердившиеся в условиях господства школы Покровского, который отстаивал идею кардинального разрыва советской истории с историей царской России, и заняться уточнением генеалогии Советского государства, соответственно воздействовать на общий историографический фон.

Важнейшей вехой в становлении нового курса было известное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о преподавании гражданской истории в школах СССР, утвержденное 16 мая 1934 года. Известно, насколько кардинальные изменения последовали за этим в сфере исторической науки. Постановление, в разработке которого принимал участие Е.В. Тарле, извлеченный Сталиным из ссылки летом 1932 г., привело к возвращению из небытия дореволюционных авторов. Все говорило о том, что старая идея разрыва традиций досоветской России и СССР (отработанная школой Покровского) заменяется новой идеей — преемственности (которую еще в 1920-х годах отстаивали Тарле и С.Ф. Платонов). Более того, постановление позволяло говорить о пересмотре соотношения объективных законов развития общества и роли личности в истории. Были объявлены конкурсы на новые учебники по истории СССР и новой истории, сформированы авторские коллективы⁹. Постановлением СНК СССР от 13 января 1934 г. «Об ученых степенях и званиях» восстанавливалась система научных званий (степени кандидата и доктора наук), существовавшая до 1917 года. В западной историографии сразу отметили появление в СССР дискуссий о роли личности в истории, о патриотизме¹⁰. Пресса получила недвусмысленный сигнал — 9 июня 1934 г. передовица «Правды» была посвящена новому пониманию патриотизма, вскоре прошло пышное чествование челюскинцев.

Одновременно с этим менялась и внешняя политика, что было связано с происходившей концентрацией сил в борьбе с фашизмом. С конца 1933 г. СССР выдвинул ряд мирных инициатив. XIII Пленум ИККИ в декабре 1933 г. и XVII съезд ВКП(б) в январе—феврале 1934 г. выступили с заявлениями об опасности войны и осудили фашистскую Германию как главного поджигателя войны в Европе. В мае—июне 1934 г. СССР и Франция обсуждали проект Восточного пакта (о взаимной помощи на случай агрессии). Однако многое зависело от позиции Англии, которая выступала против заключения этого пакта.

В данной ситуации большую роль играли оценки социал-демократии. XIII Пленум Исполкома Коминтерна принял официальные документы, в которых говорилось об интернационалистском лозунге о превращении войны империалистической в войну гражданскую и о предательстве германских социал-демократов, занявших в 1914 г. оборонческую позицию. Говорилось, что германские социал-демократы образца 1933 г. ничем не отличаются от своих предшественников образца 1914 года¹¹. Эта характеристика отражала видение Сталина. В июне — начале июля 1934 г. представитель ВКП(б) в Коминтерне Д.З. Мануильский и член Президиума, Политсекретариата и Политсекции Политсекретариата ИККИ с апреля—мая 1934 г. Г.Димитров поставили вопрос о пересмотре политики по отношению к социал-демократии, с отказом от огульной характеристики ее как социал-фашизма¹². По этому вопросу статья Сталина, направленная против наиболее влиятельной в про-

шлом социал-демократической партии Европы, давала недвусмысленное предостережение, ставила жесткие границы подобному пересмотру.

Третьим изменением можно назвать отказ Сталина (состоявшийся несколько раньше) от идеи мировой революции.

Удобный повод для изложения новых тактических принципов дала пропагандистская кампания по случаю 20-летия первой мировой войны. Несколько статей на эту тему написал реабилитированный в начале 1934 г. Зиновьев¹³. В мае 1934 г. он был введен в состав редколлегии «Большевика» (его статьи появлялись там и раньше¹⁴).

В конце июня 1934 г. Сталин получил очередное письмо от В.В.Адоратского, директора ИМЭЛ, с просьбой разрешить публикацию статьи Энгельса с приложением нового перевода (с учетом английского и немецкого изданий) в номере «Большевика», посвященном 20-летию первой мировой войны. Обращение к генсеку за подобным разрешением было делом обычным, как правило, он разрешал или запрещал публикации не обосновывая своей позиции. Но в данном случае реакция Сталина оказалась неожиданной.

В июле 1934 г. Сталин читает статью Энгельса и делает на ней пометки, 19 июля пишет обширные замечания на эту статью, которые направляет члену политбюро и Адоратскому. Кроме них, сталинские замечания получил член секретариата и оргбюро ЦК А.А. Жданов, который должен был учесть их, составляя критический обзор учебника по истории СССР, подготовленного группой Н.Н. Ванага, а по сути — довести мнение Сталина до профессиональных историков.

На создавшемся внешнеполитическом фоне появление статьи Энгельса, в которой вся ответственность за будущую мировую войну перекладывалась на Россию (пусть даже царскую), выглядело несвоевременным. Рассматривавший историческую публицистику как орудие политической пропаганды Сталин выступил против ее публикации. Кроме этого, Энгельс делал упор на роль субъективного фактора в истории войн. Сталин же подчеркивал превалирование объективных причин — борьбы за колонии и т.п.

Запрет был также связан с тем, что в статье Энгельса Сталин почувствовал аналогии с внешнеполитической и внутриполитической ситуацией. Применяя высказывания Энгельса к политике Сталина, можно было критиковать последнего за отказ от марксистской революционности. Например, постоянные призывы к революции в России, ставка на Национальное собрание, которое должно спасти мир, критика реакционного режима, который необходимо свергнуть, казались Сталину не только наивными, но и неуместными. Легко было заподозрить, что статья Энгельса отобрана для публикации или по ошибке (вернее, недомыслию), или кем-то из оппозиции.

В замечаниях о статье Энгельса, направленных членам политбюро, Сталин ответил и на предложение Мануильского и Димитрова о перемене позиции по отношению к социал-демократии: Сталин повторял формулировки из резолюций XIII Пленума ИККИ о ленинской позиции 1914 г. и «грехопадении» германской социал-демократии.

22 июля политбюро приняло предложенное Сталиным постановление о запрете публикации статьи Энгельса. На следующий день в беседе с Г.Уэллсом Сталин затронул тему запрещенной статьи. Он обращается не к Уэллсу, а к мировой общественности: реакционной силой называется германский фашизм. Отныне характеристика «реакционный» должна применяться только к фашизму, но не к России.

Едва Сталин уехал в Сочи, как вышел (в самом конце июля — начале августа) многострадальный номер «Большевика», в котором Сталин обнаружил неизвестное письмо Энгельса социал-демократу И.Надежде, сопровождаемое послесловием «От редакции».

В самом письме Энгельса не было ничего нового для Сталина: Энгельс призывал ниспровергнуть царизм («кошмар, тяготеющий над всей Европой»). Если война вспыхнет только для того, чтобы покорить Пруссию и Австрию, писал классик, то нужно желать, чтобы все страны были разбиты. Наиболее

вызывающий тезис — «революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции»¹⁵.

Заметка «От редакции» содержала некоторые вольные импровизации о социал-демократии накануне и в годы первой мировой войны, о «пораженчестве». Однако она включала и неявные для многих нападки на позицию Сталина по китайскому вопросу: «Они (Маркс и Энгельс. — М.З.) допускали, что первый толчок (к мировой революции. — М.З.) может прийти и из Франции, и из России, и из Индии, и из Китая». Эта кажущаяся невинной фраза ассоциировалась с дискуссиями о перспективах китайской революции, которые шли в руководстве Коминтерна и в политбюро в 1926—1927 годах. Тогда Зиновьев предлагал развивать курс на международную революцию, способствовать социалистической революции в Китае, образовать там Советы рабочих и крестьян. Сталин занимал менее левую позицию, считая, что пережитки феодализма в Китае еще слишком сильны, чтобы говорить о социалистической революции. Но уже в 1933—1934 гг. в отчетном докладе XVII съезду Сталин говорил нечто противоположное: народные массы еще не дошли до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но «идея штурма зреет в сознании масс, — в этом едва ли может быть сомнение. Об этом красноречиво говорят хотя бы такие факты, как испанская революция, свергнувшая режим фашизма, и рост советских районов в Китае, который не в силах приостановить соединенная контрреволюция китайской и иностранной буржуазии».

Сталин сразу понял, что заметку «От редакции» написал Зиновьев. 5 августа 1934 г. Сталин направил своему заместителю в политбюро Кагановичу гневное письмо с требованием передать членам политбюро замечания на комментарии редакции «Большевика» и подвергнуть ostrакизму Зиновьева. Смысл новых замечаний Сталина сводится к недопустимости на современном этапе применять тезис «пораженчества» по отношению к России (подразумевалась также невозможность мировой революции, поскольку этот вопрос Сталин просто обошел вниманием).

8 августа Сталин отредактировал «Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР»». Замечания были построены почти целиком на предыдущем послании Сталина членам политбюро по поводу статьи Энгельса: «В конспекте подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («Царизм как оплот реакции в Европе и Азии»)». Сталин вычеркнул из проекта слова об оплоте реакции и вместо них написал «международный жандарм»¹⁶. Эти замечания Сталин отправил с письмом (оно не найдено) в Москву, 13 августа они были размножены и разосланы для ознакомления участникам заседания политбюро, а на следующий день оформлены его постановлением¹⁷. В 1936 г. эти замечания Сталина, Кирова, Жданова были опубликованы. Таким образом, Сталин довел до историков, публицистов и широких политических кругов смысл своих замечаний на статью Энгельса, не опубликовав свои выступления против классика.

В тот же день, 8 августа, замечания Сталина о комментариях «От редакции» журнала «Большевик» были разосланы членам и кандидатам в члены политбюро. Тогда же Каганович начал расследование, о чем доложил шифротелеграммой Сталину. Последний на расстоянии руководил ходом процесса и вносил поправки в проект постановления политбюро об ошибках редакции «Большевика», которое и было принято 16 августа. Зиновьева вывели из состава редколлегии. Это постановление (вкуче с замечаниями Сталина на статью Энгельса и на комментарий журнала ЦК) 25 августа было разослано вместе с протоколом заседания политбюро членам ЦК, первым секретарям обкомов и крайкомов, главным редакторам центральных газет и журналов.

Одновременно с этим Сталин предложил опубликовать теоретическую статью в «Большевике», но отказался от этого намерения в силу трудности поставленной задачи (нельзя нападать на Энгельса, трудно свести концы с концами) и отсутствия острой практической необходимости.

Итак, в 1934 г. Сталин, предвкусывая неизбежность (а может быть и близость) передела мира, в публичных выступлениях очень осторожно высказывается на внешнеполитические темы, но членам политбюро и редакции главного политического журнала ЦК пишет заметки, в которых проводятся несколько тезисов: неизбежна война, которая вызвана объективными причинами, поэтому необходимо изменить акценты в исторической публицистике — развивать патриотизм; не споря с Коминтерном, забыть про старые установки интернационализма; твердо разделять «оборончество» в 1914—1917 гг. и «оборончество» Энгельса; применять характеристику «реакционный» только к современному фашизму, но не к России, даже царской.

В 1937 г. статья Энгельса «О внешней политике русского царизма» все же была опубликована в Сочинениях Маркса и Энгельса (т.16, ч.2.). В 1938 г. было принято постановление политбюро о переиздании дореволюционной (с участием П.Н. Милюкова) «Истории XIX века» под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо. Большую роль в появлении этого многотомника сыграл Тарле, который каким-то образом знал позицию Сталина и отражал ее содержание в своих работах, в том числе в «Истории дипломатии» (1-й том был подписан в печать в 1940 г. и появился накануне войны) и в «Крымской войне» (1941). В последней монографии Тарле противопоставил сталинскую концепцию Крымской войны (внешняя политика русского царизма агрессивна, но не отличается по сути от захватнической политики Англии и других государств) концепции Покровского, возлагавшего ответственность за войну только на царизм.

В конце 1940 г. Ем. Ярославский зондировал атмосферу, обратившись к Сталину с просьбой предоставить ему для научной работы сталинскую статью с критикой Энгельса. С этой работой Сталина Ярославский был знаком с 1934 г., поскольку участвовал в заседаниях политбюро и получал протоколы заседаний. Сталин переслал через своего секретаря А.Н. Поскребышева статью, а также переделал начало статьи для публикации. Статья Сталина появилась в «Большевике» 18 мая 1941 года. Однако редакционная статья в «Правде», посвященная этой работе Сталина, не была им пропущена в печать. Редакция «Правды» не только обширно цитировала статью Сталина, но и делала собственный вывод: «Энгельс оставлял вне своего поля зрения... противоречия между Германией и Англией, сыгравшие роковую роль при возникновении первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. и современной второй мировой империалистической войны».

Появление полной намеков и иносказаний работы Сталина, в которой он говорил о мировой войне, было вызвано задачами внешнеполитической пропаганды. 5 мая 1941 г. Сталин в известной речи возложил ответственность за развязывание мировой войны на Германию и призвал «перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе»¹⁸. Некоторые замечания Сталина, имеющие общий характер, приобрели актуальность в 1941 г. как по воле автора, так и в силу политических обстоятельств. В современной литературе нет единого мнения, как расценивался в Кремле визит 11 мая 1941 г. Гесса (заместителя Гитлера по партии) в Англию¹⁹. Вероятно, появление сталинской статьи через неделю после этого события и есть его ответ на этот визит Гесса. Поставки сырья СССР в Германию по соглашению от 10 января 1941 г. выполнялись неукоснительно²⁰, поэтому сталинская характеристика России как сырьевого придатка европейских агрессоров накануне войны выглядит также по-своему актуальной.

Во время войны Тарле написал статью об исторических высказываниях Сталина, половину которой посвятил опубликованной в 1941 г. статье генсека. (Академик ссылался на эту статью в публичных выступлениях в 1944 г., но ни разу не упоминал ее в издававшихся работах.) Сталин не дал разрешения на публикацию. Между тем само написание статьи несколько укрепило шаткое положение Тарле.

Остается сожалеть, что еще не найдено письмо Сталина Кагановичу (или другим членам политбюро) от 9—10 августа, с которым он переслал свои замечания на конспекты учебников по истории СССР и по новой истории.

Это письмо помогло бы прояснить его взгляды по данному вопросу. Не обнаружена и правленная Сталиным теоретическая статья, которую планировалось поместить в «Большевике» после неудачной заметки «От редакции». Без них нельзя восстановить всю подготовительную работу по публикации сталинских документов и работ Энгельса.

Публикацию подготовил М.В. ЗЕЛЕНОВ.

Примечания

1. Большевик, 1941, №9, с.1—5. Планировалась публикация и в журнале «Пролетарская революция» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.72, оп.2, д.60.).
2. См.: там же, ф.558, оп.1, д.5324; оп.11, д.1072.
3. СТАЛИН И.В. Соч. Т.1 [14]. 1934—1940. Stanford. 1967.
4. RAUCH G. Grundlinien der sowjetischen Geschichtsforschung im Zeichen des Stalinismus. — Europa—Archiv (Wien—Frankfurt—Basel), 20.X.1950, №20, S.3426.
5. РОМАНОВСКИЙ Н.В. Наше непредсказуемое прошлое. — Россия и современный мир, 1998, вып. 3(20).
6. КОНСТАНТИНОВ С.В. Замолчанный Сталин. - Русский геополитический сборник, 1997, №2.
7. См., напр.: КОЗЕНКО Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 2001, №3, с.10; ШЕИН И.А. Сталин и Отечественная война 1812 года: опыт изучения советской историографии 1930—1950-х годов. — Отечественная история, 2001, №6, с.97.
8. См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М. 2001.
9. См.: АРТИЗОВ А.Н. В угоду взглядам вождя (конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР). — Кентавр, 1991, октябрь—декабрь, с.125.
10. См., напр.: SUMMER B.N. Soviet History. III. — Soviet and East European Review, Vol. 17, №49, July 1938, p.154—161; RAUCH G. Op. cit.
11. XIII Пленум ИККИ. М. 1934, с.584, 590.
12. См.: VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. (Сборник документов). М. 1975, с.10—11, 28—33.
13. К 20-летию годовщины мировой войны. — Правда, 1.VIII.1934; Большевик и война. — Большевик, 1934, № 13-14.
14. См.: ЗИНОВЬЕВ Г. Международная значимость прошедшего десятилетия. — Большевик, 1934, №2; сго же. Уроки гражданской войны в Австрии. — Там же, №3-4; его же. Из золотого фонда марксизма-ленинизма (О книге И.Сталина «Марксизм и национально-колониальный вопрос»). — Там же, №7.
15. Большевик, 1934, №13-14; МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Изд 2-е. Т.37.
16. РГАСПИ, ф.558, оп.1, д.3156, л.2. Интересно, что в тексте этих замечаний много ссылок на высказывания Сталина в его работе против Энгельса. Видимо, было какое-то распоряжение Жданову об этом. Можно предположить и влияние на данный текст инцидента со статьей Зиновьева. Об этом говорит пассаж о «безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности». В первоначальном варианте машинописи было «соответственных» статьях (см.: там же, л.4; опубли.: Правда, 27.I.1936; СТАЛИН И.В. Соч. Т.14). Кстати, замечание о журнальных статьях, возможно, подразумевало статьи самого Энгельса.
То, что Сталин ждал мировую войну со дня на день, можно предположить по фразе из его «Замечаний на конспект учебника “Новой истории”». Говоря о периодизации новой истории, он указывает, что последний период начинается в 1918 г. и длится до конца 1934 г., это «период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния» (т.14, с.43).
17. Постановление с одобрением тезисов Сталина и компании было оформлено «опросом», однако в подлинных протоколах политбюро нет сведений, что оно кем-то обсуждалось и за него кто-то голосовал. Вероятнее всего, оно было включено без всякого «опроса» (см.: РГАСПИ, ф.17, оп.163, д.1035, л.190).
18. Исторический архив, 1995, №2, с.30.
19. См.: МЕЛЬТЮХОВ М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М. 1996, с.286.
20. ОРЛОВ А.С. СССР—Германия: август 1939 — июнь 1941. М. 1991, с.54.

Зеленов Михаил Владимирович — доктор исторических наук. Российская Волго-Вятская государственная академия управления (Нижний Новгород).

28 июня 1934 года

28.6.34. №129/с

Товарищ Сталин,

4Прошу Вас просмотреть прилагаемую статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма» и таблицу¹, составленную Лениным, когда он работал над «Империализмом»², и разрешить нам напечатать и то и другое в «Большевике» в номере, посвященном 20-летию мировой войны.⁴

Директор ИМЭЛ В.Адоратский³

Ф.558, оп.11, д.1074, л.57.

Подлинник, на бланке ИМЭЛ.

Штамп: «Разосланы 19.VII. 34. П 733».

1. Пометка: «В архив не поступали».
2. См.: ЛЕНИН В.И. Из материалов об империализме и мировой империалистической войне. — Большевик, 1934, №13-14 (ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т.28, с.670—688). Запрос о печатании таблицы «Опыт сводки главнейших данных всемирной истории после 1870 года (Энгельс и другие источники)» сделан второй раз. Первый раз Адоратский получил разрешение Сталина печатать этот материал в «Ленинском сборнике» до 26 января 1934 г. (РГАСПИ, ф.558, оп.1, д.3154, л.1).
3. В.В. Адоратский (1878—1945) возглавлял ИМЭЛ в 1931—1939 годах.
- 4-4. Машинописный текст подчеркнут Сталиным.

№2. Замечания Сталина на статье Энгельса¹

Между 28 июня и 19 июля 1934 года

Однако нужно знать не только слабые, но и сильные стороны противника. [(²) А внешняя политика — это безусловно та область, в которой царизм очень и очень силен. Русская ³дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь ее в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как, например, Поццоди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен; иностранкою была и его основательница, Екатерина II.]³

У старо-русского высшего дворянства было еще слишком много частных и семейных мирских интересов, оно не отличалось той безусловной надежностью, какая требовалась для службы в этом новом ордене. И так как дворянство нельзя было принудить к отказу от личной собственности и к безбрачию католических священников-иезуитов, то ограничились тем, что стали доверять ему сначала лишь второстепенные посты представителей, послов и т.д., постепенно образуя таким образом ³школу отечественных дипломатов. [(²) До сих пор только *один* чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене; его преемник фон Гирс опять уже носит иностранную фамилию.]³

Всемогуствен.
дипломатов-
авантюристов?
Что за чепуха...

⁴[(²) Это тайное общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победami, не падая духом при поражениях, шагая через миллиарды солдатских трупов и по меньшей мере через один царский

труп, — эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Черному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей⁴ страх, и открыла ей путь к мировому господству.[?] Но тем самым она укрепила царскую власть и внутри страны.⁵ В глазах вульгарно-патриотической публики слава побед, длинный ряд завоеваний, могущество и блеск царизма с избытком перевешивают все его грехи, весь деспотический произвол и все несправедливости; шовинистическое бахвальство с лихвою вознаграждает за все пинки. И это тем более, чем меньше известны в России действительные причины и подробности этих успехов, чем больше их заменяют официальной легендой, как это повсюду, например, во Франции и Пруссии, делают доброжелательные правительства для блага подданных и для поднятия их патриотизма. И поэтому всякий русский, если только он шовинист, рано или поздно падает на колени перед царизмом, как это мы видели на примере Тихомирова.

Но как могла подобная шайка авантюристов приобрести такое огромное влияние на ход европейской истории? Очень просто. Они вовсе не создали нечто новое из ничего, они только правильно использовали существующее положение вещей. Все успехи русской дипломатии имеют перед собой весьма осязаемую материальную основу.

⁶Представим себе Россию в середине прошлого столетия. Уже тогда — это огромная страна, заселенная племенем, исключительным по своей однородности⁷. [?] Население редкое, но быстро растущее, так что рост мощи страны обеспечен одним уж течением времени. Это население застенчело в умственном застое, лишено всякой инициативы, но в рамках своего унаследованного от предков быта может быть использовано решительно на что угодно; выносливое, храброе, покорное, привыкшее ко всем тяготам, оно представляло собой превосходнейший солдатский материал для войн того времени, когда сомкнутые массы решали исход боя⁸.⁹...

Сильная, почти неприступная в обороне, Россия была соответственно слаба в наступлении. Сбор, организация, вооружение и передвижение армий внутри страны наталкивались на серьезнейшие препятствия, и ко всем материальным затруднениям присоединялось еще безгранично взяточничество чиновников и офицеров. Все попытки сделать Россию способной к широкому наступательным действиям терпели до сих пор крушение. [?] И последняя, принятая сейчас попытка, введение всеобщей повинности, потерпит, вероятно, еще более явное крушение⁹.

Для нее могут быть приемлемы только такие войны, в которых союзники России несут главную тяжесть, подвергают свою территорию опустошительному действию военных операций и выставляют наибольшую массу бойцов, русские же войска выполняют роль резервов, которые в большинстве битв не принимают участия, но на долю которых во всех генеральных сражениях выпадает не связанная с большими жертвами честь решать окончательный исход дела; так это было в войне 1813—1815 гг. Но не всегда же

Слишком просто. Стиль легкого памфлетиста...

Однако нередко имела и денежные поступления.

Не только
русская.

Не всегда
шведы были
слабы.

бывает война в таких выгодных условиях, и русская дипломатия предпочитает поэтому использовать в своих целях противоречивые интересы и вождения других держав, натравливая их друг на друга и извлекая из их столкновений выгоды для русской завоевательной политики. Самостоятельные военные действия царизм ведет только против таких заведомо слабых^[?] противников, как шведы, турки или персы, зато тут уж ему ни с кем не приходится делить свою добычу.⁹

Польша пала, но ее сопротивление спасло французскую революцию, а вместе с французской революцией началось движение, против которого бессилён и царизм. Этой роли поляков мы, люди Запада, никогда не забудем. Впрочем, «Польша, как мы увидим, спасла европейскую революцию не один этот раз».⁹

Под русским владычеством находились не только финны, татары и монголы, но также и литовцы, шведы, поляки и немцы. — Чего же еще желать? Для всякой другой нации это было бы наивысшим достижением. Для царской дипломатии: — нацию не спрашивали — это было только фундаментом, на котором она теперь-то и начинала возводить свое здание.

Отшумела французская революция, сама себе породив своего владыку, своего Наполеона. Это, казалось, оправдывало высокую мудрость русской дипломатии, которая не испугалась гигантского народного восстания. Возвышение Наполеона открывало теперь перед нею возможность новых успехов: Германия была обречена разделить судьбу Польши. Но преемник Екатерины, Павел, был упрям, капризен, сумасброден: он ежеминутно расстраивал планы дипломатов; он становился невыносим, его надо было устранить. Среди гвардейских офицеров для этого легко было найти исполнителей; наследник престола, Александр, участвовал в заговоре и прикрывал его. Павел был задушен, и тотчас началась новая кампания во славу царя, который, благодаря самому способу его восшествия на престол, стал пожизненным рабом иезуитской шайки дипломатов.

Прежде чем удалось использовать все эти выгоды, разразилась июльская революция. Теперь русским агентам пришлось на некоторое время припрятать свои либеральные фразы; пришлось ограничиться только защитой «легитимности». Был уже подготовлен поход Священного союза против Франции, — как вдруг вспыхнуло польское восстание, на целый год связавшее руки России; так Польша ценною самопожертвованиям вторично спасла европейскую революцию.⁹

Наивно.

Это качество было присуще дипломатии Германии и Англии также как и России.

Этот «Portfolio» и до сих пор остается одним из главных и во всяком случае самым достоверным источником для истории тех интриг, посредством которых царизм стремится перессорить между собою западные национальности, чтобы в результате этих раздоров получить над ними господство.

Русская дипломатия не только без вреда, но и с прямой пользой для себя выдержала уже так много западноевропейских революций, что взрыв февральской революции 1848 г. она могла приветствовать как чрезвычайно благоприятное для нее событие. Если революция, перекинувшись в Вену, не только устранила главного противника

Почему?
Ведь это
неверно.

России, Меттерниха, но и разбудила от спячки австрийских славян, этих вероятных союзников царизма; если она проникла в Берлин и тем самым исцелила на все готового, но ни на что неспособного Фридриха-Вильгельма IV от его жажды независимости от России, — то можно ли было желать большего? Россия была обеспечена от всякой заразы, а Польша оккупирована так крепко, что не могла и шевельнуться. А как только революция распространилась и на Дунайские княжества, русская дипломатия получила то, чего хотела, — предлог для нового вторжения в Молдавию и Валахию, чтобы восстановить порядок и еще более укрепить там русское владычество.

Но этого мало. Австрия, «самая упорная, самая настойчивая противница России на границах Балканского полуострова», была приведена венгерскими и венскими восстаниями на край гибели.⁹

¹В английском тексте добавлено: «с тех пор как преданы гласности избиение на смерть г-жи Сигиды и прочие русские «зверства». Ред.⁹

Буржуазный
Парламент

Наивно...

Опыт, который правительство проделало с земствами и который принудил его вновь свести эти земства к нулю, служит ручательством того, что [(⁶русское Национальное собрание, которое захочет справиться хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям. ⁶)]

И 4): Борьбой
за колонии.
А куда девались
Англия,
ее противоречия
с Германией?

⁵[(¹ Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзаса и Лотарингии Германией, 2) стремлением царской России к Константинополю, 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах, — борьбой, термометром которой служит повсеместный подъем социалистического движения.)]⁵

⁶ [(¹Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзаса—Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, — к войне, какой еще не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый новизобретенный образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в одной армии, обгоняется новыми изобретениями, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы.)]

Наивно.

[(¹ Вся эта опасность мировой войны исчезнет [⁷] в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ⁶ ¹⁰ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность.)]¹⁰

В этот день Бисмарк потеряет всех своих союзников

Империа- лизм?

Момент
борьбы за
колонию
(сырье, ры-
нок) упущен.

против Франции, которых толкнула в его объятия русская угроза. Ни для Франции, ни для Италии не будет тогда ни малейшего интереса таскать для Бисмарка каштаны из огня европейской войны. Германская империя вернется к тому изолированному положению, когда, по словам Мольтке, все ее боялся и некто ее не любит, что является неизбежным результатом ее политики. И взаимное сближение борющейся за свою свободу России и республиканской Франции будет тогда настолько же естественным для положения обеих стран, насколько и безопасным для общего положения Европы, а тогда Бисмарк или его преемник трижды подумает, прежде чем решится затеять против Франции такую войну, в которой ни Россия против Австрии, ни Австрия против России не станут прикрывать его с фланга, а обе будут радоваться всякому постигнутому его поражению, так что весьма сомнительно, справится ли он даже с одними французами. Все симпатии были бы тогда на стороне Франции, и она на худший случай была бы гарантирована от дальнейших территориальных потерь. Поэтому, вместо того, чтобы держать курс на войну, Германская империя вскоре вероятно нашла бы свое изолированное положение настолько невыносимым, что стала бы искренно искать соглашения с Францией; тем самым страшная опасность войны была бы устранена, *Европа могла бы разоружиться*, и больше всех выиграла бы от этого сама Германия.

Не совсем...

Тогда сразу станет ясно, что главным препятствием к автономии и свободному объединению народов и осколков различных народов на пространстве между Карпатами и Эгейским морем был все тот же царизм, который под маской мнимого освобождения этих народов скрывал свои планы мирового господства.

Франция будет освобождена от вынужденного неестественного положения, в которое ее ставит союз с царем. Если царю противен союз с республикой, то революционному народу еще противнее союз с деспотом, с палачом Польши и России.⁶

Переоценка
«Нац.
Собрания»

Но если бы в России место могущественного царя заняло русское Национальное собрание, тогда союз новой освобожденной России с республиканской Францией был бы как нельзя более понятен и естественен, тогда он стал бы способствовать революционному движению во Франции, а не мешать ему, тогда он был бы выгоден и для борющегося за свое освобождение европейского пролетариата. Таким образом, и Франция тогда выиграла бы от падения царского всемогущества.

Вместе с тем исчезли бы все предлоги для бешеных вооружений, превращающих всю Европу в военный лагерь и заставляющих смотреть на войну чуть ли не как на избавление. Даже германский рейхстаг был бы тогда вскоре вынужден положить предел непрерывно возрастающим требованиям денег на военные цели.

Слишком
просто.

⁶И тем самым Запад получил бы возможность без всяких помех, без вмешательства со стороны, приняться за свою современную историческую задачу: разрешить конфликт между пролетариатом и буржуазией и превратить капиталистическое общество в социалистическое.⁶

⁵Но падение царского самодержавия в России и непосредственно ускорило бы этот процесс. [() В тот день,

Нет, не последняя

когда падет царская власть, эта последняя [?] твердыня общевропейской реакции, — в тот день совсем другой ветер подует в Европе.[)]

Переоценка «Нац. Собр».

Ведь реакционные правительства Европы отлично знают, что,⁵ несмотря на все их препирательства с царем из-за Константинополя и т.д., может наступить такой момент, когда они швырнут ему Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все, чего он только потребует, лишь бы он защитил их от революции. Поэтому в тот день, когда эта главная крепость реакции сама перейдет в руки революции, реакционные правительства Европы потеряют последние следы самоуверенности и спокойствия; они будут тогда предоставлены самим себе и скоро почувствуют, что это значит. Может быть, они решатся даже на то, чтобы послать свои войска для восстановления царской власти, — какая ирония мировой истории!

Так...

Таковы те пункты в силу которых Западная Европа вообще, а западноевропейская рабочая партия в особенности так глубоко заинтересованы в победе русской революционной партии и в падении царского абсолютизма.¹⁰ [(С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить ее: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы, — не подлежит никакому сомнению.)] Пусть же эта перемена произойдет вовремя, прежде чем свершится неизбежное.¹⁰

Наивно

Лондон, конец февраля 1890 года.

РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1074, л.60—109.

Автограф простым карандашом по машинописи.

1. Статья воспроизводится не полностью. Статью «О внешней политике русского царизма» Энгельс написал в декабре 1889 — феврале 1890 г., после чего подготовил английский вариант текста. Немецкий вариант был опубликован в журналах «Социал-демократ» (1890, кн.1 и 2, в переводе В.И. Засулич) и «Die Neue Zeit», а английский вариант — в 1890 г. в журнале «Time». В Сочинениях предложен иной вариант перевода. См.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. 2-е изд. Т.22. О написании Энгельсом статьи, переводе и первом издании см.: КУРБАТОВА И.Н. Начало распространения марксизма в России. М. 1983, с.55—58.

Очевидна разница замечаний Сталина на полях статьи Энгельса и в его письме членам политбюро и Адоратскому (док.3): смягчена общая характеристика: от «стиля легкого памфлетиста» до «боевого памфлета», от «наивно» до «переоценка».

2. Скобка позднее перечеркнута Сталиным несколько раз.
- 3-3. Первоначально абзац был отчеркнут одной линией, которая потом была перечеркнута. Затем текст был отчеркнут двумя линиями.
- 4-4. Отчеркивание на полях четырьмя линиями.
- 5-5. Отчеркивание на полях двумя линиями.
- 6-6. Отчеркивание на полях одной линией.
- 7-7. Волнистая линия была позднее перечеркнута Сталиным.
8. Вопросительный знак позднее перечеркнут Сталиным.
9. Часть текста далее не приводится.
- 10-10. Отчеркивание на полях тремя линиями.

№3. Сталин. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»

19 июля 1934 года¹

Членам Политбюро и товарищу Адоратскому.

Рассылая статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», считая нужным предпослать ей следующие замечания.

Товарищ Адоратский предлагает напечатать в ближайшем номере «Большевика», посвященном двадцатилетию мировой империалистической войны,

известную статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», впервые опубликованную за границей в 1890 году. Я считал бы вполне нормальным, если бы предлагали напечатать эту статью в сборнике сочинений Энгельса или в одном из исторических журналов. Но нам предлагают напечатать ее в нашем боевом журнале, в «Большевике», в номере, посвященном двадцатилетию мировой империалистической войны. Стало быть, считают, что статья эта может быть рассматриваема как руководящая или, во всяком случае, глубоко поучительная для наших партийных работников с точки зрения выяснения проблем империализма и империалистических войн. Но статья Энгельса, как видно из ее содержания, несмотря на ее достоинства, не обладает, к сожалению, этими качествами. Более того, она имеет ряд таких недостатков, которые, если она будет опубликована без критических замечаний, могут запутать читателя.²

Поэтому я считал бы нецелесообразным опубликование статьи Энгельса в ближайшем номере «Большевика».

Но что это за недостатки?

1. Характеризуя³ завоевательную политику русского царизма и воздавая должное мерзостям этой политики, Энгельс объясняет ее не столько «потребностью» военно-феодально-купеческой верхушки России в выходах к морям, морских портах, в расширении внешней торговли и овладении стратегическими пунктами, сколько тем, что во главе внешней политики России стояла якобы всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой везло почему-то везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к своей авантюристической цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством.

Такая трактовка вопроса в устах Энгельса может показаться более чем невероятной, но она, к сожалению, факт.

Вот соответствующие места из статьи Энгельса.

1) «Внешняя политика, — говорит Энгельс, — это безусловно та область, в которой царизм очень и очень силен. Русская дипломатия образует своего рода новый иезуитский орден, достаточно мощный, чтобы превозмочь в случае надобности даже царские прихоти и, широко распространяя коррупцию вокруг себя, пресечь ее в своей собственной среде. Вначале этот орден вербовался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как, например, Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен. Иностранкою была и его основательница, Екатерина II».

2) «До сих пор только *один* чистокровный русский, Горчаков, занимал высший пост в этом ордене. Его преемник фон-Гирс опять уже носит иностранную фамилию».

3) «Это тайное общество, вербовавшееся первоначально из иностранных авантюристов, и подняло русское государство до его нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед вероломством, ни перед предательством, ни перед убийством из-за угла, ни перед низкопоклонством, не скупясь на подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, сделала больше, чем все русские армии, для того, чтобы расширить границы России от Днепра и Двины за Вислу, к Пруту, Дунаю, к Черному морю, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Это она сделала Россию великой, могущественной, внушающей страх, и открыла ей путь к мировому господству». (См. вышеупомянутую статью Энгельса).

Можно подумать, что в истории России, в ее внешней истории, дипломатия составляла все, а цари, феодалы, купцы и другие социальные группы — ничего, или почти ничего.

Можно подумать, что если бы во главе внешней политики России сто-

яли не иностранные авантюристы, вроде Нессельроде или Гирса, а русские авантюристы, вроде Горчакова и других, то внешняя политика России пошла бы другим путем.

Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща — не в меньшей, если не в большей степени — королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной формации, как Наполеон, который, несмотря на свое нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги.

Понятно, что иначе и не могло быть.

Видимо, в своем памфлете против русского царизма (статья Энгельса — хороший боевой памфлет) Энгельс несколько увлекся и, увлекшись, забыл на минуту о некоторых элементарных, хорошо ему известных, вещах.

2. Характеризуя положение в Европе и вскрывая причины и перспективы надвигающейся мировой войны, Энгельс пишет:

1) «Современное положение Европы определяется тремя фактами: 1) аннексией Эльзаса и Лотарингии Германией, 2) стремлением царской России к Константинополю, 3) борьбой между пролетариатом и буржуазией, все жарче разгорающейся во всех странах, — борьбой, термометром которой служит повсеместный подъем социалистического движения».

2) «Двумя первыми фактами обуславливается современное разделение Европы на два больших военных лагеря. Аннексия Эльзаса—Лотарингии превратила Францию в союзницу России против Германии, царская угроза Константинополю превращает Австрию и даже Италию в союзницу Германии. Оба лагеря готовятся к решительному бою, — к войне, какой еще не видывал мир, к войне, в которой будут стоять друг против друга от десяти до пятнадцати миллионов вооруженных бойцов. Только два обстоятельства препятствовали до сих пор взрыву этой ужасной войны: во-первых, неслыханно быстрое развитие военной техники, при котором каждый новоизобретенный образец оружия, прежде чем его успеют ввести хотя бы только в *одной* армии, обгоняется новыми изобретениями, и, во-вторых, абсолютная невозможность рассчитать шансы, полная неизвестность, кто же в конце концов выйдет победителем из этой гигантской борьбы».

3) «Вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей и вместо фантазий о мировом господстве заняться своими собственными жизненными интересами внутри страны, интересами, которым угрожает крайняя опасность».

4) «...Русское Национальное собрание, которое захочет справиться хотя бы с самыми неотложными внутренними задачами, должно будет решительно положить конец всяким стремлениям к новым завоеваниям».

5) «С возрастающей быстротой, как по наклонной плоскости, катится Европа в пропасть мировой войны неслыханного размаха и силы. Одно только может остановить ее: перемена строя в России. Что это должно произойти в ближайшие годы — не подлежит никакому сомнению».

6) «...В тот день, когда падает царская власть, эта последняя твердыня общеевропейской реакции, — в этот день совсем другой ветер подует в Европе». (См. там же).

Нельзя не заметить, что в этой характеристике положения Европы и перечне причин, ведущих к мировой войне, упущен один важный момент, сыгравший потом решающую роль, а именно — момент *империалистической* борьбы за колонии, за рынки сбыта, за источники сырья, имевший уже тогда серьезнейшее значение, упущены роль Англии как фактора грядущей мировой войны, момент противоречий между Германией и Англией, противоречий, имевших уже тогда серьезное значение и сыгравших

потом почти определяющую роль в деле возникновения и развития мировой войны.

Я думаю, что это упущение составляет главный недостаток статьи Энгельса.

Из этого недостатка вытекают остальные недостатки, из коих не мешало бы отметить следующее:

а) *Переоценку* роли стремления России к Константинополю в деле назревания мировой войны. Правда, первоначально Энгельс ставит на первое место как фактор войны аннексию Эльзас—Лотарингии Германией, но потом он отодвигает этот момент на задний план и выдвигает на первый план завоевательные стремления русского царизма, утверждая, что «вся эта опасность мировой войны исчезнет в тот день, когда дела в России примут такой оборот, что русский народ сможет поставить крест над традиционной завоевательной политикой своих царей».

Это, конечно, преувеличение.

б) *Переоценку* роли буржуазной революции в России, роли «русского Национального собрания» (буржуазный парламент) в деле предотвращения надвигающейся мировой войны. Энгельс утверждает, что падение русского царизма является единственным средством предотвращения мировой войны. Это — явное преувеличение⁶. Новый, буржуазный строй в России с его «Национальным собранием» не мог бы предотвратить войну хотя бы потому, что главные пружины войны лежали в плоскости империалистической борьбы между основными⁷ империалистическими державами. Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать, а к моменту перед мировой империалистической войной царская Россия играла в сущности роль вспомогательного резерва для главных держав Европы⁸.

в) *Переоценку* роли царской власти как «последней твердыни общеевропейской реакции» (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться.

Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только «историческую ценность». Они имеют или должны были иметь еще важнейшее практическое значение. В самом деле: *если* империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду как фактор надвигающейся мировой войны, *если* империалистические⁹ противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, *если* аннексия Эльзас—Лотарингии Германией как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю как более важным и даже⁹ определяющим фактором войны, *если*, наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской¹⁰, не антинародной войной, а войной освободительной или почти освободительной?

Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства» и т.п.

Характерно, что в своих письмах на имя Бебеля, писанных в 1891 году (через год после опубликования статьи Энгельса), где трактуется о перспективах надвигающейся войны, Энгельс прямо говорит, что «победа Германии есть, стало быть, победа революции», что «если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были!»¹¹.

Понятно, что при таком ходе мыслей не остается места для революционного пораженчества, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую.

Так обстоит дело с недостатками статьи Энгельса. Видимо, Энгельс, встревоженный налаживавшимся тогда (1890—1891 годы) франко-русским союзом, направленным своим острием против австро-германской коалиции, задался целью взять в атаку в своей статье внешнюю политику русского царизма¹² и лишить ее всякого доверия в глазах общественного мнения Европы и прежде всего Англии¹², но, осуществляя эту цель, он упустил из виду ряд других важнейших и даже определяющих моментов,¹³ результатом чего явилась односторонность¹⁴ статьи.

Стоит ли после всего сказанного печатать статью Энгельса в нашем боевом органе, в «Большевике», как статью руководящую или, во всяком случае, глубоко поучительную, ибо ясно, что напечатать ее в «Большевике» — значит дать ей молчаливо такую именно рекомендацию?

Я думаю, не стоит.

19 июля 1934 года И. Сталин

ГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1074, л.30—45.

Публ.: Большевик, 1941, №9 (май) (чистовой вариант);

СТАЛИН И.В. Сочинения. Том 1 [XIV] 1934—1940.

Ed. by R.H. McNeal. Stanford. 1967, p.2—10.

1. 19 июля 1934 г. Сталин не принимал никого в своем кабинете, значит, обращение к членам политбюро и Адоратскому написано им в этот день. Рассылочный лист датирован 19 июля 1934 г. и содержит сопроводительную запись рукой Сталина: «По поручению т.Сталина рассылается статья Энгельса “Внешняя политика русского царизма” и замечания т. Сталина» (ф.558, оп.11, д.1074, л.28. Подлинник. Линованная бумага. Запись Сталина простым карандашом) и пометки секретаря: «Разослан 19.VII.34. №П733. Чл. и канд. ПБ т.Жданову, т.Адоратскому». На л.29 штамп: «Размножено 19.VII.34. 30 экз. Разослан 19.VII.34 г.»
2. Далес зачеркнут абзац: «Что это за недостатки».
3. Далее зачеркнуто: «захватническую».
4. Приводимые далее Сталиным цитаты из статьи Энгельса напечатаны на машинке, каждая на отдельном листе (л.33—35); рукой Сталина вписаны обозначения абзацев и их нумерация, а также некоторые исправления.
5. Как и выше, следующие далее цитаты напечатаны на отдельных листах (л.39—44); рукой Сталина вписаны обозначения абзацев и их нумерация.
6. Далее зачеркнуто: «Война все равно началась бы, если бы».
7. Вместо: «главными».
8. Ср. почти дословное повторение в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по “Истории СССР”»: «В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для зап.-европейских империалистических держав...» (СТАЛИН И.В. Соч. Т. 14, с.39).
9. Вписано над строкой.
10. Из: «грабительский».
11. Цитаты из двух писем Энгельса от 29 сентября 1891 г. («Победа Германии будет, следовательно, победой революции») и от 26 октября 1891г. (МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т.38, с.139, 162).
- 12-12. Вписано над строкой.
13. Далее зачеркнуто: «что привело и не могло не привести к односторонности».
14. Далее зачеркнуто: «его».

№4. Политбюро ЦК ВКП(б). Протокольное постановление (опросом)

22 июля 1934 года

Политбюро (XVII созыв) ЦК ВКП(б). 05.08.1934. Пр.№11.

Присутствовали:

Члены Политбюро: Ворошилов, Каганович, Калинин, Молотов, Орджоникидзе.

Кандидаты в члены ПБ: Микоян, Рудзутак, Чубарь.

¹п.80/62.¹ О статье Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

Признать нецелесообразным печатание статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма» в «Большевике»².

ГАСПИ, ф.17, оп.163, д.1033, л.19. Подлинник. Автограф Сталина.

Пометки: против списка проголосовавших «т.Ста[лин], Вор[ошилов], Чуб[арь],

Мол[отов]» запись: «гол[осовал] А.П[оскребышев]» (л.19);
«Вып[иски] разосланы Адоратскому Большевик предред.
(последнее слово читается нечетко. — М.З.). 80 411/62-опр. 22.VII.34.»;
«Дело: 7, 20. Зап. т.Сталина и Адоратского».

1-1. Пометка сделана делопроизводителем.

2. Текст постановления дословно совпадает с проектом его, написанным Сталиным.

№5. Зиновьев. Послесловие «От редакции» к публикации письма Энгельса И.Надежде.

Между 31 июля и 5 августа 1934 года

От редакции¹.

Письмо Энгельса к И.Надежде² имеет громадный интерес. Оно представляет собой как бы *сводку взглядов* Маркса и Энгельса по вопросу о *международном значении и роли царской России*. Энгельс пишет это письмо спустя 5 лет после смерти Маркса. И взгляды, проводимые на этот счет в письме к И.Надежде, в основе³ совпадают с тем, что проповедовали по этому поводу Маркс и Энгельс в течение всей их научной и политической деятельности, начиная по крайней мере с 1848 г. Меринг справедливо утверждал, что идея революционной войны против царской России была для руководимой Марксом «Новой рейнской газеты» «осью всей внешней политики». В царской России Маркс видел прежде всего руководящую державу Священного союза, главный источник сил германской реакции, международного жандарма, резерв мировой контрреволюции. В течение почти целого полувека эту оценку международной контрреволюционной роли царской России отстаивал и Энгельс.

Возьмите формулировки Энгельса в письме к И. Надежде:

«Царская⁴ Россия представляет собой ядро Священного союза».

«Царская Россия является главным резервом европейской реакции».

«Царская Россия — руководитель союза трех убийц Польши».

«Русский царь — арбитр всей Европы».

«Русский царизм — кошмар, тяготеющий над всей Европой».

Все эти формулы на разные лады дают один и тот же подход к вышеназванной⁵ проблеме⁶. Эти формулы — *сводка* взглядов Маркса и Энгельса по вопросу о контрреволюционной роли русского царизма на мировой арене.

Ненависть к русскому царизму, этому международному жандарму и палачу народов, Маркс и Энгельс проповедовали неустанно в течение ряда десятилетий. Эту ненависть они завещали рабочим всех стран. И вот, когда в 1914 г. вспыхнула мировая империалистская бойня, с.-д. вожди германо-австрийской коалиции пытались сыграть на традиционной ненависти международного пролетариата к русскому царизму и по заказу «своих» империалистов изображали империалистскую войну Вильгельма Кровавого как «революционную» войну «против царизма». Эти негодяи имели наглость при этом ссылаться на заветы Маркса и Энгельса. Публикуемое письмо Энгельса к И.Надежде лишний раз разоблачает подлую подделку социал-шовинистов. Обсуждая перспективу возможной войны внутри лагеря Священного союза и допуская, что царская Россия объявит войну Пруссии и Австрии, Энгельс заявляет:

«В подобной войне нельзя было бы сочувствовать ни одному из сражающихся, — наоборот, *можно было бы только пожелать, чтобы все они были разбиты*, — если это только возможно».

Эта постановка вопроса есть нечто прямо противоположное социал-патриотической позиции австро-германских с.-д. вождей в 1914—1917 гг. Эта постановка вопроса бьет социал-шовинистов прямо в лицо. Энгельс стоит, как видит читатель, целиком на «пораженческой» позиции. Самым желательным он считает поражение всех трех партнеров предполагаемой войны, в том числе и «своего» буржуазного отечества. Когда аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 г., даже некоторые «интернационалисты» пытались высмеивать подобное — как они «остроумно» выражались — «панпо-

раженчество». «Ведь это бессмыслица!»⁸ Не могут же все воюющие державы потерпеть поражение — кто-нибудь должен же победить. И «мы» должны «взять сторону одного из партнеров», — говорили эти господа.

Письмо Энгельса к И.Надежде доказывает, что «пораженцем» был и Энгельс.

В течение почти целого полувека Маркс и Энгельс пропагандировали и призывали революцию в России.

⁹О возможности крестьянской революции в России Энгельс говорил уже в письме к Марксу от 23 мая 1851 г. «В России началась революция», — писал Маркс Энгельсу 8 октября 1858 г. по поводу созыва «нотаблей» в Петербурге. 11 января 1860 г. Маркс в письме к Энгельсу с восторгом отмечает, с одной стороны, движение американских рабов, с другой — движение крепостных в России: «Открылось социальное движение на Западе и на Востоке. Это будет грандиозно вместе с предстоящим крушением в Центральной Европе». 12 февраля 1870 г. Маркс пишет Энгельсу (по поводу книги Флоровского «Положение рабочего класса в России»), что России предстоит «грозная социальная революция».

«Революция на этот раз начнется на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции...», — пишет Маркс в письме к Зорге от 27 сентября 1877 г.

В полемике с Ткачевым Энгельс говорит: «Нет сомнения, что Россия накануне революции. Она одним ударом уничтожит последний резерв всевропейской реакции».

В письме к Беккеру в 1877 г. Энгельс пишет: «Безрезультатная война или новая неудача наверно вызовет в Петербурге революцию¹⁰¹¹».

Во время русско-турецкой войны Маркс писал Вильгельму Либкнехту, что военное поражение царизма «очень ускорило бы социальный переворот в России, элементы которого налицо в огромном количестве, и тем самым ускорило бы и резкий перелом во всей Европе» (Архив М.—Э. Т. VI, стр. 381).

Герман Лопатин, состоявший в личной связи с Энгельсом, писал нарроднице Ошаниной, что Энгельс считал Россию Францией нового века. «Ей (России) законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства» («Летописи марксизма» № 7, 8 за 1929 г.).

В обращении Маркса и Энгельса к лондонскому митингу в связи с убийством 1 марта 1881 г. Александра II говорилось о том, что русское революционное движение «в конце концов должно неизбежно привести к созданию *Российской коммуны*». *Российской коммуны* — так прямо и сказано.

В одном из последних писем Энгельса к Марксу, незадолго до смерти последнего, Энгельс пишет: «Прошло доброе, старое время, и Россия не стоит больше за русской дипломатией, а противостоит ей»¹².

«Что может избавить от закона против социалистов?» — спрашивает Бебель в письме к Энгельсу. «Конечно, взрыв в России», — отвечает Энгельс.

«Странно, что все не могут привыкнуть к тому, что толчок должен придти отсюда, а ведь я не раз объяснял это Бебелю», — замечает он в письме к Марксу от 30 ноября 1882 г.¹³

В таком же духе продолжалась переписка между Марксом и Энгельсом в течение десятилетий.

С величайшим вниманием Маркс и Энгельс следят за развитием освободительной борьбы в царской России, возлагая громадные надежды на русскую революцию^{14, 9}.

Тот же ход идей мы видим в письме Энгельса к И.Надежде, писанном уже к самому концу 80-х годов:

«Революция в России в данный момент спасла бы Европу от бедствий всеобщей войны и явилась бы началом всемирной социальной революции».

Русские меньшевики и их «международные» собратья даже в «лучшие» времена руководились следующими тремя «принципами»: ¹⁵¹⁾ Сверхение

буржуазии ни в коем случае не может произойти в такой экономически отсталой стране, как Россия. 2) Буржуазная революция в России должна привести к власти буржуазию: максимум — буржуазная республика! 3) Между такой буржуазной революцией и будущей социалистической революцией обязательно должна лежать долгая историческая эпоха во много десятилетий.¹⁵

Эти взгляды ничего общего не имеют со взглядами Маркса и Энгельса.

¹⁶Еще в «Классовой борьбе во Франции» Маркс писал: «Естественно, что насильственные вспышки происходят раньше в конечностях буржуазного организма чем в его сердце, так как здесь урегулирование скорее возможно, чем там». Еще в 1853 г. в статье «Британское владычество в Индии» Маркс говорил:

«Совершая социальную революцию в Индостане, Англия, конечно, руководствовалась исключительно низменными интересами и действовала грубо, желая добиться своего. Но дело не в этом. Весь вопрос в следующем: может ли человечество выполнить свое назначение без коренной социальной революции в Азии? Если оно это сделать не может, то Англия, каковы бы ни были ее преступления, была лишь невольным орудием истории при совершении этой революции».

Еще в начале 60-х годов Маркс писал по поводу восстания тайпингов:

«Можно смело предсказать, что китайская революция бросит искру в пороховой погреб современной промышленной системы и вызовет взрыв давно подготовлявшегося кризиса, за которым, когда он распространится за границу, непосредственно последует политическая революция на континенте». В середине XIX в. Маркс допускал, что пролетарская революция может начаться во Франции. А Франция не была тогда передовой промышленной страной.

Мы видим, таким образом, что Маркс и Энгельс ставили вопрос о пролетарской революции, как и все остальные вопросы, глубоко диалектически. Они допускали, что первый толчок может придти ¹⁷и из Франции, и из России, и из Индии, и из Китая¹⁷. И, конечно, они готовы были «принять» революцию, откуда бы она ни пришла.¹⁶

Только большевики, только Ленин и Сталин целиком восприняли подлинное учение Маркса и Энгельса, продолжили и развили его в обстановке империалистического периода капитализма. В известных записках Ленина о книге Суханова контрреволюционная сущность с.-д. взглядов на этот счет разоблачена до конца. Публикуемое письмо Энгельса дает в руки мирового коммунизма еще один аргумент против «международного» меньшевизма.

Превосходны в публикуемом письме замечания Энгельса по национальному вопросу. Распад Австрии и восстановление Польши целиком предсказаны Энгельсом¹⁸. О миссии «благородной великорусской нации» Энгельс говорит в том же смысле и отчасти в тех же выражениях, как Ленин в его известной статье «О национальной гордости великороссов». Когда мы читаем у Энгельса о будущей роли революционной России как «цивилизатора Азии», нельзя не гордиться тем, что и это великое предсказание учителя ныне оправдалось. ¹⁹Вся политика СССР и в частности вся его ленинская национальная политика²⁰ разве не являются — кроме всего прочего — осуществлением «миссии цивилизатора Азии» в самом лучшем, т.е. пролетарском, значении этого слова?

Каждый новый публикуемый документ Маркса и Энгельса, каждое новое, до сих пор неизвестное письмо их всегда и неизменно доказывает еще и еще раз, что только большевизм, только ленинизм есть подлинный революционный марксизм нашей эпохи. В этом — величайшая гордость нашей партии мирового коммунизма.²¹

РГАСПИ, ф.324, оп.1, д.477, л.1—4, 5, 9. Автографы; л.6—8, 10—13.

Машинопись с правкой карандашом. Публ.: Большевик, 1934, №13-14, с.87—90 (чистовой вариант).

1. Первоначально в редакции журнала «Большевик» готовилась иная статья «От редакции». Видимо, она принадлежит Кнорину, так как машинопись статьи содержит его правку, а также отчеркивания Зиновьева. В конце машинописного варианта этой статьи есть дата «11/VII-34 г.», причем сначала машинистка напечатала 20/VII, но цифра 20 перебита на 11 (РГАСПИ, ф.324, оп.1, д.477, л.21). В этой статье говорилось о поводах к написанию письма Энгельса румынскому социал-демократу, о развитии румынского рабочего движения, о мировом социалистическом движении и его успехах в идеологии и организации. Зиновьев подчеркнул в статье Кнорина размышления о неизбежности социальной революции в России, указание на оборочество германских социал-демократов в 1914 г., о свержении царизма в России — революционным путем, который Энгельс «мыслил, исходя из современного ему экономического развития, не как победу социализма в одной стране, а как мировой пожар» (там же, л.19). В машинописи зачеркнута следующая фраза: «Маршрут мировой революции в эпоху империализма оказался несколько иным» (л.20). Далее в статье Зиновьев отметил на полях замечания об истинном отношении Энгельса к русским — он называл их «благородной нацией» и считал Россию цивилизатором Азии. Эти заметки Зиновьев развил в своей статье «От редакции».

Датировка появления зинovieвской статьи условна. На обложке журнала стоит дата «31 июля 1934 г.». Выпускные данные в конце номера — «Материал сдан в набор 20/VII 1934 г. Подписан к печати 25/VII 1934 г.» На редакционном варианте статьи, который был отправлен в типографию, стоит помета «23/VII» (там же, л.22). Есть и другие пометы: «В гранках надо отправить дирекции ИМЭЛ» (надпись зачеркнута волнистой линией) и «Сроч. В набор. К[норин]». Слово «сроч.» подчеркнуто, а «В набор» зачеркнуто. На гранках есть дата и резолюции «Печатать», «По исправки 25/VII 34 г. Кн[орин]» (там же, л.36). Дата «25» читается нечетко, она может читаться и как «28». Таким образом, редакционная статья была отправлена в типографию еще до получения выписки из протокола политбюро с постановлением по поводу статьи Энгельса (что произошло, по-видимому, как раз 25—26 июля 1934 г.).

2. *Надежде (Nadejde) Ион* (1854—1928) — румынский публицист, социал-демократ, переводчик работ Энгельса на румынский язык, в 1899 г. примкнул к национал-либеральной партии и выступал против рабочего движения.
3. Далее зачеркнуто: «те же, которые таковы же какими мы знаем их».
4. Над строкой.
5. Над строкой.
6. Далее зачеркнуто: «межд. роли рус. царизма».
7. Далее зачеркнуто: «конечно не имеет ничего общего с».
8. Далее зачеркнуто: «говорили с.-д. обыватели».
- 9-9. Этот текст существует только в окончательной редакции статьи в машинописи
10. В машинописи далее зачеркнуто: «Пусть дворцовую или конституционную, но это 1789 г., перед 1793. Дай-ка только в Петербурге собраться Национальному собранию — и вся Европа примет другую физиономию». Знак сноски после этой фразы перенесен карандашом к слову «революция».
11. Энгельс «Забутые письма», стр.21. (*Прим. авт.*)
12. Переписка Маркса с Энгельсом. Письмо от 12 сентября 1882 г. Нем. изд. Т.IV, стр.476. (*Прим. авт.*)
13. Там же, стр. 492. (*Прим. авт.*)
14. Далее в машинописи зачеркнуто: «которая казалась им очень близкой».
- 15-15. Этот текст существует только в окончательной редакции статьи в машинописи.
- 16-16. Этот текст существует только в окончательной редакции статьи в машинописи.
- 17-17. В машинописи первоначально порядок слов был следующий: «и из Индии, и из Китая, и из Франции, и из России». Слова: «и из Индии, и из Китая» обведены карандашом и переставлены в конец предложения.
18. Далее в рукописи (л.3) шла фраза, которая зачеркнута карандашом в машинописи (л.13): «так же как и то, что <украинцы> «Малороссия» (Украина) после того как царизм будет раздавлен <смогут> сможет свободно определить свою политическую позицию». (Зачеркнутые в рукописи слова даны в угловых скобках).
19. Далее зачеркнуто: «Национальная».
20. Далее зачеркнуто: «политика Ленина и Сталина».
21. Далее в рукописи с новой строки подпись: «Г.З.»

5 августа 1934 года

Т.Каганович!

Посылаю Вам мои замечания насчет поведения редакции «Большевика» в связи с ее комментариями («От редакции») к письму Энгельса на имя Иоан Надежде.

Я думаю, что комментарии редакции «Большевика» не случайность. Мне кажется, что это дело рук т.Зиновьева. Если редакция будет ссылаться на то, что она не получала одобренных ЦК моих предыдущих замечаний насчет статьи Энгельса «О внешней политике царизма», то это будет формальная отписка, ибо она их несомненно знала через т.Адоратского.

Я думаю, что дело это серьезное. Не можем оставлять «Большевик» в руках таких олухов, которых т.Зиновьев всегда может окопачить¹. Надо выяснить виновников и удалить их из редакции.

Лучше всего будет убрать т.Зиновьева.

Привет!

Р.С. Приложенное мое письмо разошлите членам ПБ и другим.

И.Сталин.

5/VIII-34.

РР.СС. Следовало бы показать Кнорину и Стецкому² мои замечания о статье Энгельса, хотя они и знакомы с ними³.

И.Ст.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М. 2001, с.419.

1. Постановлением политбюро от 21 апреля 1934 г. (принятым голосованием) было утверждено постановление Оргбюро ЦК от 20 апреля об изменении состава редакции. В предыдущий состав входили: К.Я. Бауман, Н.И. Бухарин, А.Криницкий, В.М. Молотов, Н.Н. Попов, П.Н. Поспелов, К.Розенталь, А.И. Стецкий, Б.М. Таль, Ем. Ярославский. В обновленную редакцию вошли В.Г. Кнорин (ответственный редактор), Стецкий, Зиновьев, Поспелов. Это изменение было отмечено уже в №7 «Большевика», вышедшем, как написано на обложке, «15 апреля» (подписан к печати 25 апреля 1934 г.). После письма Сталина постановлением политбюро от 16 августа редакция «Большевика» была снова изменена. Номер 15-й, датированный на обложке «15 августа» (сдан в набор 23 августа), вышел под редакцией Стецкого (редактор), Кнорина, Поспелова и Таля. В 1941 г. в редакцию входили: Г.Ф. Александров, Н.А. Вознесенский, Л.Ф. Ильичев, М.Б. Митин, П.Н. Поспелов, А.С. Щербаков, П.Ф. Юдин.
2. Кнорин (Кнориньш) В.Г. (1890—1938) — с 1927 г. член ЦК ВКП(б), в 1928—1935 гг. — в Исполкоме Коминтерна, с 1931 г. — ответственный редактор журнала «Пролетарская революция», с 1932 г. — директор историко-партийного института красной профессуры, в 1932—1934 гг. член бюро редколлегии газеты «Правда», с апреля по август 1934 г. — ответственный редактор журнала «Большевик», с 1935 г. — зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); Стецкий А.И. (1896—1938) — с 1930 г. зав. Отдела по агитации, пропаганды и печати ЦК ВКП(б) (с 1932 г. — Отдела культуры и пропаганды, 1934 г. — Отдела культуры и пропаганды ленинизма), с февраля 1934 — член Оргбюро ЦК, с августа 1934 г. — главный редактор журнала «Большевик».
3. Замечания Сталина на статью Энгельса были адресованы членам политбюро и Адоратскому, но размножены в 30 экземплярах и разосланы 19 июля 1934 года. Список рассылки не найден. Членов политбюро (и кандидатов в члены политбюро) было 15 человек, значит, сталинская работа рассылалась всем, кто имел право присутствовать на заседаниях политбюро: руководителям отделов, членам Оргбюро ЦК, редакторам центральных органов ЦК. Стецкий мог получить письмо Сталина как член Оргбюро ЦК, Кнорин получил сталинский текст, видимо, как редактор «Большевика».

№7. Сталин — членам политбюро, Адоратскому, Кнорину, Стецкому, Зиновьеву, Поспелову¹.

5 августа 1934 года

В номере 13-14-ом «Большевика» напечатана заметка «От редакции» (страницы 86—90), где комментируется письмо Ф.Энгельса к Иоан Надежде от января 1888 года и где взгляды Энгельса о грядущей войне явным образом сфальсифицированы.

Неправильно и фокуснически используя письмо Энгельса к румыну Иоан Надежде (1888 год), редакция «Большевика» утверждает в своей заметке, что:

а) Энгельс «стоит целиком на пораженческой позиции», на позиции поражения «и своего буржуазного отечества»;

б) «Аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 года»;

в) Ленин, стало быть, не дал ничего существенно нового в деле определения характера войны и политики марксистов в связи с войной².

Таким образом:

1. Редакция «Большевика» скрыла от читателей, что Энгельс не понимал империалистического характера грядущей войны, что явствует как из письма Энгельса к Иоан Надежде (1888 г.), так и из его статьи «Внешняя политика русского царизма» (1890 год), равно как из его известных писем к Бебелю (1891 г.). Достаточно сравнить с этими произведениями Энгельса печатаемые в том же номере «Большевика» таблицы Ленина «Опыт сводки главных данных всемирной истории после 1870 года», где Ленин отмечает империалистическую борьбу держав (в том числе и Германии) за колонии и сферы влияния еще в начале 80-тых годов прошлого столетия, как причину войны, чтобы понять всю разницу взглядов Ленина и Энгельса на характер войны.

2. Редакция «Большевика» скрыла от читателей, что Энгельс, спустя 2-3 года после письма к Иоан Надежде, когда стал складываться франко-русский союз в противовес союзу Германии, Австрии и Италии, — изменил свое отношение к войне и стал высказываться уже не за поражение, а за победу Германии (см. особенно письма Энгельса к Бебелю от 1891 года), причем подобная установка осталась у Энгельса, как известно, до конца жизни.

3. Редакция «Большевика» скрыла от читателей, что между пассивным пораженчеством Энгельса («пожелать, чтобы все они были разбиты»), от которого он, как сказано, отказался потом в пользу оборончества, и активным пораженчеством Ленина («превращение империалистической войны в войну гражданскую») — никак нельзя провести знак равенства.

4. Редакция «Большевика» скрыла от читателей тот несомненный факт, что Ленин и только Ленин дал принципиально новую и единственно правильную установку, как в вопросе о характере войны, так и в вопросе о политике марксистов в связи с войной.

Так обстоит дело с фокусами редакции «Большевика».

Что Энгельс был и остается нашим учителем, в этом могут сомневаться только идиоты. Но из этого вовсе не следует, что мы должны замазывать ошибки Энгельса, что мы должны скрывать их и — тем более — выдавать их за непререкаемые истины. Такая политика была бы политикой вранья и обмана. Ничто так не противно духу марксизма и заветам Маркса—Энгельса, как подобная, недостойная марксистов, политика. Маркс и Энгельс сами говорили, что марксизм есть не догма, а руководство к действию. Этим и объясняется, что Маркс и Энгельс сами неоднократно изменяли и дополняли те или иные положения своих произведений. Значит, Маркс и Энгельс считали основными в своем учении не букву, не отдельные положения, а дух этого учения, его метод. Иначе и не может быть, так как при другой установке дальнейшее развитие марксизма было бы немыслимо, ибо марксизм превратился бы в мумию. Иначе и не может быть, ибо в противном случае Ленин и не был бы тем человеком, который не только восстановил марксизм, но и развил его дальше. А если Ленин развил дальше марксизм, то не ясно ли, что мы не должны бояться записать в актив Ленина то новое о войне, что принадлежит ему по праву и что дано им, как новое, в интересах дальнейшего развития марксизма?

Не может быть сомнения, что только неуважение к марксизму и его основоположникам могло продиктовать редакции «Большевика» политику замазывания и припрятывания фактов, политику умаления роли Ленина в деле выработки новой установки марксизма в вопросах о характере войны и политике марксистов в связи с войной.

Я думаю, что в своей заметке редакция «Большевика» молчаливо исхо-

дит из одной троцкистско-меньшевистской установки, в силу которой Энгельс сказал будто бы все, что нужно было сказать, о войне, ее характере и политике марксистов в связи с войной, что марксистам остается только восстановить сказанное Энгельсом и применить его к практике, что Ленин будто бы так именно и поступил, заявив «аналогичную позицию в войне 1914 года», что, кто не согласен с этим, тот ревизует марксизм, тот не настоящий марксист.

Как известно, из такой же установки исходили троцкистско-меньшевистские господа, когда они отрицали возможность победы социализма в одной стране, ссылаясь на то, что Энгельс в «Принципах коммунизма» (1846 г.) отрицает такую возможность, что Энгельс-де уже сказал все, что нужно было сказать, и кто продолжает настаивать на возможности победы социализма в одной стране, тот ревизует марксизм.

Едва ли необходимо доказывать, что подобная установка является насквозь гнилой и антимарксистской, ибо она обрекает марксизм, его метод на застой, на прозябание, отдавая его в жертву букве.

Я думаю, что в этой неправильной установке — корень ошибки редакции «Большевика».

Мне кажется, что журнал «Большевик» попадает (или уже попал) в надежные руки. Уже тот факт, что редакция пыталась поместить в «Большевик» статью Энгельса «О внешней политике русского царизма», как статью руководящую, — уже этот факт говорит не в пользу редакции. ЦК ВКП(б), как известно, своевременно вмешался в дело и прекратил подобную попытку. Но это обстоятельство, очевидно, не пошло редакции впрок. Даже наоборот: редакция, как бы в пику указаниям ЦК, поместила уже после предупреждения ЦК такую заметку, которая не может быть квалифицирована иначе, как попытка ввести читателей в заблуждение насчет действительной позиции ЦК. А ведь «Большевик» является органом ЦК.

Я думаю, что пришла пора положить конец такому положению.

И. Сталин.

5. VIII. 34 г.

Сталин и Каганович. Переписка, с.716—717.

8 августа письмо Сталина было разослано членам и кандидатам в члены политбюро, Жданову и указанным адресатам как «строго секретный» материал к заседанию политбюро, подлежащий возврату (ф.558, оп.11, д.1074, л.110—113).

1. Поспелов П.Н. (1898—1979) — в 1930—1934 гг. — член ЦК ВКП(б), с конца 1931 г. — ответственный секретарь журнала «Пролетарская революция», член редколлегии журнала «Большевик», в 1931—1934 гг. — член редколлегии и зав. отделом партийной жизни газеты «Правда», в 1934—1939 гг. — руководитель группы КПК при ЦК ВКП(б). В 1940—1949 гг. — главный редактор газеты «Правда».
2. Имеются ввиду ленинские определения двух типов войн — несправедливых (империалистических) и справедливых, которые были даны в брошюре «Социализм и война» (См.: ЛЕНИН В.И. Полн. собр. соч. Т.26, с.307—350). Эта работа была написана Лениным вместе с Зиновьевым, которого теперь обвиняли в ее незнании.

№8. Адоратский. Черновики письма Сталину.

Не позднее 5 августа 1935 года¹

[1] Товарищ Сталин,

В настоящее время подготовлен к печати XVI том сочинений Маркса и Энгельса (состоящий из двух частей), — в нем собраны работы Энгельса 1883-95 годов. Во вторую часть XVI тома входит статья «Внешняя политика русского царизма».

Прошу Вас просмотреть предисловия к той и другой части этого тома², нет ли с Вашей стороны возражений против общей установки этих предисловий. Прилагаю также список статей, входящих в обе части XVI тома.

Директор ИМЭЛ

В. Адоратский

РГАСПИ, ф.559, оп.1, д.122, л.1. Автограф.

[2)] Товарищ Сталин,

Прошу Вас просмотреть проекты предисловий к двум частям XVI тома Сочинений Маркса и Энгельса. В этот том входят статьи Энгельса, написанные им после 1883 г.³ Или, может быть, Вы сочтете возможным выпустить эти тома без подробного предисловия, ограничиваясь лишь короткой заметкой технического характера. Том XVI ч.1 и 2 в настоящее время готовы к печати и могут быть выпущены. Хотелось бы это сделать сейчас⁴ для того, чтобы том вышел к предстоящему 40-летию со дня смерти Энг[ельса].

РГАСПИ, ф.559, оп.1, д.122, л.2. Автограф.

1. Датируется по содержанию.
2. В опубликованном предисловии к т. XVI, ч.2 Сочинений Маркса и Энгельса Адоратский не упоминал статью Энгельса «О внешней политике русского царизма», сосредоточив внимание на Введении Энгельса к экономическим рукописям Маркса.
3. Далее зачеркнуто: «В предисловиях развивается то положение, что Энгельс в своих статьях выражал».
4. Далее зачеркнуто: «до 5 августа, когда исполняется». Том был сдан в набор через год, в июле 1936, и подписан к печати в декабре 1936 года.

№9. Шифротелеграмма Кагановича Сталину.

9 августа 1934 года

Как выяснилось, примечание от редакции написано действительно Зиновьевым. Адоратский согласился с этими комментариями. Перед печатанием оно было просмотрено Кнориным и Пospelовым за исключением мелких замечаний. Они главного не заметили и пропустили заметку. О том, что печатать статью Энгельса о внешней политике русского царизма ЦК не решено, они знали, но ссылаются, что не читали мотивов. Это ни в какой мере не снимает с них вины. Письмо Ваше членам ПБ разослано. Завтра примем решение.

Сегодня составляю проект постановления. Думаю, что во-первых, необходимо дать хотя бы короткое постановление по существу самого письма и статьи Энгельса и примечания редакции в духе вашего письма. Во-вторых, необходимо будет снять Зиновьева, поставить на вид Кнорину и Пospelову. Лучше бы всего Кнорина как редактора заменить Стецким и ввести в редакцию Мехлиса и Талья¹.

Завтра, когда окончательно наметим решение, сообщу Вам еще раз. Если есть указания, прошу сообщить².

Сталин и Каганович. Переписка, с.426—427.

1. Мехлис Л.З. (1889—1953) — с 1922 г. в аппарате ЦК, в 1924—1926 гг. зав. бюро секретариата ЦК, первый помощник Сталина, с 1930 г. редактор газеты «Правда», с 1932 г. зав. сектором печати и издательств ЦК ВКП(б) в Отделе культуры и пропаганды (которым заведовал А.И. Стецкий). С февраля 1934 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). См.: РУБЦОВ Ю.В. Лев Захарович Мехлис. — Вопросы истории, 1998, №10; Таль Б.М. (1898—1938) — зам. зав. Отдела культуры и пропаганды в 1930—1937 гг., зав. сектором науки, с 1932 г. — член редколлегии журнала «Большевик».
2. В тот же день Сталин ответил, что «Зиновьева надо снять не просто, а с подходящей мотивировкой. Кнорина можно снять и заменить Стецким. Мехлиса и Талья можно ввести в редакцию» (Сталин и Каганович. Переписка, с.427).

№10. Из письма Кагановича Сталину.

9 августа 1934 года

1) Посылаю Вам принятый ПБ проект постановления об ошибках редакции «Большевик».

Редакция, конечно, признала свою ошибку, но это не может умалить ее вину, ибо Зиновьев у них занял место главного специалиста по международным делам. Сам он — Зиновьев ведет себя жульнически. Вчера он, конечно, плакал, что-де я не знал, Адоратский одобрил и т.д., но несмотря на то, что мы ему предложили написать объяснения, он сегодня их еще не дал, уехал на дачу и вроде как пишет. Мы повторно потребовали письменных объяснений, но важно то, что он жульничает, ибо если бы он честно считал комментарии

неправильными, то ему нечего задумываться над написанием объяснений в ЦК. У него это даже не вырвалось, а совершенно естественно вытекло из его гнилого нутра. Я посылаю его книгу, изданную в 1931 г., «Учение Маркса и Ленина о войне». В этой книге он развивает еще шире эти взгляды, особенно на стран. 178—179. Это показывает, что у него комментарии в «Большевике» не случайны.

На ПБ, когда обсуждали вопрос, были у нас 2 варианта: один пространнее, другой короче, остановились на более коротком.

Письма ваши мы с протоколом ПБ разошлем членам ЦК. Вопрос стоит о том, можно ли о них упоминать в редакционной статье «Большевика», которая через пару дней будет нам представлена, и мы ее вам пошлем.

Вообще, надо сказать, что и ваши замечания на статью Энгельса, и письмо об ошибках «Большевика», учит как надо по-ленински понимать марксизм а не по-троцкистски, поэтому в какой-то форме было бы хорошо, чтобы актив знал эти документы.

Прошу Вас сообщить нам, как о проекте постановления, так и о дальнейшем освещении этого вопроса...

Сталин и Каганович. Переписка, с.428.

№11. Из письма Кагановича Сталину.

14 августа 1934 года

...4) Статья для «Большевика» уже готова¹. При всем нежелании загружать Вас бумагами я все же считаю необходимым послать Вам ее. Мне кажется, что теперь она подходит в основном, статья писалась Кнориным, редактировалась Стецким на основании наших указаний. Прошу Вас сообщить, сдавать ли ее в печать, или переделывать ее.²

Привет Вам. Ваш Каганович.

Сталин и Каганович. Переписка, с.436—437.

1. Проект статьи был прислан Кагановичу из редакции «Большевика» 11 августа (Сталин и Каганович. Переписка, с.428).

2. Текст далее не печатается.

№12. Политбюро ЦК ВКП(б). Протокольное постановление (опросом).

16 августа 1934 года

Политбюро (XVII созыв) ЦК ВКП(б). 25.08.1934. Пр. №12.

Присутствовали:

Члены ПБ: Ворошилов, Каганович, Молотов.

Кандидаты в члены ПБ: Микоян, Рудзутак, Чубарь¹.

п. 117. Об ошибке редакции журнала «Большевик».

Постановление ЦК ВКП(б)

п 12/117 от 16.VIII.34 г.

ЦК ВКП(б) считает грубейшей политической ошибкой редакции журнала «Большевик» помещение написанной т.Зиновьевым редакционной заметки по поводу письма Энгельса Иоану Надежде (см. «Большевик» №13-14 от 31 июля 1934 года).

Эта заметка фальсифицирует взгляды Энгельса о грядущей войне, утверждая, что Энгельс якобы «стоит целиком на пораженческой позиции», что «аналогичную позицию Ленин отстаивал в войне 1914 года», и тем самым скрывает тот несомненный факт, что Ленин и только Ленин дал принципиально новую и единственно правильную установку как в вопросе о характере империалистической войны, так и в вопросе о политике марксистов в связи с войной.

Написанные т.Зиновьевым комментарии являются выражением троцкистско-меньшевистской установки, которая не признает того нового, что внес Ленин в сокровищницу марксизма.

ЦК ВКП(б) признает целиком правильными замечания товарища Сталина о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» от 19 июля и его письмо в ПБ от 5 августа об ошибке редакции «Большевика» (см. приложения).

ЦК ВКП(б) полностью солидаризируется как с замечаниями товарища Сталина от 19 июля, так и с его письмом от 5 августа и постановляет: 1) За напечатание политически ошибочных комментариев т. Зиновьева от имени редакции объявить выговор редакции журнала «Большевик». 2) Вывести т. Зиновьева из состава редакции «Большевика». 3) Снять т. Кнорина с поста ответственного редактора «Большевика»². 4) Утвердить следующий новый состав редакции: т.т. Стецкий (редактор)³, Таль, Кнорин, Поспелов. 5) Поручить редакции «Большевика» в двухнедельный срок представить в ЦК редакционную статью с критикой комментариев Зиновьева.

РГАСПИ, ф.17, оп.163, д.1036, л.24 (190). Подлинник.

Бланк-карточка протокольного постановления.

Машинопись с рукописными вставками;

ф.17, оп.3, д.950, л.31—32. Чистовой вариант.

Опубликовано частично и в изложении: Сталин и Каганович.

Переписка, с.433 (по чистовому варианту).

1. Далее в протоколе следует список других участников заседания, который здесь не приводится.
2. Пункт 3 вписан рукой Сталина.
3. Далее зачеркнуто: «Мехлис».

№13. Из письма Сталина Кагановичу.

17 или 18 августа 1934 года¹

...Редакционная статья для «Большевика» не подходит. Во-первых, статья усложняет дело, вводя вопрос о Сталине. Надо было взять сопоставление Энгельс—Ленин. Статья усложняет дело, прибавляя к этому сопоставлению сопоставление Энгельс—Сталин. Это неразумно с точки зрения тактики. Это глупо с точки зрения существа дела. Я сделал соответствующее изменение в статье. Но потом, дочитав до конца статью и обдумав вопрос, пришел к выводу, что статья в целом не подходит. Что нельзя умалять роли Ленина — это ясно. Но нельзя также охаивать Энгельса и умалять его роль, как политика. А у вас получилось, что Энгельс — никуда не годный политик. Это не годится.

Предлагаю:

а) не давать редакционной статьи вообще, а ограничиться изменением состава редакции.

б) вопрос о статье с изображением роли Ленина в развитии марксистской мысли отложить до моего приезда.

Дело это тонкое и в письме всего не скажешь. Требуется обмен мнений, живой и обстоятельный...

Сталин и Каганович. Переписка, с.439—400.

1. Дата письма при его первой публикации указана так: «После 16 августа 1934 г.» (Сталин и Каганович. Переписка, с.439). Письма Сталина получали в Москве на 4-й—5-й день с момента отправки. Поскольку политбюро приняло постановление по п.2. этого письма 22 августа, то оно было получено 21—22 августа, значит, отправлено 17—18-го.

№14. Зиновьев. Черновики письма Сталину.

Между 1 и 18 ноября 1934 года

[1] Уваж. т. Ст[алин],

Не откажите мне, очень прошу Вас, в личном свидании на 1/4 часа. Я уверен, что в несколько минут рассею² предположения о нарочитости моей ошибочной заметки в «Б[ольшев]ике», если такие подозрения еще остались. А главное, я убежден, что Ваши личные указания помогут мне с пользой для дела работать в дальнейшем на той работе, которую ЦК, я надеюсь, мне даст.

Критику моей ошибки, к[ото]рую Вы дали в письмах от ... Я продумал и усвоил. Преодолеть приверженность к догматическому «марксизму» постараюсь во что бы то ни стало. А сказанное мною в выступлении на XVII съезде постараюсь доказать *делом*.

РГАСПИ, ф.324, оп.1, д.511, л.13. Автограф.

[2]) Одновременно с обращением в ПБ позволяю себе обратиться и к Вам лично. Я надеюсь, ч[то] в близком будущем в ПБ будет рассматриваться моя просьба о работе и поэтому одновр[еменно] обр[ащаюсь] к Вам лично.

Мне крайне необходимо было бы повидать Вас лично. Я уверен, что если бы при назначении меня в ред[акцию] «Б[ольшевика]» я мог Вас увидеть лично и получить от Вас указания, со мной не произошел бы тяжел[ый] инцид[ент] в «Б[ольшевике]». И теперь я уверен, ч[то] если бы я мог поговорить с В[ами] лично, то у Вас в неск[олько] минут рассеялись бы остатки предполож[ения] о нарочности, а я получил бы от В[ас] указания, к[ото]рые помогли бы мне избежать новых злоключений, и включился бы, наконец, в общую работу. Поэтому я позволяю себе просить В[ас], т. Ст[алин], примите меня на 1/2 часа в ближ[айшее] время.

Во время XVII съезда мне показалось, что Вы и другие тт. из ПБ поверили в то, что я искренно хочу включиться в работу, и это было для меня крайне отраднo. Но вот уже через несколько месяцев со мной происходит инцид[ент] в «Б[ольшевике]», и, по-видимому, моя иск[ренность] опять заподозревается. Иначе моя ошибка была бы исправлена без снятия меня с работы.

Так мне кажется.

Не хочется еще раз затруднять Вас восстановлением всех фактов, сопровождавших появление моей заметки в «Б[ольшевике]». Вины сознательной не было.

У нас не принято апеллировать к прошлому, но я все же вынужден это сделать. Хочу работать. Дайте работу. И, давши работу, скажите, как я должен себя вести.

РГАСПИ, ф.324, оп.1, д.511, л.15—15об. Автограф.

[3]) Д[орогой] т[оварищ]! Я уже писал, что свою ошибку в вопросе о толковании взглядов Э[нгельса] на войну (к концу его жизни) я понял после прочтения В[аших] писем от ... За истекшие месяцы я много раз продумал эти письма и постановл[ение] ПБ от ... и, надеюсь, усвоил эти важнейшие документы полностью. Корень моей ошибки — в том, что Вы справедливо называете приверженностью к «догматич[ескому] марксизму». Излечиться от этой болезни, как видно, не легко. Но я постараюсь излечиться и от нее.

Одному еще раз прошу Вас верить: никакой нарочитости, никакого желания противопоставить свое «особое» мнение ЦК в моей заметке не было и быть не могло. Я работал в «Б[ольшевике]» добросовестно, и был уверен, что заслужу одобрение ЦК и Ваше лично. Если я этого не достиг, то это моя беда.³

РГАСПИ, ф.324, оп.1, д.511, л.16. Автограф.

[4]) 18 ноября 1934 г.

В Политбюро ЦК ВКП(б)

Товарищу И.В. Сталину

Обращаясь к Вам с просьбой решить вопрос о моей дальнейшей работе, хочу сказать Центральному Комитету следующее.

Осуждение со стороны Политбюро ЦК есть важнейший урок для каждого большевика. Тем более значителен и важен такой урок для меня — ввиду моих прошлых ошибок. С горечью я должен был убедиться, что одного желан[ия] следовать линии партии еще недостаточно, как бы ни было искренне.

Еще и еще раз прошу Вас верить, что ошибка, допущенная мною в «Большевике» и справедливо осужденная решением Политбюро, была только ошибкой, что никакой преднамеренности, никакого желания проташить что-либо «свое» против мнения ЦК с моей стороны не было и *быть не могло*.

Теперь, когда у всех товарищей полны руки дела, я должен снова ставить вопрос о работе вместо того, чтобы *работать*, как работают все. Винить в этом мне некого, кроме самого себя. Но я горячо прошу Вас, товарищи, не оставить меня без нагузки и решить вопрос о моей работе возможно скоро.

Недостатка в энергии, в стремлении оправдать Ваше доверие, в готовности учиться у ЦК с моей стороны не будет на любой работе, которую ЦК мне поручит.

Независимо от того, какую работу Вы сочтете возможным мне сейчас поручить, особенно прошу о следующем: оставить мне также возможность время от времени высказываться в «Правде» и «Большевике». В частности, может быть, Вы признали бы возможным, чтобы — на работе с какой-либо другой нагрузкой — я работал в «Большевике» на тех началах, на которых я работал там до назначения моего в редколлегию (т.е. по отделу «Страниц зарубежной печати»? И, наконец, я очень прошу дать мне возможность поговорить лично с одним из секретарей ЦК раньше, чем решится вопрос обо мне. С коммунистическим приветом Г. Зиновьев.

Телефон Г1-16-24 (Арбат, 35, кв.59).

РГАСПИ, ф. 324, оп.1, д.511, л. 18, 19. Автограф.

1. Черновики письма датируются по содержанию.
2. Далее зачеркнуто: «подозрения».
3. Далее зачеркнуто: «но не вина». Текст далее не печатается.

№15. Ярославский¹ — Сталину.

Между 3 и 9 декабря 1940 года

Товарищ Сталин!

Прошу Вас разрешить мне познакомиться с Вашими замечаниями на статью Энгельса о международной политике русского царизма, разосланными в 1934 г. членам Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с предложением ИМЭЛа опубликовать статью Энгельса в «Большевике».

Мне это необходимо в связи с большой работой на тему: «Маркс и Энгельс о России», которую я веду уже не первый год и надеюсь закончить в 1941 году².

С коммунистическим приветом

Ем.Ярославский.

3.XII. 1940 г.

РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.842, л.55. Подлинник.

1. Ярославский Е.М. (1878—1943) — член ЦКК в 1923—1934 гг., член КПК в 1939 г., с 1931 г. — председатель Общества старых большевиков, член редколлегий журналов «Борьба классов», «Историк-марксист», с 1932 г. — журнала «Большевик», руководитель авторского коллектива многотомной «Истории ВКП(б)».
2. 9 декабря 1940 г. Сталин распорядился Поскребышеву «Перепечатать на чистой бумаге и послать один экземпляр Ярославскому...» (ф.558, оп.11, д.1074, л.23). Датируется по машинописи письма Ярославскому (ф.558, оп.11, д.842, л.57).

№16. Правка Сталиным его письма 1934 г. о статье Энгельса.

Не позднее мая 1941 года.

И.Сталин

О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма»¹

Членам Политбюро и товарищу Адоратскому²

Рассылая³ членам Политбюро ЦК³ статью Энгельса «Внешняя политика русского царизма», считаю нужным предпослать ей следующие замечания...⁴

РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1074. л.11—11об., 17. Подлинник.

Автограф карандашом по машинописи.

1. Вставлена сноска: «Статья представляет письмо т.Сталина членам Политбюро ЦК от 19 июля 1934 с оценкой известной статьи («Известного памфлета» исправлено на «известной статье». — М.З.) Энгельса “О внешней политике русского царизма”».
2. Строка зачеркнута.
- 3-3. Вписано над строкой.
4. Далее текст не воспроизводится.

№17. Поспелов — Сталину.

17 мая 1941 года

Товарищу Сталину

Прошу Вашего разрешения на опубликование в «Правде» редакционной статьи «Замечательный документ творческого марксизма» (в связи с выходом №9 «Большевика»)¹.

17 мая 1941 г. П.Поспелов

РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.203, л.167. Автограф.

1. Статья, посвященная письму Сталина о работе Энгельса, не была напечатана. В редакционной статье говорилось: «Ленинское учение об империализме явилось ключом к раскрытию действительных причин войны 1914—1918 гг. Оно является и ключом к раскрытию характера нынешней, второй мировой империалистической войны. ...Отсюда ясно, что отождествлять взгляды Энгельса и Ленина по вопросу об отношении к войне — значит извратить, фальсифицировать позиции Энгельса и Ленина. Подобные попытки фальсификации были предприняты троцкистско-зиновьевской агентурой международной буржуазии. Эти попытки фальсификации были своевременно разоблачены товарищем Сталиным, вскрывшим ошибочность позиции Энгельса в вопросе о характере и причинах надвигающейся мировой войны» (РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.203, л.168).

№18. Отзыв Александрова¹ о статье Тарле.

Ранее 4 июля 1947 года

Товарищу Поскребышеву А.Н.

Академик Тарле представил статью «Об исторических высказываниях товарища Сталина». Тов. Тарле сам определяет содержание своей статьи следующими словами: «Мне хочется на этих немногих страницах поделиться только теми впечатлениями и теми воспоминаниями, которые, прежде всего, выпадают (?) мне лично на ум, когда я думаю об исторических взглядах Сталина, об его подходе к анализу исторических явлений» (стр.1)

В действительности в статье академика Тарле нет даже и попытки дать хоть краткую характеристику высказываний товарища Сталина по вопросам истории

Академик Тарле поделился некоторыми воспоминаниями об издании «Истории XIX века» Лависса и Рамбо, затем отметил высказывание Сталина о крестьянских войнах, недоверие Сталина к ценности исторических параллелей, в нескольких словах изложил сталинскую характеристику процесса образования наций. Более подробно излагается письмо товарища Сталина по поводу статьи Энгельса о внешней политике русского царизма. Все это носит характер отрывочных замечаний, приведенных без системы, без единого плана. Следует отметить, что академик Тарле связывает пропаганду Геббельса с ошибками Энгельса (стр.20).

Историку, выступающему со статьей «Об исторических высказываниях товарища Сталина», следовало хотя бы изложить сталинские высказывания об особенностях русского исторического процесса, о создании русского многонационального государства, об исторической роли освободительной борьбы народов России.

В таком виде статья академика Тарле не может быть опубликована.

Г.Александров.

ГАРСПИ, ф.558, оп.11, д.1513, л.1.

Резолюция Александрова: «В архив. 4.VII.47 г.»

1. Александров Г.Ф. (1908—1961) — кандидат в члены ЦК в 1941—1956, член Оргбюро ЦК в 1946—1952 годах. В 1940—1947 гг. — начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

№19. Статья Тарле «Об исторических высказываниях товарища Сталина».

Не позднее мая 1945 года¹

Академик Е.Тарле

Об исторических высказываниях товарища Сталина.

В этой краткой заметке, конечно, я не претендую дать не только мало-

мальски полное, но даже и чисто схематическое, конспективное изложение исторических взглядов Сталина, его основных систематически изложенных воззрений на феодализм, на роль капитализма, социализма, на экономическое прошлое России, на прошлое национальных культур и движений народов, вошедших в состав СССР и т.д. В своих речах, в своих печатных выступлениях т.Сталин бросал часто мимоходом отдельные ценные замечания, важные, будящие мысль соображения. Этот материал тоже очень значителен.

Мне хочется просто на этих немногих страницах, поделиться только теми впечатлениями и теми воспоминаниями, которые, прежде всего, выпадают мне лично на ум, когда я думаю об исторических взглядах Сталина, об его подходе к анализу исторических явлений.

Прежде всего, Сталин — реалист в своем историческом мышлении. Слова о том, что факты — упрямая вещь, для него не пустая фраза, но в его устах полны содержания, полны обязательного смысла. Если не только в области марксистской исторической теории, Сталин сказал свое новое и большое слово, если такой могущественной и неодолимой оказывалась *его* критика всяких извращений и вульгаризации марксизма, то это происходило прежде всего потому, что он не переставал напоминать *о правах факта*, о необходимости постоянной проверки теории — анализом исторической действительности.

Навсегда памятное, имевшее такие положительные последствия выступление в 1934 г. против Покровского и школы Покровского было не исключительно, но прежде всего направлено против исторической бессодержательности, против выхолащивания и полного научного бесплодия этой школы, против ее поползновений игнорировать факты, подменять конкретную историю с ее плотью и кровью голыми социологическими схемами. Все губительные невежественные нелепости, которые сеяла эта школа и в преподавании, и в своей мнимо «научной» литературе, — происходили (поскольку они являлись вообще плодом искреннего заблуждения), именно из того антимарксистского, антинаучного игнорирования живой, фактической ткани истории, против которого Сталин не переставал никогда бороться.

Он всегда держался того мнения, что стремящиеся к образованию широкие массы должны иметь возможность, прежде всего, пополнить недостающие им фактические познания в истории, даже если, за неимением ничего лучшего, приходится прибегать к авторам чуждой нам идеологии или к историкам, ограничивающимся добросовестным фактическим повествованием без попытки широкого социологического освещения.

И как благодарен был массовый учитель за эту Сталинскую заботу о нем!

Когда мы в спешном порядке издавали стотысячным тиражом восемь томов «Истории XIX столетия» Лависса и Рамбо², как меня трогало то усердие, тот жар одушевления, с которыми наши милые наборщики и другие служащие и рабочие ленинградского «Печатного двора» делали свою трудную срочную работу! Не было ни одного моего посещения этой образцовой типографии, когда наборщики не спросили бы меня, ответственного редактора, как-нибудь в таком роде: «А что, Сталин знает, что мы уже четвертый том готовим?» И первыми подписчиками на все восемь томов были именно эти ленинградские наборщики. Этот факт был в свое время отмечен в прессе, как очень характерный.

Обширная переводная историческая литература отчасти вышла, отчасти была намечена к изданию под прямым или косвенным влиянием, шедшим от Сталина. Переводились при этом серьезные, большие труды. Переводились и классики. Назову хотя бы превосходное издание Плутарха, вышедшее перед самым началом нынешней войны³. Наши герои фронта, своим самоотвержением часто не уступающие нисколько античным персонажам Плутарха, читают эту книгу, она успела уже попасть на фронт. К слову замечу, что

когда вышел в русском переводе Плутарх, я подумал, что лично самому Сталину это издание не нужно: Плутарха он читает в греческом подлиннике, как это случайно стало мне известно.

Эта всегда деятельная инициатива Сталина в области организации исторического просвещения широкой читающей массы сказывается беспрепятственно. Историки, работающие, например, в области истории дипломатии, знают очень хорошо, что по мере сил, худо ли, хорошо ли они служат этому просветительному делу, именно, в одной из самых трудных и мало разработанных областей исторического знания, и именно в той области, необходимость изучения и широкой популяризации которой была указана Сталиным.

В глазах Сталина углубленное изучение в частности, именно истории русского народа и других народов, вошедших в Советский Союз, должно было иметь помимо чисто научного, еще и высокое морально-политическое значение: вечная слава героям, отстаивавшим Россию от хищников, посягавших на ее достояние, вечная благодарность Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Минину и Пожарскому, Суворову, Кутузову и другим великим сынам русского народа.

Нет ничего удивительного в том, что Сталин считает таким насущно необходимым делом широкое распространение исторических знаний в народных массах.

Сам он, если можно так выразиться, мыслит исторически потому, что, о чем бы он ни говорил, он стремится представить себе предмет, о котором идет речь, не в стационарном, а в динамическом состоянии и интересуется не только данным моментом, но и тем, как дело *дошло* до данного момента.

Если проследить буквально все высказывания Сталина об исторических деятелях и событиях, то всегда без исключения уловим два момента: сначала он дает совершенно объективный анализ факта, а уж затем свою личную оценку с точки зрения своих моральных и социально-политических принципов и установок. Приведем пример: Сталин признавал, что всегда интересовался такими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев, он видел «в выступлении этих людей отражение стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»⁴.

Для Сталина «всегда представляло интерес изучение истории первых попыток подобных восстаний крестьянства». И дав в этих нескольких словах, в сущности, все главное *содержание* названных восстаний, Сталин переходит к *оценке* их: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести... Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели». Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»⁵.

Тут невольно вспоминается и известное высказывание Сталина об отличии русской революции 1905 г., когда в России уже было и машинное производство и многочисленный и сплоченный пролетариат, — от революций на Западе, происходивших в условиях мануфактурного периода и неразвитой еще классовой борьбы, когда пролетариат был слаб и немощен, а буржуазия вела крестьян и веривших ей тогда рабочих на революционные бои против аристократии»⁶.

Сталин не очень любил (а вернее вовсе не любит) исторические параллели: они, по его справедливому мнению, всегда рискованны⁷, а часто могут только сбивать людей с толку. В частности, он вполне определенно отрицает правильность каких-либо уподоблений Октябрьской революции — французскому великому перевороту конца XVIII века: «Октябрьская революция не является ни продолжением, ни завершением Великой Французской Революции. Целью французской революции была ликвидация феодализма для ут-

верждения капитализма. Целью же Октябрьской революции является ликвидация капитализма для утверждения социализма»⁸.

Прибавлю, что в другом месте Сталин отметил, что Наполеоновская империя оставила из завоеваний великой Французской революции, преимущественно, именно то, что было нужно и выгодно для крупной торгово-промышленной буржуазии.

Недовгие Сталина к ценности исторических параллелей проистекает из его требовательности к исторической точности.

Как все мыслители, по самой природе своего умственного склада одаренные склонностью и редкой способностью рассматривать явления всегда в широком историческом разрезе, Сталин ищет в родственных между собой явлениях не столько параллелизм, сколько естественную трансформацию в соответствии с изменяющимися общими условиями. Приведем иллюстрацию. «Республика Советов является той искомой и найденной наконец политической формой, в рамках которой должно быть совершенно экономическое освобождение пролетариата, полная победа социализма. Парижская коммуна была зародышем этой формы. Советская власть является ее развитием и завершением»⁹.

Так характеризует Сталин соотношение между обеими историческими формами, в каких явилась реализация идей пролетариата — между первой ее попыткой во Франции и завершенным осуществлением в России.

Таковы его навыки мысли — *habits of thought*, как говорят англичане.

Уменье чисто исторически с глубоким научным вниманием подходить к вопросу о живучести старых, казалось бы давно похороненных, традиций часто поражало собеседников Сталина, недостаточно изучивших его как мыслителя. В разговоре с Эмилем Людвигом¹⁰ 13 декабря 1931 г. Сталин, между прочим, сказал: «Несмотря на то, что Америка высоко развитая капиталистическая страна, там нравы в промышленности, навыки в производстве содержат нечто от демократизма, чего нельзя сказать о старых европейских странах, где все еще живет дух барства феодальной аристократии».

Выслушав это, Людвиг воскликнул: «Вы даже не подозреваете, как Вы правы!» На что Иосиф Виссарионович с добродушной иронией заметил: «Как знать, может быть и подозреваю». То есть он не только «подозревал», а твердо *знал* о факте, к которому явственно неоднократно обращался мыслью: «Несмотря на то, что феодализм как общественный порядок давно уже разбит в Европе, значительные пережитки его продолжают существовать и в быту и в нравах... Феодальные традиции не разбиты до конца»¹¹.

Эта проблема временного сосуществования разных социально-экономических и политических формаций и идеологий всегда занимала Сталина. Глубокий реализм его исторического мышления никогда не позволял ему искусственно разрезать живую, никогда не начинающуюся, никогда не кончающуюся ткань истории на куски, на отрубные участки, ничего общего друг с другом не имеющие.

Он с полной отчетливостью отметил, например, что такой неизмеримо важный факт истории, как образование наций, есть продукт сложнейшего переходного периода, когда феодализм медленно умирает, а капитализм, идущий на смену, постепенно зарождается, крепнет и победоносно торжествует над феодальной раздробленностью, создавая новые государственные формы. Отсюда Сталин делает в высшей степени важные дальнейшие выводы для всей истории восточной Европы: «На востоке Европы... образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.) произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия»¹².

В дальнейшем историческом процессе эти подчиненные нации, подвер-

гаясь неизбежному утеснению со стороны господствующей, стремятся к своему освобождению, возникает долгая внутренняя борьба. А к этому прибавляется еще и проблема новых, покоряемых «колониальных» народов... При существовании частной собственности и классового неравенства все эти национальные конфликты как между нациями, исторически объединившимися в рамках одного государства, так и между отдельными государствами — являются злом неизбежным, бесконечно тянущимся, безвыходным. Только Советский строй нашел нормальное решение вопроса.

С анализом сущности классовой борьбы тесно связывается признание неизбежности революций.

Именно внимательное изучение переходных, переломных моментов в истории и дает Сталину полную уверенность, что «отжившие классы добровольно не уходят с исторической сцены». Он предлагал Уэллсу¹³ вспомнить историю Англии: «Разве не говорили многие, что сгнил старый общественный порядок? Но разве тем не менее не понадобился Кромвель, чтобы его добить силой?» Кромвель прибегал к насилию, «казнил короля, разогнал парламент, арестовывал одних, обезглавливал других»¹⁴.

Сталин приводит в той же беседе и другие примеры в доказательство своей мысли: «Возьмем Францию конца XVIII века. Задолго до 1789 года было ясно многим, насколько прогнила королевская власть, крепостные порядки. Но не обошлось, не могло обойтись без народного восстания, без столкновения классов». Отсюда не следует, что в этих народных восстаниях нет места для интеллигенции: «Разве Вы отрицаете роль интеллигенции в революционных движениях?», — спросил Сталин Уэллса, «разве Великая французская Революция была адвокатской революцией, а не революцией народной, которая победила, подняв громадные народные массы против феодализма и отстаивая интересы третьего сословия? И разве адвокаты из числа вождей Великой французской революции действовали по законам старого порядка, разве не ввели они новую буржуазную революционную законность?»

Даже только поставить все эти вопросы с такой предельной ясностью, с какой их ставит, здесь Сталин, значит уже ответить на них.

Но если, в самом деле, как не перестает утверждать Сталин, история говорит нам буквально каждой своей страницей, что добровольно ни один класс никогда не уступал дорогу другому классу, то и подавно нелепо ждать, что презренные уголовные проходимцы, фашисты, захватившие воровским манером власть, деликатно и добровольно ее оставят, тогда как они являются гнуснейшими из всех когда-либо бывших на свете представителей эксплуататорского класса: «Фашизм — есть реакционная сила, пытающаяся сохранить старый мир путем насилия. Что Вы будете делать с фашистами?» — спрашивает Сталин — «угуваривать их? Убеждать их? Но ведь это на них никак не подействует».

История показала, как прав был Сталин, говоря это. Злодейская шайка, засевавшая в Германии, готова прибавить к истребленным ею миллионам новые миллионы, лишь бы не уйти от власти. И измученное человечество только и надеется на то «насилие», которое прикончит немецко-фашистских мерзавцев, которое прольет их черную кровь, которое совершит праведную и беспощадную кару над презренными палачами.

Да, «вопрос о насилии» разрешен теперь бесповоротно, если еще до сих пор кто-нибудь не удосужился его решить?¹⁵

Неразрешимость всех назревших, подготовленных всей историей капитализма-империализма конфликтов как в недрах многонациональных государств, так и в области дипломатической, международной борьбы — была давно ясна Сталину.

Он считал при сложившихся обстоятельствах неизбежным конечное, кровавое столкновение. Он понимал это, как мыслитель, а мелкие и крупные

провокации на востоке и на западе он *знал*, учитывал и парировал, как государственный деятель, как вождь Советского Союза.

Беседа с Людвигом происходила 13 декабря 1931 г., т.е. за год с небольшим до формального и окончательного захвата власти гитлеровской бандой. Но Сталин уже тогда ясно видел то, чего все-таки еще не усматривал Людвиг, веривший, что так как веймарская конституция еще продолжает существовать на бумаге, то значит «порядок» обеспечен. Но реализм мышления и зоркость взгляда, свойственные в такой огромной степени Сталину, не позволяли уже относиться сколько-нибудь мирно и благодушно к надвигавшемуся на Германию гнусному варварству. «Не считаете ли Вы, что у немцев, как нации, любовь к порядку, развита более, чем любовь к свободе?» — спросил Людвиг, повторяя давнишнюю шаблонную формулу о немецких свойствах. Но ответ был дан строго реальный, вконец разрушивший подобные устарелые прекрасноречивые афоризмы: «Когда-то в Германии, действительно, очень уважали законы... Но разве теперь в Германии уважают законы? Разве те самые национал-социалисты, которые, казалось бы, должны больше всех стоять на страже буржуазной законности, не ломают эти законы, не разрушают рабочие клубы и не убивают безнаказанно рабочих? Я уже не говорю о рабочих, которые, как мне кажется, давно уже потеряли уважение к буржуазной законности. Да, немцы значительно изменились за последнее время»¹⁶.

Прошло тринадцать месяцев после этой беседы — и гнусная негодяйская шайка, которой суждено было запятнать Германию позорным фактом своего владычества, захватила власть в Германии.

Наступили, явственно, времена, когда, несмотря на все принципиальное миролюбие Советского Союза, против него готовился истинно разбойничий удар в спину со стороны немецкого фашизма. Идеологическая подготовка среднего германского обывателя, так легко убеждающегося в том, в чем ему хочется убедиться — шла полным ходом. Прежде всего следовало распространять удобную легенду о том, что русский народ — это народ лежебоков, лентяев, апатичное, безвольное стадо, которому прибалтийские бароны успели привить кое-какую государственность, но теперь, т.к. революция вымела баронов прочь, то Россия превратилась в имущество без хозяина, в «ничью вещь», по старому юридическому определению римлян.

Эти бредовые фантазии гитлеровцев напомнили о странных, совсем не похожих на Энгельса безосновательных его утверждениях, будто «бессовестная» и коварная русская внешняя политика XVIII—XIX вв. делалась руками некоего «нового иезуитского ордена», состоявшего преимущественно из немцев и других иностранцев.

Социал-демократические ренегаты, перебежавшие в гитлеровский лагерь, с большим удовольствием цитировали в 1941 г. и след. годах эту работу Энгельса «Внешняя политика русского царизма».

Сталин уже в 1934 г. находил неуместным и невозможным придавать этой статье Энгельса руководящее значение. А в мае 1941 г., буквально накануне немецкого нашествия, эти критические замечания Сталина появились в журнале «Большевик». Это было тогда событием, имевшим не только научное, но и непосредственно политическое значение. Сталин прежде всего отмечает совершенно неверную трактовку всей внешней политики России в XVIII—XIX веках. Энгельс объясняет и эту политику и ее успехи не существеннейшими экономическими мотивами и устремлениями военно-феодально-купеческой верхушки России и потребностью ее в выходе к морям, в морских портах, в расширении внешней торговли, и в овладении стратегическими пунктами, а более всего тем, что во главе внешней политики России, якобы, находилась «всемогущая и очень талантливая шайка иностранных авантюристов, которой почему-то везло везде и во всем, которой удивительным образом удавалось преодолевать все и всякие препятствия на пути к

своей авантюристической цели, которая удивительно ловко надувала всех европейских правителей и добилась, наконец, того, что сделала Россию самым могучим в военном отношении государством».

Сталин по поводу этого фантастического «объяснения» Энгельсом успехов русской политики пишет: «Такая трактовка вопроса в устах Энгельса может показаться более, чем невероятной, но она, к сожалению, — факт»¹⁷.

Замечу, к слову, как совсем непонятный курьез, что Энгельс причисляет к лику этих «железно настойчивых», талантливых, смелых авантюристов смиреннейшего, бесцветнейшего, бездарнейшего чиновника карьериста Нессельроде, не смевшего рта раскрыть при Николае I, или невинного князя Ливена, известного в истории русской дипломатии лишь тем, что у него была умная жена, Дарья Христофоровна¹⁸.

Суровая и до последних деталей справедливая критика Сталина на этом не останавливается: «Я уже не говорю о том, что завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей. Всякому известно, что завоевательная политика была также присуща *не в меньшей, если не в большей степени* (курсив наш. — Е.Т.) королям и дипломатам всех стран Европы, в том числе такому императору буржуазной Франции, как Наполеон, который, несмотря на свое нецарское происхождение, с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства и поджоги».

Сталин и не считает статью Энгельса историей, а называет ее боевым памфлетом: «...Энгельс несколько увлекается и, увлекшись, забыл на минутку, о некоторых элементарных хорошо известных ему вещах».

Тут же я должен отметить, что сам-то Сталин решительно *никогда* ни в своих произведениях, ни в отдельных высказываниях не делал таких «уступок жанру», *никогда* не считал возможным производить нажим на историческую правду во имя того, что, мол, в боевом публицистическом произведении можно себе разрешить такие вольности, каких нельзя допустить в строгой исторической работе. Энгельс «на минутку» забыл об истории — ничего хорошего отсюда не получилось.

В дальнейшем анализе работы Энгельса Сталин высказывает ряд суждений, прямо относящихся к интересующему нас тут вопросу. Напомню, что поколение, к которому принадлежал Энгельс, прожило свою молодость в такие десятилетия, когда Николай I главенствовал в международной политике и когда не только перед ним трепетали и пресмыкались монархи и министры европейских держав, но когда и среди ненавидящих его представителей революционной общественности порой возникало чувство полной безнадежности борьбы против «северного колосса» и против поддерживаемых им удушающе-реакционных феодально-монархических порядков на всем континенте.

Разумеется, 1890 год, когда Энгельс писал свою статью, совсем не походил на тридцатые или сороковые годы XIX века, и Энгельс не имел основной называть царскую власть «последней твердыней общеевропейской реакции». Сталин и отмечает неправильность, неисторичность этого обозначения: «Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться».

И не только *эта* переоценка со стороны Энгельса роли царской власти анализируется и отвергается Сталиным. Он отмечает необоснованность также переоценки роли стремлений России к захвату Константинополя как чуть ли не главной причины развязывания в будущем войны в Европе. Нет, в 1890 году Энгельс уже не имел права обойти другой, более существенный момент: империалистическое соперничество и борьбу за колонии, за рынки сбыта и сырья, он не должен был обойти молчанием уже назревавший антагонизм между Англией и Германией.

Кто же может хоть на мгновение усомниться теперь в полной основа-

тельности этой сталинской критики? Ведь вспомним, что уже через каких-нибудь четыре с небольшим года после появления статьи Энгельса англо-германский конфликт уже успел решительно выйти из скрытого, «латентного» состояния и разразился в форме колоссального дипломатического скандала, вызванного пресловутой поздравительной телеграммой Вильгельма II Трансваальскому президенту Крюгеру по поводу победы над Джемсом¹⁹.

Преувеличение роли стремлений России к захвату проливов — тоже, как нам кажется, отчасти навеяно старыми, так глубоко переживавшимися Энгельсом впечатлениями Крымской войны. Поэтому нам показалось удивительно кстати следующее замечание Сталина: «Дело в том, что со времени Крымского поражения России (пятидесятые годы прошлого столетия) самостоятельная роль царизма в области внешней политики Европы стала значительно падать и к моменту перед первой мировой войной царская Россия играла в сущности, роль вспомогательного резерва для главных держав Европы».

Что же, с чем мы имеем тут дело: только ли с научной критикой исторических ошибок Энгельса? Нет, нечто более призывное (будущее), повелительно требующее самого пристального внимания, чувствуется и во всем содержании статьи Сталина, и в появлении ее в печати за один месяц до разбойничьего немецкого вторжения в пределы Советского Союза. Зоркий, еще ни разу не ошибавшийся кормчий сигнализировал близкую опасность: «Нужно отметить, что эти недостатки статьи Энгельса представляют не только “историческую ценность”. Они имеют или должны были иметь еще важнейшее практическое значение. В самом деле: *если* (курсив Сталина. — *Е.Т.*) империалистическая борьба за колонии и сферы влияния упускается из виду как фактор надвигающейся мировой войны, *если* (курсив Сталина), империалистические противоречия между Англией и Германией также упускаются из виду, *если* (курсив Сталина) аннексия Эльзас—Лотарингии Германией как фактор войны отодвигается на задний план перед стремлением русского царизма к Константинополю, как более важным и даже определяющим фактором войны, *если* (курсив Сталина), наконец, русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, то неясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной войной, а войной освободительной или почти что освободительной?»

Таков убийственный и (*строжайше точный*) политический вывод, который получается из этих «более чем невероятных» ошибок Энгельса.

И, конечно, подобные рассуждения Энгельса очень облегчили «совесть» разных Шейдеманов и Носке²⁰ в тот день, когда германский главный штаб нашел удобным для нападения на Россию: «Едва ли можно сомневаться, что подобный ход мыслей должен был облегчить грехопадение германской социал-демократии 4 августа 1914 года, когда она решила голосовать за военные кредиты и провозгласила лозунг защиты буржуазного отечества от царской России, от «русского варварства». Немудрено, что Энгельс и дальше уже в 1891 г. провозглашал (в письмах к Бебелю): «победа Германии — есть победа Революции», «если Россия начнет войну, вперед на русских и союзников, кто бы они ни были». Приведя эти восклицания Энгельса, Сталин отмечает, что при подобных лозунгах «не остается места» для надежд на превращение [войны] империалистической в войну гражданскую. Энгельс еще считал нужным сделать (реального значения *не* имеющую) оговорку «если Россия начнет войну»... Кому же не известно, что в 1914 году Шейдеман и Носке моментально поверили на слово, что именно Россия желает начать войну?

А в 1941 году Геббельс уже прямо *хвалился* тем, что никаких предлогов не требуется... Прогресс в «откровенности» был бесспорный.

Если, по давнишнему классическому определению, лицемерие есть дань, которую порок платит добродетели, то немецкие социал-демократы оппортунистического типа, еще платившие эту дань в девяностых годах XIX

века и даже еще в 1914 году — в гитлеровские времена окончательно избавили себя от этой докучливой обязанности и отбросили далеко прочь всякие фиговые листья.

Но вот наступил час, когда всемирная история выдвинула Сталина на первое место, вручила ему меч войны, весы международного правосудия и участь цивилизованного человечества.

Он, всегда так внимательно вчитывающийся в скрижали всемирной истории, — вписывает в них золотыми буквами давно прославленное имя.

Он предвидел наступление катастрофы, и с первых же дней нашествия, в самые грозные, тревожные минуты его он на весь мир спокойно заявил, что победа будет за нами, что не одолеть гнусным фашистским гадам советский народ.

Ему поверили все, потому что ни одного слова никогда еще Сталин не бросал на ветер.

И в той твердой его уверенности, что мы одержим конечную победу, несомненно сказалось также многое, очень многое, что он умел извлечь из истории, постоянно ее изучая и неотступно вдумываясь в ее безмолвные и все же красноречивые указания.

Что он правильно, проникновенно, ее уроки учел, — об этом нам не только постоянно напоминают победоносные орудийные салюты, но об этом говорит и всемирное признание великой моральной и интеллектуальной мощи этого мыслителя, организатора, государственного деятеля, военного вождя, который так твердо и уверенно ведет народы Советского государства по пути чести и славы к окончательному уже недалекому предсказанному им торжеству их правого дела.

Евг. Тарле.

Веками накапливался русской историей могучий военный потенциал русского народа и других народов, неразрывно с ним связанных. И всегда Сталин проявлял глубочайший душевный интерес к изучению этого исторического процесса роста сил.

Но теперь именно ему была дана возможность *впервые* за всю историю России полностью и с неизмеримо колоссальными результатами использовать этот потенциал.

Не пространство и не все экономические ресурсы России сами по себе одержали в великом и страшном состязании 1941—45 гг. окончательную, решающую победу.

Организаторские усилия перед войной и во время войны, яркое творчество в «науке о победе», могучий дар стратега, великое умение в самые критические минуты борьбы вдохнуть в двухсотмиллионную массу твердую веру в неминуемое конечное торжество — вот что навеки связало имя Сталина уже не только с величайшей из революций, но и с величайшей из войн, когда-либо бывшей на земле.

Евг. Тарле

РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1513, л.3—24.

Машинопись имеет пометки Александрова, которые здесь не приводятся.

1. Датируется по упоминаниям в тексте статьи о продолжающихся боевых действиях.
2. 21 апреля 1938 г. политбюро приняло решение «Об издании “Истории XIX века” под редакцией Лависа и Рамбо», в котором, в частности, говорилось: «4. Организовать обстоятельную рецензию по “Истории XIX века”. 5. Дать предисловие (обоснованное, критическое)» (РГАСПИ, ф.17, оп.3, д.998, л.45). По заданию политбюро вводную часть «От редактора» написал Е.В. Тарле, он же поместил статью-рецензию на этот труд в «Большевике» (1938, № 14).
3. Речь идет о книге: ПЛУТАРХ. Избранные биографии. М.-Л. 1941. Издание было ориентировано на использование в практических занятиях со студентами (переводы снабжены вступительными статьями и обширнейшими комментариями). Автор «Сравнительных жизнеописаний» греческий историк и философ Плутарх Хе-

- ронейский (46—127 гг.) рассматривал исторический процесс с точки зрения морализаторской, проповедовал патриотизм. Выбор Плутарха может быть не случайным. Считалось, что «политическим идеалом Плутарха являлась мировая империя Рима под управлением сильных личностей с привлечением греческой интеллигенции» (Малая советская энциклопедия. Т. 6. М. 1930, стб. 611).
4. Цитата из интервью Сталина с Эмилем Людвигом. См.: СТАЛИН И.В. Соч. Т. 13, с. 112.
 5. Беседа с Людвигом, 9 (цит.изд.). (Прим. авт.).
 6. И.СТАЛИН «О Ленине», 11—12 (изд.1931 г.) (Прим. авт.).
 7. «Исторические параллели всегда рискованны» — фраза из интервью Сталина с Эмилем Людвигом. См.: СТАЛИН И.В. Соч. Т.13, с.104.
 8. Беседа с нем. писателем Эмилем Людвигом, 15, Партиздат, 1933 г. (Прим. авт.).
 9. «Вопросы ленинизма», 36. (Прим. авт.).
 10. Людвиг Эмиль (1881—1948) — немецкий писатель и журналист, автор биографий Бисмарка, Линкольна, Бетховена, Рембрандта, Гете, Наполеона. В 1931 г. опубликовал беседу с Троцким в книге «Дары жизни», а в 1936 — книгу о Сталине.
 11. Беседа с нем. писателем Эмилем Людвигом, 10, Партиздат, 1933 г. (Прим. авт.).
 12. Марксизм и национальный вопрос, 65. (Партиздат, 1935 г.). (Прим. авт.).
 13. Уэллс (Wells) Г. (1866—1946) — английский писатель, в 1920 г. посещал СССР, беседовал с Лениным.
 14. Беседа с английским писателем Уэллсом, 15, Партиздат, 1935 г. (Прим. авт.).
 15. Марксизм и национально-колониальный вопрос» 65—65—67 Партиздат, 1935. (Прим. авт.).
 16. Текст сноски отсутствует. — М.З.
 17. «Большевик» 1941 г. №5. стр.2. (Прим. авт.).
 18. Князь Ливен Х.А. (1777—1838) — в 1809 г. был послом в Берлине, 1812—1834 гг. — в Лондоне. Княгиня Дарья Христофоровна (Доротея) (1784—1857) славилась салоном в Лондоне, с 1839 г. в Париже. Воздействовала на французское правительство в пользу России.
 19. Тарле описал этот скандал в своем труде «Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг.» (ТАРЛЕ Е.В. Соч. в 12 тт. Т. 5. М. 1958, с. 64—65).
 20. Шейдеман (Scheidemann) Ф. (1865—1939) — один из правых лидеров СДПГ, член правления партии с 1911 г.; Носке (Noske) Г. (1868—1946) — германский правый социал-демократ, один из организаторов белого террора в январе—марте 1919 г. в Германии.
 21. Вторично сделанной подписью, очевидно, заканчивается фрагмент, дописанный Тарле после майской победы 1945 года.

Боярство и церковь в домонгольской Руси

П.С. Стефанович

Христианство, пришедшее на Русь как внешний импульс, начало проникновение в толщу народной культуры с завоевания знати — верхнего, наиболее мобильного, просвещенного и «открытого» слоя общества. Л.П. Федотов справедливо отмечал, что христианство Киевской Руси идет рука об руку с цивилизацией и является «в основном городской религией, верой аристократического общества»¹. Именно знати, то есть прежде всего боярству, вслед за князьями, принадлежит особая роль в становлении и первоначальной истории Русской православной церкви. В то же время определенный комплекс религиозных представлений и идеология, связанные с христианством (в той форме, в какой оно пришло на Русь), так или иначе оказывали влияние на ценности и идеалы, которыми руководствовались представители высших слоев древнерусского общества в реальной жизни.

Внимание исследователей привлекает участие княжеской власти в церковных делах и отношение некоторых князей к религии и церкви², тогда как о роли знати в этом плане речь заходит только мельком, когда в летописях упоминаются отдельные представители боярства в той или иной связи с церковью или в поле зрения исследователей попадают рукописи и предметы культа, созданные по заказу знатных людей и пожертвованные ими в храмы и монастыри³.

В данной статье боярство рассматривается в двух аспектах его отношения к церковной организации: 1) как основной контингент для занятия высших церковных должностей, и 2) как слой, из которого происходили наиболее заметные и влиятельные основатели и покровители церковных учреждений (разумеется, помимо членов княжеского дома). Несколько предварительных замечаний касаются первых этапов проникновения христианства в социальные верхи Киевской Руси.

Основные данные по рассматриваемой теме приходятся на время начиная приблизительно со второй половины XI века. В источниках до этого времени дружина или отдельные представители знати упоминаются в контексте церковной истории или религиозных вопросов лишь изредка и, как правило, в связи с деятельностью князей.

Между тем христианизация правящего класса Древнерусского государства началась довольно рано, задолго до официального крещения Руси. Известно, например, что в 944 г. договор с греками заключали «съли и гостье»,

«послании от Игоря великого князя Рускаго и от всякоя княжья и от всехъ людий Руския земля» (со славянскими, скандинавскими и финно-угорскими именами), среди которых были не только язычники, но и те, которые «крещенье прияли суть»⁴.

Однако в конце X в. не только основная масса населения была чужда христианству, но и в высшей социальной среде приобщившихся к «свету истинной веры» было не много. Во всяком случае, картину совершенного господства язычества рисует сказание (житие) о варягах — мучениках за веру, которое читается в прологах под 12 июля и помещено в Повести временных лет (ПВЛ) под 983 годом. Согласно проложному житию (которое считают древнее, чем ПВЛ⁵), князь Владимир, будучи еще язычником, совершал «съ бояры» жертвоприношения «идоломъ» в честь победы над ятвягами. «И реша стари, — повествует житие, — мечамъ жраби на сыны и дщери наша, да изрежемъ богомъ нашим. И беше нехто человекъ Божии именемъ [здесь, возможно, пропущено имя], варягъ родомъ, прешел бе ись Цесаря града с сыномъ своимъ Иваномъ, (я)вль сядаше въ Кыеве дръжя веру крьстьяньскую»⁶. Из этих слов следует, что и «бояре» князя Владимира, и «стари» были язычниками, а варяг-христианин со своим сыном представляется совершенно одиноким — как чужак, пришедший из Византии. Согласно же дальнейшему изложению, с разбушевавшейся толпой (киевляне хотели принести в жертву его сына, на которого пал жребий) он оказывается также один на один, без помощи — которую теоретически можно было бы ожидать — своих братьев по вере⁷.

В рассказе ПВЛ о крещении Руси князь Владимир с дружиной предстают первыми адептами христианства — когда в Корсуне (Херсонесе) крестился Владимир, вслед за ним, «се же видевшие», крестились и «мнози» из «дружины его». Именно на бояр как на элиту общества ориентировалось население Киева, когда Владимир объявил о свержении Перуна и крещении города: «аще бы не се добро было, — говорили люди, — не бы сего князь и боляре прияли». В летописи особенное внимание обращается на то, что сам выбор в пользу христианства был сделан Владимиром по совету бояр, «старцев» и дружины: они ему советуют послать «мужей» в разные страны «испытати» веры, затем послы отчитываются «пред дружиною», а окончательный совет Владимиру дают «боляре» — «аще бы лих закон гречьски, то не бы баба твоя прияла Ольга, яже бе мудрейши всех человек»⁸. Решение о принятии христианства, таким образом, было, с точки зрения летописца конца XI в., корпоративным, принадлежит всему правящему классу. Настаивать на том, что крещение приветствовалось широкими кругами населения или было просто добровольным, было бы натяжкой, но зато подчеркивалось, что в этом принципиальном вопросе князь опирался на мнение знати и был поддержан ею в традиционном духе «думы» правителя с мудрыми советниками. Это был важный тезис, выдвинутый именно в начальном летописании (в котором вообще довольно сильна тенденция выделять роль дружины и советников князя во всех общественных и государственных начинаниях). В других древних произведениях, посвященных князю Владимиру (в «Памяти и похвале Владимиру», в его проложном житии), каких-либо упоминаний об участии знати в принятии христианства не находим.

В дальнейшем, после этого рассказа вплоть до конца рассматриваемого периода, на страницах летописей князь больше никогда не обсуждает церковно-религиозные вопросы со светскими сановниками и своими приближенными. Уже в статье под 996 годом в ПВЛ, с одной стороны, говорится, что Владимир, «любя дружину», думал с ней «о строи землене и о ратех и о уставе землене», а с другой стороны, тут же рассказывается, как проблема, имевшая религиозную подоплеку (Владимир не казнил разбойников, «боясь греха»), решилась по совету «епископов», а «старци» были привлечены к делу только тогда, когда речь зашла о распределении собранных вир. Даже в позднейших свидетельствах, например, о назначении архиереев на ту или иную кафедру, говорится об участии в этом деле в первую очередь князя, а также

горожан, но о боярах или дружине упоминаний нет⁹. Вряд ли, таким образом, можно говорить о прямом влиянии знати на церковное управление или решение религиозных вопросов на государственном уровне.

Процесс христианизации был долгим и сложным. Скучные данные источников позволяют утверждать, что лишь ко второй половине XI в. православие по-настоящему завоевало умы и души древнерусской аристократии. Весьма характерной в этом плане видится фигура боярина Яна Вышатича, представителя известного аристократического рода, связанного с киевскими князьями¹⁰, какой она вырисовывается из сообщений ПВЛ и рассказов Нестора. В знаменитом рассказе о ростовских волхвах, помещенном в ПВЛ под 1071 г., Ян Вышатич предстает искренним и просвещенным христианином, который разоблачает «бесовскую прелесть», ведет теологическую дискуссию и обличает заблуждения с правоверных позиций. В летописи боярин удостаивается весьма лестной характеристики, данной в связи с его кончиной в 1106 г.: «В се же лето преставися Янь, старецъ добрыи, живъ лет 90, в старосте мастите, живъ по закону Божью, не хужии бе первых праведник, от него же и азъ многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах. Бе бо мужъ блажь, и кротокъ, и смиренъ, огребаяся всякая вещи, его же и гробъ есть в Печерьском монастыри в притворе, идеже лежитъ тело его, положено месяца иуны въ 24». В «Сказании о перенесении мощей Феодосия Печерского» Нестор отзывается о Яне Вышатиче как о «благочестивом вельможе». Боярин и его жена были духовными детьми Феодосия, который их часто поучал и любил, «понеже живяста въ заповедехъ Господнихъ и въ любви между собою пребываста»¹¹.

Благочестивый боярин, которого за праведное житие уважал сам Феодосий Печерский, не был, по-видимому, одинок в своей среде в религиозных убеждениях. На стенах киевского Софийского собора и новгородской Софии сохранились довольно многочисленные «памятные» и «молитвенные» надписи, которые оставляли знатные люди начиная приблизительно с конца XI века. О религиозности авторов этих граффити (среди которых исследователи распознают таких известных бояр конца XI — начала XII в., как новгородец Ставр и киевлянин Чудин¹²) говорит не только сам факт появления надписей, но и их содержание. Например, Ставр Городятинич оставил в киевской Софии такую надпись: «Г[оспод]и, помози рабу своему Ставьрови недостойному рабу тв[о]му»¹³.

Исходя из летописных сведений, относительно начала XII в. уже нет никаких оснований сомневаться в религиозности знати и приобщенности ее к православной церкви. Представители знати в своих речах призывают Бога и святых, расценивают борьбу с половцами как богоугодное дело, участвуют в религиозных церемониях и обрядах (например, крестоцеловании) и т. д. В этом аспекте боярство в конце XI в. по-прежнему более или менее отличалось от низших слоев населения. Показательно, что, согласно статье ПВЛ под 1071 г., во время «мятежа», устроенного волхвом в Новгороде, «все яша ему веру и хотяху погубити епископа»; на сторону епископа, призвавшего идти «ко кресту», встали только князь «и дружина его» — «а люди все идоша за волхва». А в так называемых «Канонических ответах митрополита Иоанна II» (1080 — 1089 гг.) критикуется мнение, распространенное среди «простых людей», что освящать брак церковным таинством венчания им не нужно, «но бояром токмо [и] князем венчаться»¹⁴. Очевидно, различия между «людьми» и «дружиной» были не только социальными, но водораздел в то время мог проходить и по религиозному принципу.

Таким образом, судя по данным письменных источников, во второй половине XI в. высшие социальные слои Киевской Руси в целом выглядели уже вполне по-христиански; до этого времени знать хотя и была основным «реципиентом» христианского вероучения, однако едва ли ее христианизация была полной и окончательной.

В средневековых государствах знать как общественный класс в церковно-религиозном отношении выполняла важную функцию: ее представители

занимали видные церковные должности — игуменов крупных монастырей и архиерейские.

К сожалению, относительно средневековой Руси слишком мало данных о социальном происхождении церковных сановников. Отчасти это объясняется тем, что в документах и памятниках церковного характера намеренно замалчивались эти сведения на основании идеи равенства всех членов церковного сообщества и отсутствия в их среде каких-либо иных различий, кроме определяемых достоинством священного сана. Источники более поздние свидетельствуют, что хотя в принципе доступ на высшие церковные должности был открыт и для людей низкого звания (патриарх Никон, например, был из крестьян), но обычным было все-таки поставление на эти должности людей более или менее знатных. При этом сделать церковную карьеру можно было только постригшись в монахи: этот порядок еще знал редкие исключения в домонгольское время, но позднее стал обязательной нормой¹⁵. В конце XV в. монастыри рассматривались как естественный и традиционный источник пополнения архиерейских кадров иноками из знати. Иосиф Волоцкий, защищая «стяжательство» монастырей, предлагал такую цепочку умозаключений: «аще у манастырей сел не будет, како чесному и благородному человеку постричися? И аще не будет честных старцов, отколе взяти на митрополию или архиепископа или епископа и на всякия честныя власти? А коли не будет честных старцов и благородных, ино вере будет поколебание»¹⁶.

Иосиф Волоцкий, таким образом, прямо связывает недостаток в «честных и благородных старцах» для замещения кафедр с «поколебанием веры», а это обстоятельство имеет государственное значение. Логика Иосифа Волоцкого довольно убедительна и не лишена практического смысла; определенную силу она должна была иметь и в более древнее время, тем более что русские монастыри, как известно, стали обзаводиться селами и другими «имениями» с древнейшего времени.

В пользу того, что в домонгольское время «у нас были ставимы епископы из монахов... главным образом именно происхождения аристократического, принадлежавших по миру к сословию боярскому», Е.Е. Голубинский привел целый ряд гипотетических, но убедительных аргументов: во-первых, так обстояло дело в Византии, во-вторых, преимущественно знатные могли получить достаточное образование и т.д.¹⁷ Голубинский, в частности, отмечал, что за поставление в сан епископа, игумена и т. д. кандидат должен был платить «ставленническую» пошлину (соответственно, митрополиту, епископу и т. д.). Неизвестно, каков был ее размер в Древней Руси, в Греции же эти пошлины были весьма значительны, и заплатить их могли либо люди богатые, либо светские правители за своих ставленников. Кроме того, поскольку архиерейские кафедры представляли собой в Древней Руси должности большой «славы и чести» и весьма доходные «кормления», то их добывались не брезгуя никакими средствами — с помощью взяток князю, используя связи с высокопоставленными людьми и т. д. (что было по силам, главным образом, людям богатым и значительным)¹⁸. Для домонгольского периода об этом есть ряд свидетельств. Например, когда в 1228 г. новгородцы выгоняли своего архиепископа Арсения, то обвиняли его в том, в частности, что он своего предшественника архиепископа Антония «выпроводиль», «а самъ сель, давъ мзду князю»¹⁹. Наконец, князья, которые принимали самое прямое и деятельное участие в назначении архиереев и игуменов в княжеских монастырях, должны были быть заинтересованы в том, чтобы видеть на этих постах людей близких себе по духу и социальному облику и известных также своим «мирским» достоинством.

Несколько отрывочных данных источников, относящихся к рассматриваемому периоду, подкрепляют эти соображения. Возможно, происходил из социальных верхов известный древнерусский церковный писатель и деятель Кирилл, епископ города Турова, живший во второй половине XII века. Его проложное житие, датируемое, по-видимому, второй половиной XIII — первой половиной XIV в., сообщает, что Кирилл был «рожден и воспитан во

граде Турову, богату родителю сын»; стал монахом он потому, что «не любяше богатства и славы тленные мира сего». Очевидно, если он не любил славу и богатство, то более или менее представлял себе практически, что это такое²⁰. В пользу высокого происхождения епископа говорит его широкая образованность и глубокая аскетическая религиозность в духе «византизма»²¹.

Новгородский архиепископ Антоний, занимавший кафедру с перерывами в первой трети XIII в., принадлежал к выдающемуся боярскому роду Новгорода²², славному, согласно данным Новгородской первой летописи (НПЛ), своей религиозностью и ктиторской деятельностью. В миру Антония звали Добрыня Ядрейкович, он был внуком боярина Прокши Малышевича, о котором сообщается в НПЛ, что тот в 1200 г. заложил каменную церковь 40 мучеников, а незадолго до смерти в 1207 г. постригся в Хутынском монастыре под именем Порфирия²³.

У Прокши было три сына — Нездило, Вячеслав и Ядрей (Яков). Об отношении Нездилы к церкви и религии ничего сказать нельзя. Ядрей (Яков) погиб в 1193 г. во время похода в Югру, будучи воеводой новгородской дружины. О Вячеславе сообщается, что по его заказу в 1211 г. была построена церковь 40 мучеников, а в 1227 г. расписана; в конце жизни он тоже принял монашество в Хутынском монастыре (под именем Варлаама)²⁴. Связь рода, который, по-видимому, угас к началу XIV в.²⁵, с Хутынским монастырем не случайна. Антоний был «духовным братом» основателя монастыря боярина Варлаама Хутынского и тоже закончил свой земной путь в этой обители.

Известно социальное происхождение еще двух новгородских владык — братьев Иоанна (в миру Ильи) и Григория (в миру — Гавриила), которые занимали кафедру друг за другом (с 1167 до 1195 года). В повести об основании братьями церкви и монастыря во имя Благовещения Богородицы говорится, что «сии убо беста брата себе по плоти, благородну, и благочестиву, и богату родителю чада», а также что церковь они решили строить после того, как умерли их родители, «имения же многа оставльша»²⁶. Основанный ими монастырь, судя по этой Повести, имеет черты типичной боярской ктитории (ср. ниже).

Главному монастырю домонгольской эпохи — Киевскому Печерскому — принадлежала роль «кузницы кадров» для замещения архиерейских кафедр. Епископ Владимир-Суздальский Симон в 20-е годы XIII в. отмечал, что из постриженников Киево-Печерского монастыря с его основания «до нас, грешных», «мнози епископи поставлени быша», «мню, близь 50», — и расценивал это как великую «славу и честь монастыря того»²⁷. Есть все основания предположить, что в большинстве они происходили из высших общественных слоев, так как в самой братии Киево-Печерского монастыря, судя по Патерику, было много людей богатых и знатного происхождения, которые, несмотря на формальное равенство всех «братьев во Христе», явно так или иначе выделялись.

О социальном происхождении основателя монастыря Антония и наиболее известных печерских монахов — Никона «великого», Нестора и др. — ничего не известно; сам Феодосий не принадлежал собственно к боярству, но и не был «плебейского» происхождения²⁸. Тем не менее кажется неслучайным, что если Феодосию еще удавалось придерживаться строгого устава монастырского общежития, то вскоре после его смерти, по всей видимости, установилось «келейное» житие, и в Патерике неоднократно встречаются упоминания денег и «богатств», которые держали монахи по своим кельям. Нередки и просто упоминания монахов знатных или выдающихся своим состоянием²⁹. Эти упоминания обычно «проскальзывают» без комментариев, но иногда оказываются в негативном контексте, когда авторы Патериковых «слов» подчеркивают благость нестяжания, бесребреничество наиболее известных черноризцев, святость обители, далекой от мирской суеты и тщеславия и т.д.³⁰ В этой ситуации представляется в какой-то степени образцовой «карьерой» двух известных постриженников монастыря — Варлаама, сына боярина князя Изяслава, и «каженика» Ефрема, бывшего, по-видимому, до-

моправителем того же князя (Ефрем «бе любим князем и предръжа у него вся»).

И Варлаам, и Ефрем постриглись приблизительно в одно время, чем вызвали гнев князя: «И уведав убо князь Изяслав бывшее о боярине и о каженике его, — пишет Нестор, — разгневавса зело» на иноков Печерского монастыря. Однако после примирения князя с братией оба черноризца сделали неплохую церковную карьеру. Варлаам был сначала поставлен в игумены в Печерском монастыре, а потом «изведень бысть князем повелениемъ въ манастырь с[в]я[т]а[г]о м[у]ч[ени]ка Димитрия, и ту игуменьмъ поставлень»³¹. Варлаам в данном случае послужил проводником княжеской политики, поскольку его перемещение было произведено из политических соображений. Как пишет Нестор в «Сказании, чего ради прозвася Печерский монастырь», выведя Варлаама в свой новопоставленный Дмитриевский монастырь, князь Изяслав «хотя сътворити свой монастырь выше Печерьскаго монастыря, надеася на богатство»³². Ефрем же стал позднее митрополитом Переяславским (после упразднения этой митрополии он упоминается как епископ).

Если Владимир Святой и его потомки известны как основатели, покровители и вкладчики многочисленных церквей и монастырей практически во всех землях Древней Руси, то можно предположить, что их примеру должны были последовать и другие представители общественной элиты. Действительно, есть некоторые данные, начиная со второй половины XI в., что бояре и вообще люди состоятельные и выдающиеся делали крупные вклады в церковные учреждения, основывали церкви и монастыри, причем нередко сами постригались в эти монастыри и становились их настоятелями.

Первое летописное упоминание о жертвованиях на религиозные и благотворительные цели со стороны людей, не принадлежащих к княжеской фамилии, находим под 1103 годом. Автор ПВЛ рассказывает, что перед битвой с половцами «русские же князи и вои все моляхуть Бога и обеты вздаяху Богу и Матери его, овъ кутьею, овъ же милостынею убогим, инии же манастырем требованья»³³. Под «воями» в летописи могли подразумеваться разные социальные категории населения, но, конечно, среди них в данном случае имелись в виду и дружинники. Что представляли собой жертвования (в данном случае — «обетные») на милостыню и в монастыри, летописец не уточняет. Но об этом можно судить по данным Киево-Печерского патерика (см. ниже), а также по сохранившимся рукописям, предметам культа с надписями, указывающими на заказчика, жертвователя или владельца.

Такого рода запись есть, например, в Остромировом евангелии — одной из самых знаменитых древнерусских рукописей. Писец евангелия, дьякон Григорий, посвятил одну из двух приписок на последних листах рукописи заказчику — новгородскому посаднику Остромиру (по-видимому, деду боярина Яна Вышатича): «Написахъ же еу[ан]г[е]лие се рабу Б[о]жию наречену сущу въ кр[е]щении Иосифъ, а мирьскы Остромирь, близоку сущу Изяславу кънязю (далее сообщается о правлении князя Изяслава и посадничестве Остромира. — Л. С.)... Мьнога же лет[а] даруи Б[ог]ъ сътяжавъшуму еу[ан]г[е]лие се на на утешение мьногамъ д[у]шамъ кр[е]стияньскамъ, даи ему Г[оспод]ъ Б[ог]ъ бл[а]гослове[н]ие с[в]я[т]ыхъ еванг[е]листъ Ииоана, Матфеа, Луку, Марк[а] и с[в]я[т]ыхъ прао[те]ць Авраама и Исаака и Иякова, самому ему и подружю его Феофане и чядомъ ею и подружиемъ чядъ ею. Съдравьствуите же мьнога лет[а] съдръжяще поручение свое. Аминъ»³⁴.

Прославление заказчика и пожелание ему и его семье «многая лета» содержатся во вкладных записях и других домонгольских рукописей с религиозно-богослужебными текстами. В одном случае можно наверняка утверждать, что «ктитором» был боярин: поп Домка «помощию Христовою» переписал евангелие в 1215 г. «повелением» новгородца Миляты Лукиничя³⁵. В двух других случаях это можно предполагать с высокой степенью вероятности. В так называемом Пантелеймоновом евангелии сохранилась часть записи, в которой прославляются заказчик и его «подружие». О заказчике говорится, в частности, что свое благочестие он выразил разнообразными вкладами

ми в некую церковь: «яко мног[о] муж ть[и] учини еже на потребу ц[е]ркви, преж учини икону с[вя]т[у]ю Б[огороди]цю, потомь к[оло]коль, потомь съц...» (далее часть текста утрачена)³⁶. Рядом с записью на полях рукописи помещены миниатюры, изображающие святых Пантелеймона и Екатерину — предполагают, что это были патроны знатного ктитора и его жены. Известен также некий Георгий, заказавший в XII в. Апостол и положивший книгу в церковь Петра и Павла «въ память дедъм и прадедомъ» (имена которых перечислены в записи писца Добра) и себе. Исследователь рукописи считает, что Георгий был «родовитый горожанин», «конечно, скорее боярин, чем рядовой ремесленник или торговец»³⁷. Содержание вкладных записей более или менее одинаково: писец указывает, кто явился ктитором, «стяжавшим» рукопись (то есть заказавшим и оплатившим ее изготовление), и желает ему, его жене, семье здравия в этом мире и спасения в Царствии небесном.

Еще более ярким, чем вклады и пожертвования, показателем религиозности знатных людей является строительство ими на свои средства церквей. В домонгольском Киеве было, по всей видимости, немало церквей, построенных состоятельными людьми для собственного пользования в их усадьбах и дворах. Возможно, первое известие о такой *частной* церкви содержится в статье ПВЛ под 882 г.: летописец (по-видимому, составитель Начального свода), поясняя местонахождение могилы Аскольда и Дира, пишет, что теперь на этом месте (в урочище, известном как Угорское) «Ольмин двор», где Олма «поставил церковь святого Николу»³⁸.

В Киево-Печерском Патерике есть несколько указаний на церкви под покровительством лиц частных, а не облеченных высшей государственной или церковной властью. В Житии Феодосия упоминается, например, что «властелинь» Курска (по-видимому, княжеский посадник), когда юный Феодосий служил ему в качестве «отрока», «видевъ отрока въ такомъ съмерении и покорении суца, възлюби зело и повеле же ему, да п[ре]бываетъ у него въ ц[е]ркви»³⁹.

В повести об Алимпии иконописце (жившем в монастыре в конце XI — начале XII в.) рассказывается о сложных взаимоотношениях мастера со своими заказчиками, двое из которых, как выясняется, были владельцами частных церквей. Один заказчик описывается как «некто мужь христолюбець от того же града Киева», который «церковь себе постави и възхоте сътворити церкви на украшение и великихъ иконъ: 5 деисуса и две наместнии» (церковь, как говорится в другом месте, стояла на Подоле); сообщается также, что за иконами, которые этот киевлянин долго не мог получить, он пришел в монастырь «съ многою дружиною» — следовательно, был человек могущественный⁴⁰.

Другой «боголюбець» также не мог получить от Алимпия заказанной иконы — наместный образ Богородицы — вплоть до самого праздника Успения Богородицы. В то время, как в последнюю ночь перед праздником написать эту икону Алимпию помог ангел и чудесным образом перенес ее в Киев, «господинъ же иконы безъ сна пребысть всю ночь отъ печали, понеже не бысть иконы на праздникъ, недостойна себе и грешна нарицаа таковыа благодати. И въставъ убо, иде въ церковь, да тамо плачется своего согрешения, и отврзьзъ двери церьки, и виде икону сияющу на месте своемъ, и паде отъ страха, мневъ, яко привидение некое явися ему. Възникнувъ же мало отъ страха, разумевъ, яко икона есть, въ трепете и ужасти мнози бывъ, помянувъ глаголы преподобнаго, и текъ, възбуди домашняя своа. Они же с радостью текоша въ церковь съ свещами и съ кандилы, и видеша икону, сияющу паче солнца, и падши ниць на земли, и поклонишася иконе, и лобызаше съ веселиемъ душа»⁴¹.

Как можно понять из этого рассказа, церковь, об украшении которой заботился «господин» той иконы, была частной, то есть была предназначена именно для господина и его «домашних» и составляла часть его имения (он держал у себя ключи от церкви). Интересно также упоминание о переживаниях владельца церкви, который не смог получить икону к храмовому праз-

днику: он смиренно считает, что сам за собственные грехи оказался недостойн такой «благодати», и собирается в своей церкви эти грехи оплакивать. Этот рассказ вносит еще один штрих в картину религиозности высших слоев Древнерусского государства конца XI — начала XII века. Прежде боярин Ян Вышатич, правя суд над мятежными волхвами, задумывался о том, получит ли он сам за свое решение «мзду» или «зло» от Бога. Теперь состоятельный киевлянин, владелец домашней церкви, видит в необязательности иконописца собственный грех, то есть осмысляет происходящее в религиозно-моральных критериях.

В Киеве частные церкви были обычным явлением. Только наличием большого числа домашних церквей можно объяснить огромную цифру в сообщении Титмара Мерзебургского о количестве церквей в Киеве — «более четырехсот». В Лаврентьевской летописи говорится о сгоревших церквях в Киеве в 1124 г. — «близь 6 сот»⁴². «Следуя примеру правителя и обычаю, известному из Византии, — пишет в этой связи А.Поппе, — почти каждый знатный горожанин стремился воздвигнуть храм на собственном дворе, сначала, наверное, с целью наглядной демонстрации своих религиозных убеждений и лояльности власти. Такая церковь свидетельствовала также о политическом значении и авторитете того или иного боярского рода в новой, христианской, действительности. Подобно князю, бояре таким образом также хотели выглядеть защитниками и покровителями новой веры»⁴³.

В других городах, по всей видимости, церкви строились, хотя бы и частными лицами, как приходские, поэтому в сообщениях о пожарах в Ростове, Владимире, Новгороде и других городах число сгоревших церквей не превышает двух-трех десятков⁴⁴. Показательно, что строительство церквей в Новгороде боярами, а также князьями и (архи)епископами отмечается в НПЛ как общезначимое событие — очевидно, эти церкви не были частными. Недаром именно относительно Новгорода сообщается о строительстве церквей купеческими корпорациями — здесь состоятельные люди «индивидуализму» в основании церквей предпочитали «коллективизм»⁴⁵. Вообще же в НПЛ упоминается об основании боярами почти двух десятков церквей до татаро-монгольского нашествия⁴⁶. Первое сообщение такого рода помещено под 1115 г.⁴⁷, хотя под 1049 г. в НПЛ младшего извода летописец, поясняя, где раньше стоял Софийский собор, пишет: «конец Пискупле улице, идеже ныне поставил Сотьке церковь камену святого Бориса и Глеба над Волховомъ». Но это «ныне» следует относить к 1167 г., под которым обозначена закладка этой церкви Соткой Сытиничем⁴⁸.

Любопытно сопоставить данные о строительстве церквей знатными и состоятельными людьми в Киеве и в Новгороде с надписями на двух «новгородских кратирах» (чашах для причащения) первой половины XII в. (сохранившихся в ризнице новгородского Софийского собора). Кроме религиозных сентенций, на кратирах вытиснены две владельческие надписи: на поддоне первого — «Съ съсудъ Петриловъ и жены его Варвары», и на поддоне второго — «Съ съсудъ Петровъ и жены его Марье»⁴⁹. Очевидно, чаши «предназначались только для причащения двоих супругов» и принадлежали «представителю высшего новгородского боярства»⁵⁰ (как предполагают, новгородскому посаднику Петриле Микульчичу, упоминаемому в летописях⁵¹) и его женам (или двум разным знатым супружеским парам Новгорода). Эти предметы с надписями говорят не только о религиозности новгородского боярства XII века. Тот факт, что боярин заказывал для себя и своей жены отдельные чаши для причащения, свидетельствует о стремлении к частности, уединению при удовлетворении своих религиозных потребностей. Это стремление могло выражаться в строительстве частных, домашних церквей (как в Киеве), но, как видим, знатные и состоятельные люди могли отделяться от окружающих и по-другому, например, используя собственные церковно-религиозные принадлежности (этот способ отделиться от остальных молящихся подходил, наверное, больше Новгороду, где преобладали церкви приходские, общественные).

Строительство церквей боярами, особенно частных церквей, заставляет предполагать, что строители-ктиторы находились в особых отношениях со «своим» духовенством. По источникам более позднего времени известно, что бояре, заводя церкви и монастыри, предназначенные только или в основном для «обслуживания» их самих и их семей, на свои же средства содержали и клир при них. Священники этих «домашних» храмов, будучи как бы на постоянной службе у боярина, нередко не только считались членами «дома», но и становились его доверенными лицами — весьма вероятно, благодаря тому, в первую очередь, что являлись духовниками ктитора и его семейства. В домонгольское время священнослужители в этой роли упоминаются преимущественно в связи с деятельностью князей: князья используют их для посольств и ведения переговоров, духовники князей нередко выступают как наиболее близкие им люди и т.д. Однако есть упоминания и о священниках при знатных лицах. Один из наиболее значительных вкладчиков Киево-Печерского монастыря варяг Шимон, согласно Патерику, пришел на службу к Ярославу Владимировичу «со всею домою своею, яко до 3000 душ, и со ереи своими». При Яне Вышатиче во время его столкновения с волхвами в Белоозере упоминается его «попин», которого убили во время схватки Яна с мятежниками⁵². В «Сказании об иконе Владимирской Богоматери» рассказывается об одной женщине, которая исцелилась, дав обет иконе Владимирской Богоматери, причем выясняется, что в доме при ней жил «поп», который называет ее «боярыни наша». В этом же произведении упоминается другой «поп», которого посылает боярыня из своего монастыря в другой город к брату⁵³.

Относительно монастырского строительства или вкладов боярства в монастыри данных несколько больше. Уже самая знаменитая обитель Древней Руси — Киево-Печерский монастырь — обязан своим возвышением во многом именно боярскому благочестию. Этому факту обычно не придается большого значения, однако он весьма показателен, являясь одним из свидетельств того, что возникновение первой поистине общенародной святыни было связано не с централизованной государственной религиозной политикой, но с частными религиозными устремлениями отдельных людей — как тех, кто осознал монашеский подвиг как свое призвание, так и тех, кто увидел в этих людях выражение христианских идеалов и постарался так или иначе к ним приобщиться. В данном случае важно отметить, что не только среди монашествующих было немало представителей знати, но среди их почитателей знатные люди составляли подавляющее большинство — во всяком случае в первоначальной истории монастыря⁵⁴.

Из Несторова Жития Феодосия следует, что как раз бояре первые, раньше князей, оценили подвижничество Феодосия: еще когда он только стал игуменом, начали многие «оть вельможь приходити к нему бл[аго]с[ло]вления ради, и от имени своихъ малу некаку часть подаючи имъ». Лишь потом, когда Феодосий уже совсем прославился, «слышаще князи и боляре доброе ихъ житие, прихожаху къ великому Феодосию, исповедающе тому грехы своя», а затем и «приношааху ему нечто мало отъ имени своихъ на утешение братии, на състроение монастырю своему, друзии же и села въдавающе на попечение имъ». Когда же обличения Феодосием братьев князя Изяслава, выгнавших его из Киева, навлекли их гнев и подвижнику грозило заточение, то уговаривали Феодосия перестать обличать и «не супротивити ся» не только братия, но и «оть боляръ мънози приходяще» (несмотря на княжескую немилость к Феодосию в тот момент)⁵⁵.

В Патерике на протяжении всего текста, хотя особенно в Житии Феодосия, подчеркивается заинтересованное отношение бояр к монастырю и его подвижникам, и проявление с их стороны веры и благочестия каждый раз фиксируется и выделяется — в отличие от князей и представителей других социальных слоев, которым отводится в основном пассивная роль (заблудших овец) или даже роль гонителей и вредителей. Характерно, например, что видение — вознесшаяся церковь Печерского монастыря — Нестор при-

писывает именно одному «оть боярь» князя Изяслава⁵⁶, а одно из нескольких посмертных чудес Феодосия, о котором повествует Патерик, связано как раз с «неким боярином» киевского князя⁵⁷. Проводить Феодосия в последний путь не пришел князь, но зато пришло «верьныхъ множество», среди которых были «бояре мнози». При довольно сложном отношении Нестора к Изяславу и другим князьям (отчасти вслед позиции Феодосия) единственная определенно положительная оценка светского лица, которая содержится в его произведениях, включенных в Патерик (да, пожалуй, и в остальных «словах» Патерика), относится не к князю (и уж конечно не к представителю «простих людей»), а к Яну Вышатичу, «благочестивому вельможе», и его жене⁵⁸. В целом, похоже, всех авторов «Слов» Патерика объединяет тот факт, что внимание постоянно концентрируется (разумеется, помимо «внутренних» событий и преданий) не столько на роли князей, сколько на участии бояр в жизни и истории монастыря.

Нестор не пишет специально о вкладах в монастырь, но среди той «милостыни», о которой у него упоминается в самом общем плане, выделяется один боярский вклад. Боярин князя Изяслава Здеслав Ггеуевич с христианским именем Климент перед битвой дал обет пожертвовать в Печерский монастырь деньги на окование иконы Богородицы, но потом забыл об этом, и только после чудесного явления иконы Богородицы, повелевшей ему исполнить обет, не только исполнил обещание, но и добавил в дар Евангелие⁵⁹. Это первый пример широко распространенной впоследствии практики тех или иных «обетных» жертвований (вплоть до строительства «обетных» церквей), однако в XI в. эта хорошо известная традиция «народной религиозности» пока характерна только для знати (да и то, видимо, она еще не совсем укоренилась, — если боярину в данном случае потребовались особые напоминания; ср. приведенное выше известие ПВЛ под 1103 г. об обетах русских «воев» перед битвой).

В довольно обширном рассказе Патерика (по-видимому, принадлежащем перу епископа Симона) о строительстве Успенской церкви в Печерском монастыре уже целенаправленно разбирается вопрос, на какие средства строился главный монастырский храм (впоследствии собор). Хотя отмечаются вклады князей и разных лиц, описывается также чудесная помощь Божьим промыслом, но особое внимание в этом отношении уделяется вкладам бояр. В первом же «слове» Патерика повествуется об особенной «любви к святому тому месту», то есть к монастырю, варяга Шимона, который, согласно Патерику, был сыном некоего Африкана и племянником Якуна, упоминаемого ПВЛ в дружине Мстислава Владимировича; Шимон поступил на службу к князю Ярославу, а затем служил его сыну Всеволоду. Перед битвой на Альте 1068 г. варяг сначала, сопровождая «триумвират» князей, посетивший Печерский монастырь, сподобился там от Антония предсказания об исходе битвы, а затем благодаря молитве, обращенной к Антонию и Феодосию, спасся от смерти. При этом ему было видение церкви, в которой он должен был быть похоронен. Для церкви Шимон пожертвовал золотые вещи: пояс и венец с креста, который сделал еще его отец «въ земли Варяжской», «якоже латина чтут». В соответствии с указаниями, данными в видении, пояс стал той мерой, по которой была построена церковь. Антоний нарек Шимону христианское имя Симон, а Феодосий неоднократно поучал его. В результате, заключает автор Патерика, тот, кто «прежде бывъ варягъ», теперь «благодатию Христовою христианъ, научень бывъ святымъ отцемъ нашимъ Феодосиемъ», оставил «латиньскую буюсть». Шимон давал Феодосию «имения многа на възграждение монастырю», а игумен молился за него, его сына Георгия, за его «ближних» и родителей «и до последнихъ рода» его. Более того, свою молитву Феодосий написал, и она была вложена в гроб Шимону, «иже и донныне влагаются умершему в руку таковую молитву, — пишет составитель Патерика, — и оттоле утвердися таковое написание полагати умершим, прежде бо сего инъ не сотвори сицевыя вещи в Руси»⁶⁰.

Шимон-Симон, таким образом, предстает первым и самым почетным

вкладчиком-ктитором обители; его золотой пояс, снятый с «латинского» креста и привезенный из-за моря, стал не только «мерой и основанием» Успенского собора монастыря, но и позднее проявил целительную силу (от пояса вылечился, например, молодой Владимир Мономах). Конечно, Симон и его сын Георгий обеспечили себе вечное поминание в церкви, а в молитве Феодосия предусматривается, что они как патроны монастыря должны будут в Царствии небесном стать «одесную» Господа. Несмотря на то, что составитель этой части Патерика подчеркивает, что Шимон был варягом и оставил свои «латинские» заблуждения «чюдесь ради бывающихъ отъ святаго Антониа и Феодосиа», в данном случае важна не этническая принадлежность первого боярского вкладчика, а факт крупных пожертвований выдающегося представителя знати Киевской Руси на религиозные цели и проявления с его стороны повышенной обеспокоенности своим спасением и спасением его рода.

Едва ли можно судить, насколько адекватны исторической действительности были те видения Шимона, которые приводятся в подробностях в Патерике. Однако мысль, высказываемая здесь же, что приобщение к святости обители и поминание в «животных книгах» (синодиках), обеспечит «мзду небесную», то есть поспособствует спасению, наверняка была руководящей уже для первых вкладчиков монастыря: «Блажень и трблажень сподобивыйся в той написанъ быти, яко оставление греховъ приметь и мзды небесныя не погрешить. Радуйтесь бо, рече, и веселитесь, яко имена ваша суть написана на небесехъ: церкви бо си Богови люблеши небеси»⁶¹. При всей кажущейся банальности этой мысли, ставшей позднее общим местом всех рассуждений о жертвованиях на религиозные цели, важно учитывать, что в XI в., когда христианизация Руси была еще очень далека от завершения, такой подход к проблеме земного греха и посмертного спасения был поистине революционным. В социальном плане победное шествие этой «революции» началось «сверху», с завоевания знати.

Шимон был первый «положень» в той церкви. После его смерти, сообщает Патерик, «сынъ его Георгий», который был тысяцким в Суздале при князе Юрии Долгоруком, также «велику любовь имеше ко святому тому месту»⁶². Отдельное «слово» Патерика посвящено описанию вкладов Георгия и чудесных событий, которые их сопровождали.

Георгий пожертвовал весьма значительную сумму на окование раки Феодосия⁶³ и послал с деньгами одного «отъ боляръ своихъ, сушихъ подъ нимъ, имянемъ Василя» из Суздаля в Печерский монастырь. Посольство Василя служит в Патерике поводом для поучительного рассказа. Василий был недоволен возложенным на него поручением и проклинал «животь свой и день рожения своего, глаголаше въ уме си: Что се смыслилъ князь нашъ толико богатество погубити? И каа мзда сего ради будетъ ему, еже мертваго гробъ оковати? Но яко туне добыто и туне же повержено. Люте же мне единому, не смевъшу преслушати господина своего. Что ради домъ мои оставихъ и кого ради путь сий горький шествую? И отъ кого ли честь прииму, къ князю есмь не посланъ, ни ко иному вельможи. Что реку или что възглаголю къ оной корсте каменной, и кто ми дасть ответ? Кто ли не посмеется моему безумному приходу?»

За такое неверие, «хулу» и непочтение к святому Василий был, конечно, наказан разными бедами и болезнями от Феодосия, который ему дважды являлся с укорами и поучениями, однако после того, как суздальский боярин покаялся, он получил исцеление от того самого гроба, о котором сначала так пренебрежительно думал. Если в своих рассуждениях Василий противопоставлял «честь» посольства к князю или вельможе бессмысленному общению с гробом и неразумной трате денег, то Феодосий на деле доказал ему, что жертвовать на религиозные цели необходимо для собственного благополучия, и сообщил в видении, что за свой труд он был бы «венчанъ» истинной, а не мирской «славой». На вопрос «каа мзда сего ради будет», боярин получил от святого ответ: богатством следует «сътворити себе» праведные «другы», которые помогут — своим заступничеством — войти «въ вечныя кровы»⁶⁴.

Кроме этого вклада, Георгий Симонович, который после описанного случая «приложися весь душею къ святей Богородице и ко святому Феодосию», пожертвовал в монастырь еще «многое подаяние», в том числе золотую гривну, которую сам носил, и оставил в монастыре грамоту, которая приводится в Патерике. Эта «епистоля» интересна тем, что не имеет формализованного характера, как позднейшие вкладные или духовные грамоты, но написана скорее в стиле «завещания отеческого». Автор грамоты ставит целью, главным образом, подтверждение и закрепление «благословения и молитвы святого отца Феодосия» за родом Шимона-Симона — молитвы, которую святой «обещаяся» варягу вечно творить и действенность которой была подтверждена явлением с того света самого Симона. Георгий также приводит примеры чудодейственной силы заступничества Антония и Феодосия и под «клятвой» завещает потомкам соблюдать традицию родового патроната Печерского монастыря: «И сего ради пишу епистолю сию последнему роду своему, да никтоже отлучень буди дому Пресвятыа Богородица и преподобныхъ отецъ Антониа и Феодосиа. Аще ли кто въ последнее убожество приидеть, не могой что дати, да поне въ селехъ церкви тоа положень будет, везде бо молитва Антониева и Феодосиева заступаеть»⁶⁵.

Чудо и спасение, а также указания, сообщаемые через видения, остаются, таким образом, по-прежнему основными вопросами, занимающими сына в середине XII в., как они волновали и отца в конце XI века. К сожалению, мы не имеем достоверных сведений о роде Шимона-Симона в более позднее время⁶⁶. Составитель Патерика, епископ Владимиро-Суздальский Симон (начало XIII в.) лишь замечает, что «правнуци» Георгия «любовь имеютъ къ святому Дмитрею, ту бо имеютъ место свое въ немъ». В этом замечании подразумевается, по всей видимости, Дмитровская церковь и монастырь при ней в Суздале, основанные епископом Ефремом («кажеником» Изяслава) первоначально, вероятно, как «двор»-представительство Киево-Печерского монастыря.

Кроме патронов и жертвователей, Киево-Печерскому монастырю немалые средства на преумножение духовных и материальных богатств доставляли также вклады, которые делали знатные и богатые люди при пострижении в монастырь. Эти вклады могли быть очень значительны. Например, мощный приток средств в монастырь повлекло пострижение уже упоминавшегося Варлаама, сына боярина князя Изяслава, а «златом и сребром», которые вложил (неясно, правда, при самом пострижении или какое-то время до него) Захария, сын боярина Иоанна, была построена «церкви святого Иоана Предтеча, удуже на полата въсходять, въ имя» вкладчиков⁶⁷.

Можно предположить, что не без вклада пришел в монастырь Моисей Угрин, которому в Патерике посвящено отдельное «слово». Во всяком случае, он был человеком знатным, состоя вместе с братом Георгием в дружине князя Бориса. Георгий был убит вместе с Борисом, и убийцы отрубили его голову ради того, чтобы снять с шеи золотую гривну (верный признак знатности). Моисей, согласно Патерику, во время борьбы Святополка и Ярослава попал в плен к знатной полячке, пытавшейся его совертять, и претерпел от нее разные муки ради сохранения своей «душевной чистоты, паче же и телесной». Поучительное прогнупоставление греховного стремления к мирской славе и отказа от нее во имя «духовнаго богатства» и «любве Божиа» завершается сообщением, что Моисей принял иноческий образ от некоего Афонского монаха, а полячка, отчаявшись прельстить его «славой и богатством», «повеле ему тайныа уды урезати»⁶⁸.

Моисей был представителем знатного рода при дворе киевского князя. Известно, что у него кроме Георгия был еще один брат — Ефрем, называвшийся позднее Новоторжским. Согласно проложному сказанию (под 28 января) и позднему Житию Ефрема, он также был на службе князя Бориса, но не был с ним в момент смерти. Он пришел позднее на Альту, чтобы забрать голову брата Георгия, которую хранил до смерти и завещал положить ее с собой в гроб. Оставив княжеский двор, Ефрем отправился в новгородскую

область, в Новый Торг, где основал сначала странноприимный дом, а затем монастырь во имя святых Бориса и Глеба (с каменным собором)⁶⁹. Хотя Житие Ефрема Новоторжского специально не исследовалось, его данные обычно подвергаются сомнению⁷⁰. Действительно, хронологические выкладки не вызывают доверия — сомнительным, например, представляется посвящение монастыря Борису и Глебу до их канонизации. Признавая же наличие родственной связи Ефрема с Георгием и основание монастыря Ефремом, получаем еще один знатный род иностранцев, который занимает видное место в ранней истории русской церкви: если род Шимона выделяется «ктиторством», то семья венгров — склонностью к монашескому подвигу.

Однако, и вне зависимости от достоверности известий об основании Новоторжского монастыря, можно сделать вывод, что уже в XI в. представители древнерусского боярства начали основывать монастыри. К этому выводу подталкивает и нравоучительная сентенция Нестора, помещенная им в «Сказании, чего ради прозвася Печерский монастырь», после сообщения о переводе Варлаама в основанный Изяславом монастырь: «Мнози бо монастыреви отъ царя и отъ боляръ и отъ богатества поставлени, но не суть такоуви, яковии суть поставлени слезами и пощениемъ, молитвою и бдениемъ»⁷¹. Что представляли собой эти «монастыреви», поставленные «от богатества», трудно сказать. В Житии Феодосия, например, Нестор рассказывает об основании монастыря на средства нескольких знатных киевских родов. Вскоре после смерти Феодосия, видимо, в результате внутреннего конфликта из Печерского монастыря был вынужден уйти Стефан, назначенный Феодосием в качестве своего преемника: «Таче се яко уведеша мнози от боляръ, с[ы]нове суще въ покаянии тому, яко же предани бл[а]ж[е]нымимъ тому, съжалиша ся зело, еже тако д[у]ховьнии о[т]ецъ ихъ посрамленъ бысть и от манастыря отгнанъ, его же приять от блаженаго Феодосия. Тоже тако подавахуть ему от имении своихъ, еже на потребу того телеси и на ину потребу», и Стефан поставил монастырь на Клове в честь иконы Богоматери Влахернской⁷².

В XII в., судя по случайному упоминанию Ипатьевской летописи, в Киеве и его окрестностях было немало частных, видимо, небольших, монастырей, основанных знатью. Когда в 1146 г. Изяслав Мстиславич, разбив Игоря и Всеволода Ольговичей, вошел в Киев, то «розграбиша Кияне с Изяславом дружины Игоревы и Всеволоже, и села и скоты, взяша именья много в домех и в *манастырех*»⁷³. Здесь мы видим указание уже не только на то, что знатные люди жертвовали имущество на монастырское строительство, но что они сами содержали монастыри в числе прочего своего «именья» — очевидно, речь идет о явлении того же порядка, что и частные (домашние) церкви, о которых говорилось выше. В одной древней подборке канонических правил относительно монастырской жизни встречается правило — «калугера не достоит постригати у болярина в мире»⁷⁴, — которое трудно понять иначе как указание именно на боярский частный монастырь «в мире», возможно в боярском селе или даже городской усадьбе.

Видимо, таким боярским родовым был монастырь, о котором упоминается в Сказании о чудесах Владимирской иконы Богородицы. В качестве седьмого чуда этой иконы рассказывается следующее: «В Руском Переяславле въ Славятине монастыри Жидяславля дщи именемъ Мариа пострижеся. За добродетелное ея житие даша ей игуменьство въ своего еи деда манастыри. И разболевшись очною болезнию и ослепе, и присла попа къ брату своему Борису» во Владимир. «Борись же, призвавъ попа именемъ Лазаря, моли и, да ми принесеши воду, омыв икону святыа Богородица. И попь шед, и принесе воду. Борись же, воду ту святую влив в вошаницю и запечатавъ, посла и в Рускыи Переяславль к сестре своеи. Она же радовашася душею» и, вкусив той воды и помазав ею очи, исцелилась⁷⁵.

Из этого рассказа следует, что Мария Жидиславна постриглась, а затем стала игуменьей, в монастыре, основанном ее дедом, которого, судя по названию монастыря, звали Славятой. Славята упоминается в ПВЛ под 1095г. в

качестве боярина Святополка, которого последний посылает из Киева в Переяславль к Владимиру Мономаху «на некое орудие». Если Славята служил в южной Руси, то для него было естественно там и основать монастырь. Жидислав в летописях не упоминается, зато о брате Марии Борисе Жидиславиче известно, что он был воеводой при Андрее Боголюбском (а связь Андрея, внука Владимира Мономаха, с Переяславлем очевидна) и после смерти последнего действовал в рядах всей дружины и «суздальских бояр» против Михаила и Всеволода Юрьевичей⁷⁶. Из совокупных данных Сказания и летописи выясняется, таким образом, существование родового боярского монастыря на протяжении, по крайней мере, более полувека с рубежа XI—XII вв., где постригались представители рода и, естественно, руководили всеми делами. В контексте процессов XII в., известных в историографии как «оседание дружины», следует расценить такие родовые монастыри (весьма вероятно, связанные с усадьбами и селами, судя по данным о таких монастырях с XIV в.) как один из факторов, которые так или иначе «привязывали» боярские роды к определенным городам и землям.

XII в. относятся первые сведения о монастырях, основанных боярами, или церквах, построенных на средства бояр в уже существующих монастырях, в Новгороде. Судя по упоминаниям НПЛ боярское строительство в домонгольский период выражалось главным образом в основании именно церквей, частью являвшихся монастырскими. В одном из сообщений о строительстве церкви в монастыре кратко, в стиле, свойственном новгородским летописям, говорится о мотиве, которым руководствовались ктитория (два брата-боярина): «и бысть радость крестьяномъ, а Къснятину и Дьмитру вечная память» — в этом отношении, очевидно, побудительные причины пожертвований в Новгороде были те же, что и в Киеве. Несколько упоминаний находим об основании монастырей (со строительством церквей) женщинами — судя по именам, женами или дочерьми бояр, и о поставлении боярынь игуменьями (причем в одном случае — в монастырь, основанный княгиней)⁷⁷. В крупнейших новгородских монастырях — Антониевом, Аркаже, Юрьеве и Хутынском — бояре не только строили церкви, но также доживали свой век, приняв постриг (там же их и погребали).

О двух новгородских монастырях — Спасском Хутынском и Благовещенском можно с уверенностью сказать, что они были основаны людьми состоятельными и знатными. О знатном происхождении братьев Ильи (Иоанна) и Гавриила (Григория), бывших последовательно архиепископами Новгорода и основавших Благовещенский монастырь «на Поле» в Людине конце, уже сказано выше. О боярском происхождении Варлаама Хутынского говорит его отчество, с которым он именуется в НПЛ под 1192 г.: «Въ то же лето постави църковь вънизу на Хутине Варлаъмъ църнець, а мирьскимъ именемъ Алекса Михалевиць, въ имя святого Спаса Преображения, и святи ю владыка архиепископ Гаврила на праздникъ, и нарече манастырь»⁷⁸.

Неясно происхождение Антония Римлянина — основателя Антониева Рождества Богородицы монастыря. Некоторые исследователи называют его новгородцем, а легенду о прибытии его в Новгород из Рима считают позднейшей фантазией в духе «генеалогических легенд», целью которой было показать преемственность между «вечным городом» и Новгородом⁷⁹. Вместе с тем в поздних летописях говорится о «приезде» Антония в Новгород (то есть он оказывается все-таки чужаком), а в своей духовной он пишет, что основал монастырь на «чужой земле». Так или иначе, об Антонии достоверно известно, что он провел не менее тридцати семи лет в Новгороде и в конце концов уже пользовался известностью и почетом⁸⁰. В духовной, составленной до 1147 г. — года смерти Антония, утверждается, что для основания монастыря он не имел «имения ото князя, ни от епискупа», но только епископское благословение, и при благоустройстве обители пережил разные «беды о месте сем»⁸¹. Основание монастыря представляется, таким образом, частной инициативой человека, который имел определенные независимые средства, но наталкивался на непонимание своих устремлений и равнодушие окружающих.

Основание всех трех монастырей объединяет капитальный подход к делу, который проявили строители — начинается со строительства церкви (повидимому, во всех случаях — каменных), делаются крупные начальные вклады и в качестве постоянного источника дохода к монастырю придаются села, земли, угодья и т.д. Землевладение Антониева монастыря закрепляется в духовной Антония, а владения Хутынского монастыря описываются во вкладной грамоте Варлаама. В последнем документе интересно указание, что в одном из двух сел, которые Варлаам «вдале святому Спасу», стоит церковь⁸². Так как село, по всей видимости, до этого принадлежало Варлааму, то есть было боярским, то это указание является древнейшим известием о церкви в боярском селе⁸³.

В Повести о Благовещенском монастыре также упоминаются приобретения «ктитором» — говорится, что братья «сель доволно куписта и предаста монастырю». Однако значительно более пространно в Повести рассказывается о строительстве братьями монастырской церкви. Сначала они поставили деревянную церковь с кельями и трапезной, затем на средства, доставшиеся им по наследству от родителей, решили строить каменную. Однако на середине строительства выяснилось, что им недостает «сребру на совершение». «И от многие же печали и срама помолишася пречистой Богоматери». Судя по тексту молитвы, которая приводится отдельно, братья ссылались на свою веру и любовь к Богу и просили Богородицу «не посрамить» их — помочь завершить строительство. Богородица явилась им во сне и, конечно, откликнулась на их просьбы, и средства чудесным образом были обретены⁸⁴. В «чудесных» сюжетах и разного рода богооткровенных видениях этого рассказа обнаруживается сходство с повествованием Киево-Печерского Патерика о строительстве Успенского собора Печерского монастыря (отличается же «северный» рассказ от «южного» полным отсутствием темы греха и спасения).

В целом, новгородские материалы о монастырском строительстве знати подтверждают наблюдения, сделанные на основе данных, происходящих из южной Руси. В то же время отсутствие в источниках сведений о небольших частных боярских монастырьках в Новгородской земле заставляет предположить, что такого рода монастыри, так же как и церкви, не были распространены на севере и здесь, видимо, частная «ктиторская» инициатива приобретала так или иначе общественное значение.

В заключение мы возвращаемся к тезису, предложенному в начале: те скудные данные, которые содержат наши источники, свидетельствуют о важнейшей роли боярства в распространении христианского вероучения и становлении церковной организации в домонгольской Руси (что в свою очередь говорит и об общем значении знати в Древнерусском государстве). Христианизация его верхних социальных слоев, начавшаяся еще до официального крещения Руси, была в основном завершена к концу XI века. Проявления искренней и довольно глубокой религиозности знати фиксируются как в литературных произведениях, так и вкладными записями в рукописях, эпиграфическими и другими материалами второй половины XI — начала XIII века. Знать принимала значительное участие в функционировании церковной организации в этот период. Со второй половины XI в. все более активно развивается боярское «ктиторство» — знатные и состоятельные люди заказывают и предоставляют средства на изготовление рукописей с богослужебно-религиозными текстами, делают разнообразные вклады в церковные учреждения, строят частные и приходские церкви, основывают монастыри, причем нередко сами постригаются в них, и т. д.

Все эти факты заставляют усомниться в обоснованности идеи (весьма шаткой и с теоретической точки зрения) о так называемом «двоеверии» (сочетание христианских верований и обрядности с языческими), якобы характерном для средневековой Руси. Конечно, образ жизни и религиозные убеждения социальной верхушки могли сильно отличаться от верований и представлений основной массы населения, особенно в древнейшее время (совпа-

дение социальных различий с религиозными наблюдается еще в конце XI века). Кроме того, существенная часть фактических данных содержится в источниках церковного происхождения, очевидно, односторонних и о многом умалчивающих. Однако, не вдаваясь в обсуждение сложной проблемы «двоеверия», отметим, что в любом случае сведения о сохранении нехристианских верований и обрядов всегда следует соотносить с общей «картиной мира» того или иного общества, социального слоя и даже отдельного человека и вписывать в контекст типичных для того времени религиозных представлений, практик и обрядности. Такая постановка проблемы подразумевает уже значительно более широкий круг серьезных вопросов, чем функционирование церковной организации и отношение к ней тех или иных людей и общественных групп. Разбирая свидетельства боярского ктитинства и благочестия, трудно не обратить внимание на высказывания самих заказчиков, на те мотивы, которые побуждали их к религиозной инициативе. Что, собственно, стояло за церковными вкладами, строительством церквей и т. д., каковы были мотивы, представления, искания тех людей, которые строили, жертвовали и т.д.; каким было соотношение, с одной стороны, церковной проповеди, принятой христианской этики и, с другой — идей и действий тех или иных людей, каким-то образом воспринимавших эту проповедь (в данном случае представителей знати)? Очевидна озабоченность спасением и проблемой греха в высказываниях (согласно Киево-Печерскому Патерику) варяга Шимона и его сына Георгия, в размышлениях киевлянина, заказавшего икону для своей домашней церкви, и в других случаях. Отдельные наблюдения следует связать в нечто цельное, и дальнейшие исследования в этом направлении представляются весьма перспективными.

Примечания

1. FEDOTOV G.P. The Russian Religious Mind. Vol. 1. Cambridge, Mass. 1966, p.357; ср. также pp. 202, 346.
2. В новейшей литературе обращалось внимание, в частности, на княжеские монастыри (ЩАПОВ Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М. 1989, с.131сл.), а также (с искусствоведческой точки зрения) на монументальное строительство по заказу и на средства князей (ВАГНЕР Г.К. Архитектура эпохи «Слова о полку Игореве» и ее заказчики. В кн.: «Слово о полку Игореве» и его время. М. 1985. Г.П. Федотов, поставивший как научную проблему изучение религиозности Древней Руси, рассмотрел ее, в частности, на примере одного представителя династии Рюриковичей — князя Владимира Мономаха (FEDOTOV G.P. Op. cit., p.250 et seq.).
3. См., например: ЯНИН В.Л. Патрональные сюжеты и атрибуция древнерусских художественных произведений. В кн.: ЯНИН В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М. 1977, с.182—192.
4. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т.1. Л. 1927, стб.46—47. Упоминание в тексте договора церкви во имя Ильи Пророка, в которой приносили клятву послы, ввело в заблуждение составителя Повести временных лет (ПВЛ), который счел, что речь идет о церкви в Киеве. Для читателя, который может быть удивлен присутствием христиан в Киеве в то время, летописец пояснил: «мнози бо беша варязи хрестеяни» (ПСРЛ, т.1, стб.54). Суждения летописца основаны на ошибочном понимании текста русско-византийского договора, однако данным самого договора доверять можно (МАЛИНГУДИ Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики. В кн.: Византийский временник. Т.56. М. 1995, с.90; ВАСИЛЬЕВ М.А. Степень достоверности известия Повести временных лет о процедуре ратификации русско-византийского договора 944 г. в Киеве. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М. 2000, с.66).
5. ШАХМАТОВ А.А. Разыскания о русских летописях. М. 2001, с.110. Аргументы А.А. Шахматова были развиты и дополнены А.Н. Насоновым (НАСОНОВ А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII века. М. 1969, с.23—25).
6. ПАВЛОВА Р. Жития русских святых в южно-славянских рукописях XIII—XIV вв. — Славянская филология, 1993, София, т.21, с.103—104 (публикация «Жития Варяга и его сына Иоанна» по болгарской рукописи XIII в.). В ПВЛ текст существенно отличается: ПСРЛ, т.1, стб.82—83.
7. А.А. Шахматов выдвинул гипотезу (на основании упоминания в проложном житии князя

- Владимира «Туровой божницы»), что варяга звали Туры (ШАХМАТОВ А.А. Как назывался первый русский христианский мученик? — Известия Академии наук, 6 серия, 1907, май). Обсуждение этой гипотезы и подробный анализ сказания о варягах-мучениках см.: КАРПОВ А.Ю. Владимир Святой. М. 1997, с.142—150, 385—386; НАЗАРЕНКО А.В. Древняя Русь на международных путях. М. 2001, с.382—385.
8. ПСРЛ, т.1. Стб. 111, 117, 106—108.
 9. Там же, стб. 126—127. Эти известия собраны М.П. Погодиным: ПОГОДИН М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т.7. М. 1856, с.33—35, 373—376.
 10. Подробнее о роде Яна Вышатича см.: ПОППЭ А.В. Родословная Мстиши Свенельдича. В кн.: Летописи и хроники. 1973. М. 1974; СВЕРДЛОВ М.Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. — Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 11. Л. 1979, с.223—226.
 11. ПСРЛ, т.1, стб.175—179, 281; Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб. 1911, с.61.
 12. РЫБАКОВ Б.А. Древняя Русь. М. 1963, с.127—129; МЕДЫНЦЕВА А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI—XV века. М. 1978, с.114—124.
 13. ВЫСОЦКИЙ С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской. XI—XIV века. Вып. 1. Киев. 1966, с.56—57.
 14. ПСРЛ, т.1, стб.180—181; Памятники древнерусского канонического права. Ч.1. В кн.: Русская историческая библиотека. Т.6. СПб. 1908, стб.18.
 15. См. подробнее: ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. История русской церкви. Т.1. Половина 1. М. 1901, с.344сл.
 16. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л. 1959, с.367.
 17. ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. Ук. соч., с.351—354.
 18. В житии Стефана Пермского, например, говорится, что он «не ведал, яко быти ему епископом, и не добивался владычества, ни вертелся, ни тшался, ни наскакивал, ни накупался, ни насуливался посулы» (цит. по: ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. Ук. соч. Т.2. Половина 2. М. 1911, с.35).
 19. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с.67. О социальном происхождении Арсения ничего не известно, и можно только предположить, что он был богат (если смог дать взятку князю), и обратить внимание на то, что в 1228 г., согласно летописи, поднялась на него именно «простая чадь». Ср. также осуждение летописцем поставления «на святительский чин на мзде» в Лаврентьевской летописи под 1185 годом (ПСРЛ. Т.1, стб.391).
 20. Житие помещено под 28 апреля (Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Ч. 2. СПб. 1898). О датировке Жития см.: ПОНЬРКО Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. СПб. 1992, с.164.
 21. Ср.: FEDOTOV G.P. Op. cit., p. 267.
 22. Ср.: ПРОЗОРОВСКИЙ Д.И. О родословии св. Антония, архиепископа Новгородского. — Известия Русского археологического общества. 1880, т.9, стб.84—93. Антоний является автором сказания о святых местах Константинополя, написанного явно человеком образованным и высокого социального статуса (когда Антоний ездил в Византию, он еще не был архиепископом). См. предисловие Х.М. Лопарева к публикации: Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году. — Православный Палестинский сборник. Т.17. Вып. 3. СПб. 1899.
 23. НПЛ, с.50, 238.
 24. Там же, с.232—233, 52, 65, 79. Сын Вячеслава Константин также постригся в Хутынском монастыре (там же, с.79).
 25. В 1356 г. родовая церковь 40 мучеников развалилась «от старости» (там же, с.364).
 26. Повесть о Благовещенской церкви. В кн.: Библиотека литературы Древней Руси. Т.6 (БЛДР). СПб. 1999, с.460. Повесть была написана, по-видимому, в XIV в., и в ней есть хронологические несообразности, однако сами сведения, сообщаемые ею, в принципе не вызывают недоверия (ДМИТРИЕВ Л.А. Повесть о построении Благовещенской церкви Иоанном и Григорием. В кн.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Л. 1989, с.267—268).
 27. Патерик, с.76.
 28. Согласно житию Феодосия, написанному Нестором, как-то в юности, когда Феодосий служил «властелину града того» (т.е. Курска), ему пришлось «предъстояти и служити» «всьем града того велможам», собравшимся «на обеде у властелина». Понятно, что боярского отпрыска вряд ли заставили бы прислуживать на пире (Успенский сборник XII—XIII вв. (Усп.) М. 1971, с.78—79; ср.: Патерик, с.19). Правда, родителям Феодосия принадлежало «село» за городом и «рабы», а мать Феодосия кичится родом (упрекая сына, что, ходя в рубище, он творит «укоризну себе и роду своему»), но это можно понять как противопоставление свободного рабу (Усп., с.75; Патерик, с.17). Во всяком случае, Феодосий не происходил из старших дружинников-бояр. Косвенно о происхождении Феодосия говорит вос-

- клицание Нестора: «Къто исповестъ милосердие Божие! Се бо не избра от премудрых философ, ни от властелин град пастуха и учителя иноким» (под «властелинами градов», по-видимому, понимаются посадники набравшиеся в основном из бояр) (Усп., с.73; Патерик, с.16).
29. Например, боярин Захария, некий Михаил Тоболькович (о знатности которого говорит то, что его величают отчеством), некий Никон «от великих града» (Киева), отказавшийся, будучи в плену, принимать «искуп» от родственников, и др. (Патерик, с.9—10, 71, 79 и др.).
 30. Например, в Слове 33, повествующем об искушениях инока Феодора, нашедшего варяжский клад, и о его смерти вместе с другим иноком от рук князя Мстислава Святополчича. Слово начинается с сентенции: «Яко же речено есть (выше, действительно, уже высказывались соображения в таком же духе. — П.С.), мати всемъ благынямъ — нестяжание, тако же и корень есть и мати всемъ злымъ — сребролюбие». Далее следуют ссылки на «Лествичника» и Евангелие (Патерик, с.113—114).
 31. Усп., с.87—88; Патерик, с.27.
 32. Патерик, с.13.
 33. ПСРЛ, т.1, стб.278.
 34. Остромирово евангелие, 1056—1057. Л.—М. 1988 (факс. изд.), л. 294—294об.
 35. Запись Домки на «Милятином евангелии» см.: ГРАНСТРЕМ Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л. 1953, с.22 (ср.: СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). Изд. 2-е. СПб. 1882, стб.91—92). В НПЛ (с.38, 55) упоминаются под 1186 г. некие Лукинич (в связи с тем, что они zaloжили церковь Петра и Павла), а под 1216 г. — Гаврила Милятинич (сын заказчика рукописи?). Ср.: СТОЛЯРОВА Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV вв. М. 2000, с.38—42. Согласно записи в утраченном так называемом Шенкурском Прологе (1229 г.), этот Пролог был написан по заказу некоего Остафия Васильевича (СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Ук. соч., с.99).
 36. ГРАНСТРЕМ Е.Э. Ук. соч., с.21—22. Ср.: СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. Ук. соч., стб.117—118.
 37. ШАПОВ Я.Н. Новое о русском книгописце Добре, современном «Слова о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве» и его время. М. 1985, с.376—378.
 38. ПСРЛ, т.1. Стб. 23; НПЛ, с.107. Кроме того, что Олма был дворовладельцем, о нем ничего не сказано, однако «тот факт, что Олма имел достаточно средств для строительства церкви, говорит в пользу его боярского звания» (ТОЛОЧКО П.П. Исторична топография стародавнього Києва. Київ. 1970, с.73, 158—160). Неизвестно также, кто еще когда-либо жил в Угорском (см., например: ЗАКРЕВСКИЙ Н.Н. Описание Киева. Т.1. М. 1868, с.191—198).
 39. Усп., с.78. Ср.: Патерик, с.19.
 40. Патерик, с.123.
 41. Там же, с.125.
 42. НАЗАРЕНКО А.В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М. 1993, с.143, 199. ПСРЛ, т.1, стб.293. О частных церквях в городских усадьбах Киева писал Голубинский (ГОЛУБИНСКИЙ Е.Е. Ук. соч. т.1. Пол. 1, с.471).
 43. RORPE A. The Rise of Christian Russia. London. 1982, p. 353.
 44. См., например: ПСРЛ, т.1, стб.392, 409, 436; НПЛ, с.57.
 45. В домонгольское время упоминается, что в 1156 г. Пятницкую церковь «на Търговищи» поставили, а в 1207 г. «свършиша» «заморьстии» (видимо, объединение купцов, ведших «заморскую» торговлю), в 1165 г. Троицкую церковь поставили «шетициници» (НПЛ, с.30, 31, 50). В этом ряду можно было бы упомянуть церковь Ивана на Петрятине дворище, если бы не участие князя в ее основании и проблемы с датировкой уставной грамоты церкви.
 46. НПЛ, с.20, 23, 32, 35, 37, 38, 39, 50, 44 (ср.: ПСРЛ. Т.4. Пг., 1915, с.178), 52, 59, 63, 238. Упоминания о всех новгородских церквях до 1226 г. собрал Погодин (ПОГОДИН М.П. Ук. соч. Т.5. М. 1857, с.383—385).
 47. «Заложи Воигост церковь святого Федора Тирона» (НПЛ, с.20). Новгородская Четвертая летопись добавляет: «...среди дву улиц Щеркове и Розважи» (ПСРЛ. Т.4, с.132).
 48. НПЛ, с.181, 219 (ср. в старшем изводе — с. 32). Борисоглебская церковь была построена боярином, но служила общественным нуждам как «вечевой храм прущан» (жителей Прусской улицы, Людина и Загородского концов). См.: ЯНИН В.Л. Очерки, с.128, 123—135.
 49. МЕДЫНЦЕВА А.А. Грамотность в Древней Руси. М. 2000, с.156—169.
 50. РЫБАКОВ Б.А. Русские датированные надписи XI—XV вв. М. 1964, с.24. Автор также, на основе косвенных данных, предполагает, что Варвара, жена Петрилы, была ктиторов Варваринского монастыря в Новгороде и заказчиком иконы Петра и Павла, сохранившейся тоже в Софийском соборе (там же, с.25—26).
 51. НПЛ, с.22—23, 164, 207—208, 445, 472.
 52. Патерик, с.5; ПСРЛ, т.1. Стб. 176.
 53. Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери. В кн.: Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М. 1996, с.506—507.

54. Ср.: ШАПОВ Я.Н. Государство и церковь, с.150—151.
55. Усп., с.88, 93, 122; Патерик, с.27, 31, 49. М.Д. Приселков отмечал популярность Киево-Печерского монастыря при Феодосии «в дружинных кругах» (ПРИСЕЛКОВ М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. X—XII вв. СПб. 1913, с.208).
56. Боярин с тех пор, конечно, стал «часто» приходиться к Феодосию, «насыщаяся от него д[у]-ховныхъ теъ словесъ, подаваше же и от имени своего на състроение монастырю» (Усп., с.105; Патерик, с.38—39).
57. Боярин был «въ гневе велице» от князя, который грозился его «на поточение послати», но после того, как опальный вельможа помолился Феодосию, тот ему явился во сне и обещал, что утром князь призовет его, «не ими гнева ни единого же на тя, нь и пакы въ свое место устроить тя», что и исполнилось (Усп., с.131—132; Патерик, с.55—56).
58. Усп., с.130—131; Патерик, с.55, 61.
59. Усп., с.105; Патерик, с.39 (мирское имя боярина сообщают списки Жития Феодосия в составе Патерика).
60. Патерик, с.3—5.
61. Там же, с.7. Ср. этот же пассаж в более пространным виде в 1-й Кассьяновской редакции (там же, с.235).
62. Там же, с.5.
63. Об этом сообщает и Ипатьевская летопись под 1130 г.: «Георгии Ростовьскыи и тысячкои окова гробъ Федосьевъ игумена Печерьскаго при игумени Тимофеи» (ПСРЛ, т.2, стб.293).
64. Патерик, с.62—63.
65. Там же, с.64.
66. Ср.: ВОРОНЦОВ-ВЕЛЬЯМИНОВ Б.А. К истории ростово-суздальских и московских тысяцких. В кн.: История и генеалогия. М. 1977.
67. Патерик, с.10.
68. Патерик, с.102—106.
69. Преподобные Ефрем архимандрит и Аркадий, ученик его, Новоторжские чудотворцы. Торжок, 1914. Ср. также: ДРОБЛЕНКОВА Н.Ф. Житие Ефрема Новоторжского В кн.: Словарь. Вып. 1. Л. 1987, с.148—150.
70. См., напр., комментарий А.В. Назаренко в кн.: МАКАРИЙ (БУЛГАКОВ), митр. История Русской церкви. Кн. 2. М. 1995, с.106.
71. Патерик, с.13. Ср.: ПСРЛ, т.1, стб.159.
72. Усп., с.134; Патерик, с.57.
73. ПСРЛ, т.2. Стб. 328.
74. Это правило приведено в памятнике под названием «Два правила монахам», который опубликован С.И. Смирновым по рукописи XIII в. и, по его оценке, был составлен ранее XIII в. (Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. В кн.: Чтения в ОИДР. Кн. 3. 1912, с.33). В приведенных словах отражена, видимо, чисто русская практика, так как среди греческих источников, на основе которых были составлены «Два правила», именно этого правила нет (там же, с.304).
75. Чудотворная, с.506—507.
76. ПСРЛ, т.1. Стб. 227, 371—386; т.2. Стб. 595—606.
77. НПЛ, с.42 (ср. с. 235), 43, 44, 74.
78. НПЛ, с.40. Косвенно о социальном происхождении Варлаама говорит также то, какие средства он вложил в свой монастырь, и тот факт, что его «духовным братом» был архиепископ Антоний, в миру боярин Добрыня Ядрейкович, которому Варлаам перед смертью поручил заботу о монастыре (см. проложное Житие Варлаама: Великие Минеи Чети. Ноябрь. Дни 1—12. СПб. 1897, стб.226).
79. Ср.: ТОПОРОВ В.И. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.2. М. 1998, с.17—48.
80. Сведения об Антонии см.: ЯНИН В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. М. 1991, с.206—207.
81. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Л. 1949, с.160.
82. ЗАЛИЗНЯК А.А. Древненовгородский диалект. М. 1995, с.374—377.
83. Ср. упоминание церквей «в селе» в Вопросании Кирика (1130—1156 гг.): Памятники, стб.29.
84. Повесть о Благовещенской церкви. В кн.: БЛДР. Т.6, с.460—462.

Павел Петрович Введенский

В.Л.Генис

Павел Петрович Введенский родился 21 декабря 1880 г. в селе Тулиголово Глуховского уезда Черниговской губернии в семье священника. Окончив московский Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение при Первом (Азиатском) департаменте Министерства иностранных дел, молодой дипломат в течении почти восьми лет служил в Тавризе, столице Азербайджанской провинции шахской Персии, в качестве драгомана и секретаря генерального консульства. Накануне первой мировой войны, в феврале 1914 г., Введенский вступил в управление вице-консульством в Урмии, где, как докладывал руководивший ее обороной полковник Д.И.Андриевский, показал выдающуюся энергию и хладнокровие: “Рискуя собственной семьей и имуществом, которые он не вывез из Урмии, дабы не дать повода к панике, в то время, когда город с минуты на минуту мог попасть в руки озверелых курдов, вице-консул Введенский проявил положительно исключительный пример самоотверженности и мужества”. После эвакуации Урмии он с января 1915 г. управлял вице-консульством в Хое, а в мае получил отпуск и выехал в Россию, не предполагая, что уже никогда не вернется в Персию. Вследствие даже не предъявленных ему обвинений в “мздоимстве”, по поводу которых заведующий Среднеазиатским отделом МИД В.О.Клемм пренебрежительно писал, что они больше походят на сплетню и “непроверенный донос”, Введенского прикомандировали к Политическому агентству в Бухарском ханстве, где он, взвалив на себя тяжелую работу по организации продовольственного снабжения, завоевал уважение самого эмира Сеид Алим-хана и пользовался большой популярностью среди жителей русских поселений, избравших его в марте 1917 г. в состав общегражданского Ново-Бухарского исполкома, а в мае — и своим областным комиссаром ¹.

Но предпринимавшиеся русскими дипломатами попытки осуществить либеральные реформы в ханстве не имели успеха, а свержение Временного правительства в Петрограде предопределило разгон его комиссариата в Бухаре ². Причем у Введенского, как негодовал председатель Областного Совдепа большевик М.А. Преображенский, оказалась «очень сильна закваска старого чиновника, и при всех личных способностях, в которых ему нельзя отказать, он не обнаружил гибкости в том смысле, чтобы всей душой принять новый строй». Проявив «поразительное упрямство» в деле передачи власти, Введен-

Генис Владимир Леонидович — историк.

ский выразил протест по поводу намерения новоиспеченного Ревкома лишить его прав комиссара и, апеллируя к демократии русских поселений, «встал на путь саботажа». Поэтому, как отмечал бывший редактор «Вестника Ново-Бухарского Исполнительного Комитета» А.Я. Гальперин, принимаются все меры к тому, чтобы опорочить имя человека, деятельность которого, проходя на глазах населения, вызывает лишь чувство «самой горячей признательности за умелую постановку продовольственного дела», при которой в то время, когда Туркестан голодал и в Фергане, например, перешли на рацион в одну четверть фунта хлеба в день, жители русских поселений ханства вообще не испытывали никаких затруднений. Но ревкомовцы видят в бывшем комиссаре противника новой власти и приписывают ему тайное влияние на Сеид Алим-хана, который, действительно, считает их самозванными временщиками и отказывает в аудиенции даже утвержденной туркестанским Совнаркомом «Коллегии по бухарским делам» в составе М.А. Преображенского, В.П. Уткина и Б.М. Баржанова. «После отъезда резидента Елпатьевского..., — объяснял позже Введенский — когда вступила в управление делами политического характера выборная коллегия из трех лиц Каганского Совдепа, заменившая Резидентство, эмир, привыкший следовать указаниям резидентов, как представителей центральной власти и Петрограда, растерялся. Коллегия не могла заменить резидента: у ее членов не было абсолютно никаких знаний — ни языка, ни страны. Эмир и Коллегия не понимали друг друга...»

Уже в начале декабря 1917 г. Введенского подвергают первому аресту и под конвоем отправляют в Ташкент в надежде, что его выдворение за пределы ханства заставит эмира считаться с советской властью. Однако делегаты открывшегося в Новой Бухаре продовольственного съезда русских поселений заявляют категорический протест по поводу насильственного «изъятия таких общественных деятелей как Введенский». Хотя большевик Уткин поясняет им, что бывший комиссар взят под стражу «как вредный политический деятель, принадлежащий к партии кадетов», по личному распоряжению председателя Совнаркома Туркестанского края Ф.И. Колесова, — уже на другой день, 13 декабря, делегаты уличают докладчика во лжи, огласив телеграмму Введенского из Ташкента: «Просите... выслать скорее Колесову обвинительный материал по моему аресту. Неполучение материала задерживает обратное возвращение». Тогда Уткин заявляет, что Введенский арестован «за вредную политическую деятельность в области сношений с бухарским правительством», но обвинительный материал еще не собран. В итоге съезд снаряжает в Ташкент делегацию из представителей Новой Бухары, Чарджуя, Керков и Термеза, которых 15 декабря принимает недавний коллега арестованного по Ново-Бухарскому исполкому, а ныне — краевой комиссар труда, «первый бухарский большевик» П.Г. Полторацкий, который указывает, что «гражданин Введенский может быть доставлен в Новую Бухару, если этого потребует Ревком или Областной Совет». Не удовлетворенные ответом, делегаты вызывают самого предсовнаркома, бывшего железнодорожного конторщика, Колесова, который заверяет их, что Введенский ...«совершенно свободен».

«Меня посадили в вагон и увезли в Ташкент, — вспоминал Введенский о своем первом аресте, — привезли в Белый дом и поместили в специальной комнате (между комнатой т. Колесова с одной стороны и [комнатой военного комиссара] Перфильева с другой), и я в этом положении провел два дня. В то время т. Колесов был болен. На третий день, когда здоровье его улучшилось, он меня вызывает к себе, усаживает и прямо заявляет: «Я не надеялся, что Вы добровольно приедете ко мне в Ташкент, и потому прибегнул к такому способу. Я Вас вызвал для одной важной комиссии». Я спросил: «Чем могу служить?». Он ответил, что хочет знать мое мнение относительно некоторых вопросов. Он получил сведения из Бухары от младобухарской партии, и она настаивает на том, чтобы произвести революцию в Бухаре, что уже настало время низвергнуть бухарского эмира и установить тот строй, который установился в Туркестане — в Туркесреспублике, причем он предупредил

меня, что просит сказать мое чистосердечное мнение по этому вопросу, так как я хорошо знаю Бухару. На это я ему ответил, что младобухарская партия представляет еще очень маленький островок, опираться на который преждевременно. Он мне задал вопрос: “Почему?”. Я ответил: “Потому, что восемнадцать или семнадцать членов младобухарской партии сами произвести сейчас революцию не смогут. Нужны большие силы для того, чтобы расширить этот одряхлевший организм. Для того, чтобы он пал, нужна большая работа”.

Хотя Колесов заметил, что располагает иными сведениями, он как будто не возражал против возвращения бывшего облкомиссара в Новую Бухару, чему всячески сопротивлялись местные ревкомовцы, доставившие 16 декабря в Ташкент обвинительный “Материал по делу гр. Введенского”. Но даже самое поверхностное ознакомление с составленным Преображенским “компрометом” заставило Совнарком признать отсутствие каких-либо веских оснований для продолжения ареста, хотя автор обличительного материала и уверял, что к голосу обвиняемого, состоявшего одновременно “и драгоманом Резидентства, и уполномоченным по продовольственному делу, и областным комиссаром, и управляющим фирмой Стахеева”, с трепетом-де прислушивались эмирские власти, и даже сам кушбеги слезно жаловался, что “хозяйником в Бухаре является Введенский”. Клеймя его “ненавистником свободы”, всегда стоявшим в оппозиции как к младобухарцам, так и к российским демократическим организациям, Преображенский искренне досадовал, что Введенский “сплотил капиталистов Бухары, мобилизовал всех своих сторонников и всех привыкших ползать и пресмыкаться пред капиталом”, и даже “теперь еще есть обманутые и загипнотизированные им в среде демократии, которые кричат о его пользе”. Тем не менее Совнарком согласился на освобождение Введенского, хотя и взял с него подписку с клятвенным обещанием “никогда и ни при каких условиях не вмешиваться в политическую жизнь Бухары” и вообще в политику. Однако исполком Областного Совдепа предложил ему в недельный срок “убраться” с территории ханства, и Введенского, как писал Гальперин, не выслали оттуда лишь потому, что новоявленные правители испытывали еще некоторую неловкость перед населением и раздумывали, не слишком ли зарвались³. Но уже 30 декабря в ташкентской “Нашей газете” появилась статья “Гнездо хищников”, в которой Преображенский не лишил себя удовольствия поиздеваться над низвергнутым кумиром русских поселений, вокруг которого объединились, мол, обосновавшиеся в Бухаре “буржуи”, тщетно мечтающие спасти свои капиталы и остановить волну революции. Заявляя о намерении советской власти защитить бухарский народ “от посягательств русских хищников”, Преображенский прозрачно намекал на то, что “теплое гнездышко” контрреволюции будет вскоре разворошено красногвардейским штыком. Он имел на это основания, ибо вместе с лидером младобухарцев Файзуллою Ходжаевым ездил в Ташкент, пытаясь уговорить Колесова организовать военное выступление против власти эмира. Понятно, что предсовнаркома не прислушался к предостережениям Введенского, который, как вспоминал другой младобухарец, Амин Мухитдинов, вернувшись из Ташкента, “поступил на службу в Торговый дом “Иван Стахеев” и учредил “Русско-Бухарское акционерное общество” между бухарским правительством и Стахеевым”, где заведовал Каганским отделом и вообще был “во главе дела”.

Приехав 1 марта 1918 г. в Новую Бухару вместе с Полторацким и небольшим красногвардейским отрядом, Колесов ультимативно предлагает эмиру подписать два экземпляра составленного младобухарцами манифеста и немедленно передать власть в стране “центральному исполнительному комитету младобухарской партии, которая объявляет свою диктатуру”. Но, ссылаясь, по привычке, на темноту и фанатизм народа и указывая, что могущественное духовенство воспротивится нововведениям джаидов, эмир просит согласиться с его обещанием постепенно удовлетворить все их требования. Считая это недостаточным, Колесов отдает приказ начать военные действия.

Тогда же Преображенский назначен комендантом Новой Бухары, а Введенский, как указывала его жена, “арестован вторично по подозрению в том, что сдал 15 винтовок бухарцам”. Но уже через четыре часа нашли расписку, из которой выяснилось, что “винтовки, наоборот, сданы Советской власти”, и арестованного пришлось освободить⁴. “Я полагаю, — отмечал позже Введенский, — что, если бы не вмешательство т. Колесова, то меня могли тогда и расстрелять. Обстановка ареста была удручающая. Стерегущий меня караул был вооружен и держал револьвер все время непосредственно против меня. В то время, по распоряжению младобухарской группы, было много расстреляно мулл и бухарских чиновников”. Однако попытка красногвардейцев овладеть “священной” Бухарой встретила ожесточенный отпор со стороны ее жителей, которые с самоотверженностью религиозных фанатиков шли на штурм советских позиций. “На пулеметы, — вспоминал Колесов, — лезли с кинжалами в зубах разъяренные бородатые фигуры, лезли и падали. Сзади лезли еще. Тоже падали. Перед пулеметом выростала груда живых и мертвых тел.” Несмотря на первоначальный успех наступления на Старую Бухару и вынужденное принятие эмиром предъявленного ему ультиматума, уже вскоре победители и побежденные поменялись местами⁵.

Хотя Колесов отвел свои войска в Каган, члены отправившейся в эмирскую столицу делегации во главе с Уткиным были растерзаны толпой фанатиков, которых духовенство легко подняло на борьбу с неверными, — тем более, что, как свидетельствовал Гальперин, посещая близлежащие кишлаки, армия “нешадно грабит население, убивает стариков, насилует женщин. Аксакалы семи ближайших кишлаков, видя, что от Старой Бухары они отрезаны, решаются обратиться к “большому господину” (Колесову) с просьбой дать приказ своим солдатам не грабить их кишлаки. Не успели они появиться на вокзале, как их прикладами начали избивать и в полумертвом состоянии, как шпионов, отправили к коменданту (Преображенскому). Там их в упор расстреляли”. С 3 по 5 марта красногвардейцы с трудом сдерживают атаки защитников Бухары, но боеприпасы тают, а жители окрестных кишлаков, вручную разобрав железнодорожное полотно, отрезают Колесова от Чарджуя и Самарканда. Желая остановить кровопролитие, заместитель городского головы Новой Бухары А.Я.Гальперин и товарищи председателя гордумы присяжный поверенный А.В.Новгородский уговаривают почетного мирового судью мусульманина Х.Х.Мирбадалева, бывшего чиновника эмира при Политическом агентстве и редактора первой бухарской газеты, взять на себя инициативу по прекращению военных действий. Но Мирбадалев готов принять полномочия парламентаря лишь в том случае, если вместе с ним пошлют кого-либо из русских. По вопросу о втором делегате идут долгие дебаты, ибо названные Мирбадалевым кандидаты отказываются ехать, и лишь Введенского, несмотря на его подписку не вмешиваться в политику, “заставляют” взять на себя эту опасную миссию. Выписанный ему 6 марта мандат гласил: “Дан сей гражданину Российской Республики Павлу Петровичу Введенскому в том, что он уполномочен председателем Совета народных комиссаров и комиссаром по иностранным делам Федором Ивановичем Колесовым для ведения мирных переговоров с Бухарским правительством...” Хотя Ходжаев позже уверял, что Колесов, помня о судьбе убитого Уткина, специально назначил в делегацию “не своих людей, а старых чиновников”, на самом деле, именно эти, пользовавшиеся доверием эмира, люди только и могли спасти жизни предсовнаркома, его красногвардейцев и вообще всех русских жителей ханства, ибо озлобленные вооруженным вторжением бухарцы вымещают свой гнев как на “изменниках”-джадидах, так и на ни в чем неповинном европейском населении. “Толпа, — писал Ходжаев, — начала громить поселки мелких станций и убивать всех иноверцев, даже десятки лет живших в Бухаре. Число этих жертв, точно не установленное, было очень велико, во всяком случае, не менее 1500—1600 человек”.

Одними из первых приняли на себя удар посты русской пограничной стражи, еще охранявшей границу с Афганистаном: некоторым из них уда-

лось пробиться в осажденные бухарцами русские крепости в Керках и Термезе, другие переправились на афганскую территорию, а третьи наивно поверили, что их может спасти добровольное разоружение, но, как докладывал один из офицеров, “по сдаче оружия все были вырезаны”, а всех “женщин, как в Келифе, так и в других местах, поразбирали туземцы”. О творившихся тогда кровавых ужасах рассказывал и хорошо информированный Гальперин, по словам которого из оставшихся в Старой Бухаре русских уцелели лишь те, кто успел добраться до Арка (в цитадели, где размещался дворец эмира) или укрылся в городской больнице, а около полусотни человек, пытавшихся спрятаться в помещении милиции, были безжалостно вырезаны. Грабежи, поджоги, насилия и убийства происходили и в Термезе, где все русские, находившиеся вне крепости, попали в плен, из которого уже мало кто освободился. Крепость в Керках тоже оказалась в осаде, причем окрестные туркмены разграбили европейскую часть города, разорили христианское кладбище и разрушили железную дорогу. Бухарцы разгромили и все промежуточные станции между Керками, Термезом и Карши. В то самое время, когда русские жители уверяли каршинского бека, что Россия вовсе не собирается воевать с Бухарой, до их слуха донесся разрыв снаряда, выпущенного из приближавшегося к городу военного эшелона, после чего, с горечью замечал Гальперин, “несчастные жертвы долго не мучились, они все приняли мученический венец”. Не уцелел и ни один из служащих железнодорожной ветки Карши-Китаб протяженностью в 115 километров, а их жены и дети, как оправдывался позже каршинский бек, были все “разобраны сартами”⁶.

Но и вторгшаяся в пределы Бухарского ханства солдатская вольница вела себя не менее кроважно, о чем свидетельствует опубликованный в газете “Новый Туркестан”, органе “независимой социалистической мысли”, рассказ очевидца, некоего К. Студетова, о пережитом им при эвакуации станции Кермине, русское население которой успели вывезти вовремя подоспевшие туда красногвардейцы из отряда левого эсера М.И. Мураева. Их первое “грехопадение” совершилось еще в Кермине, где отряд реквизирует все, что можно, из эмирского дворца, а далее, писал очевидец, “начались грабежи, разбой и грубое издевательство над мирными жителями. Путь от Кермине до Зиадина был Голгофой, на которой раздирались на части и поганились души людей, еще не совсем потерявших честь и совесть... На глазах ошеломленных граждан Кермине, красногвардейцы, помещавшиеся на блиндированных платформах поезда, расстреляли сарта-пахаря, понукавшего своих кормильцев-быков. Бедняга до последней минуты, также как и его быки, недоумевающе смотрел на то, как десятки людей шлют ему смерть. Наконец, его сразила пуля... Не успело забыться это кровавое преступление как совершилось новое, заставившее радостно гоготать красноармейцев. Вдали от железнодорожного полотна показался сарт с ослом, нагруженным колючками. Очевидно, он возвращался с гор и не ведал о происходящем. Поезд с красногвардейцами остановился и какой-то “доброволец” смело направился к старику-погонщику, ничего не подозревавшему. Приблизившись, красногвардеец нанес старику два удара штыком и, отерев с него кровь, вернулся. Агония старика, упавшего и пытавшегося встать, вызвала в зрителях-красногвардейцах взрыв бурного восторга и разного рода замечания, вроде: “прыгает, собака” и т.д. Едва эшелон дошел до Зиадина, как началась какая-то вакханалия грабежа. Не разбирали уже, кому принадлежит имущество, — туземцам или русским. “Реквизировали” (слово, придающее грабежу законность) буквально все без разбора, но больше просто портили и уничтожали. В короткое время все магазины оказались разбитыми и разграбленными. Та же участь постигла и дома обывателей. Когда станция была ограблена дочиستا, банды грабителей начали отправляться на “разведку” в окрестные кишлаки. Деятельность разведчиков ограничивалась тем, что они грабили беспощадно в домах, оставленных в паническом страхе сартами, бежавшими в горы. Густо населенные кишлаки превратились в пустыню, наполненную ревом умирающего с голоду беспризорного скота. Ночью зарево пожаров от

домов, подожженных красногвардейцами, освещало страшную картину разрушения... Жутким кошмаром веяло от распухших трупов убитых у своих домов туземцев, не успевших уйти вместе со своими. Даже эти трупы невинных ни в чем людей не останавливали убийц перед насилием, даже над старухами”⁷.

При отъезде в Старую Бухару парламентарам Введенскому и Мирбадалеву вручается адресованное эмиру послание Колесова, выражающего желание прекратить военные действия, ибо выяснилось, что “с младобухарцами совершенно нет широких масс” и соответственно “жертвы, которые сейчас приносятся, теряют свою логику и смысл”. Однако первая попытка связаться с эмиром кончается неудачей, так как бухарские власти умышленно не пропускают парламентаров, не зная, видимо, еще о том, что вызванные на помощь Колесову советские отряды “вдребезги разнесли” старый Чарджуй и сожгли Каракуль, где на железнодорожной станции обнаружили сорок три изуродованных трупа русских жителей. “Мы простояли ночь в двух верстах [от Кагана], так как дальше двигаться было невозможно, — рассказывал Введенский в 1931 г. — Войска, собранные по зову эмира, напали на население и на нас. За ночь пережили четыре атаки. На следующий день я решил вызвать разведчика со стороны эмира (по поручению Колесова) для переговоров. Посланный мной погиб в полутора верстах, был разорван в клочки, погибло и мое письмо. На следующий день со стороны Бухары началось наступление, и мы были вынуждены вернуться в Каган. Тов. Колесов попал в ловушку, нужно было пробиваться. Я снова двинулся, на этот раз — ползком, на то место, где [уже] был... Колесов выпустил из-под ареста бальджанского кази; этот седобородый старик дал возможность передать эмиру письмо, в котором было обращение к эмиру обуздать банды, и пробраться к нему для переговоров. За мной и Мирбадалевым приехал экипаж, и мы отправились в Бухару. Здесь нас встретили бухарские власти, я предъявил свой мандат, дающий мне право на заключение мира на основаниях, предложенных Колесовым. Но, желая, по-видимому, оттянуть время, окружающие эмира чиновники не допускали меня к эмиру с двух часов дня до одиннадцати часов ночи”.

Поскольку наэлектризованная духовенством толпа была уже готова разорвать парламентаров, а эмир вовсе не желает их гибели, сознавая, что “нужно как-нибудь остановить разбушевавшуюся стихию”, уполномоченных Колесова поспешно вывезли из столицы и окружным путем доставили в Каган. “Мы сами еле выбрались из этой каши приблизительно часов около 11 ночи, — вспоминал Введенский, — потому что толпа, которая нас тогда окружала, она была страшна именно тем, что фанатики-муллы постоянно натравливали народ”. Духовенство, отмечал А. Мухитдинов, объявило тогда, что все младобухарцы подлежат преданию смерти и превратило Арк с Регистаном в место их “бойни”, причем семействам казненных не позволяли носить траур, и, по подозрению в сочувствии джаидам, был убит даже бывший кушбеги Мирза Насрулла Бий... Хотя общение парламентаров с представителями эмира завершилось обещанием сообщить его ответ “завтра”, Колесов, не надеясь на благоприятный исход переговоров, торопится отдать команду об эвакуации Новой Бухары, и уже в десять часов вечера ее жителей приглашают немедленно грузиться в вагоны. Охватившая население паника была столь велика, что даже Мирбадалев отправляет с Колесовым свою семью, но, поскольку город не желают или не могут покинуть еще почти четыре с половиной тысячи жителей, в числе которых старики, женщины с детьми и больные, штаб охраны города во главе с Гальпериным пытается собрать их в здании местного отделения Госбанка, превращенного в некое подобие крепости. Поэтому пока одни горожане спешат на железнодорожную станцию, другие несут свои пожитки в банк, во дворе и помещениях которого толпятся сотни и сотни испуганных людей, надеющихся спасти себя и своих близких за его крепкими стенами.

Задействовав все триста имевшихся на станциях Каган и Эмирабад ваго-

нов, отряд Колесова уезжает, в мстительном бессилии предавая огню окрестные кишлаки, после чего в Новую Бухару вступает сотня бухарских казаков. На следующий день, вспоминал Гальперин, “наукеры осаждают банк, требуя выдачи им джаидов”, и, уступая силе, члены штаба решают впустить в здание двух человек для осмотра беженцев, в результате чего оттуда уводят трех бухарских евреев: один из них был убит, другой освобожден, а третий “от ужаса сошел с ума”. Впрочем, уже ранним утром 10 марта в Новую Бухару прибывает гонец из Арка, который, уведомляя Введенского и Мирбадалева о том, что “Его Высочество Эмир Бухарский берет мирное население города под свою защиту”, вручает парламентарам послание Сеид Алим-хана с условиями мирного соглашения. Ознакомившись с ними на другой день на станции Кизил-Тепе, Колесов соглашается со всеми требованиями эмира — вплоть до исключения бухарско-подданных джаидов из-под покровительства России (то есть перечеркивая все то, чего добились “старорежимные” дипломаты в 1917 г.!), смиренно ходатайствуя перед Сеид Алим-ханом об оказании “содействия беспрепятственности нашего проезда за пределы Ваших территорий”. На встречное предложение эмира о том, чтобы Колесов приказал советским отрядам прекратить военные действия и покинуть его страну, тот просит “Его Высочество” предоставить своих гонцов, которые смогут доставить распоряжение на сей счет российским гарнизонам. Сеид Алим-хан не возражает, после чего предсовнаркома извещает его: “Уполномоченным моим для сношения с бухарским правительством и с Вами назначается гр. Введенский”. Именно ему поручает Колесов вернуть Сеид Алим-хану два экземпляра манифеста, еще недавно навязанных тому младобухарцами, и передать “девять приказов на имя отдельных воинских частей о прекращении военных действий” для отсылки, как поясняет он эмиру, “Вашими средствами по назначению — немедленно по получении моим уполномоченным таких же приказов на имя бухарских воинских частей”. Колесов также сообщает о назначении им Введенского председателем смешанной комиссии для выяснения убытков, понесенных населением в ходе военных действий.

Тем временем, узнав, что эмир берет их под покровительство, некоторые из горожан решили, что опасность миновала, и кинулись проверять целостность своих жилищ, но к десяти часам утра Новую Бухару осадили многотысячные толпы жителей кишлаков, в связи с чем ушедших в “полумертвом”, по выражению Гальперина, состоянии втащили обратно в банк. Оттесненные от города с подходом артиллерии эмира, кишлачники расположились вокруг Новой Бухары и лишь в редкие моменты тревожили ее, безжалостно убивая тех из европейцев, кто решался покинуть свое убежище. На требование бухарских чиновников сдать имеющееся у защитников банка оружие — 30 винтовок, штаб обороны ответил решительным отказом, указав, что оно предназначено только для самозащиты, и “оружие вы возьмете, когда перешагнете через наши трупы”. Ввиду же успешного наступлениядвигающихся на помощь Колесову советских войск, оставшиеся в Новой Бухаре русские фактически оказываются в положении заложников, и, как отмечал Гальперин, после того, как красногвардейцы разнесли Кермине, один из чиновников “прилетел форменным образом на квартиру Мирбадалева и пристал к нему и Введенскому с упреком такого рода: “Мы спасли вас и население, а вы теперь грабите нас!” Он долго кричал и, если помнится, после длинных препирательств, ему заявили, что не Каган разграбил Кермине...”. Бухарцы обвиняли парламентаров в том, что они подвели и обманули их, позволив Колесову выиграть время до подхода подкреплений, поэтому, обращаясь 16 марта к командирам советских частей с письмом, Введенский и Мирбадалев убеждали их положить конец кровопролитию “ввиду достигнутого полного соглашения и приостановления военных действий повсюду в ханстве, о чем гарнизонам посланы приказы председателя Совета [народных комиссаров] через бухарских гонцов, а равно... во избежание начатия военных действий против нас со стороны бухарцев, чем наше несчастное положение мирных

граждан будет ухудшено до неопишуемых размеров”. Это послание Гальперин доставил “командующему Юго-Западным фронтом”, после чего бои на чарджуйском направлении прекратились ⁸.

Вместе с тем первая попытка насильственной советизации Бухары привела к огромному количеству жертв, исчислявшихся более чем 10 тыс. убитых с обеих сторон, и уже 22 марта исполком Ташкентского Совдепа заслушал доклад о прибытии в столицу “около 11 тыс. беженцев с Бухарского фронта”, в основном — “полураздетых и истощенных”. Кроме того, печальным итогом колесовской авантюры стало разрушение всех гражданских сооружений по проходящей через территорию ханства Средне-Азиатской железной дороге, полное разрушение Бухарской железной дороги по линии Каган-Термез на протяжении 750 верст и Каган-Китаб на протяжении 350 верст, а также по почтовому тракту Самарканд-Термез, и, главное, усиление ненависти к России и установление крайне реакционного состава правительства. Хотя за несколько часов до начала военных действий эмир уволил Низам-уд-Дина с поста кушбеги, его преемником стал еще более консервативно и, главное, русофобски настроенный Осман-бек Бий Парваначи.

Соединившись в Кизил-Тепе с посланными ему на помощь войсками, Колесов спешно уезжает в Ташкент, и 22 марта эмир извещает заменившего предсовнаркома командующего Туркестанским военным округом левого эсера П.А.Домогатского о том, что завтра к нему выезжает делегация бухарского правительства и “уполномоченные Хайдар Ходжа Мирбадалев, Мехди Ходжа Бий и П.П.Введенский, как лично знающие мою страну и мой народ, язык нашей страны, как устно, так и письменно, в качестве совещательного голоса и для облегчения составления необходимых протоколов и успешного и скорейшего завершения, на обоюдную добрососедскую пользу, переговоров”. В верительной грамоте от 23 марта эмир повторял, что Введенский и Мирбадалев посланы им в Кизил-Тепе для ускорения заключения мирного соглашения с Россией в качестве “советников, ...пользующихся нашим доверием” ⁹. Оказавшись таким образом связующим звеном между обеими договаривающимися сторонами, Введенский в ходе переговоров выступал также в роли официального переводчика, причем, помимо него, в состав российской делегации, ввиду болезни Домогатского, входили: комиссар отрядов анархист В.Я.Шмидт (председатель мирной конференции), члены Военной коллегии левые эсеры Г.А.Колузаев, А.Г.Степанов и В.Р.Копылов, товарищ комиссара путей сообщения большевик А.Ф.Солькин (секретарь), городской голова и начальник охраны Новой Бухары социал-демократ интернационалист А.Я.Гальперин и второй колесовский “уполномоченный” Х.Х.Мирбадалев. В итоге уже 25 марта подписывается “Протокол дополнительного соглашения между русскими и бухарскими уполномоченными”, так как последние считают, что основное мирное соглашение заключено еще 11 марта с Колесовым. Тот же будет утверждать потом в воспоминаниях, что, выехав в Ташкент, предполагал-де “добиться изменения постановления Совнаркома о заключении мира с Бухарой”, но, заболев, “никакого влияния на ход дела оказать не мог, принужденный впоследствии от имени Совнаркома утвердить состоявшееся соглашение...”. Тогда, сетовал Колесов, “в борьбе с Советской властью и младобухарцами объединились ханская Бухара, левые эсеры, меньшевики, кадеты, агаповская контрреволюционная организация [замещавший тогда предсовнаркома в Ташкенте комиссар по гражданским делам большевик В.Е.Агапов в январе 1919 г. оказался причастным к антисоветскому восстанию. — В.Г.], бывшие агенты царского правительства [Введенский] и всякий сброд, вроде Шмидта” ¹⁰. Тем не менее, приказом по Туркестанскому краю от 12 апреля 1918 г., “комиссаром при Бухарском правительстве” (“Коллегия по Бухарским делам” упразднена) предсовнаркома назначил именно Шмидта, который, по оценке члена ТуркЦИК З.И.Печатникова, не являясь политиком, “лишь с помощью Введенского занимался примирением населения”.

Но еще 3 апреля в ташкентской “Нашей газете” появилась очередная

статья Преображенского “События в Бухаре”, в которой всю вину за недавнее кровопролитие автор перекладывал на эмира, давшего-де “предлог Колесову говорить с ним другим языком”. Едва ли не главный виновник кровавой авантюры, “одним из первых”, по свидетельству Гальперина, сбежавший из Новой Бухары, Преображенский и на этот раз не упустил возможности очернить бывшего облкомиссара, заявляя, что якобы “все гарантии безопасности в отношении младобухарцев были сняты [резидентом] Миллером и впоследствии притоптаны вице-консулом Введенским”, который даже в переговорах в Кизил-Тепе участвовал на стороне ...эмира. “Все зиждилось на какой-то личной вражде Преображенского”, — сокрушенно недоумевала жена Введенского. Возмущенный попытками оправдать инициаторов преступного похода, Гальперин публикует 9 апреля в газете “Новый Туркестан” свою контрстатью под таким же заголовком — “События в Бухаре”. Раскрывая их подоплеку, автор негодует, что “вместо того тернистого пути, который должен быть пройден любым народом на пути к освобождению от старых устоев, вместо подготовительной работы в самом народе и только через народ, группа младобухарцев, при помощи господ Преображенских и, главным образом, по инициативе тех же Преображенских, решает устроить революцию при помощи наших штыков”, что и приводит в конечном счете к ужасающей бойне. Отмечая, что в советской официальной прессе уже проводится определенная линия по обелению тех, кто спровоцировал недавнее кровопролитие, Гальперин предупреждал о намерении Преображенского во что бы то ни стало “утопить в затеянной им и присными авантюре ни в чем неповинного общественного деятеля, самоотверженного гражданина Введенского, спасшего вместе с Мирбадалевым мирное население Новой Бухары от верной гибели, — и на гибели Введенского построить себе путь к оправданию, а может быть, и к дальнейшей карьере”. Но, несмотря на требования провести следствие по делу о бухарском походе и привлечь к суду его организаторов, прибывший в Ташкент чрезвычайный комиссар Совнаркома РСФСР П.А.-Кобозев берет Колесова под свою защиту и, извещая Москву о том, что меньшевики и эсеры “подняли целую бурю клеветы и вылили ушаты грязи на наши отряды, подавившие восстание в Бухаре” (?!), заявляет: “Они клеветуют на местный Совдеп и Совнарком и на все российское советское правительство. На улицах Ташкента собирались бурные митинги, выступали провокаторы в роли якобы очевидцев насилий наших красноармейцев в Бухаре. Ташкентцам сообщали, что эти красноармейцы, вернувшись, будут громить ташкентцев, а тем сообщали обратное, что против них мобилизуются ташкентские рабочие. Словом, провокация кипит всюду при посредстве местного органа печати “Новый Туркестан”. Вчера я объявил на осадном положении Ташкентскую дорогу, военное положение в Ташкенте остается. Провокаторов “Нового Туркестана” подвергаем аресту, все имущество газеты конфискуем”¹¹.

Вскоре комиссар продовольствия Туркестанской республики А.А.Казак-ов вызвал телеграммой Введенского в Ташкент, но, как вспоминала его жена, Шмидт ответил, что тот ему “крайне нужен, и отпустить его он не может”. Тем более, с горечью добавляла Татьяна Павловна, что “мы в те дни хоронили единственного сына, и Введенскому было ни до Ташкента, ни до Бухары; он только поклялся в семье своей при возможности бросить совсем Туркестан и вообще Восток, взявший у нас столько жертв”. Между тем, как не без иронии отзывался о Шмидте один из новобухарцев, анархист по убеждению и недурной пропагандист, он и в политике оказался тоже лишь пропагандистом, вследствие чего уцелевшее русское население, численность которого в ханстве после колесовского похода сократилась более чем наполовину, не чувствуя твердости власти, продолжает разъезжаться. Хотя Шмидт, назначенный 1 июня “чрезвычайным комиссаром по Бухарским делам”, рассчитывает, по его словам, завершить все то, что “Колесов не сумел сделать с Бухарой”, не отошедшее еще от шока руководство Туркестанской республики не может не отреагировать на доставленную в Ташкент телеграмму: “Дружески, по со-

вести, предупреждаем против выводов Шмидта о готовящемся выступлении в Бухаре. Здесь все нормально и никаких агрессивных намерений нет. Будирование это вызывает панику среди служащих линий [железной дороги], сбитых с толку. Представитель ваш, Введенский, сообщая о сем, просит товарищей железнодорожников в пределах Бухарского ханства оставаться на своих местах и продолжать работу. Ваше бегство создает еще более паническое состояние и может, естественно, вызвать бегство мирного населения из ханства. Тогда неминуемы последствия для всех нас”¹².

В результате председатель ТуркЦИК большевик И.О.Тоболин заявил 12 июля, что “Шмидт не соответствует своему назначению как анархист и противогосударственник”. При обсуждении 15 июля его “дискредитирующего власть поведения” левый эсер В.А.Александров особо возмущался тем, что чрезвычайный комиссар “собрал около себя лиц, не пользующихся хорошей репутацией, и в Бухаре положение таково, что Введенский диктаторствует в бухарском дворце, а Шмидт – в Бухаре, с Мирбадалевым. В настоящее время Бухара наполнена какой-угодно публикой буржуазного полета, и в этой своре подлипал Введенский и Мирбадалев в Бухаре – все”. Александрову вторил и исполняющий обязанности комиссара иностранных дел Туркеспублики левый эсер Х.Э.Крымов: “Если до сего времени нашего представителя окружали личности вроде Введенского, то контрреволюция всегда будет иметь место в Бухаре”. 19 июля Шмидта освободили от упраздняемой должности “чрезвычайного комиссара”, и “полномоченным ответственным представителем при Бухарском правительстве” был назначен недавний офицер А.К. Есьман, о котором члены большевистской фракции ТуркЦИК отзывались как о “выдержанном, честном и знающем международное дело”, “умном, распорядительном и твердом партийном товарище” и, что немаловажно, “безусловно трезвом” – в отличие от Шмидта! Тот же будет называть своего преемника “гнусным жандармом”, ибо вскоре выяснится, что “твердый партийный товарищ” служил когда-то околоточным надзирателем в Оренбурге и, уже работая полпредом, содействовал эмирскому правительству в разоружении взбунтовавшихся афганских частей и даже выдал ему бежавших в русские поселения двух бухарских солдат-дезертиров. Поэтому в декабре 1918 г. арестованного и заключенного в ташкентскую тюрьму Есьмана сменил товарищ председателя ТуркЦИК З.И.Печатников – старый член Бунда, который в 1917 г. записался в левые эсеры, а незадолго до назначения в Бухару, в сентябре, вступил в большевистскую партию. “Касаясь прежнего нашего Резидентства, – сетовал Печатников, выступая на объединенном заседании ТуркЦИК, Крайкома РКП(б), Реввоенсовета Туркеспублики и президиума исполкома Ташкентского Совдепа 16 мая 1919 г., – я должен сказать, что, попавши как-то на одно из заседаний бухарских купцов, беков и др., увидел там Введенского, игравшего среди них первую скрипку, имевшего на них громадное влияние. Фактическим резидентом в Бухаре, не в нашу пользу, при Шмидте и Есьмане был Введенский. В общем там была теплая компания, ловко делившая туркестанскую шкуру. Введенский, как более умный, оставался в тени, в одно и то же время являясь министром Бухарского правительства, для которого слово Введенского было законом. Таким образом, Введенский, пользуясь своим громадным влиянием, всегда выказывал против нас антипатию”¹³.

Сам же Введенский писал об этом периоде своей жизни так: “После бухарских событий, когда я очутился без места, я обратился к кушбеги, в руках которого сосредоточены были хлопкоочистительные заводы, дать мне в управление Ново-Бухарский завод, управляющий коего, бухарец Мирза Мустафа, был убит. На этом заводе, кстати, все были русские служащие и можно было кое-что привести в порядок. Я получил завод в управление на жалование в одну тысячу рублей в месяц при казенной квартире. Служба на заводе частная (управляющие двумя другими заводами Бухарского правительства в Зирабулаке и Керки – русские, в Зирабулаке – Иконников, во втором – Монакрович), а не правительственная. Вообще все русские на службе

у бухарского правительства считаются на частной службе, как-то: инженер Сакович, все русские ветеринарные врачи в Бухарском ханстве (в Карши, Чарджуе, Новой Бухаре, Керках), русский врач при Старо-Бухарской туземной больнице, управляющий бухарской телефонной сетью Старокожко. Я был приглашен администратором всех трех хлопкоочистительных заводов бухарского правительства при условии поставить коммерческую часть заводов на должную высоту, ибо до того времени заводы давали убытки. Я отдался серьезно этой работе. От всякой общественной деятельности я начал уходить, ибо от меня Совдепы, менявшиеся довольно часто, начали отказываться. Помимо этой работы, с согласия бывшего председателя Совета народных комиссаров гр. Колесова, переданного мне через бывшего командующего войсками гр. Стасикова, на меня и на Мирбадалева эмир возложил контроль по расходованию сумм, ассигнуемых Бухарским Правительством, согласно Кизил-Тепинскому договору, на восстановление железных дорог в ханстве, разрушенных во время бухарских событий. Кроме нас и русских инженеров Маргулиса, Эрдмана и техника путей сообщения Мирзака, у Бухарского Правительства не было ни одного человека, знавшего и русский и мусульманский языки и смогшего бы контролировать весьма обширную отчетность по восстановлению путей”.

Но после подавления январского антисоветского мятежа в Ташкенте по всему краю начались расправы над потенциальными “контрреволюционерами”. В Новой Бухаре тоже действовал Военно-полевой суд, в финансовых делах которого сохранился и такой жутковатый документ: “Израсходовано мной, Соровым, в разное время, с 25 января по 5 февраля, во время расстрелов контрреволюционеров в количестве всего десяти человек — на угощения шести работников, участвовавших при казни и уборке, 600 рублей”. В городе, писала жена Введенского, “были взяты все, кто только не состоял на службе Советской власти. Многие бежали, убито было 28 человек. Из Резидентства Введенского предупредили, что возьмут и его, чтобы убить. После этого он, по возможности, перестал выходить из дома и решил поскорее сдать отчетность, закончить дела по заводу и уехать с семьей вообще из этого края — на родину, в Малороссию. Работа на заводе кончалась приблизительно через месяц, но на Пасху приехал Бравин, товарищ Введенского по институту, приходил к нам три дня [и сидел] подолгу. Были все время поздравители — визитеры к пасхальному столу. Бравин же жаловался, что из Персии он изгнан англичанами и теперь хочет спастись через Афганистан куда-либо. Но он был предупрежден, что если хочет идти по этой дороге [получить дипломатическое назначение в Кабул. —], то необходимо убрать Введенского, влияние которого здесь сильно. И вот Бравин доносит, что у Введенского целый штаб в доме, и на четвертый день Введенского арестовывают. У нас в доме всегда была мирная семейная обстановка, а не клуб и не штаб. У нас даже в карты не могли играть, так как не играл сам хозяин, — и только скромный чай семейных знакомых...”. Завистливый честолюбец Н.З.Бравин, служивший в 1917 г. вице-консулом в Хое и сделавший стремительную карьеру после большевистского переворота, когда стал первым дипломатическим представителем РСФСР в Тегеране, и на этот раз не удержался от того, чтобы не “подставить ножку” бывшему сослуживцу, которого еще до революции голословно обличал в “мздоимстве”. “Будучи на Пасху у нас дома, — отмечала жена Введенского, — Бравин сам рассказывал, как пострадал он в Персии от всех своих прежних товарищей, не подававших даже ему руки, как был изгнан из Тегерана. Товарищ Введенского по институту, он был предупрежден о его влиянии в Бухаре и, как карьерист, избравший ту же дорогу, на которой ему мешал Введенский, не задумался убрать его. Он зашел в этом деле так далеко, что отступить ему было уже рискованно, и он настаивал на расстреле Введенского”. Последнее подтверждал и Печатников, говоривший, что из-за каких-то старых счетов еще по Персии, “Бравин все время настаивал на убийстве Введенского”¹⁴.

Позже Кобозев, вызванный в качестве свидетеля на допрос в ТуркЧК,

показал, что, возвращаясь вместе с новым главой ТуркЦИК А.А.Казаковым с Закаспийского фронта, остановился на некоторое время в Новой Бухаре, где к ним и обратился Бравин. “Тов. Бравин, — рассказывал Кобозев, — дал нам вполне исчерпывающие сведения о вражеской контрреволюционной и шпионской деятельности Введенского, указав, что в его доме, в ста саженях от станции Новой Бухары, находится английский штаб (это было в присутствии гг. Печатникова, Казакова, Брегадзе и друг.), и даже заявил, что, пока Введенский будет так сидеть прочно на своем месте как сейчас, — он, Бравин, никак не согласится... ехать в Афганистан в качестве посла, ибо вся его деятельность будет парализована Введенским, и из работы Бравина в Афганистане ничего не выйдет. Дальше рассказал нам Бравин, что представляет из себя дом Введенского. Это форменная крепость из двух концентрических дворов, окруженная вооруженными солдатами; по наведенным справкам, дом Введенского охраняется ротой казаков (бухарских). Бравину как-то раз удалось пробраться в дом Введенского. Здесь, во время посещения, являлись к Введенскому несколько бухарских офицеров и чиновников и русских офицеров, прибывших с донесениями с белогвардейского Асхабадского фронта, пробравшись через Керки, и долго о чем-то разговаривали. Введенский являлся самым видным и деятельным лицом в этом разговоре и отдавал им распоряжения.

Хотя Бравин, по словам Кобозева, настаивал на немедленном аресте бывшего сослуживца, заявляя, что в противном случае “сам Введенского застрелит”, все его обвинения являлись беззастенчивой ложью. Уже на допросе Введенский показывал, что Бравин, которого в первый день Пасхи довел до его квартиры сам полпред Печатников, пришел примерно в десять часов утра и просидел до полудня, будучи единственным гостем, не считая некогда служившего в Резидентстве доктора В.А.Доброхотова, пришедшего осмотреть по-прежнему страдавшую болезнью легких Татьяну Павловну. Кстати, Есьман, с которым Введенский окажется позже в одной тюремной камере, сообщал с его слов, что, войдя в дом, Бравин первым делом спросил хозяина, “нет ли у него кого-либо из посторонних, и получив отрицательный ответ, стал просить совета, ехать ли ему в Афганистан или нет”. На другое утро гость явился снова и пробыл у Введенского три с половиной часа, имея полную возможность наблюдать всех визитеров, заходивших на несколько минут с официальными поздравлениями по поводу Пасхи, в том числе — Мирбадалева, аптекаря с женой, священника, служащих завода и других знакомых, а из бухарцев — эмирского чиновника при полпредстве Мехди Ходжа Бия, его родного брата Мирза-бека Токсаба и командира стоявшей в городе казачьей части. На третий день Бравин снова посетил квартиру Введенского и, заявив, что дабы переправиться в Керках на афганскую сторону ему придется нанять там лодки, просил оказать содействие в этом вопросе, после чего получил от хозяина необходимые рекомендательные письма.

В своих показаниях Кобозев указывал, что Казаков сначала возражал против ареста Введенского, но, в конце концов, согласился благодаря “чрезвычайной убедительности доводов гг. Бравина, Печатникова, Брегадзе и моих”, причем “для ареста Введенского, зная все его взаимоотношения и всю его ценность для Англии и Бухары, нам пришлось продвинуть к Новой Бухаре бронированный поезд”. В 1936 г. Кобозев вспоминал, как “хитрым образом удалось Введенского поймать и арестовать”, и, называя его “умным царским

дипломатом, миллюковцем-англофилом, одним из организаторов Южного Русско-Английского Союза”, уверял, будто “эмир держал его в своем дворце, в третьем внутреннем дворе, за чрезвычайной охраной”. Но, с гордостью продолжал Кобозев, “мы с Преображенским (? — В.И.) условились похитить Введенского: это дерзкое предприятие было осуществлено группой товарищей, пробравшихся через высокий забор по перекидным веревочным лестницам, а Введенский был доставлен в мой вагон и увезен в Ташкент”. Другой участник операции — комендант поезда председателя ТуркЦИК М.К.Шкарупа, прозванный за свою жестокость “Малютой Скуратовым” (в Андижане он расстрелял из пулемета 29 человек и лично добивал раненых), выступая в 1932 г. на слете “красных партизан” в Ашхабаде, рассказывал, что для похищения Введенского, которое было решено осуществить в ночь на 24 апреля, командир бронепоезда К.П.Ревякин выделил свою конную разведку в количестве 25 бойцов. “Ревякин, — говорил Шкарупа, — приказал кавалеристам выехать в степь, подобраться к стене, переброситься через нее, выломать дверь и захватить Введенского. Ревякинский поезд был наготове. О готовящемся нападении никто с бухарской стороны не догадывался, так как до вечера нами был устроен парад. В десять часов вечера разведка отправилась: шесть красноармейцев перескочили через стену, подбежали к дверям, стукнули в нее. Часовой за воротами ничего не слышал. Введенский подошел к двери, взялся за скобу и из двух маузеров прорешетил дверь. Разведчики выломали дверь. Когда прибежала стража, то кавалеристы с Введенским были уже за стеной, по ним стреляли, но никого не ранили. Наши не отвечали...”.

На самом же деле, в совершенно отделенном от территории завода дворе не было даже ночного сторожа; старый слуга татарин Мамаджан спал на террасе со стороны черного хода, а в запертом на ночь доме находилась только семья Введенского. “Обвиняют, что окружил себя караулом, — удивлялась его жена. — Завод всегда имел и теперь, без Введенского, имеет казачий караул, который никого не выпускает. Наша квартира находилась за заводом, там ни одного казака никогда не было и, когда пришли арестовывать к дому с другой стороны, то не встретили ни одной души. Здесь было просто — “на муху с обухом!”” Об этом же писал в показаниях Введенский: “Меня арестовали без единого выстрела. Револьвер мой, “лилипут”, лежал даже не в спальне, а в телефонной комнате. Его взяли без меня. Я сам указывал товарищам красноармейцам ближайший и лучший путь перелеза через забор завода Ярославской мануфактуры. Когда все товарищи красноармейцы перелезли, со стороны отставшего на моем дворе красноармейца дан был при перелезе... один выстрел в сторону завода. Оттуда, далеко у ворот или, может быть, за воротами, раздалась в ответ четыре-пять выстрелов в воздух. Кто стрелял, я не мог знать, так как кругом были расставлены патрули русского гарнизона. Я просил военного комиссара Каганского Совдепа Дмитриенко не стрелять, уверяя в безопасности”¹⁵.

Рассказывая об успешном завершении операции, Шкарупа отмечал, что по прибытии поезда с пленником в Самарканд “поднялась буза: эмир Бухарский прислал кушбеги с просьбой возвратит Введенского. Казаков ответил, что мы взяли только своего, нужного нам, человека, стрельбу не открывали и разговоров о возвращении Введенского быть не может. О результатах переговоров кушбеги сообщил эмиру Бухарскому по аппарату, и предложение эмира отпустить Введенского за выкуп было отвергнуто». Кобозев также указывал, что важность личности похищенного оказалась столь велика, что эмирское правительство “немедленно после ареста Введенского предъявило Туркестану необоснованный ультиматум и объявило Бухару в состоянии войны с Туркестаном, хотя выполнить этого ультиматума не смогло”. Сам же арестованный на вопрос о том, почему эмирские власти столь упорно требовали его освобождения, ответил просто: “На моих руках находились три завода бухарского правительства с товаром и оборотами более чем на 30 миллионов рублей. Год моей упорной работы показал бухарцам, что распутать хаотичность заводского хозяйства могу я. К 1 мая и не позднее 20-го предстало

сдать отчетность. Опасение не получить ее и страх за то, что начнется расхищение товара и капиталов при содействии бухарских чиновников, — вот что, по моему мнению, толкало бухарское правительство на просьбу освободить меня». Этой же точки зрения придерживался и Печатников, который на заседании ТуркЦИК говорил, что после ареста Введенского бухарское правительство просило освободить его, «хотя бы временно, мотивируя свою просьбу тем, что на руках у Введенского осталась большая сумма, в которой он должен отчитаться, но... в этой просьбе было отказано, после чего один из членов правительства заявил, что в таком случае Бухара оставляет за собой полную свободу действий, иначе говоря — будет находиться на положении войны с нами. Я, желая выяснить вопрос окончательно, просил у эмира подтверждения вышесказанного заявления, но он постарался всяким образом заменить эти неосторожные слова, ссылаясь на то, что сказавший это является лицом безответственным».

Помещенный в тюрьму при Особотделе и вызванный 27 апреля на первый допрос, Введенский заявил следователю, что ни в каких антисоветских организациях не участвовал и даже сознательно уклонился от поездки в Старую Бухару, когда туда прибыл офицер из белогвардейского Закаспия. Поскольку же Особотдел как раз и интересовали связи арестованного с асхабадскими и бухарскими властями, в своих показаниях Введенский писал:

«Я лично никогда не сносился и не пытался сноситься с кем-либо из членов Закасп[ийского] правительства, а тем более с военным фронтом в Закаспии. Я там никого не знал и старался все время, со времени Октябрьского переворота, стать подальше от политики. Признаю все же, что ко мне обращались неоднократно русские эмигранты с просьбой исходотайствовать для них перед Бух[арским] Правительством открытые листы для проезда по бухарской территории во избежание неприятностей в пути до границы (доктор Рабинович, Киракосян, Лангер), но я все время отклонял их просьбы, зная, что Бух[арское] Пр[авительство] принципиально не выдавало таких пропусков, но не стесняло проезда всех русских по своей территории в любом направлении. Не отрицаю также и того, что бежавшие из Н[овой] Бухары в Старую от разных притеснений советских властей на почве реквизиций русские граждане, как попадавшие в положение беззащитных, ибо Резидентство их не защищало на бухарской территории, все время обращались с просьбами ко мне по телефону, открыто, помочь им и защитить их от произвола бухарских чиновников. И я защищал их как мог перед Бухарским Правительством — и простых рабочих, и интеллигентных людей, считая это долгом русского человека. [...] С Эмиром я не видался уже больше года. Это подтвердят резидент, бухарская церемониальная часть и бухарский токсаба (чиновник) в Кагане, а также Мирбадалев. В последний раз я ездил с Резидентом Есьманом, дабы помочь уговорить Эмира дать разрешение на отпуск в Туркестан хлеба, мануфактуры и других товаров (просьба Есьмана, [комиссара продовольствия] Ляпина, Савченко и других советских представителей). Не ездил я к Эмиру потому, что мое влияние пало в глазах бухарского духовенства, сильного при дворе в данное время из-за бухарских событий [1918 г.], когда [мне] пришлось для мирного окончания событий в пользу Советской Республики пойти против духовенства. Все русские в Кагане подтвердят также, что я больше года не видел Эмира.[...] Все резиденты чувствовали необходимость помощи знающего человека и обращались ко мне. При всех трудных обстоятельствах я находил способы удовлетворения и примирения интересов обеих сторон. Пока меня звали на помощь резиденты, звал и Эмир. Отказались от меня резиденты, отказался и Эмир. Мое падение началось фактически при резиденте Есьмане, когда он решил опереться на свои силы. Тогда же и мое влияние пало при Эмире. [...] Я не был ни тайным агентом, ни руководителем Эмира и Бухарского Правительства. Пока меня просили и прибегали ко мне и Эмир и резиденты и вообще все российские власти в Туркестанском крае по самым разнообразным делам, на которые Бухарское Правительство или Советская власть почему-либо не соглашались, я был

только честным посредником — с обоюдного согласия сторон. Экономический отдел при Резидентстве до самой последней минуты обращался ко мне за посредничеством, и я его выполнял не за страх, а по совести. Советский представитель при Афганском Эмире [Бравин] также при проезде обращался ко мне за содействием по разным вопросам, связанным с его переездом на афганскую сторону. Не я был при Эмире, а меня посылали к нему резиденты и все российские власти по всем делам, ибо там у них не было знаний и такта, как добиться того, что нужно было. Я, напрягая все силы и труд, насколько можно, добивался и спасал положение. Если Бухара удержалась в русской орбите и не бросилась политически в сторону Афганистана, как географическому и сильному соседу, и не подпала под влияние иностранной державы — в этом много обязаны мне, русскому человеку, воспитанному в решимости защищать русские интересы”.

Введенский подчеркивал, что будучи еще по службе в Персии “горячим противником вооружения мусульман”, неоднократно предупреждал и Шмидта, и Есьмана, и Печатникова о закупках оружия, осуществлявшихся агентами эмирского правительства у проходящих советских частей и в Самарканде. “Когда во время бухарских событий, — отмечал Введенский, — после отступления Колесова от Новой Бухары, мне, Мирбадалеву и начальнику города гр. Гальперину стало известно, что Бухарское Правительство требует к себе на службу [военнопленных] австрийцев, спасшихся в Новой Бухаре, я письменно дважды протестовал против этого насилия над личностью иностранно-подданных и с большой неприятностью для себя от Эмира не допустил взять австрийцев. Против этого я боролся до последней минуты своего ареста, не допуская австрийцев поступать на службу к Эмиру, зная, что эта служба идет вразрез с русскими интересами”. Введенский указывал, что бухарскую армию обучают афганцы, два турецких офицера, татары из “бывших низших чинов”, но среди инструкторов нет ни англичан, ни русских, которых правительство эмира никогда не принимало и не примет на службу по религиозным соображениям. Из проезжающих же через территорию ханства русских граждан, включая дезертировавших с разных фронтов беглых офицеров, вообще “никто не остается в Бухаре: все опасаются новых бухарских событий и мусульманских зверств”. Поясняя причину тайных попыток эмирских властей завязать связи с закаспийскими белогвардейцами, Введенский доказывал, что оно делает это только “под влиянием не лояльной политики советских политических представителей, получая явные угрозы нового нападения на Бухару по всяким даже мелочным поводам, ...на случай вышеназванного нападения туркестанской власти на Бухару, но не для агрессивного нападения на Туркестан, что явный абсурд”. Введенский подчеркивал, что “ни для каких выступлений агрессивного характера Бухара не готовится и не готова. Главная задача ее вооружений — обезопасить себя на случай нового нападения и разорения. Бухара не выступит с оружием в руках до тех пор, пока ее не затронут”. С возмущением отвергая в дополнительных письменных показаниях от 30 апреля предъявленное ему обвинение в шпионаже, Введенский заявлял: “Докладываю по совести, что никогда ни при каких обстоятельствах, воспитанный прошлой службой на Востоке в преданности русским интересам, никаких сведений Бухарскому Правительству не давал и с этой стороны не служил никогда Бухарскому Правительству”¹⁶.

Хотя арестованный требовал устроить ему очную ставку с оклеветавшим его Бравиным, тот явно не хотел встречаться с бывшим коллегой, который, даже находясь в тюремной камере, взял на себя, по просьбе Комиссариата иностранных дел Туркеспублики, разработку проекта нового мирного соглашения с Бухарой. “Когда я волновалась, — писала жена Введенского, — что Бравин уедет и мужу не удастся оправдаться, меня успокоили буквально следующими словами: “Вашему мужу не надо и оправдываться, следствие и обстоятельства уже оправдали Вашего мужа. Не надо же очной ставкой позорить Бравина, раз, быть может, им еще придется служить на одном поприще”. Мне было этого достаточно, но, когда уехала миссия [в Кабул], отноше-

ние к арестованному, уже сдавшему написанный им договор с Бухарой, стало хуже. Раньше обещали освободить его по окончании договора, так как на самом строгом следствии, где, конечно, все обвинения против Введенского рассматривались в увеличительные стекла, все-таки все обвинения рассеялись. Теперь же не только и речи не было об освобождении, но во всем самый жестокий отпор. По пять дней по два раза, утром и вечером, заставляли выжидать в отделе часы, назначая прием и снова откладывая, в то время, когда я, по доверенности доктора, была больна воспалением легких, с температурой 39 и выше, и ютилась с дочерью в углу на полу, не имея ни квартиры, ни кровати и вообще ничего. Да, уж никак нельзя упрекнуть Особый отдел в мягком отношении к Введенскому. И все-таки, несмотря на то, что нас вымучивали, пугали..., после следствия и бесконечных доследований должны были сознаться, что тут просто недоразумение, раздутое недоверие и целая легенда. Нам этого, конечно, не говорили, держа все время под угрозой тюрьмы и наказания. Но отношение и безнадежность положения заставили меня найти возможность узнать, что начальство само недоумевает, как из такого простака создали преступника, находит возможным освободить Введенского и привлечь к работе, но Кобозев под влиянием наветов Бравина упорно считает Введенского достойным наказания”.

Хотя уже в конце мая начальник Особотдела возбудил вопрос об освобождении арестованного, против этого восстал Кобозев. Но, поскольку несколько поездок особистов в Бухару ничего не дали, ТуркЦИК был уведомлен, что реальных обвинений против Введенского нет. Однако, сетовала его жена, “Кобозев, член Крайкома, заявил, что у него от Бравина имеется серьезный материал против Введенского, что даже сам Ленин знает о нем худое и что об освобождении не может быть и речи. Снова [начособотдела] Воскин усилил строгости и снова послал разыскивать материалы. Через три месяца повторилось то же. Между тем, так как бухарское правительство доверило Введенскому большие суммы на продовольствие, хлопковые заводы и восстановление испорченной при Колесове железной дороги, и Введенский был внезапно вырван [со службы], не сдал отчетности, — бухарское правительство все конфисковало у нас. Семья Введенского осталась без всякой поддержки и со стороны русских, и со стороны бухарцев. Я заболела воспалением легких, потом, так как лечить не пришлось, — плевритом. Мы перебивались кое-как из одолжения у знакомых, надеясь на скорое освобождение”. Поскольку же начособотдела вновь указывает на отсутствие обвинительного материала, президиум ТуркЦИК принимает, наконец, решение выпустить Введенского из тюрьмы и включить в состав “Продовольственной дирекции” Туркеспублики. Но, так как правящую верхушку раздрает внутренняя борьба между двумя остро враждующими группировками во главе соответственно с Казаковым и Кобозевым, последний, выступая 11 сентября на 8-м краевом съезде Советов, использует имена бесправных арестантов для обвинения главы ТуркЦИК в покровительстве “контрреволюционерам”, заявляя: “Агапов жив, Введенский еще жив и, даже говорят, что и вина за ним никакой нет. Нет ли и в составе правительства Агаповых и Введенских?”¹⁷.

В результате из Особого отдела арестованного передают в ведение ТуркЧК, коллегия которой, рассмотрев 15 октября “дело по обвинению Павла Введенского в агитации среди Бухарского правительства”, подтверждает прежнюю меру пресечения — “заключение под стражу” — и решает приступить к предварительному следствию, то есть после полугодового заключения все начинается сначала... “Муж мой, — писала жена Введенского в прошении от 28 октября, — всю жизнь свою бился на работе для пользы родины. Он оказал большие услуги Советской республике: спас, по поручению председателя Совнаркома Колесова, тяжелое положение Советской республики в Бухаре во время событий 1918 г., спас все население от неминуемой резни. Он неизменно все время оказывал своими знаниями помощь Резидентству и Экономическому отделу, он даже здесь, в тюрьме, уже по предложению ТуркЦИК составил проект нового мирного договора с Бухарой — целый труд, и очень

ценный. Он искренно готов работать для Советской России. Мои слова подтверждают советские деятели старого состава... и сверх того все мирное население русской Бухары, которая считает чуть ли не спасителем Введенского в 1918 г. Бога ради, взгляните на все это! Как измучены мы без вины, сколько ушло времени...". Тем не менее в тот же день глава ТуркЧК обращается в Новую Бухару с предложением "срочно выслать материалы к делу Введенского, если таковые у Вас имеются", но председатель местного парткома с сожалением указывает на их отсутствие, добавляя: "Можем сказать только одно: Введенский был врагом Советской власти уже по одному тому, что служил у Бухарского правительства и шел всегда в разрез с задачами советского строительства...".

Тем временем, узнав об ожидающемся приезде из Москвы "Комиссии ВЦИК по делам Туркестана" (Турккомиссии), Введенский адресует ей свое заявление, указывая на то, что после полугодового заключения в тюрьме Особотдела переведен в ташкентский "Исправительный рабочий дом", хотя и ТуркЧК тоже не предъявляет ему никаких обвинений. Не получив ответа, "арестант камеры № 29" вновь обращается к Турккомиссии и отдельно к одному из самых влиятельных ее сотрудников, назначенному заведующим Отделом внешних сношений Г.И.Бройдо в надежде, что тот вспомнит их встречу в Бухаре весной 1917 года. "Узнав, что Вы приехали из Москвы, — пишет Введенский, — обращаюсь к Вам с глубокой просьбой, как знающему меня человеку. Ради Бога и во имя справедливости, выслушайте меня, вызвав обязательно в Верховную Комиссию. По делам бухарским, где накопилось столько непоправимого благодаря неумелым работникам, столько грязи и преступлений, что, дабы Верховной Комиссии уладить все, необходимо ознакомиться со сведениями человека, которого загнали в тюрьму, но который всю жизнь и, в частности, несчастную жизнь в Бухаре отдал России. Меня не судят — материала нет, но держат как опасного человека, ни разу не выслушав...". Однако Бройдо вовсе не спешит с освобождением Введенского, намереваясь лишь, по примеру прежних туркестанских властей, воспользоваться его знаниями и опытом, о чем свидетельствует и письмо арестанта в Турккомиссию от 24 ноября: "Ввиду спешности порученной мне работы и необходимости произвести четыре выкопировки плана пограничной полосы между Афганистаном и Туркестаном (проекты русский, англо-афганский, согласительный проект — настоящая граница — и проект новой границы) прошу о командировании топографа для соответствующих указаний. Засим прошу о присылке книги "Туркестан", изд. Девриена, с картами туркменских поселений в районе между Герирудом и Мургабом, и 15 листов белой писчей бумаги для работы. Вместе с сим прошу отдать распоряжение администрации о предоставлении мне свиданий с женой, так как вчера я был лишен свидания по неизвестным причинам. Я восьмой месяц сижу без предъявления обвинения». Таким образом ценный узник приступает к выполнению очередного задания тюремщиков, а его жена обращается 30 ноября к председателю Турккомиссии Ш.З.Элиаве с новым прошением об освобождении мужа:

"Осмеливаюсь беспокоить Вас лично потому, что потеряла всякую надежду на скорое окончание дела. К кому ни обращаешься, всегда получаешь успокоительный ответ: "через неделю", "через 5 дней", "когда придет тот", "когда придет этот". Ждешь по всем этим обещаниям, проходят все назначенные сроки и приезды, а перемены никакой. С первого месяца ареста с нами поступали так, назначая даже числа и дни освобождения, и до сих пор все то же. Это еще тяжелее, чем если б был осужден человек на долгий, но определенный срок. Здесь же во всех этих бесконечных обещаниях, все новых и новых, капля по капле сочится жизнь наша. Между тем положение семьи Введенского так безвыходно и невыносимо тяжело, что еле-еле тянешь не месяцы, не дни, а часы. Каждый час — не жизнь, а агония. Жена Введенского больна, лежит, если есть возможность никуда не идти за обещанным освобождением. Прав никаких нет, обедать негде. Всю работу по

уборке и [обязанность] обед готовить несет ребенок — девочка 11 лет. Уже декабрь, холодно и сыро, а у нас ни дров, ни печки, ни разу еще и не топили, приходится спать, не раздеваясь, а не то, что лечиться. Теперь требуется освободить дом для афганской миссии. Силы мои все ушли и помощи никакой. Средства к жизни для всей семьи я искала в Бухаре у знакомых на 2—3 недели и снова надо ехать просить. Здесь мне негде найти, так как здесь мы совершенно чужие и без знакомств. Между тем за это время десятки и серьезные и неожиданных освобождений. Некоторые освобождают досрочно, под стражу. Освободили Есьмана, Успенского под стражу. О Введенском же все говорят хорошее, относятся хорошо, дают прекрасные обещания, а в результате закрытая глухая безвыходная могила, никакого снисхождения, никакой жалости к человеку, которому даже работу дают в тюрьме и у которого тут же рядом погибает бессильная семья — тогда как он, здоровый и сильный, мог бы устроить свою семью и помочь ей. Мы выбились из сил... Из последних сил. Восемь месяцев непрерывной борьбы за кусок хлеба, за устройство семьи, хлопот за мужа наряду с серьезными болезнями взяли все. Моей голове уже не хватает [сил] изыскивать источники питания и работать в лихорадке до 39 градусов, а кормилец семьи, вся наша опора уже хотя бы здоровьем своим, бьется там за стенами, бессильный взять на себя наш труд. Кто же поймет это? Неужели для Вас Введенский только машина, нужная или ненужная Вам, вредная или полезная, которую пустят в ход в удобный момент, совершенно не видя в нем человека, у которого, уже довольно пострадавшего, погибает последнее, что он имеет, — семья, или даже вернее — остаток семьи, так как сын уже умер. Простите, что беспокою, отрываю Ваше время от более важных, как Вы сказали мне, дел, но, может быть, Вы услышите меня, что мы так придавлены, что ждать нам нельзя. Освободите мужа под самую строгую стражу досрочно или залог или другие гарантии, чтобы он мог помочь своей семье, совершенно изнуренной, обессилевшей, да и голодной. Если и этого Вы не сделаете, то отпустите его хоть на 1-2 дня, помочь нам в хоть самом тяжелом мужском труде, который падает на больную и на ребенка. Услышьте меня, поймите меня! Нам нужна помощь”.

Ознакомившись с прошением, Бройдо накладывает резолюцию: “Оказать содействие делу”, и, хотя Введенский продолжает оставаться за решеткой, ему дают некоторые послабления в тюремном режиме, 9 декабря доставляют в камеру дополнительно заказанные географические карты и справочники по Афганистану и даже разрешают заниматься в Публичной библиотеке, однако, арестованный отказывается ходить туда под конвоем. Между тем проходят дни, а освобождение из тюрьмы все откладывается и откладывается. Нервы у Введенского на пределе, и объявленное ему постановление коллегии ТуркЧК от 6 декабря о передаче его дела в ...партийный краевой суд заставляет узника пойти на крайнюю меру. “8 месяцев, — с горечью напоминает он Турккомиссии, — я сижу без предъявления обвинения. Особый отдел, продержав почти 6 месяцев в заключении, истратив огромные суммы на подыскание обвинения и не найдя никакого обвинения, заявив об этом дважды ТуркЦИК, спихнул с себя это вопиющее по несправедливости дело в ЧЕКА. ЧЕКА два месяца усиленно занималась розыском обвинительного материала, но не нашла, несмотря на посылку особого следователя в Бухару, и передала дело, не найдя обвинения, в Краевой Партийный Суд. Теперь мне предстоят новые месяцы сидения в ожидании, пока это учреждение, коему я неподсуден, ибо я — непартийный, отыщет обвинение. Закон ко мне не применяется. Мои протесты на это комиссару юстиции не имеют никакого отзвука. Я вижу, что я поставлен ВНЕ ЗАКОНА БЕЗ ВИНЫ. Обращения в ТуркЦИК, в Крайком — с мольбой о милости не мучить меня и заставить кого следует предъявить мне обвинение, судить — не имеют успеха. Следственная часть ясно и определенно говорит: нет обвинения. На обращение в Комиссию по делам Туркестана с просьбой обратить на мое дело внимание и побудить кого следует предъявить обвинение или отпустить — я получил заверение, что в течение 10 дней это будет сделано. Прошло уже

около трех недель. Поистине семья умирает с голода — выселена из квартиры, кухни нет, в столовую доступа нет как не имеющая профессиональной карточки, горячей пищи не принимает, ибо негде получить и приготовить. Никому дела до нее нет, кроме меня, а меня держат без вины и обвинения. Обращаюсь к социалистической совести Верховной комиссии в последний раз. Перенести такую жизнь — гибель семьи и пребывание 8 месяцев вне закона — я не в силах. Последние остатки нервов я отдал работе на пользу России. Не чувствуя себя, я, молча, работаю над порученным мне Верх[овной] Комиссией делом. Это не слова: я еще раз прошу Верх[овную] комиссию применить ко мне ЗАКОН и предъявить мне обвинение или отпустить меня. Если до 15 декабря мне не будет предъявлено обвинение или я не буду выпущен на свободу, как незаконно задержанный [на] 8 месяцев, я объявляю голодовку, решившись заморить себя голодом также, как умирает с голоду одинокая и брошенная семья. Пишу спокойно, обдуманно, не имея сил перенести позора, издевательства над личностью, отсутствия применения ко мне общего закона и неимения дальше сил искать справедливость и защиту. Добавляю, что против Советской России никогда ни в чем не шел, никогда контрреволюционером-белогвардейцем не был, никогда в жизни не изменял России, служа ей всеми фибрами души”¹⁸.

Хотя Бройдо требует объяснений по поводу передачи дела Введенского на рассмотрение партийного суда, лишь 17 декабря принимается решение ...возвратить его назад в ТуркЧК “с указанием, что [Турк]комиссия не нашла в деле данных, чтобы оставить таковое за собой”. В итоге Введенский продолжает томиться в заточении, а его жена вновь скорбно пеняет Бройдо: “Неужели у Вас нет возможности помочь нам? Посмотрите, что выходит. Отец — в тюрьме, мать — в больнице, а девочка двенадцати лет живет одиноко и самостоятельно. Время идет, а нам все хуже. Неужели и Новый год мы так встретим? В третий раз уж я сбилась совсем с ног, а кормилец там за стенами доходит до истерик. Вы видите его здоровым и спокойным перед Вами и не знаете, до каких диких выходов доходит он там, потерявши уже волю и власть над собой. Рано или поздно, конечно, вы освободите его, но не было бы поздно для нас. Вы знаете, в какой мы крайности. Зачем же так обострять, озлоблять, если хотите, чтобы он от души служил Вам? Что хорошего, если начнется эта позорная голодовка, а с ним уже никто не может справиться, он минутами безумеет совсем. Не опоздайте помочь, ведь и крайность не может длиться без конца». На письме резолюция Бройдо от 23 декабря: “Поговорить с т. Апиным о скор[ейшем] освобожд[ении]. Он нужен для работы в Отд[еле внешних сношений]”. Вслед за этим в ТуркЧК передается телефонограмма: “Ознакомившись с делом арестованного Введенского, т. Бройдо пришел к заключению, что оснований для дальнейшего содержания его под арестом нет. Ввиду того, что председатель ТуркЦИК т. Апин в свое время высказался за освобождение Введенского, т. Бройдо просит немедленно освободить его, так как Отдел внешних сношений нуждается в услугах его как востоковеда. В случае, если бы ЧК по тем или иным причинам не сочла возможным совершенно освободить Введенского, прекратив его дело, т. Бройдо просит во всяком случае изменить в отношении арестованного меру пресечения, взяв с него подписку о невыезде”. На этом переписка по делу Введенского завершается, что могло означать лишь одно — освобождение его из тюрьмы, и уже 28 декабря Бройдо извещает Чрезвычайную следственную комиссию: “Настоящим доводится до Вашего сведения, что гр. Введенский отправляется, согласно распоряжению Турккомиссии, совместно со мной в Бухару на недельный срок”. В тот же день бывшему арестанту выписывается удостоверение, которое гласит: “Дано сие гр. П.П.Введенскому в том, что он является сотрудником Турккомиссии и командировается в Бухару. Гр. Введенский имеет право посадки в вагон т. Бройдо №..., прикрепленный к поезду председателя Турккомиссии т. Элиавы”¹⁹.

Недельная командировка растянулась почти на восемь месяцев, и в качестве консультанта-экономиста, юрисконсульта и даже управляющего дела-

ми полпредства РСФСР в Бухарском ханстве Введенский делал все возможное для восстановления добрососедских отношений между двумя странами. Но уже в мае 1920 г. в Ташкенте окончательно побеждает “партия войны” во главе с В.В.Куйбышевым и М.В.Фрунзе, которые берут курс на свержение эмирского правительства с помощью штыков Красной Армии. Полпред А.Е.Аксельрод, которому инкриминируется слыхом “мягкая” политика по отношению к Бухаре, заменен на военного атташе, бывшего начальника разведотдела штаба Туркфронта, С.О.Луцевича-Зарембу, а заведующий Отделом внешних сношений Г.И.Бройдо, деятельность которого признана Турккомиссией “абсолютно вредной”, объявлен ею “политическим авантюристом” и отозван в Москву. В это же время начальник Особотдела Туркфронта Г.И. Бокий развивает бурную деятельность по поиску якобы вездесущих агентов эмира и фабрикует дело о крупной шпионской организации, которая имеет-де агентуру чуть ли не во всех советских учреждениях. В связи с этим уезжающий в Москву глава Турккомиссии телеграфирует 10 июня своему преемнику Куйбышеву: “Необходимо с надежным товарищем в Новой Бухаре произвести операцию: арестовать, с препровождением в Ташкент к Бокию, Тысячников с женой, Мирбадалева, старшего Гальперина и Соловьева... Введенского телеграфно вызвать в распоряжение Гопнера [нового заведующего Отделом внешних сношений. — В.Г.]. Переговоры с Фрунзе и Бокием о способах проведения этой операции”.

Агентурная разработка “Бухарской шпионской организации” завершилась 11 июня, причем среди арестованных оказались заведующий канцелярией Отдела внешних сношений И.Ф.Абрамов, “правозаступник” Реввоентрибунала Туркфронта Н.В.Болотин, заведующий статистическим отделом Бухарского отделения Отдела внешней торговли А.Я.Гальперин, контрагент Турккомиссии в Бухарском ханстве Н.Ш.Потеляхов, завбюро пропусков Особотдела Туркфронта Ф.Саводеров, заведующий Старо-Бухарской конторой Отдела внешней торговли М.К.Тысячников и многие-многие другие, включая бывшего уголовного каторжанина, а ныне — сапожника, Иванова, уверявшего, что в ссылке он якобы “спал на одной койке” с самим Лениным, и парикмахерши Мамонтовой, названной в деле “проституткой” за связь с афганским консулом и рядом ответственных советских работников, в числе которых были комиссар внутренних дел республики, начальник ташкентского гарнизона и даже один из членов Турккомиссии — Ф.И. Голощекин. Но Введенского на этот раз не тронули ... “по дипломатическим соображениям”, хотя он и обвинялся в том, что, будучи царским чиновником, прославился-де “своей провокационной деятельностью, выдавая революционеров и партийных работников бухарскому правительству”, и “постоянно был в самых дружеских отношениях с Тысячниковым, Потеляховым и шпионами эмира”. Но в Ташкенте не могли не учитывать, что еще 18 апреля именно Сеид Алим-хан потребовал отозвания из Бухары заместителя полпреда М.М. Михалевского и юрисконсульта Введенского. На требование же Турккомиссии дать объяснения эмир, в ответной ноте от 24 мая, заявил, что действия Михалевского говорят о стремлении его уничтожить независимость Бухары и “держат ее в состоянии подчиненности”, а просьба об отозвании Введенского “вызвана была тем, что он, как воспитанный в духе чиновника старого режима, никак не может смириться с самостоятельностью Бухарского государства, а потому всеми своими усилиями способствует тому, чтобы Бухара находилась в состоянии вассальной страны”.

Обвинять Введенского в шпионаже в пользу эмира, который сам же требовал удалить его из Бухары, было не очень логично. Тем более, что Луцевич-Заремба еще 19 мая писал в Ташкент: “Требование об удалении Михалевского и Введенского без достаточных оснований вызвано желанием создать в остающемся составе Полномочного Представительства послушное бухарскому правительству течение, при котором бухарское правительство явилось бы диктатором, а мы послушным его орудием. Такое требование — результат великодержавной болезни Бухары, привитой нашими врагами”.

Поэтому, направляясь 23 мая с первым официальным визитом в Арк, Луцевич-Заремба не преминул захватить с собой и “консультанта Полномочного Представительства, хорошо знакомого со всеми вопросами касательно национализированного хлопка, гр. Введенского”, которого, как и все его предшественники, активно использовал в качестве посредника для переговоров с бухарскими чиновниками. Например, 6 июня Луцевич-Заремба докладывал в Ташкент о санкционированной им конфиденциальной беседе между Введенским и отправлявшимся в Москву во главе бухарского посольства Межди Ходжа Биём, который советовал оказать давление на эмира с целью увольнения верхнего кушбеги Осман-бека, “как реакционера до мозга костей и врага России”, с заменой его “русофилом” Низам-уд-Дином, еще в начале года стараниями Аксельрода назначенного нижним кушбеги²⁰. Однако очередная рокировка в правящей верхушке Бухарского ханства уже не могла спасти его от гибели...

В июле отношения между двумя странами окончательно испортились, чему немало способствовали развернутая в советской прессе кампания по дискредитации бухарского правительства и, особенно, занятие красноармейцами в Новой Бухаре дворца эмира и зданий таможни, хлопкоперерабатывающего завода и ведавшей сбором налогов закятханы. Это вызвало взрыв возмущения среди бухарцев, и духовенство фактически вынудило Сеид Алим-хана призвать своих подданных к “священной войне” во имя защиты ислама. Но, желая избежать преждевременного военного конфликта, Турккомиссия пошла на мнимые уступки эмиру, и, поскольку тот вновь поднял вопрос об отзывании негодных ему Луцевича-Зарембы и Введенского, приехавший в Бухару для переговоров Д.Ю.Гопнер увез их с собой в Ташкент. Но уже 29 августа войска Туркфронта внезапно напали на эмирскую столицу, которая в ходе растянувшегося до 2 сентября кровопролитного штурма, подверглась варварским артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с аэропланов, а затем, горящая и полуразрушенная, стала ареной “грандиозных”, по определению современника, грабежей; сокровища эмира победители эшелонами вывозили в Ташкент. Оставшиеся в столице верхний кушбеги, кази-калян и некоторые другие сановники попали в плен и были казнены. Эмиру же посчастливилось прорваться в Восточную Бухару, откуда он вскоре перебрался в Афганистан, где, прожив еще больше двадцати лет, скончался 30 апреля 1944 года.

Со свержением эмирского режима Введенский вернулся в Новую Бухару, где и был арестован. Однако дело о “Бухарской шпионской организации” уже мало кого интересовало, и Особотдел признавался, что “следствием фактического шпионажа не установлено, а есть только намеки, которые не выявлены благодаря слабой агентурной работе и преждевременной ее ликвидации”. При этом отмечалось, что одни из фигурировавших в деле лиц успели скрыться в сопредельных странах (Мирбадалев), а другие (Введенский, Гальперин, Потеляхов, Тысячников и прочие), будучи “более идейными противниками” и работая в советских учреждениях, “сносились с Бухарским правительством и изменнически наносили более глубокий вред, не оставляя, конечно, своей мысли о побеге”. Особотдел указывал, что арестованные, “по своей профессиональной и политической окраске, являют полную пестроту — начиная с монархистов и включая социал-демократов меньшевиков, просто белогвардейцев, лиц без всякой политической окраски, юристов, заводчиков, торговцев, вплоть до мелких приспешников буржуазии. Большинство из участников знает более или менее друг друга, давно проживает в крае, знает нравы и обычаи и, как настоящие и умелые колонизаторы (в буквальном смысле слова), они сумели “выкрасть” у туземцев доверие и уважение к себе. Они в совокупности не составляют какой-либо шпионской организации или вообще организации, как это освещалось ранее и что подтверждали агентурные сводки, а представляют тот элемент советских учреждений, который тормозит работу и подготавливает почву любой контрреволюционной и шпионской авантюры...”. В итоге по делу фигурировали всего 65 человек, из

которых 13, включая Гальперина, приговорили к заключению “в концентрационный лагерь на все время гражданской войны”, но в связи с амнистией срок заключения им сократили до пяти лет; часть подследственных, в том числе “проституток бухарского консульства”, выслали в Россию, а других вовсе освободили. О Введенском же в секретном информбюллетене Особотдела сообщалось следующее: “Опасен на Востоке. Может вести кабинетную ученую работу. Хороший востоковед, но ярый контрреволюционер, что умело скрывает. Не уличен, передан в распоряжение Отдела Внешнош[ош] для посылки в Москву на работу по специальности. Дело прекращено”. Вердикт коллегии Особотдела от 8 ноября гласил, что, хотя Введенский, “по характеру преступления, а затем и по рангу своего дореволюционного служебного положения, несомненно подлежал бы серьезной мере наказания, но, учитывая его чрезвычайную остроумность и ту пользу, которую он может принести республике, работая в ее органах и, в особенности, в чисто дипломатической сфере, ...решено: отправить его в Отдел внешних сношений Туркеспублики... для использования как ученую редкостную силу”²¹.

Однако это решение вызвало резкий протест единственного из оставшихся тогда в Средней Азии членов прежнего состава Турккомиссии — Куйбышева, который, являясь тогда полпредом РСФСР в Бухаре, 17 ноября сердито выговаривал своему преемнику Г.Я.Сокольникову: “По дошедшим до меня сведениям, гр. Введенский (бывший управдел Представительства в Бухаре) освобожден и работает в отделе внешнеш[ош]. Даже в том случае, если не найдено никаких данных для его обвинения, работа его на Востоке абсолютно недопустима. Вся Бухара — и революционеры, и бывшие эмирские чиновники, и торговцы, и рабочие, и русские, и бухарцы, все абсолютно убеждены в его двойной предательской игре во время колесовских событий. Этого не вытравить из общего сознания, тем более, что, по правде сказать, это более, чем вероятно. Я знаю ценность Введенского, как ориенталиста, и согласен, что он не должен быть расстрелян, а, наоборот, должен быть использован. Но это должно быть вдали от места его предательской деятельности и исключительно в кабинетной научной работе. Я полагаю, что гр. Введенский должен быть отправлен в Москву, где его использует Наркоминдел. Здесь он будет компрометировать Отдел Внешних Сношений и Турккомиссию в глазах рев[олюционных] организаций Востока”. На письме пометка заместителя Гопнера: “Слухи преувеличены. В Внешноше гр. Введенский остановился по дороге в Москву”. Однако в столицу он так и не уехал: продолжал служить научным консультантом в Отделе внешних сношений, а с января 1921 г. даже исполнял должность заведующего Отделом импорта и экспорта Туркестанского управления Наркомвнешторга РСФСР. С введением нэпа Введенский перешел в акционерное общество “Хлебопродукт”, в качестве представителя которого приезжал в Бухару для заключения соглашения с местным Совнархозом о поставке “партии рабочего скота в обмен на каракуль”. Но после девятимесячной службы, прерванной очередным, пятым по счету, арестом, “Хлебопродукт” ликвидировали, и Введенский служил в обществах “Туркхлеб”, “Средазхлеб”, “Союзхлеб” и “Азияхлеб”. В этот период ему пришлось, видимо, немало поколесить по республике, результатом чего стала рукопись “Материальные предпосылки басмачества в Восточной Бухаре (по данным 1923—24 г.)”, оставшаяся, увы, не опубликованной²².

В 1924 г. Введенский оказался за решеткой в шестой раз. “Шли массовые аресты, — пояснял он, — всех, кто не был на службе, но меня скоро освободили”. С образованием Таджикской АССР Введенский получил место нештатного консультанта-экономиста в ее представительстве в Ташкенте, где в 1925 г. ему удастся издать свою работу “Иностранные товары на рынках Таджикистана”, а вслед за ней книгу — “Денежное обращение в Таджикистане. 1923—1925 гг.” С лета 1926 г. Введенский служил экономистом в Научно-исследовательском институте по хлопку и в этот период опубликовал ряд статей в сборниках “Вся Средняя Азия на 1926 год”, “Материалы по изучению Таджикистана.

Хлопководство в Таджикистане”, “Труды Комиссии Средне-Азиатского Экономического Бюро по делам Таджикистана” и “Библиография Таджикистана”. В том же году вышел в переводе с персидского языка, выполненном Введенским и еще двумя бывшими дипломатами Б.И.Долгополовым и Е.В.Левкиевским, фундаментальный труд Бурхан-уд-Дин-хана-и-Кушкеки “Каттаган и Бадахшан. Данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения”. Введенский был и первым переводчиком с таджикского языка повести “Одина”, написанной младобухарцем С.Айни, который в своей книге “Материалы по истории революции в Бухаре” во всеуслышание объявил, что резидент Миллер и его помощник Введенский “прославились своей жестокостью и злонамеренностью не только в Бухаре, но и во всем мире”. А в 1926 г. выходят в свет и воспоминания Ф.Ходжаева “К истории революции в Бухаре”, в которой всемогущий тогда председатель Совнаркома новорожденной Узбекской ССР явно не поспешил на черную краску в отношении “известного царско-эмирского чиновника Введенского”. Ходжаеву вторил и Колесов, отзывавшийся о своем “уполномоченном” как о “заклятом враге Советской власти”, который якобы “возглавлял всю белогвардейщину Бухары”. Соответственно во всех последующих работах, посвященных истории революционного движения в ханстве, заклеймить Введенского считалось уже обязательным²³.

В марте 1931 г. Введенского “вычистили” из Госплана Узбекской ССР, где с декабря 1930 г. он работал экономистом по садоводству и виноградарству, а 23 ноября арестовали в седьмой раз за якобы “участие в контрреволюционной вредительской организации, организованной работниками системы плановых органов в Средней Азии”, а также в связи с активными действиями “против революционного движения в б[ывшем] Бухарском эмирате в бытность его сотрудником Полит[ического] агентства царского правительства в Бухаре...”. Хотя Введенскому определялась роль главного обвиняемого, а остальные привлеченные по делу лица проходили лишь в качестве свидетелей, сотрудники Полпредства ОГПУ по Средней Азии так и не смогли доказать мнимое вредительство подследственного, в связи с чем его, видимо, и отправили в Москву, где 13 июля 1932 г. Коллегией ОГПУ выносится решение: “Введенского П.П. из-под стражи освободить под подписку о невыезде из г. Москвы, дело следствием продолжить”. Впрочем, уже 14 мая 1933 г. дело закроют, а подписку о невыезде аннулируют. Позже Введенский работал в Академии внешней торговли и Институте востоковедения имени Н.Нариманова (бывшем Лазаревском), где преподавал фарси и арабский языки. В восьмой и последний раз его арестовали 10 апреля 1938 года. В обвинении говорилось, что Введенский “продолжал оставаться в Бухаре вплоть до Бухарской революции..., имея тесную связь с эмиром и его правительством”, вел активную борьбу против Советской власти и работу в пользу французской, английской, афганской и иранской разведок, регулярно передавая им “шпионские сведения об экономическом и политическом положении Таджикской, Узбекской и Туркменской ССР”. Приговоренный 15 сентября Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, Введенский в тот же день был казнен²⁴.

Примечания

* В очерке использованы материалы следствия по делу П.П. Введенского (1931 г.), предоставленные Центральным архивом федеральной службы безопасности РФ. Ссылки на другие архивные источники даны в примечаниях.

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 159, оп. 749/2, д. 1, л. 303; ф. 144, оп. 489, д. 10226, л. 30, 58—60, 105.
2. Подробнее о бухарских реформах 1917 г. см.: Вопросы истории, 2001, № 11—12.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 97, 60; д. 31, л. 24—26, 127—128.
4. Там же, ф. 325, оп. 2, д. 23, л. 52; ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 782.

5. КОЛЕСОВ Ф., БОБУНОВ А. Восстание в Бухаре. — Война в песках. Материалы по истории гражданской войны к XII т. "Гражданская война в Средней Азии". Л. 1935, с. 249.
6. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 34, 54, 57—59; ф. 71, оп. 35, д. 1146, л. 83; ХОДЖАЕВ Ф. Избранные труды. В 3-х тт. Т. 1. Ташкент. 1970, с. 148.
7. СТУДЕТОВ К. События в Бухаре. (Рассказ очевидца.) — Новый Туркестан (Ташкент). 5.IV(23.III).1918, № 38.
8. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 38, 41—42, 51, 55—56; ф. 325, оп. 2, д. 23, л. 46.
9. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 14785, л. 3; ф. 122, оп. 2, д. 31, л. 75—76.
10. КОЛЕСОВ Ф.И. Восстание в Бухаре в 1918 году. — Революция в Средней Азии. Сб. 3. Ташкент. 1932, с.98.
11. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 2156, л. 3; ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 782; Наша газета (Ташкент), 10.IV.1918, № 70.
12. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 81; д. 40, ч. 1, л. 122; Советский Туркестан (Ташкент), 24.VII.1919, № 33.
13. РГАСПИ, ф. 71, оп. 34, д. 2156, л. 32, 2—6; д. 1603, л. 3; ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 1, л. 122, 58.
14. Там же, ч. 2, л. 783; д. 7, л. 61, 80; ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 6.
15. Там же, д. 1682, л. 46; ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 62, 99—100, 102—103; ф. 133, оп. 1, д. 26, л. 33.
16. Там же, ф. 71, оп. 34, д. 1603, л. 3—4; ф. 122, оп. 2, д. 7, л. 57—63.
17. Там же, л. 84, 109; Туркестанский коммунист (Ташкент), 13.IX.1919, № 107.
18. РГАСПИ, ф. 122, оп. 2, д. 40, ч. 2, л. 788—789, 813—817, 785—786, 778, 770—771, 805, 766.
19. Там же, л. 812, 764; оп. 4, д. 1, л. 28; оп. 1, д. 261, л. 292.
20. Там же, д. 44, л. 2; оп. 4, д. 27, л. 46; оп. 2, д. 2, л. 7—8, 12, 15, 57.
21. Там же, д. 28, ч. 2, л. 67—72; ф. 670, оп. 1, д. 53, л. 59.
22. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 2, л. 78; Известия Всебухзика и Центрального Комитета Бухарской Коммунистической партии, 13.XII.1922, № 127; ИВАНОВ П.П. Библиография Таджикистана. Опыт систематического указателя книг, статей и заметок на русском и европейских языках о Таджикистане. — Материалы по изучению Таджикистана. Библиография Таджикистана. Ташкент. 1926, с. 33.
23. АЙНИ С. Одина. Пер. П.Введенского. Ташкент-Самарканд. 1929; АЙНИ С. История революции в Бухаре. — Памир (Душанбе), 1986, № 4, с. 123; ХОДЖАЕВ Ф. Исторический юбилей. — Сборник статей к 10-летию Бухарской и Хорезмской революций. (Воспоминания участников Бухарской и Хорезмской революций.) Ташкент. 1930, с. 14; КОЛЕСОВ Ф.И. Ук. соч., с. 98; КОЛЕСОВ Ф., БОБУНОВ А. Ук. соч., с. 268.
24. Расстрельные списки. Москва, 1937—1941. "Коммунарка", Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. М. 2000, с. 77. Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 19 января 1957 г. дело в отношении П.П.Введенского прекращено за отсутствием состава преступления.

Душа Кобы подлинного

Б.С. Илизаров

У молодого Сталина была эмоционально богатая, хотя возможно, и не очень сложная душевная жизнь. Но по мере восхождения на пик единоличной власти, у него все меньше и меньше оставалось пространства для естественной душевной жизни, все чаще он прибегал к лицемерию, т.е. к бездушной, хотя может быть и яркой игре в том или ином обличи.

Есть категория людей, для которых упрощенная, юношеская, романтическая форма переноса на себя части чужой сущности остается и в зрелые годы важнейшим элементом повседневной жизни. У них отсутствует совсем или недоразвит личностный душевный «тигель», в котором все приходящие извне образы, рано или поздно переплавляются без заметного остатка в собственную индивидуальность, в самость, в гештальт. Поселившиеся в их душах образы и личности продолжают жить самостоятельной жизнью, попеременно вызываемые на подиум сознания внешними причинами и мотивами. И на тот момент пока эта внешняя причина сохраняется, сущность литературного «Кобы» или исторического «Ленина», или «Троцкого», или нафантазированного деда «Ивановича» будет сущностью Сталина. Они будут развиваться в нем не сливаемые с ним воедино.

Вначале был мягкий, женственный и капризный шалун, «маменькин сынок» Сосело (Осечка). Затем в Горийском духовном училище объявился будущий «добрый Пастырь». Сам еще подросток Сосо (Ося), обретший нового Отца, сын Христов, но уже в силу грядущего духовного сана, потенциальный отец сирых и обиженных. А юный «Коба» возник на протесте и на самоутверждении. На протесте против несущей Грузии зло империи, на протесте против собственной судьбы, предрекавшей скромную карьеру сельского священника, и на самоутверждении Иосифа в качестве борца с национальным и социальным неравенством как вселенским злом. Меняются обстоятельства, и тогда на сцену выходит иной персонаж, чтобы прожить свой срок. Он отодвигает на время все другие образы с тем, чтобы со временем самому уйти за кулисы души, уступив место старым знакомым или новой душевной привязанности. На протяжении жизни Сталина, Коба, как и другие персонажи, будет самовоскрешаться вновь и вновь, когда обстоятельства потребуют возврата к истокам революционной судьбы, к кавказским друзьям и врагам, к народам юга и юго-востока империи. Когда анархизирующая кавказ-

Илизаров Борис Семенович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, директор Центра документации “Народный архив”.

кая импульсивность, прихотливая игра настроений и личностных оценок потребуют хотя бы временного выхода из стального волевого зажима вождя. В такие периоды ностальгии по себе наиболее подлинному он, иногда, будет воскресать за хлебосольным сталинским столом в образе задушевного грузина Кобы или на экране кинотеатра в образе яростно влюбленного горца-пастуха в фильме «Свинарка и пастух» (артист Зельдин), или в образе реального сержанта грузина Кантария, водрузившего флаг над рейхстагом. И каждый раз это будут всего лишь различные эманации все того же романтика «Кобы». Но на завтра или через годы, или даже через миг в зависимости от жизненного сценария, или в соответствии с заранее продуманной им же сценой, он уже сфокусирован в совершенно другом образе.

В течение жизни количество сосуществующих сталинских образов только возрастает. Весь этот душевный хоровод для окружающих и современников не всегда заметен, а если и замечается, то его механизм и последовательность остаются непонятны и, потому, кажутся парадоксальными. Сегодня он Коба, завтра Иванов, послезавтра Ленин, — царь Петр или сам Господь... Иногда в одном и том же образе он находится годами. Иногда параллельно с этим образом он включен в целый ряд других с прямо противоположными эмоциональными и этическими зарядами. А где же Джугашвили? Где Сталин? Где наш уникальный исторический герой? Не будем торопиться. Сначала рассмотрим хотя бы то, что в нем все же было первично-подлинным, а затем — как сложились основные сталинские личины, среди которых были особенно значимы по-своему понятые образы исторических героев. Почему-то никто не замечает, что Сталин был необыкновенно романтической натурой. Не только романтиком в юности, когда у него, как и у большинства нормальных людей, молодая кровь и отсутствие сомнений переполняют жизнь, какая бы она не была. Он был романтиком до последнего своего вздоха. А это состояние души столь милое российскому интеллигенту, как девятнадцатого, так и, в особенности, двадцатого века, столкнувшись с грубой прозой жизни, может обернуться и так и эдак. В этом случае многое зависит от силы захваченности доминирующим образом или комплексом образов в сочетании с реальными жизненными условиями. Романтическое состояние души может стать источником потрясающих открытий в природе, в обществе, в себе самом, в других. Талант всегда романтичен. Только романтик может ставить пред собой цели, для достижения которых нет, и как будто не предвидится реальных условий. Истинному романтическому герою кто-то помогает как бы исподволь. Так незримо помогали боги Олимпа наивным героям древней Эллады. И как у них, у прирожденного романтика все получается легко, как бы невзначай. Но никто не догадывается о том, через какие сомнения и страхи приходится ему пройти. Сомнения погребены глубоко внутри, а для всех остальных, как пел на отрогах Кавказа один из самых романтических бардов конца XX века: «Отставить разговоры! Вперед и вверх, а там...».

Любая революция делается романтиками, тем более революция социальная. Но идти впереди, быть вождем и вести всех за собой, не проявляя откровенного страха, можно и в бездну. Сталин был прирожденным романтиком.

В юности он прилежный семинарист и нежный сентиментальный поэт. В традициях восточной поэзии пишет о соловьях и розе, риторически признается в любви к «малой» родине и очень назидательно адресует все это детям. Вот образчик его юношеских поэтических утех:

«...Пел жаворонок в синеве,
Взлетая выше облаков,
И сладкозвучный соловей
Пел детям песню из кустов:
«Цвети, о Грузия, моя!
Пусть мир царит в родном краю!
А вы, учёбою, друзья,
Прославьте Родину свою!»¹.

Неизвестно продолжал ли он «грешить» и в зрелые годы писанием стихов, но, без сомнения, как большинство романтических людей, не имеющих серьезного поэтического дара, он остался на всю жизнь ценителем поэзии, художественной литературы, знатоком стиля.

Впоследствии Сталин стеснялся своих стихов и чаще возражал против их перепечатки услужливыми издательствами. Но в помпезном юбилейном сборнике: «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения», контрольный экземпляр которого сохранился в его библиотеке, Кобе-поэту, ценителю грузинской поэзии и фольклора посвящено несколько страниц. В частности там говорится: «Сосо очень хорошо знал грузинских писателей. Очень любил Шота Руставели, Важа Пшавела.

О его любви к поэзии говорит тот малоизвестный факт, что товарищ Сталин писал очень хорошие стихи. Эти стихи печатались в газете «Иверия» в 1895 г. за подписью «Сосело».

В одном из этих стихов он писал:
«И знай, — кто пал, как прах, на землю,
Кто был когда-то угнетён,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен».

(Перевод с грузинского А. Канчели.)

Так писал шестнадцатилетний юноша, уверенный в том, что настанут другие дни, когда «кто был ничем, тот станет всем».

Стихи молодого Сталина очень ценились передовой грузинской интеллигенцией, одно из его стихотворений было перепечатано в юбилейном сборнике, посвященном писателю Рафизлу Эристави².

Ничего удивительного нет в том, что взрослеющий мальчик с тонкой поэтической душой, поющий в церковном хоре славу Духу Господню, постепенно, по мере взросления в жестоких социальных условиях, становился драчуном, грубияном, нищим неряхой, наивным революционным романтиком и может быть даже «распутником». В общем-то обычная эволюция будущего российского разночинца второй половины XIX века. Конечно же, только романтик может вступить в одну из самых тогда маленьких по численности и влиянию на Кавказе революционных групп — в РСДРП. И все лучшие годы отдать нелегальной работе, тюрьмам и ссылкам. Он не один такой идеалист. Все радикальные партии России того времени состоят из подобных людей. Но он революционный романтик определенного свойства. Джугашвили — революционер с ущемленным национальным достоинством. С юности для него национальное и социальное угнетение были понятиями неразрывными. Угнетателями были русские, олицетворявшие несправедную силу Российской империи. Угнетателями были и грузины, принадлежавшие к высшим и богатым классам и сословиям, служившие, как думали многие, в том числе и Сталин, верой и правдой интересам Империи. С первых сознательных шагов все социальные проблемы он воспринимал на фоне национальных.

О Сталине при жизни официально слагали романтические легенды, особенно любили печатать «сказы», живописали его «образ» в художественной литературе, на театральной сцене, в кино и, конечно, в поэзии. Сталин как натура романтическая и поэтическая, сам при случае, как мы уже не раз видели, с удовольствием прибегавший к выразительному речевому обороту или эмоциональному образу, весьма благосклонно относился к тем, кто умело использовал средства языка и искусства для описания истории его жизни и деяний, толковал его мысли и изречения. Охотников и своих и зарубежных была масса, но лишь немногие были допущены к подобному творчеству, а еще меньше смогли опубликовать свои произведения. В современном архиве Сталина хранится множество неопубликованных и увидевших свет документальных, художественных, научно-популярных, драматических, поэтических произведений, живописующих в основном, дореволюционный период жизни вождя или его деяния в эпоху гражданской войны. Невозможно перечислить всех — от крупнейших писателей и ученых и до сельских учителей. Как прави-

ло, он лично давал санкцию на привлечение того или иного известного деятеля. Иногда длительное время, используя различные уловки и ухищрения, напористо добивался от признанных во всем мире мастеров своих жизнеописаний. Но бесконтрольного процесса не терпел и беспощадно пресекал, даже если мотивы были сугубо раболопными. В 1938 году, накануне очередного юбилея, получил широко огласку его письмо в издательство «Детская литература», подготовившего к печати книгу рассказов о его детстве. «Я решительно против, — писал он, — издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических погрешностей (так в тексте. — *Б.И.*), искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы.

Жаль автора, но факт остается фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить (так в тексте. — *Б.И.*) в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория.

Герои делают народ, превращают его из толпы в народ — говорят эсеры. Народ делает героев — отвечают эсерам большевики!

Всякая такая книжка будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку.

16 февраля 1938 г.

И. Сталин”³.

Такими уловками он создавал себе репутацию скромника, невинно зацелованного народными массами. Но все это — чистой воды ханжество, сквозь которое проглядывает вполне очевидная цель — контролировать каждую печатную букву своей биографии. И такого контроля с начала 30-х годов и до конца жизни он не упускал ни на минуту. Он прочитывал, почти всегда с карандашом в руке, практически все новые биографические тексты и тем более документы, которые публиковались не только в центральных газетах и журналах, но и в республиканских органах, и в изданиях для детей. Право на публикацию любых материалов о вожде он давал сам лично или с его санкции — работники, лично к нему приближенные: Товстуха, Мехлис, Двинский, Таль, Поскрёбышев.

Начиная с 1929 г., каждый новый десятилетний юбилей вождя (точнее его канун) поднимал на новую высоту санкционированный им вал восхвалений и публикаций. Он вообще любил все процессы раскачивать волнообразно и раскручивать их по восходящей «спирали». Поскольку К. Маркс утверждал, что исторический прогресс объективно, независимо от воли людей развивается «по спирали», то Сталин волевыми импульсами, используя партийно-государственный аппарат и всю державную мощь, задавал эту двойную конфигурацию движения. О том, что революция есть очистительная «буря» твердили, еще во времена его романтической молодости, все радикальные деятели, от умеренных и до крайних. Позже, во многих своих генсековских речах Сталин развивал мысль о периодических вздымающихся «волнах революции» и «истории», говорил об их «приливах и отливах»⁴. Но, будучи в политике «практиком» (любимое самоопределение 20-х годов), он не собирался ждать и не ждал когда скрытые социальные силы стихийно и бесконтрольно содрогнутся и вознесутся в очередной спиральный вал. В том людском водовороте, в котором он властвовал, (этот водоворот даже в 20-е годы далеко перехлестывал границы СССР) Сталин, примерно каждые десять лет, исподволь, но очень целенаправленно подготавливал очередной вал социальной агрессии: государственных убийств, внешних войн, глобальных социальных преобразований, перемалывающих людские судьбы и — сопровождавшие их волны злобно-веселого страха, истеричного покаяния, поклонения, и, вновь — ненависти... Как подлинный романтик не спеша (а на самом деле стремительно, если мерить по человеческим меркам), этот «мастер революции» творил из подручного материала, доставшегося ему от Лени-

на и его сподвижников, свою личную сталинскую «вселенную». Там, в этой «вселенной» было все возможно. Там воплощались в реальную жизнь многие казалось бы абстрактные философские и экономические идеи Маркса, политические и государственные задумки Троцкого, Богданова, Бухарина, Ленина, Ивана Грозного, Гитлера, других исторических героев. Сталин не только сам, как государственный деятель был творчески раскован и с каждым годом все более бесконтролен в своих поступках. При его поддержке создавалась атмосфера особой свободы «творчества масс», но, разумеется, в тех областях, где требовался особенно стремительный прорыв. А это в первую очередь — в сфере производительности труда, в экономическом освоении новых территорий, залежей ископаемых, в области разработки и освоения новых видов оружия, техники, военного искусства, в формах волеизлияний любви и преданности к нему и ненависти к врагам, в разведке и контрразведке, в системе ГУЛАГ и т. д. Основные душевные чувства романтика — зуд первооткрывателя и хмель творца, захлестнувшие его еще в юности, не исчезали в нем никогда. Вопрос только в том — насколько жизнестоек плод зачатый во хмелю, если даже это хмель первооткрывательства?

Одним из тех биографов, к кому Сталин относился благосклонно, был средней руки грузинский поэт и литератор Георгий Леонидзе. Писал и печатался он сначала только в Грузии. В первой половине 30-х годов входил в литературную группу «Голубые роги», в которой ведущее положение занимали Паоло Яшвили и Тициан Табидзе — цвет грузинской (да и мировой!) поэзии XX века. Вскоре соратники Леонидзе погибли, хотя, как и многие написали о Сталине хвалебные поэтические гимны. Они были слишком талантливы, а вот талант средней руки часто более живуч. В 1940 г. в Тбилиси вышла книга Леонидзе «Георгий Саакадзе», посвященная одному из любимых Сталиным грузинских исторических героев XVII века. В том же году Сталин прочитал с карандашом в руке киносценарий того же автора на ту же тему, но не одобрил его. На книге и киносценарии о Саакадзе он оставил свои пометы, которые говорят об иронично — благосклонном отношении вождя к творчеству поэта, но слабого сценариста ⁵.

Годом раньше, в 1939 году, в Тбилиси вышла поэтическая эпопея Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество». Все эти вещи находились в сталинской библиотеке. Больше того, вскоре после войны, в 1947 г., в Москве была роскошно издана эпопея Леонидзе о детстве и отрочестве вождя в переложении русского поэта Николая Тихонова, искреннего ценителя и знатока грузинской поэзии и культуры. Без сомнения, и автор, и переводчик, и редакторы издания хорошо поработали над дозволенной мемуарной литературой, и в поэтизированной форме передали всемирно-историческое значение рождения младенца Сосело, и обстоятельства возмужания Сосо (уменьшительно-ласкательные от Иосиф — «Осечка», «Ося»). Ниже мы будем ссылаться на поэтический текст Леонидзе-Тихонова, относясь к нему как к своеобразному историческому источнику, поскольку поэма явно была одобрена самим вождем. За эти и другие героико-поэтические произведения, академик Грузинской ССР Г. Леонидзе трижды награждался сталинской премией в 1941, 1950, 1952 годах. Поэт любил прибавлять к своей фамилии гордое: «орденоносец».

Возвращаясь к характеристике молодого Сталина как начинающего романтика и революционера, толчком для которого послужило государственно унижаемое национальное достоинство подданных, процитируем текст, который мог быть написан со слов самого Сталина или тех, кто с ним учился в православном Горийском училище и сам был участником похожей сцены:

«Это школа? Нет, темница

Для души и для ума их.

.....

На детей урод жестокий Смотрит, глазки злобно сузив:

— Ты — грузин?

— Да!

— Очень жалко!

Твоя родина зовется
Как, скажи?
— Зовется — Грузия!
— Врешь!
— Как Грузия!
Говори! Российская империя!
Говори: Российская империя!
Говори: Российская империя!
Империя!
Грузия ж?
Была когда-то...
Тебя в карцер нужно голый,
Ты же олух,
Тебе б камень бить шербатый...
И с тоской глядит ребенок:
— Вот учитель —
так мучитель!

.....
Запрещен язык грузинский,
Уличным наименован,
Горе тем, неосторожным,
Кто шепнет родное слово.
Говорят, чтоб не попасться,
Все на пальцах — под него.»⁶

Очевидно русский язык он действительно первоначально вынужден был осваивать в училище «из-под палки», что безошибочно угадал Троицкий еще в середине 30-х годов. Сталин с обидой вспоминал о запрещении грузинского языка, как проявлении русификаторской политики в семинарии. О насильственной русификации Грузии говорится в многочисленных изданиях школьных и вузовских учебников истории, первые варианты которых он лично редактировал. В учебнике «История СССР. Россия в XIX веке», неоднократно переиздававшемся в 30—50 годы под редакцией акад. М.В. Нечкиной, совсем не случайно отмечалось: «После 1801 г. в целях дальнейшей русификации Грузии и централизации всего аппарата управления было решено подчинить духовенство и все церковные имущества синоду и экзархату (глава православной церкви, назначенный в Грузию царским правительством)»⁷. Так что, видимо, с детства Российская империя была для него империей несправедливой и русской. И именно против таковой был первоначально направлен его протест.

Остаточные следы антиимперско-русской направленности прослеживаются буквально во всем его не только раннем творчестве, но и в зрелые годы в официальной пропаганде, в исторических трудах, в официально одобренных произведениях разного жанра. Анри Барбюс воспроизвел ее со свойственным французцу темпераментом: «Управлять другими национальностями, как, например грузинами, для царя означало — угнетать их. Можно сказать, что в те времена кавказские народности пользовались только одним правом — правом быть судимыми. Они имели лишь одну свободу — свободу стонать, да и то только по-русски. При таком порядке вещей — в колонии, попросту прицепленной к территории господствующей русской национальности, естественно возникало националистическое движение с конечной целью освобождения Грузии»⁸. Казалось бы все ясно, но жизнь, как известно, сложнее, чем представления о ней.

В мае 1937 г. некто, представившийся ленинградцем Иваном Сергеевичем Книжником-Ветровым, известный в свое время журналист, в 1917—1918 годах сотрудничавший с редакцией газеты «Правда» и печатавшийся в журнале «Молодая гвардия», прислал Сталину или точнее — Товстухе письмо и большую статью. Он обращал внимание на ряд серьезных ошибок и умолчаний в официальных биографиях и биографических материалах о вожде, в

частности в ряде газетных публикаций и в учебнике «История СССР» для 3–4 классов только что вышедшего под редакцией профессора Шестакова. Но дело было не в ошибках и неточностях, а в скудости сведений о детских и юношеских годах жизни вождя. Книжник-Ветров обнаружил интересные сведения в двухнедельном журнале «Духовный вестник Грузинского экзархата», выходившем с 1891 г. под редакцией ректора Тифлисской духовной семинарии и в ежегоднике «Кавказский календарь», издававшемся в Тифлисе с 1845 года. В «Кавказском календаре» за те годы, в какие учился Сталин в духовном училище, было указано, что там преподавали одновременно и грузинские и русские учителя-богословы. Они вели занятия вместе со старшими семинаристами и не только преподавали русский и церковно-славянский языки с первого по четвертый классы, но и грузинский и греческий языки. Помимо богословия преподавали чистописание (отсюда и красивый сталинский подчерк), арифметику, географию, а также славянское церковное пение, русское, грузинское и имеретинское церковное пение. Большую часть предметов вел Михаил Иванович Имуридзе, «который очень придирался к тов. Сталину». В духовной семинарии прибавился латинский язык (долгое время не было учителя), а также преподавались: русская словесность (все годы обучения), логика и психология, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, космография. В старших классах, в 5 и 6-м (последнем) обучении проводилось четырьмя кафедрами: «Основное догматическое и православное богословие», «Гомилетика, литургия и практическое руководство для пастырей церкви», «Библейская история, общая церковная история и история русской церкви», «Обличительное богословие и история и обличение русского раскола». Судя по дальнейшим его пристрастиям и политическим привычкам, не только гомилетика, но и обличительное богословие стали его любимыми предметами. Там же он получил и первые уроки нетерпимости к «расколникам» и всевозможным уклонистам от «генеральной линии», т.е. к еретикам. Кроме русского других современных европейских языков в семинарии не изучали вообще. В старших классах действительно преподавали большей частью русские учителя.

Обучение было платным. Вокруг вопроса о том кто платил за обучение будущего вождя, в литературе высказывались самые невероятные предположения, вплоть до намеков на предосудительные заработки матери Иосифа, которая нанималась убирать в богатых домах. Архивные источники говорят, что действительно за неуплату мальчика на первом году обучения хотели исключить из училища. Отец даже забрал его оттуда домой помогать по сапожному делу. Но мать добилась от духовного начальства не только освобождения от платы (40 рублей в год), но и небольшой стипендии для сына — 3 рубля в месяц. Так продолжалось до окончания училища, а затем до пятого класса семинарии в Тифлисе, когда Кобе стукнул двадцатый год. По официальным документам, не перевели его в выпускной шестой класс по очень обыденной причине. В разрядном списке Тифлисской духовной семинарии за 1898–1899 учебный год говорится: «У класс, 1-е отделение... Увольняется из семинарии за неявку на экзамены по неизвестной причине Джугашвили Иосиф»⁹. Позже на допросах, полицейским он отвечал, что его исключили за неуплату, а товарищам по партии, советскому народу и своим биографам — за успешную революционную деятельность. Но истинная причина могла лежать и в сфере любовных и сексуальных увлечений уже вполне зрелого по годам семинариста. Во всяком случае, о его связях с женщинами до первой женитьбы в 1903 году, т.е. на 25 году жизни, ничего не было известно. Но, невозможно поверить в то, что молодой темпераментный кавказец, у которого и в более зрелые годы была масса весьма бурных увлечений, не завел до женитьбы хотя бы одну интрижку.

Тифлисская духовная семинария (как и другие семинарии страны) воспитала целую плеяду активнейших революционеров. О некоторых из них, соратниках Сталина, мы еще будем упоминать. Но не забудем, что она же, т.е. церковь, воспитала и самого страшного своего гонителя за всю тысяче-

летнюю историю русского православия. Более разрушительного гонителя христианства, чем все «иноверцы» вместе взятые.

У подпольщика Джугашвили было несколько десятков псевдонимов, но три из них (в разных модификациях) сопровождали его всю жизнь. Происхождение и символическое значение самого известного — «Сталин» от слова — «сталь», прочнейшего рукотворного материала, обладающего одновременно особой твердостью и гибкостью, не нуждается в дополнительных пояснениях для человека, владеющего русским языком. На Кавказе стальной, булатный клинок пользовался особым, почти ритуальным поклонением. Сам Сталин в 1934 г. подтвердил, что для него псевдоним ассоциируется именно со сталью. Причем подчеркивал, что не он сам избрал этот псевдоним, а его ему дали «товарищи в 1911 или, кажется, в 1910 году. Они считали, — не без кокетства говорил Сталин, — что имя это ко мне подходит»¹⁰. Два других псевдонима — грузинское имя «Коба» и русское, как будто бы фамилия «Иванов», а может быть отчество — «Иванович», как это не странно требуют пояснений. Речь идет не столько о происхождении, сколько о таящихся в них, казалось бы, прямо противоположных смыслах.

Для большинства партийных соратников Сталина псевдонимы служили скорее удобными ярлыками. Они облегчали нелегальную жизнь, скрывали социальное и национальное происхождение, позволяли богатым или знатым родственникам сохранять свой статус. Но для некоторых революционеров псевдоним нес еще дополнительную, идейную, программирующую функцию. С его помощью человек ощущал себя продолжателем начатого героем дела или наследником его умственных и душевных свойств. Он как бы брал на себя обязательство играть в своей жизни схожую роль. Как известно, близкий дореволюционный соратник Сталина Л.Б. Розенфельд, живший в те же годы в Тифлисе, печатавшийся в тех же что и Сталин большевистских газетах под псевдонимом «Юрий»¹¹, и входивший, как и он в Кавказское союзное бюро РСДРП, а затем, ставший одним из одиознейших его врагов, избрал себе тогда же новый псевдоним «Каменев». Избрал он его, скорее всего не только из-за исключительной твердости этого предмета и, как бы претендуя на особые свойства своего характера, но и намекая на твердокаменную верность марксистским идеям. «Каменев» это русская калька евангельского имени апостола Симона-Петра. «Петр» переводится с древнегреческого — «камень». Похоже, что Розенфельд-Каменев вживался в образ первого апостола. Не ясно только — апостола Маркса или апостола-ленинца? Троцкий (Бронштейн), сам избравший славянский псевдоним и неплохо осведомленный на этот счет, рассуждал примерно так же: «С этого времени (1912 год. — *Б.И.*) кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В этот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались «твердыми», а меньшевики «мягкими». Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков «твердокаменными». Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев, — по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, — отмечал Троцкий, — что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру»¹².

В числе первых любимых литературных персонажей Сталина в поэтической эпопее Леонидзе наряду с разбойником Како (из произведения И. Чавчавадзе «Како-разбойник») упоминается и имя абрека Кобы. Како запомнился ему, но не оставил заметного следа в биографии Сталина, а Коба стал его первой и важнейшей духовной оболочкой.

Странно, но биографы Сталина, даже самые скрупулезные ни разу не удосужились прочитать произведение грузинского литератора второй половины XIX века Александра Казбеги «Отцеубийца». На протяжении десятилетий механически переписывают друг у друга: Коба — имя одного из героев этого произведения, борца за социальную справедливость. Так- то это так,

но, взяв себе в 1903 г. псевдоним «Коба», Джугашвили, который еще не был «Сталиным», совершил как бы акт инициации. А может быть даже символического каннибализма. «Коба» стал одним из первых в длинной череде героев, философию жизни которого Сталин любовно культивировал в себе до самого конца.

«Коба» для Иосифа не просто имя приглянувшегося ему литературного героя. Это был характер человека, действовавшего в контексте истории Грузии, недавно включенной в состав Российской империи. И как любили говорить специалисты в области открытого Сталиным «социалистического реализма» по поводу любого яркого литературного героя — это был характер, отразивший «типические черты» своего времени и своего места. Сталин нашел в этом характере качества и взгляды ему созвучные и близкие. В период его могущества вся страна знала этот грузинский псевдоним, но только очень близкие товарищи, помнившие его еще в дореволюционный период, смели так к нему обращаться и то в особых случаях. Два дня 21–22 июля 1935 г. длилось торжественное заседание Тифлисского горкома партии, на котором Л. П. Берия делал доклад о дореволюционной деятельности Сталина в Закавказье. После этого конференция приняла резолюцию и обратилась с письмом к Сталину: «ЦК ВКП(б) — ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ. ДОРОГОЙ КОБА!»¹³. И Бухарин обратился к Сталину накануне расстрела: «Коба ...». Бухарина не стало, но Коба продолжал жить в Сталине вплоть до самого его конца. К его семидесятилетию, в 1948–1950 гг. в Тбилиси одновременно вышли на грузинском языке пятитомное собрание сочинений Казбеги и его же избранные произведения в двух томах, на русском.

Александр Казбеги — ярко выраженный романтический писатель, которого один восторженный поэт-современник назвал «грузинским Гомером». Судя по портретам, это был благородного вида бородатый человек. Происходил он из знатного рода. Его дед вместе с царем Ираклием II содействовал включению Грузии в состав Империи. За это получил в управление целую область и офицерский чин. Его отец приумножил заслуги деда, сохранил за собой «вотчину» и получил еще более высокий чин. Александру досталось большое феодальное наследство, но по стопам предков он не пошел. Пытался учиться в столицах, писал стихи, делал переводы произведений Грибоедова, Шекспира, любил В.Скотта, В.Гюго и Ф.Купера. Во время пребывания в России заразился идеей «хождения в народ». Вернувшись в Грузию в 1870 г., раздал свою землю крестьянам и ушел «в народ» с учетом кавказской специфики — семь лет пастушествовал. Затем поселился в Тифлисе и написал с десяток пьес и повестей. В 1893 г., когда Сталину исполнилось 15 лет, Казбеги умер в нищете и одиночестве¹⁴. При жизни его довольно охотно публиковал в своей газете «Иверия» Илья Чавчавадзе, тот самый, который печатал стихи юного Иосифа. Не исключено, что, прочитав в газете возвышенный некролог, написанный Чавчавадзе («Душа каждого грузина отныне качает его колыбель...»), Сталин увлекся произведениями Казбеги, как до этого увлекался произведениями самого Чавчавадзе. Очень похоже на то, что именно под их влиянием, как он сам сообщил своим поздним биографам: «Пятнадцатилетний Сталин становится революционером»¹⁵. На самом же деле, он в 15 лет просто начинает воображать себя народным мстителем, борцом за справедливость и вести себя соответственно в училище, а затем в семинарии. Многие мальчишки в этом возрасте фрондируют и думают о себе нечто подобное. Тем не менее «народный мститель», как мы помним, благополучно с отличием оканчивает духовное училище и перебирается в семинарию, из которой он опять-таки не уходит добровольно по идейным соображениям. Его оттуда исключают лишь в мае 1899 г. на 21 году жизни якобы за неявку на переводные экзамены из 5 в 6 класс. Никаких других осязаемых следов его революционной деятельности, а главное — творчества до этого времени, кроме инспирированных им лично упоминаний в «биографиях» и в поздних воспоминаниях мемуаристов, нет. Впрочем, в ранних биографических материалах 1926–1927 годов, которые он самолично просматривал и дополнял

говорится, что революционной деятельностью он стал заниматься с 17 лет, а руководить марксистскими кружками — лет с двадцати ¹⁶.

Восприняв основную идею русских народовольцев о примате «народа» над обществом, личностью и государством, Казбеги повернул ее в свое национальное, грузинское русло. В его произведениях бушуют шекспировские страсти с отчетливым грузинским акцентом. В них много слепящих красок, высокопарных сердечных речей, грохота выстрелов и горных бурь, крови, любви, предательства, ненависти, благородства... В целом, это была литература, которая стремилась вырваться из состояния литературного лубка, но навеки застыла в нем, как застыла живопись великого Пиросмани на жестяных вывесках кабачков и лавочек дореволюционного Тифлиса. Для Сталина же это была родная и очень близкая по духу, цвету, запаху и вкусу среда, наивная среда «народного романа». Она была и навек осталась основным позитивным пластом, заложенным в его еще юной личности, после первичной и очень ломкой домашней и вторичной, негативной средой — семинарской. Идеи и мысли Маркса, Энгельса, Бакунина, Кропоткина, Плеханова, Троцкого, Каутского, других идеологов и, даже Ленина, были значительно позже. Еще позже были: Петр I, Александр Невский, Иван Грозный, Чингисхан, Наполеон, Тамерлан, Гитлер, Цезарь... Но изначально, каждый раз всю силу их образного влияния ощущал на себе именно народный мститель, анархистующий герой «Коба», а не Сосело и православный семинарист Джугашвили. Сталин начинается с Кобы. Пора познакомиться.

Коба не главный герой повести и он совсем не «отцеубийца». В большинстве произведений Казбеги главный герой — женщина. В повести нежная страстная Нуну не только центральная фигура, но и якобы убийца своего по шекспировски несчастного отца. А Коба, это отчаянно смелый, удачливый абрек, друг и побратим любимого мужчины Нуну — Иаго. Но к Нуну пылает нечистой страстью богатый и коварный Гиргола, который обманным путем выдает ее замуж за своего брата. Затем он превращает Нуну в свою наложницу, совершая смертный грех кровосмешения ... В таком духе на протяжении десятков страниц идет кровавая борьба любви и благородства с похотью и предательством. Конец по шекспировски величественен: все кроме Кобы погибают, оклевветанные герои очищаются, страшные грешники успевают перед смертью покаяться.

Современному читателю, знакомому с прозой Бунина, Бабеля, Булгакова, Борхеса и других волшебников языка и образов, читать все это скучно. Почти все современники Сталина, начинающие вожди российской социал-демократии, воспитывались на совершенно иных, более высоких литературных образцах. Ну, и что? Пусть так, но у не литературного Кобы, — у Иосифа явно сильнее билось сердце, когда он читал: «Коба и Гиргола сошлись. Разгорелась борьба. Оба были сильные и ловко увертывались друг от друга.

Гиргола старался оттеснить Кобу к пропасти и столкнуть его туда. Коба понял этот коварный замысел, напряг все силы и свалил Гирголу. Он выхватил кинжал и занес его над врагом. Тогда один из людей Гирголы, подскочил сзади, ударил прикладом ружья по занесенной руке и Коба выронил кинжал. Гиргола воспользовался этим и вскочил на ноги. Между тем Коба быстро схватил левой рукой упавший кинжал и двинулся на того, кто помешал ему в единоборстве с Гирголой. Тот отступил и нацелился из ружья. Коба ловко подскочил к нему и, оттолкнув левой рукой дуло ружья, изо всех сил вонзил ему в грудь кинжал по самую рукоять».

Если мы и не уследили за тем, какая рука и в каком порядке была задействована героем — не беда! Главное — порыв битвы. Читаем дальше: «Он (Коба. — *Б.И.*) вернулся на место боя, где лежал с искаженным лицом поверженный убитый враг.

Зачем ты напал на меня, зачем заставил пролить свою кровь, несчастный? — с презрением глянул на него Коба.

И только теперь вспомнил он о своей любимой. Марине лежала в глубоком обмороке. В жаркой схватке Коба этого не заметил.

Он кинулся к ней.

И женщин стали убивать! — он думал, что **она ранена**. — Какое настало время! — горько воскликнул он. — Лучше смерть, чем такая позорная жизнь! Марине пришла в себя... Она крепко обняла его, и в эту минуту ей казалось, что все беды уже миновали и нет больше горя на земле. Она целовала его, ласкала, вся, замирая от счастья»¹⁷.

Торжествующая плотская любовь героя-победителя рядом с еще теплым трупом поверженного врага не такая уж большая редкость в мировой литературе. А возмущенная фраза литературного Кобы: «И женщин стали убивать!», не может не вызвать благодарного уважения к герою, чья эпоха была отнесена автором на период жесточайшей борьбы России с чеченцами и дагестанцами и их лидером Шамилем. Но не будем торопиться — двойная мораль свойственна народам Кавказа так же, как и всем другим народам Востока и Запада. Женщин всегда убивали, били и мучили из ревности, из жадности, и просто так — из садистской жестокости. В годы коллективизации М.Шолохов послал несколько личных писем Сталину с описаниями изощренных пыток, совершаемых «уполномоченными» мужиками над своими односельчанками. В одном из них он писал: «Я видел такое, чего нельзя забыть до смерти», перечислял один за другим примеры: «В Вешенском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, поджигали, а потом тушили: «Скажешь где яма? Опять подожгу! В том же колхозе допрашиваемую кляли в яму, до половины зарывали и продолжали допрос» и т.д.¹⁸.

В романе Казбеги есть сцена, когда влюбленный злодей и насильник беспощадно хлещет любимую женщину ногойкой: «Обтянутое платье лопнуло под ударом, и кровь хлынула из раны. Нуну подставила горсть и плеснула кровью в лицо Гирголе.

Безбожник, пей мою кровь»¹⁹.

В конце повести, автор, как мог, покарал «безбожника» Гирголу за невинную жертву. А Коба, который стал Сталиным, убил и растерзал судьбы сразу десятков тысяч женщин из семей «врагов народа», а еще больше не имевших к ним никакого отношения.

В 1938 г. Берия, в чем-то схожий по внутреннему складу с Гирголой, арестовал жену Эрнеста Бедия — фальсификатора, приложившего руку к оформлению легенды о дореволюционных подвигах вождя. Говорят, что Нина Чичуя, жена Бедия, была мингрельской княжной с независимым характером и острым языком. Она, возможно, пострадала за то, что без опаски говорила о муже как об одном из истинных авторах книги о вожде. О последних ее минутах рассказывают: «В камеру после допросов ее привозили истерзанную, в крови. Допрашивал Берия лично. Начинал с одного и того же вопроса:

— Ну, кто написал книгу о революционном движении в Закавказье?

Узница неизменно отвечала:

— Эрик, мой муж.

И получала очередную порцию побоев.

Однажды она схватила со стола тяжелую, оправленную бронзой стеклянную чернильницу и бросила в мучителя. Берия выхватил пистолет...»²⁰. Так ли это было на самом деле, теперь установить трудно. В сталинскую эпоху, как ни в какую другую, мифологическая, литературная и реальная жизнь намертво смыкалась.

Литературный Коба был решителен и жесток, но отчаянно смел и благороден как индейцы Ф. Купера. Вообще, все кавказцы Казбеги как-то подозрительно похожи на литературных индейцев. Но есть в жестокости горцев и свой оттенок. Устами одного из героев повести, Казбеги процитировал расхожую региональную мудрость: «...не грех убить человека, если он недруг твой, но нужно ответ за это держать»²¹. «Не грех убить человека, если он недруг ...». Мог ли знать сентиментальный Казбеги, что один из его юных романтических читателей лет через двадцать пять — тридцать претворит эти слова в государственную политику мировой державы? Не мог он знать и того, что Кобе-Сталину ни перед кем не нужно будет держать ответ.

Хорошо известно, что Сталин с легкой руки Ленина прослыл большевистским специалистом по национальному вопросу. После смерти Ленина национальная тема была главной в его государственной политике, в быту, в интригах и даже там, где, казалось бы, ей не место — в любви его дочери и сыновей, в их детях, в его внуках. И это, конечно же, не случайно. Для России, ставшей империей, национальные проблемы стали одними из главных.

Пока московские князья выживали под гнетом татарского ига, «собирали» русские земли в условиях «вызова» с Востока, это было делом внутренним, почти семейным. Хотя уже и на этом этапе «отрабатывались» определенные национально-мобилизационные формы жизни. Иван Грозный, покорив восточные татарские ханства, сумел это сделать, используя достаточно эффективные и оригинальные механизмы средневекового тоталитаризма (один из которых — опричнина), изобретенные, судя по всему, им лично. Но его социальный «проект» оказался нежизнестойким. И только после длительного периода смуты, этого средневекового варианта современной гражданской войны и иностранной военной интервенции, началась самая продолжительная эпоха экспансии Российской империи по всем азимутам: на Восток, Запад, Юг и даже — крайний Север. После присоединения земель на Востоке и на Западе страна приобрела еще одну, прямо противоположную линию напряжения. С этого времени уже не Россия находилась между Востоком и Западом, как между молотом и наковальней. На Востоке и Западе находились ее колонии, за приумножение и сохранение которых она борется последние пятьсот лет. А завоевав Юг, в частности, Кавказ, российские императоры, не подозревая того, получили еще и национальный «ящик» Пандоры.

Даже христианские народы Кавказа, даже «добровольно» присоединенные в 1801 г. грузины, испытывали смешанное чувство страха, неприязни и обиженности по отношению к православным казакам, русским солдатам, чиновникам, «белому» царю и к своим соотечественникам, ставленникам имперской администрации. Явно в реальной жизни Казбеги подсмотрел вот эту сцену или услышал о ней рассказ:

«Они ясно различили приближавшихся солдат...

— Караульные! — прошептал Коба и достал из чехла ружье.

— Дайте и мне ружье, уложу хотя бы одного из них, а там будь что будет! — попросил Иаго. Он едва стоял на ногах, но зов свободы, ненависть к несправедливости и страх перед нечеловеческими муками удесятерили его силы».

А вот как православные грузины-крестьяне оценивали казаков:

«...являются туда казаки, хватают баранов, хотят их резать...

Нет безбожнее их никого на свете! — заметил кто-то из слушавших.

А мой милый не стерпел, избил казака...

Дай ему бог здоровья! — воскликнули все».

Не менее достоверны действия и реакция другой, российской стороны глазами Казбеги — Кобы-Иосифа:

«— Одно слово, басурманы! — добавил длинноусый ефрейтор.

Думаю про себя, — продолжал рассказчик, — я вам покажу»... Да и свернул в один двор. Смотрю, разгуливают по двору индюки. Я зацепил одного палкой. На лай собачий вышла баба, бросилась ко мне, лопочет что-то на своем языке... рассвирепела баба ихватила меня палкой. «Ох ты, чертово отродье. — Думаю: — ну смотри теперь, что будет», и шлеп на землю, растянулся, будто дух вон... Сбежался народ, окружили меня, а я лежу не дышу. Думаю, убила меня баба, сердятся на нее... Страшно им, — за убийство ответ будут держать строгий. Вот открыл я глаза да и хватъ одного мужика, который ближе стоял... «Пойдем к начальнику ответ держать!» А он побледнел весь, упрашивает меня отпустить его. Долго упрашивает, а потом дали мне трех индеек да семь кур, и тут только оставил я их в покое...

Молодец! — одобрили остальные»²².

Не только в казачьей и солдатской среде, но даже среди просвещенных

социал-демократов, даже в среде интернационально настроенных революционеров было заниженное отношение к народам восточных и южных национальных окраин России, к народам ее колоний. В последнем издании биографии Сталина приводится известная ленинская характеристика горцев Кавказа как народов «стоявших» до прихода «русского капитализма» «в стороне от истории»²³. Кстати, многие просвещенные европейцы того времени, в свою очередь считали, что вся Россия, в том числе и русский народ — обочина истории. Очень скоро один из тех, кто по ленинскому определению стоял «в стороне от истории», не без его помощи, окажется вместе со своей страной в ее эпицентре.

Когда революционеры разных направлений в один голос говорили о стравливании российскими властями народов Кавказа, Сталин это знал не понаслышке. Вооруженные столкновения на Кавказе продолжались и в XIX и в XX веках. О Чечне и Шамиле помнили всегда. Сталин тоже. Во времена его правления и именно с его подачи официальная довоенная оценка движения Шамиля поддерживалась Сталиным в духе любимого им Казбеги.

В сталинской библиотеке, в той ее части, что хранится ныне в Государственной общественно-политической библиотеке (бывшей библиотеке ИМЭЛ) нами обнаружен экземпляр известного школьного учебника «Краткого курса истории СССР» под редакцией проф. А.В. Шестакова. Он был подарен Сталиным своей дочери в 1937 году, когда после нескольких лет подготовительной работы учебник, наконец, вышел в свет. Об этом свидетельствует дарственная надпись дочери-школьнице: «Светлане Сталиной от И. Сталина. 30.VIII.37». В архиве Сталина и архивах различных отделов ЦК сохранились многочисленные подготовительные и промежуточные варианты этого учебника. На некоторых сохранилась разнообразная правка, вставки и реплики, сделанные самим вождем. Вот что было написано в учебнике о Шамиле:

«Горцев объединил талантливый и энергичный Шамиль. Он родился в Дагестане и с детства отличался храбростью и решительностью.

Шамиль, сильный, смелый и ловкий, прекрасно ездил на коне, без промаха стрелял из ружья, был неутомимым пловцом и бегуном... Шамиль стал умелым правителем и талантливым полководцем.

Он создал большое государство горцев. Во главе отдельных областей стояли начальники, которые назначались Шамилем из самых умных и храбрых горцев. Каждый горец обязан был учиться военному искусству — стрельбе в цель, рубке шашкой, езде верхом, чтобы уметь с оружием в руках защищать свою родину от врагов...

Шамиль заманивал отряды русских войск далеко в горы. Обратную дорогу горцы заваливали камнями и срубленными деревьями. Из засады горцы уничтожали русские отряды...

25 лет героически боролись горцы Северного Кавказа под руководством Шамиля. Но они не могли победить огромную армию Николая I».

В упоминавшемся уже вузовском учебнике под редакцией М.В. Нечкиной, в его первой редакции, вышедшей до войны, оценка Шамиля была сходной. По известным причинам во время войны оценка движения под руководством Шамиля была изменена Сталиным на прямо противоположную. В последней редакции, подготовленной при его жизни, говорилось, что движение инспирировалось Англией и Турцией и «создало фанатичных врагов России, слепых исполнителей воли своего главы — имама»²⁴. Сталин еще во время войны как всегда коварно и кроваво попытался разрубить чеченский узел, изгнав с родных мест целый народ, но как выяснилось в наше время, под грубым «рубцом» тлела социальная гангрена. Дело в том, что Сталин был таким «хирургом», который сам был заражен бациллой национализма, правда, к тому времени, претерпевшей в его душе несколько радикальных мутаций. А агрессивный имперский национализм только усиливает мобилизационный национализм регионов.

Казбеги перенес приключения своих героев как раз в эту героизирован-

ную эпоху Шамиля, которую в конце XIX века многие грузины воспринимали совсем не так как в начале столетия:

«...подошел поближе и стал слушать. Оказалось, что составляется ополчение для войны против чеченцев, участникам сулились всяческие милости государя императора и неисчислимые награды на небесах за защиту веры.

Народ слушал молча. Многие бывали раньше в Чечне, знали тамошние нравы и обычаи, знали о трудных дорогах, о девственных непроходимых лесах и понимали, на какое опасное дело их зовут.

Наконец выступил вперед пожилой мохевец²⁵, снял шапку и сказал:

Мы знаем, ваша милость, что надо служить царю-государю... прежде у нас не было таких непосильных повинностей, но и то мы не ропщем... Теперь же мы просим вас: освободите нас от похода против соседей, ничего худого они нам не делают. Не надо натравливать нас друг на друга, иначе мы вырежем друг друга и не будет у вас верных людей в нашей стране...

Враги царя — также и ваши враги, и вы должны, как приказывает наместник царя идти против Чечни.

— Хорошо, мы пойдем...»²⁶.

Но именно в свободолюбивой Чечне собирались скрыться герои повести, и именно туда ушел грузин Коба, когда все его друзья погибли. Запомним это.

Не менее напряженными, чем с русскими, были отношения у Кобы и его земляков с другими народами Кавказа. Злые языки время от времени заявляли, что отец Сталина был по национальности не грузином, а пришедшим из других краев осетином. Отец действительно был не местным, не горийцем, но говорить о том, что он не был грузином, нет никаких оснований. Сталин лично добавил в один из первых вариантов своей официальной биографии, подготовленной в 1927 г. редакцией «Энциклопедического словаря русского библиографического общества Гранат» текст о происхождении отца из сельской грузинской глубинки из деревни с певучим названием Диди-Лило²⁷. Другое дело, что не известно, откуда там появился дед Сталина, и какой он был национальности. Вряд ли сам Сталин знал это. По некоторым сведениям дед «Иван» был туда послан или за то, что был абреком (разбойником), или участником антиправительственного движения.

Впрочем, проблема происхождения, как и проблема «чистоты» национальности, тем более в России, темна как вода в бездонном колодце. А вот малюсенькая хибарка под земляной кровлей, которую арендовали в Гори молодожены Кеке и Бесо Джугашвили, действительно принадлежала осетину Кипшидзе, жившему за стеной. Их дети дружили.

Однако те, кто распускал слухи об осетинских корнях вождя, отлично знал о давней неприязни между двумя народами. Для Казбеги и его Кобы тоже было непреложной истиной, что равнинные черкесы вроде бы ничего, не самые плохие люди, а ближайšie соседи осетины коварны и ненадежны. В повести позже выясняется, что труп, рядом с которым Коба целовался со своей любимой, принадлежал не просто коварному человеку, а врагу осетину: «Тогда же и убил я осетина! — сказал Коба». Он напомнил об этом другу с гордостью. А другой, еще более коварный «осетин, который встретил их с распростертыми объятиями» предает властям Кобу и его друзей за тридцать туманов и офицерский чин. Но деньги не приносят предателю счастья. Так же как Иуда Искариот он погибает позорной смертью, успев признаться в финале: «— Я предал товарищей и достоин такой смерти! ... — Я погубил вас!»²⁸.

Кобе, будущему Сталину, не могла не запомниться такая ошеломительная угроза героя в адрес врага: «О — о! Попадись он мне когда-нибудь в руки, будет его рвать первым материнским молоком!»²⁹.

Известно, что Сталин прекрасно владел всем арсеналом русской матерщины. Он его усваивал в рабочих кварталах закавказских городов, на нефтяных приисках интернационального Баку и особенно успешно в тюрьмах и ссылках. Став властителем, он не стеснялся материться в любом обществе, особенно когда собирались соратники, матерился в присутствии дочери-

подростка. Но в этой угрозе одного из героев повести, несмотря на ее очевидную фантастичность, поражает беспощадная конкретность. Помнил ли о ней Сталин, когда приказывал следователям по «делу врачей» и другим делам: «Бить, бить и бить, пока не признаются!»? Впрочем, об этом не хочется не только писать, даже думать. Он ведь тоже когда-то пил молоко матери. Не оно ли закипело у него кровавой пеной на губах в смертные минуты?

Мы привели наиболее яркие фрагменты повести. Сейчас нет никаких доказательств для утверждения — именно эти сцены и эти оценки привлекли внимание Сталина, отложились в его подсознании и влияли на его эмоции и даже поведение. Ничего этого доказать нельзя. Но есть неоспоримые доказательства того, что Сталин это произведение любил, хорошо знал, как и другие повести Казбеги, а главное, откликнулся на имя «Коба». Своего первенца сына он назвал Яков, что в грузинском уменьшительно-ласкательном варианте и звучит как «Коба» (от «Якоба» — Яшенька, Яшка.) Значит, ему нравилось играть роль литературного Кобы, быть его воплощением в жизни.

Официальная оценка Кобы Казбеги не могла не эволюционировать вместе с эволюцией национальной политики Сталина. Но сам Сталин-Коба не имел право на переоценку. В 13 томе первого издания Большой советской энциклопедии, вышедшего в 1937 году, упоминается Казбеги, как автор, который «в лирических патриархальных тонах ... изображал патриархальную жизнь горских племен». Специально о Кобе тогда не говорилось еще ничего. Но во втором издании БСЭ, вышедшем в 1953 г., в 21 томе о Казбеги и его Кобе говорится уже четко: «Коба — один из партийных псевдонимов Сталина. За подписью Коба печатались статьи И. В. Сталина в газете «Ахали цховреба» (см. «Новая жизнь»)). Высоко оценивая творчество Казбеги, авторы энциклопедии сочли необходимым указать: «...писатель не создал ни одного положительного образа русского человека, представителя демократических кругов. Ошибка К. заключалась в том, что он не понял реакционного, мнимо национального характера движения Шамиля и мюридизма, идеализировал, приукрашивал это движение»³⁰.

Так решительно разошлись пути Кобы литературного и Кобы исторического. Один — абрек — до сих пор борется в Чечне против наследников империи, другой — генералиссимус — до сих пор защищает от него эту империю железом и кровью. Коба против Кобы. Но на все времена останется у них вот это общее, с невероятным чувством выраженное их наивным духовным «отцом» Александром Казбеги:

«Кровь моя и сейчас остается прежней: это — смесь воды горного ручья с искрами, исторгнутыми ударом железа о кремневую скалу. Кто так взращен, — всегда видит белое белым, а черное — черным; свое чувствует своим, а чужое — чужим»³¹. Может быть именно здесь истоки того слепящего двухполюсного мира, которые увели стареющего Кобу в «ничто»?

Примечания

1. СТАЛИН И.В. Избранные сочинения в 3-х томах. Т.1. М. 1999, с.3—4.
2. Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения. М. 1939, с.25. На правах рукописи. Государственная общественно-политическая библиотека. Отдел редких книг. Библиотека И.В. Сталина. (ГОПБ ОР.БС.).
3. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф. 558, оп. 1, ед. хр. 2218.
4. См. например: СТАЛИН И.В. Соч. Т. 10. М. 1952, с. 216, 283 и др.
5. РГАСПИ, ф. 558, оп. 3, ед. хр. 186; ед. хр. 2719; Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 5, оп. 16, ед.хр.745, л.124.
6. ЛЕОНИДЗЕ Г. Сталин. Детство и отрочество. Эпопея. Книга первая. М. 1947, с.107.
7. История СССР. Т.2. Россия в XIX веке. Кризис феодализма. Утверждение капитализма. М. 1954, с.327.
8. БАРБЮС А. Сталин. М. 1936, с.21.
9. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед.хр. 1279, л.51.

10. «Имя это ко мне подходит». И.В. Сталин о своем псевдониме. — Источник, 1999, № 5, с.79; В. В. Похлебкин приводит версию происхождения этого псевдонима от фамилии Е. С. Сталинского — переводчика и издателя поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (Тифлис. 1888—1889). Однако, усмотреть здесь прямую связь достаточно трудно. В данном случае версия самого Сталина более убедительна. См. ПОХЛЕБКИН В. Великий псевдоним. М. 1996, с.81—89.
11. См. РГАСПИ, ф.558, оп. 11, ед. хр. 905, л.99.
12. ТРОЦКИЙ Л. Портреты революционеров. М. 1991, с.52.
13. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед. хр. 704, л. 15—19.
14. ЖГЕНТИ Б. Александр Казбеги. — КАЗБЕГИ А. Избранные произведения. Тбилиси. 1955, с. 5—15.
15. И.В. Сталин. Краткая биография. М. 1948, с.8.
16. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед. хр. 1278, л. 2, 3, 7.
17. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с. 239—240.
18. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед. хр. 827, л.17—18. Письма М. Шолохова Сталину были опубликованы в журнале «Родина» в 1992—1994 гг.
19. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с. 289.
20. По воспоминаниям Кетеван Орахелашвили. — АНТОНОВ-ОВСЕНКО А. Берия. М. 1998, с.67.
21. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с.287.
22. Там же, с.219, 257—259.
23. И.В. Сталин. Краткая биография, с. 7.
24. История СССР. Т.2, с. 338.
25. Мохевец — от «хеви» — ущелье; грузины-горцы, живущие в верховьях Терска и прилегающих ущельях.
26. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с. 306.
27. РГАСПИ, ф.558, оп. 11, ед. хр. 1278, л. 2.
28. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с. 314, 318.
29. Там же, с. 268.
30. БСЭ. Изд. 2-ое. Т.19. М. 1953, с.364.
31. КАЗБЕГИ А. Ук. соч., с.436.

К.И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения

В Бахметьевском архиве в США хранятся воспоминания одного из видных представителей политического сыска дореволюционной России — последнего начальника Петроградского охранного отделения (ПОО) Константина Ивановича Глобачева. Написаны они были в первые годы эмиграции и датированы декабрем 1922 года. Воспоминания охватывают период с момента назначения его начальником ПОО в феврале 1915 г., включают годы гражданской войны и заканчиваются первыми годами эмиграции. Воспоминания сохранились в виде машинописной рукописи, но автором не подписаны. Однако по стилю и содержанию воспоминания совпадают с показаниями Глобачева, данными им в ходе допросов 6 апреля, 26 июня, 14 октября 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) по разбору дел бывших министров и прочих должностных лиц. (Протоколы его допросов ¹ публикуются перед текстом воспоминаний.)

Большое внимание в воспоминаниях уделяется организации политического сыска и общественным настроениям предреволюционного Петрограда, организации и деятельности Центрального военно-промышленного комитета, его взаимоотношениям с властями. При изложении событий, свидетелем которых он был, Глобачев не ограничивается констатацией фактов, но дает им и свою оценку.

Отдельная глава посвящена Г.Е. Распутину, его отношениям с царской семьей и всем тем событиям, которые так или иначе связаны с именем «старца», включая обстоятельства его убийства и последующее расследование. В данной связи стоит остановиться на одном моменте, вокруг которого историками до сих пор ведется дискуссия. Известно, что в ГАРФ сохранилось довольно много дневников наружного наблюдения за Распутиным. Наибольшее число томов наблюдения — по Петербургу ². Особенностью этих дневников является то, что они представляют собой машинописные копии филерских наблюдений. Оригиналов рукописных филерских дневников, которыми следовало бы пользоваться, обнаружить до сих пор не удалось. На этом основании некоторые исследователи полагают, что дневники эти являются более поздней фальсификацией. Другие же считают, что наблюдений вообще не велось, а все это — сочинение полиции. Что же вносят нового в эту дискуссию воспоминания Глобачева?

Он недвусмысленно свидетельствует о систематической слежке за Распутиным, которая проводилась ПОО. Его свидетельства находят подтверждение в показаниях других представителей политического сыска, в том числе

директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, данных ЧСК. Как пишет Глобачев, практически ежедневно на стол министру ложился материал наблюдения за Распутиным со списками лиц, которых тот посещал, с которыми встречался. Разумеется, министру давался не рукописный материал филеров, как правило, малограмотных, а машинописные документы. И то, что сейчас хранится в фонде ПОО, это, очевидно, копии (вторые или третьи экземпляры) представленных министру материалов. (Подобные машинописные копии дневников сохранились в связи с наблюдением также и за С.Ю. Витте.)

В воспоминаниях немало новых сведений о деятельности ПОО, а также о последующем участии Глобачева в гражданской войне и первых годах эмиграции.

К.И. Глобачев родился 24 апреля 1870 года. Его семья принадлежала к дворянам Екатеринославской губернии. Он получил образование в Полоцком кадетском корпусе, затем закончил Первое Павловское училище по первому разряду, что давало ему право на производство в офицерский чин в год выпуска. В службу вступил 1 сентября 1888 г., а через год получил чин подпоручика. В 1890 г. он окончил два курса Академии Генерального штаба по второму разряду и перешел на службу в лейб-гвардии Кексгольмский полк, где служил до перехода в Отдельный корпус жандармов 23 сентября 1903 года. В полку он был произведен в чин поручика (10 августа 1893 г.) и в чин штабс-капитана гвардии (6 мая 1900 года). При переходе на жандармскую службу его прежний чин был приравнен к чину жандармского ротмистра.

Первоначально его послали в Польшу, менее года он служил адъютантом в Петроковском губернском жандармском управлении (ГЖУ), несколько месяцев в Баку, а затем его направили в г. Белосток, где он полтора года заведовал розыскным пунктом. В сентябре 1905 г. Глобачев был назначен начальником жандармского управления Лодзинского и Ласского уездов и одновременно возглавлял Лодзинское охранное отделение. Такое сочетание двух должностей в одном лице оказалось благоприятным: не было обычных распрей между службами жандармского управления и охранного отделения. Лодзь считался беспокойным фабричным районом. В одном из документов, связанных с событиями 1907 г., в сообщении помощника Варшавского генерал-губернатора от 25 сентября 1907 г., указывалось, что «после постоянных забастовок в Лодзи, когда объявленный локаут заставил 25 000 рабочих, под влиянием утраты до известной степени веры в своих преступных руководителей, встать на работы, спокойствию города и дезорганизации революционных деятелей много способствовал своею энергиею полковник Глобачев, который в последние четыре месяца арестовал около 1000 человек, в числе коих было немало боевиков»³.

С выступлениями рабочих, однако, справиться было легче, чем с нелегальными организациями анархистов-коммунистов, Бунда, сионистов-социалистов, Национальным рабочим союзом, Польской социалистической партией, Социал-демократией Королевства Польского и Литвы. Были обыски, аресты, высылки, но бывали случаи, когда после месячного ареста приходилось освобождать арестованных, так как, опытные в конспирации, они не давали достаточных улик для привлечения к суду или высылки.

С точки зрения местных властей Глобачев был способным офицером и вполне устраивал Варшавского генерал-губернатора. Поэтому, когда в декабре 1909 г. начальник Варшавского охранного отделения П.П. Заварзин был переведен в Москву, то первой и окончательной кандидатурой на освободившуюся должность был Глобачев.

В 1910—1912 гг. проводилась проверка постановки розыска во многих охранных отделениях и ГЖУ. Как сообщалось в одном из отчетов, проверки привели к «самым грустным выводам», «офицеры были бездеятельны в деле политического розыска, некоторые не знали дела, а некоторые отрицательно-сознательно относились к нему»⁴.

На фоне других руководителей Глобачев показал себя более умелым

офицером, хотя тот огромный объем работы, который свалился на его плечи, явно был и ему не под силу. В Департаменте полиции был решен вопрос о его переводе.

К 1912 г., после двух лет проверки, были проинспектированы почти все учреждения политического сыска. В связи с этими инспекциями были уволены со службы, как признанные неспособными «к руководству розыскными органами», 14 начальников ГЖУ: в Москве, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани, Гродно, Минске, Херсоне и др. центрах. В связи с открывшимися вакансиями, на одну из них и был назначен Глобачев. 20 ноября 1912 г. состоялось его назначение начальником Нижегородского ГЖУ⁵.

На этой должности он произвел благоприятное впечатление на товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского, посетившего Нижний Новгород в 1913 г., когда готовилась поездка Николая II по поволжским городам и необходимо было выработать с местными властями меры охраны императорской семьи. В воспоминаниях Джунковский впоследствии писал, что полковник Глобачев произвел на него «прекрасное впечатление, которое и подтвердилось вполне, когда я с ним ознакомился поближе. Он оказался отличным во всех отношениях офицером, прекрасно разбиравшимся в розыском деле; спокойный, мягкого характера, честный, он держался скромно и не старался выделиться. Я его выдвинул впоследствии на ответственную должность начальника С.-Петербургского охранного отделения, на какой должности он оставался до самой революции, ни разу не уклонившись в сторону от преследуемого мною направления, которое, впрочем, вполне соответствовало и его характеру»⁶.

1 февраля 1914 г. Глобачев был перемещен на должность начальника Севастопольского жандармского управления, а через год, 11 февраля 1915 г., переведен на должность начальника ПОО⁷, и 18 апреля произведен в генерал-майоры.

Петроградское охранное отделение было создано в 1866 г. при канцелярии Петербургского градоначальника; первоначально оно называлось «Отделение по охранению общественного порядка и спокойствия в столице». Это было первое охранное отделение, созданное в России, и начало оно действовать несколько ранее губернских жандармских управлений, созданных на основании Положения о Корпусе жандармов от 16 сентября 1867 года. Это было одно из самых старых и важных учреждений политического сыска со сложной структурой и большим штатом сотрудников.

К сожалению, материалы ПОО сохранились плохо. Основная документация сгорела в февральские дни 1917 года. А.А. Блок, приехавший в марте 1917 г. в Петроград и потрясенный увиденным, писал матери: «Выгорел дотла Литовский замок и Окружной суд, бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их изнутри, выгорела»⁸.

От огромного массива материалов осталось только 6058 дел. Масштаб утраченного виден из того, что, например, фонд Московского охранного отделения, которое также горело и притом было моложе Петербургской охраны на 15 лет, насчитывает, однако, 51 236 единиц хранения. В связи с этим воспоминания лиц, причастных к работе ПОО, представляют особую ценность.

Содержательным и интересным дополнением к публикуемому источнику являются воспоминания жены Глобачева, Софии Николаевны, написанные в 1923 году, о драматических событиях в их жизни в обстановке революции 1917 года. Не теряя надежды, она предпринимала отчаянные попытки освободить мужа, арестованного при Временном правительстве, последовательно добивалась встреч с министрами А.Ф. Керенским, П.Н. Переверзевым, следователем, который вел его дело, затем продолжила свою борьбу, когда он оказался в руках ВЧК. Председатель Петроградской чрезвычайки М.С. Урицкий, на прием к которому ей довелось попасть, поразил ее тем, что отдавал, как ей показалось, «похоже, разумные распоряжения»...

Оказавшись на свободе, Глобачев бежал на Юг и состоял чиновником в полиции сначала в Киеве, затем в Одессе. С 1920 г. он служил в российском посольстве в Константинополе, а в июле 1923 г. переехал в США, где ему пришлось зарабатывать средства к существованию то в качестве слуги, то — вольным художником в Нью-Йорке. Получив с 1929 г. американское гражданство, Глобачев отправился в Париж, где поступил на службу в Русский общевоинский союз в качестве заместителя директора секретно-политического отдела этой организации. Отдел был упразднен в 1934 г., и тогда Глобачев возвратился в США; умер он 1 декабря 1941 г. в Нью-Йорке. Рукопись воспоминаний «Правда о русской революции» хранится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета. Редакция приносит благодарность за разрешение опубликовать мемуары К.И. Глобачева администрации Бахметьевского архива в лице профессора Р. Уортмана.

С Софьей Николаевной, урожд. Поповой (1875—1950), Глобачев вступил в брак в 1898 г. в Варшаве; у них было трое детей: Сергей, умерший в возрасте двух лет, Лидия и Николай.

Рукопись воспоминаний С.Н. Глобачевой и портреты супругов любезно предоставлены для публикации сыновьями Лидии Константиновны — В.Г и О.Г. Маринич.

Публикацию подготовили ДЖ. ДЕЙЛИ и З.И. ПЕРЕГУДОВА.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.1457 (ЧСК), оп.1, д.39, л.23сл.; д.441, л.75—78об., 241—242об. Некоторые протоколы Чрезвычайной следственной комиссии увидели свет в 1924—1927 годах в 7 томах «Падения царского режима» и в 1964—1965 гг. в журнале «Вопросы истории». Прочие же материалы этого фонда (ГАРФ, ф.1467) долгое время находились на закрытом хранении, затем были рассекречены частично и только в 80-е годы были полностью открыты для исследовательской работы.
2. ГАРФ, ф.111, оп.1, д.2973—2981б. Дневники наружного наблюдения за Распутиным-Новых Григорием Ефимовичем, клички наблюдения «Темный», «Русский», за 1910—1916 годы.
3. ГАРФ, ф.102. ОО, 1912 г., д.50, ч.9, л.51об.
4. Там же, д.248, л.44об.
5. Там же. 1913 г., д.51, ч.49, л.1.
6. ДЖУНКОВСКИЙ В.Ф. Воспоминания. Т.2. М. 1997, с.169.
7. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Пг. 1916, с.234.
8. БЛОК А.А. Соб.р. соч. Т.8. М.-Л. 1963, с.480.

Протокол

1917 года апреля 6 дня, командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий А.А. Спичаков-Заболотный допросил с соблюдением 443 ст. Уст[ава] уг[оловного] суд[опроизводства] свидетеля, который показал:

Константин Иванович Глобачев, 46 лет, генерал-майор, православный, не судился; содержу под арестом в Петроградской одиночной тюрьме.

С 1 марта 1915 г. до революции я занимал должность начальника Петроградского охранного отделения, а ранее служил начальником Севастопольского губернского жандармского управления. В Петроград я перешел по приглашению генерала Джунковского, бывшего в то время товарищем министра внутренних дел.

Дейли Джонатан — доктор исторических наук, профессор Иллинойского университета. Чикаго (США); Перегудова Зинаида Ивановна — доктор исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.

Отделение, во главе которого я стоял, являлось отделением Петроградского градоначальства, и по должности я находился в непосредственном подчинении у Петроградского градоначальника.

Охранное отделение, кроме центрального своего управления, имело в Петрограде подведомственные мне отделы, а именно: Охранную команду (Морская, 26) из 280 человек, на обязанности которой возлагалась охрана при проездах высочайших особ и охрана разных высокопоставленных лиц, Центральный филерский отряд (Малый пр., Петроградская ст.) и регистрационный стол (Басков пер., 92), ведавший так называемой «гостиной» — агентурой, то есть наблюдением за лицами, останавливавшимися в гостиницах и меблированных комнатах.

Охранное отделение призвано было освещать деятельность революционных организаций и общественные настроения. Помимо штатных служащих, оно пользовалось секретными сотрудниками, вознаграждавшимися из особых сумм, отпускавшихся специально на секретную агентуру в мое распоряжение в размере 6250 руб. ежемесячно (весь бюджет Петроградского охранного отделения выражался суммою 58 000 руб. в месяц по городу Петрограду).

Секретные сотрудники, поступая на службу в Охранное отделение, сообщали свои фамилии и вносились в особый список, считавшийся совершенно секретным. Им давались клички, под которыми они впоследствии и фигурировали в докладах и переписке Охранного отделения. Клички не должны были обязательно согласоваться с полом сотрудника: случалось, что женские клички давались мужчинам и наоборот. До войны вознаграждение сотрудников колебалось между 50—75 руб. в месяц, хотя служили и за 25 руб. в месяц. Во время войны вознаграждение ввиду дороговизны жизни было несколько увеличено. Самый высокий оклад за время моей службы был 300 руб. в месяц. Его получал барон Штокельберг, по кличке «Пьер» (навязанный мне Департаментом полиции и не давший мне никаких ценных сведений). Он служил в первой половине 1916 года. Затем, по 250 руб. в месяц получал член рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета Абросимов, по кличке «Шаров». Сотрудники комплектовались таким образом: во время допросов арестованных по подозрению в принадлежности к нелегальной организации некоторым из допрашиваемых, которые допрашивавшему лицу казались подходящими, предлагалось поступить на службу в Охранное отделение сотрудниками. Иногда же с предложением таких услуг являлись добровольцы. Сведения, доставлявшиеся сотрудниками, проверялись посредством наружного наблюдения за указанными ими лицами или путем перекрестных сообщений, то есть сведения, данные одним, проверялись сведениями, полученными от другого. Когда деятельность известной нелегальной группы оказывалась достаточно освещенной, производилась «ликвидация» ее, то есть арестовывались наиболее видные и значительные члены группы. Сотрудникам абсолютно воспрещалось вести какую-либо активную работу в группе. За время моей службы в Петрограде Охранное отделение к провокации не прибегало и никем из моего начальства указаний или распоряжений о введении провокационных приемов в деятельность агентуры не делалось. Я на это и не пошел бы ни в каком случае.

На предложенный мне вопрос, что я могу сказать относительно событий последнего времени на Путиловском заводе, где имели место провокационного характера выступления относительно необходимости заключения мира и поддержки Вильгельма, я могу только заявить, что ручаюсь, что моими агентами таких выступлений не могло быть произведено. Но я должен сказать, что контрразведывательное отделение, подчиненное полковнику Якубову, имело свою заводскую агентуру, которою ведал капитан Соколов. Агенты, которыми она осуществлялась, состояли из лиц самого предосудительного поведения, совершенно незнакомых с агентурными приемами. За этих господ я не могу поручиться, что они не являлись в некоторых случаях провокаторами. Я находил невозможным существование наряду с Охранным отделе-

нием особой заводской агентуры контрразведки, так как она могла только вредить мне благодаря своей совершенно неудовлетворительной организации. В этом смысле мною был представлен доклад Департаменту полиции, но и после того заводская агентура контрразведки продолжала существовать.

Имена князя Бебутова и Финна среди сотрудников Петроградского Охранного отделения не попадались.

Когда назревала необходимость ликвидировать ту или другую революционную организацию или когда какие-либо новые течения намечались в общественных настроениях, по Охранному отделению составлялись доклады министру внутренних дел, посылавшиеся в копиях в Департамент полиции, градоначальнику и прокурору судебной палаты. Таким образом, мое начальство всегда было осведомлено о настроении в народе и о тех событиях, которые имели место.

За монархическими организациями и за партиями правее кадетской наблюдений не производилось.

Из министров внутренних дел, при которых мне пришлось служить, я у князя Щербатова не имел ни разу доклада, а у А.Н. Хвостова был всего два раза: один раз представлялся, а другой раз — когда А.Н. Хвостов пригласил меня и предложил мне исполнить распоряжение председателя Совета министров Штюмера о выдаче Григорию Распутину 500 рублей. Помню, что Распутин не хотел дать расписки в получении указанной суммы, и по совету Хвостова я вручил ее ему без расписки при постороннем свидетеле. Деньги тогда выдавались Распутину на поездку на родину в Тобольскую губернию. Определенных дней и часов для докладов я вообще у министров не имел, а являлся к ним только по их вызовам. Быть может, они внимательно относились к докладам Департамента полиции, содержащим в себе сводку сведений, полученных из охранных отделений по всей России, но к моим докладам они относились без должного внимания, и у меня оставалось впечатление, что они мало интересовались внутренней политикой. Больше их, видимо, интересовал Распутин. Штюмеру, например, ежедневно нужно было отправлять рапортчики с донесениями о том, как Распутин провел предшествовавший день. Для такого же рода докладов он требовал иногда меня к себе.

Со времени покушения на жизнь Распутина со стороны Гусевой, имевшего место в 1914 г., была организована охрана Распутина, возложенная на Петроградское охранное отделение.

За время моей службы охрана выражалась в том, что агенты Охранного отделения дежурили в подъезде дома, в котором жил Распутин, под видом швейцара, и два агента всегда находились у ворот того же дома. Попутно, по моему приказанию они вели подробные записи всем лицам, посещавшим Распутина, и тем, кого он посещал. Таким образом я ежедневно получал самые подробные сведения о том, кого видел и где был Распутин. Автомобиль, на котором ездил Распутин, принадлежал Охранному отделению, и шофером на нем был мой служащий. Поэтому мне всегда было известно, куда ездил Распутин, между прочим, по моим сведениям, он никогда не бывал в Царском Селе во дворце; он всегда останавливался там у Вырубовой, и к ней съезжались императрица Александра Федоровна, великие княжны и наследник, а также бывший император, если он в то время находился в Царском Селе. Вырубова посещала Распутина у него на квартире в Петрограде. Распутин часто навещал Марию Головину (Мойка, 104), сестру Вырубовой Пистолькорс, митрополита Питирима, секретарь коего Осипенко постоянно бывал у Распутина. Часто Распутин посещал Бадмаева. Последний не состоял под наблюдением Охранного отделения. Воейков, по моим сведениям, никогда не был у Распутина, так же как и Распутин не бывал у него, но они, несомненно, были знакомы, встречались у Вырубовой.

Влияние Распутина на государственные дела несомненно. Через него разные темные личности за деньги проделывали самые разнообразные операции. Несомненно, что от них перепало и Распутину, так как он других

средств к жизни не имел, но лавина доля все же доставалась присосавшимся к нему разного рода «дельцам». На меня Распутин производил впечатление умного и хитрого мужика, тешившегося тем, что по его желанию смешались и назначались министры, и не желавшего расстаться со своим влиянием. Распутин любил кабаки, которые посещал, обыкновенно, по возвращении из Царского Села. В них он напивался совершенно. Ездил он и «по девкам». Я не знаю, что связывало его с Бадмаевым, у которого он лечился, между прочим, от какой-то неведомой мне болезни. У Бадмаева Распутин встречался с Протопоповым. Со Штюмером встречи у Распутина происходили у графа Борх (Фонтанка, 18). В большой дружбе Распутин был с Алексеем Николаевичем Хвостовым в первое время управления последним Министерством внутренних дел. Но затем, когда Распутин перестал совершенно стесняться и начал адресовать «министру Хвостову» свои письма к Хвостову (как говорил мне Комиссаров), Хвостов нашел, очевидно, неудобным поддерживать с Распутиным сношения, и на этой почве, как мне думается, у него и могла возникнуть мысль убить Распутина, если он действительно имел такой замысел.

От Штюмера я был далек, и он «тревожил» меня только по распутинским делам.

У Протопопова я имел в первый раз личный доклад только после убийства Распутина. Он вызвал меня к себе, когда уже был обнаружен труп Распутина, и, вручив мне два анонимных письма на имя Вырубовой и Воейкова с бранью по их адресу и угрозой, что их постигнет та же участь, поручил мне расследовать, кем анонимы были написаны. К расследованию убийства Распутина Протопоповым был привлечен Курлов, по распоряжению которого я ездил на квартиру Распутина, чтобы удостовериться, приняты ли были меры к охране имущества Распутина. Я нашел таковое уже опечатанным судебным приставом и никакой выемки чего-либо не производил.

Из лиц, постоянно окружавших Распутина, могу назвать Симоновича, Манасевича-Мануйлова, Добровольского.

Распутин понимал, что, охраняя его, я вместе с тем наблюдаю за ним. Это его иногда стесняло, и он даже жаловался на меня в Царском Селе. Тогда я объяснился с ним и сказал ему, что охраняю его по приказанию начальства. Он примирился с этим, и мне, по его желанию, пришлось лишь заменить одного из приставленных к нему агентов другим.

Распутин, несомненно, в сильной мере вызвал в России антидинастическое движение: благодаря его влиянию при Дворе к бывшему императору в народе явилось то враждебное отношение, которое за последнее время наблюдалось почти повсеместно. Но это было только одним из факторов, приведших к революции. Наиболее важным из них я считаю полную разруху в продовольственном деле.

Уже в июле месяце прошлого года продовольственный вопрос стоял так остро, что положение дела мне представлялось угрожающим существующему государственному строю. Перемены министров и отсутствие какого бы то ни было единства и определенного плана в действиях правительства порождали всеобщее недовольство. Обо всем этом я доносил в письменных докладах министру внутренних дел Протопопову, но я думаю, что он попросту не читал моих донесений. Иначе мне трудно объяснить всю его политику — человека, летевшего в пропасть. Когда в ноябре месяце прошлого года в Государственной думе осуждения правительства и в частности Протопопова стали раздаваться в особенно резкой форме, можно уже было предвидеть, что революция неизбежна, так как к голосу Думы народ очень прислушивался. Введение ответственного министерства могло еще, пожалуй, предотвратить катастрофу, о чем я и докладывал директору Департамента полиции.

Как рассчитывал Протопопов бороться с революцией, я не знаю. Быть может, он надеялся на поддержку Петроградского гарнизона, а если так, то в настроении этого гарнизона он мог быть неправильно осведомлен только военными властями. Ни охранным отделением, ни Департаменту полиции со времени Джунковского не разрешалось ввести агентуру в войска, и потому

в моих донесениях Протопопов не мог иметь освещения настроения в войсках. Беспорядки ожидалась 9 января и 14 февраля. Перед этим днем Хабалов устраивал совещание относительно способов подавления беспорядков, и я приглашался на эти совещания. Между прочим, в январском совещании генерал Чебыкин, начальник гвардейских запасных частей, доложил что гарнизон вполне надежен. На случай возникновения беспорядков весь город был разделен на участки, между которыми распределены были воинские части. К их содействию предполагалось прибегнуть в крайнем случае, если бы недостаточными оказались силы полиции с приданными ей казачьими отрядами. Ни на упомянутых совещаниях, ни на совещании, созванном Хабаловым, кажется, 23 февраля, на котором я также присутствовал, не возбуждалось вопроса о снабжении полиции или воинских частей пулеметами. Если в дни революции, как писалось в газетах, народ действительно расстреливался с крыш домов из пулеметов, то я не могу себе представить, кто отдал такое распоряжение. Думаю, что оно не могло бы остаться мне неизвестным, если бы оно было отдано чинам полиции до 27 февраля с.г. Несомненно, что без ведома дворников домов пулеметы не могли бы быть внесены на чердаки и крыши и там установлены. С другой стороны, без разрешения военных властей ни один пулемет не мог бы быть получен полицией. Я не знаю, могли ли быть использованы пулеметы, приготовленные для отражения неприятельских воздушных атак. Я только по слухам осведомлен, что на некоторых зданиях были поставлены пулеметы против аэропланов. Вообще мне неизвестно, какие планы борьбы с революцией имелись у Протопопова. Менее всего революция вызвана деятельностью тех нелегальных партий, с которыми мне приходилось бороться. В этом я уверен, потому что в последнее время некоторую деятельность еще проявляла группа социал-демократов большевиков, меньшевики больше ушли на легальную работу в кооперативах, военно-промышленных комитетах и т.п.; социалисты-революционеры были совершенно бездеятельны, а группа анархистов была уже ранее разбита и ликвидирована Охранным отделением.

Я не имею никаких указаний на то, что Протопопов умышленно вызывал революцию с целью добиться заключения сепаратного мира или вообще в интересах враждебных нам государств. Не имею никаких указаний и на то, что такого рода цели преследовались императрицей Александрой Федоровной, Вырубовой, Воейковым и разными темными силами, влиявшими на государственные дела.

Протопопов в бытность свою министром внутренних дел вызывал меня к себе раз шесть. Обыкновенно в таких случаях он передавал мне какие-нибудь анонимы Вырубовой или Воейкову. Один раз он меня пригласил и ограничился расспросом о функциях Охранного отделения и распорядке занятий в нем, и раз я имел у него доклад о рабочей группе в Центральном военно-промышленном комитете, предполагавшей учинить выступление 14 февраля, в день открытия сессии Государственной думы. Рабочая группа хотела, чтобы в указанный день рабочие петроградских фабрик, явившись в Государственную думу, выразили свою полную солидарность с нею и готовы оказать ей поддержку. Протопопов санкционировал арест рабочей группы. Протопопов меня не спрашивал, состоял ли в этой группе кто-либо из моих сотрудников, но мне кажется, что он мог догадаться об этом.

Причины увольнения от должности товарища министра А.В. Степанова мне неизвестны.

Я ничего не знаю о распоряжении Протопопова не давать движения представленной ему Степановым переписке, уличавшей Манасевича-Мануйлова в шпионаже в пользу Германии. Я слышал, что контрразведка интересовалась Манасевичем и будто бы установила даже наблюдение за ним.

За Протопоповым наблюдения со стороны Охранного отделения не было. Но охрана его производилась по распоряжению директора Департамента полиции.

Перлюстрацией я не занимался, но из Департамента полиции мне при-

сылались выписки из разных писем для разработки. Такие письма давали мало нового, неизвестного еще материала.

Более ничего показать не имею.

Зачеркнуто «Протопоп». По прочтении показания поясню: Распоряжения, отдававшиеся по полиции министром внутренних дел или градоначальником, не все были мне известны. Поэтому мне могло быть неизвестно и распоряжение об установке пулеметов, если таковое было отдано полиции. Но установка пулеметов не могла остаться неизвестной полиции. Вычеркнуто: «с докладом», надписано: «раз, представлялся».

Протокол

1917 года июня 26 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий А.А. Спичаков-Заболотный допросил с соблюдением 443 ст. У[става] у[головного] с[удопроизводства] свидетеля, который показал:

Я — Константин Иванович Глобачев, дополнительно показываю: сотрудника охранного отделения Абросимова по кличке Шаров я принял от моего предшественника по должности начальника Петроградского охранного отделения полковника Попова. С какого времени Абросимов состоял сотрудником охранного отделения, я не знаю, как не знаю и того, явился ли он сам с предложением давать сведения охранному отделению, или был склонён к этому при допросе кем-либо из чинов отделения.

Абросимов принадлежал к партии социал-демократов меньшевиков. После поступления моего на должность начальника Петроградского охранного отделения и до образования военно-промышленных комитетов Абросимов давал очень мало сведений по группе, к которой он принадлежал. После же того, как образовался Центральн[ый] [военн]о-промышленный комитет и Абросимов вошел в рабочую группу его, он стал давать сведения, освещавшие деятельность группы. Я припоминаю, что Абросимов докладывал, что он был выбран в рабочую группу комитета; возможно (но наверное не помню), что он спрашивал моего совета, вступать ли ему в группу. Месяца за три или четыре до революции Абросимов перестал давать сведения по рабочей группе, правильнее сказать, что он перестал давать сведения месяца за три или четыре до ареста группы. Вместе с тем, состоя в группе, Абросимов принимал от группы некоторые поручения без ведома охранного отделения. Так, не предупреждая охранное отделение, он уезжал в провинцию в объезд местных рабочих групп военно-промышленных комитетов. Такое поведение Абросимова я считал совершенно недопустимым и просил передать ему офицера, который с ним работал, что или пусть он отказывается от работы в охранном отделении, или я сделаю распоряжение об аресте его, если он будет совершать поездки без моего разрешения. Поездки Абросимова в провинцию без ведома охранного отделения ставили меня в неловкое положение перед Департаментом полиции, который запрашивал меня о выездах Абросимова, между тем как я ничего о них не знал.

Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета освещалась охранным отделением главным образом другим сотрудником, именно Лущуком, состоявшим в секретариате группы. Сведения Лущука были более ценны, чем сведения Абросимова, потому что через его руки проходили в секретариате все сведения о деятельности группы, и, таким образом, Лущик давал охранному отделению документальные доказательства. Ликвидация группы, состоявшаяся в конце января текущего года, была предпринята на основании сведений, полученных от Лущука, а не от Абросимова. Поводом для нее послужило воззвание рабочей группы к рабочим Петрограда, отпечатанное, кажется, на mimeографе, с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существовавшего государственного строя. Ра-

бочая группа предполагала предложить Государственной думе, низвергнув правительство, опереться в дальнейшей своей деятельности на рабочих. Экземпляр такого воззвания и сведения о предполагаемом выступлении рабочих были получены охранным отделением от Лушука. Я не мог взять на себя решение вопроса об аресте рабочей группы Центрального комитета и доложил об этом министру внутренних дел. Последний привлек к совещанию товарища министра Куколь-Яснопольского и директора Департамента полиции Васильева. Протопопов куда-то торопился, кажется, в Царское Село, и вопрос об аресте группы обсуждался, кажется, в его отсутствие. Но по возвращении его ему было доложено о решении произвести арест группы, и он санкционировал это решение. Я помню, что на совещание, в отсутствие Протопопова, приехал Курлов, который высказался также за необходимость произвести ликвидацию рабочей группы. На совещании не обсуждалось вопроса о том, следовало ли одновременно с арестом членов рабочей группы арестовать также и сотрудников, освещавших ее деятельность. Не все члены группы были арестованы одновременно, потому что охранное отделение не знало всех адресов членов группы. Мне кажется, что в первый прием было арестовано семь человек. Один из подлежащих аресту, именно Гвоздев, был болен, а потому был оставлен под домашним арестом, но на другой день после его ареста, по распоряжению Хабалова, караул в его квартире был снят. Я помню, что, отдавая распоряжение об аресте членов рабочей группы, я приказал арестовать и Абросимова, но затем почему-то я отменил свое распоряжение — вероятно, потому что нужно было о чем-то переговорить с Абросимовым. Мне казалось, что обыск у Абросимова производился, но утверждать этого я не берусь.

Я не помню, сообщал ли позже мне судебный следователь Юевич о розыске Абросимова. Из секретариата рабочей группы был арестован секретарь Богданов и предполагалось арестовать Гутовского. Лушук не был арестуем, так как не было оснований для его привлечения. После ареста части рабочей группы Абросимов продолжал иметь свидания с офицерами охранного отделения, но я, как припоминаю, на этих свиданиях не присутствовал. Я присутствовал на свидании с Абросимовым офицера, кажется, Иванова, за несколько дней до ареста группы. Тогда я сказал Абросимову, что так относиться к делу, как относился он, нельзя, и что он должен или работать, или я сделаю распоряжение об его аресте. На это, помню, Абросимов возразил, что сомневается, смогу ли я исполнить свою угрозу. Я понял эти слова в том смысле, что ввиду ожидаемого переворота Абросимов не думал, что арест его был возможен.

Я помню, что после ареста рабочей группы от Лушука были получены сведения, что Абросимов выступал с речью в заседании Центрального военно-промышленного комитета, но содержания речи, произнесенной там Абросимовым, я не помню. Абросимов был арестован перед самой революцией. На ваш вопрос, почему в течение столь продолжительного времени Абросимов оставался на свободе, отвечаю, что, насколько я припоминаю, офицер, работавший с Абросимовым, говорил мне, что Абросимов просил выждать с арестом его, потому что ему нужно было устроить какие-то его личные дела.

В 1915 г. с Абросимовым работал подполковник Иванов, а в 1916 г. подполковник Белоусов. Абросимов, как развитой человек, мог бы быть очень полезен охранному отделению, если бы он не относился так небрежно к принятым на себя обязанностям. Он не внушал мне особого доверия, после того как выяснилось, что без ведома охранного отделения он принимал разные поручения рабочей группы, связанные с его поездками в провинцию. Мне казалось, будто Абросимов «торговал на две лавочки». При вступлении Абросимова в состав рабочей группы, ему было внушено охранным отделением, как это внушалось и вообще всем сотрудникам, что никакой активной деятельности в группе он проявлять не должен. Затем ему было предложено держаться того направления, которое он избрал, именно, оборонческого. Группа держалась того же направления, но с конца 1916 г. или с начала теку-

щего года она стала слишком ярко выражать стремление стать во главе всего рабочего движения в Петрограде и принимать резолюции с призывами к ниспровержению существовавшего государственного строя. Это было установлено документально материалами, взятыми при обыске у членов группы, так что судебный следователь Юревич имел возможность предъявить арестованным членам группы обвинение по 102 ст. Угол[овного] улож[ения].

За время моей службы в должности начальника Петроградского охранного отделения по указаниям Абросимова не было произведено ликвидации каких-либо организаций или арестов членов нелегальных партий. На ваш вопрос, почему мною было увеличено жалование Абросимову с 150 руб. в месяц до 250 руб. в месяц, отвечаю, что такое увеличение последовало ввиду усилившейся дороговизны жизни по ходатайству Абросимова. Когда я сделался начальником Петроградского охранного отделения, Абросимов не принадлежал к центральной инициативной группе. Может быть, он входил в нее раньше — этого я не знаю. О службе Абросимова в охранном отделении я, как помню, никогда не докладывал министру внутренних дел Протопопову. Он меня и не спрашивал, кем именно из сотрудников освещалась деятельность рабочей группы. Если Протопопов знал о существовании и деятельности Абросимова, то, может быть, ему докладывал об этом директор Департамента Васильев. Мои доклады Протопопову, кроме одного, происходили в присутствии Васильева. Протопопов никогда меня не расспрашивал о том, как была поставлена агентура в рабочей группе военно-промышленного комитета. Я думаю, что вряд ли он даже понимал, что изображала из себя рабочая группа. Поэтому, вероятно, когда зашел вопрос об аресте рабочей группы, он и распорядился пригласить Курлова, как специалиста в подобных делах. Но все же мне кажется, что Протопопов не мог не знать, что охранное отделение имело своего сотрудника в рабочей группе, потому что он должен был понимать, что без сотрудника охранное отделение не могло бы освещать деятельности группы.

Список секретных сотрудников охранного отделения я за время моей службы в Петроградском охранном отделении в Департамент полиции не представлял. До меня они, может быть, и представлялись другими начальниками охранных отделений. Помню, что только при вступлении в должность товарища министра Белецкого я лично передал ему список сотрудников по партиям, которые ими освещались, причем в списке были указаны только клички сотрудников. При мне за два года моей службы директорами Департамента полиции состояли: Брюн де Сент-Ипполит, Моллов, Кафафов, Климович и Васильев. Товарищами министра, заведовавшими Департаментом полиции, были Джунковский, Белецкий, Степанов и Курлов; последний недолго исполнял обязанности товарища министра. Мне известно, что существовала «инструкция» по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения. Этой инструкцией я никогда не пользовался и никому из командировавшихся ко мне для занятий офицеров изучать не давал и не рекомендовал; я не знаю, кем она сочинена. Я никогда ее не читал и с содержанием ее не знаком. Знания инструкции от чинов охранных отделений не требовалось. Обыкновенно, лица, командированные в охранные отделения, знакомились с делом чисто практически. Сотрудники вербовались преимущественно из лиц, принадлежавших к нелегальным партиям, причем предпочитались сотрудники, являвшиеся добровольно с предложением услуг. Сотрудники могли вербоваться также среди лиц, привлеченных к дознаниям по политическим делам, путем склонения таких лиц к службе в охранном отделении, но такой контингент сотрудников представлялся менее желательным, чем контингент сотрудников-добровольцев.

Предъявляемые мне Вами четыре листка бумаги с рукописным текстом, начинающимся словами: «И. Шаров. 2/II 1917 года» (предъявлены листки, полученные из бывшего охранного отделения), написаны рукою подполковника Иванова и представляют из себя запись показания Шарова-Абросимова, данного на свидании им подполковнику Иванову. Предъявляемый мне Вами

обрывок бумаги с уцелевшим частично текстом, начинающимся словами: «справка 17 ноября...» (предъявлен разорванный документ, найденный в делах Департамента полиции), представляет из себя, по-видимому, справку, составленную в Департаменте полиции. Имеющаяся на документе отметка чернилами и карандашом сделана или директором Департамента Васильевым, или вице-директором Смирновым. Слова на справке «хранить особо секретно» объясняются тем, что в справке указана фамилия секретного сотрудника, а потому бумага должна была сохраняться особо секретно. По-видимому, в справке излагалось о поездке Абросимова в Ростов-на-Дону, относительно которой я не был осведомлен. Кем написан разорванный листок бумаги, начинающийся словами: «Директор. По полученным в д-те П. сведениям...», я не знаю.

Кличка Лушука была «Медведь». Лушук принадлежал к партии социал-демократов меньшевиков (студенческая организация).

Зачеркнуто: «если». Написано: «если он... разрешения».

Генерал-майор Глобачев

Командированный в Комиссию Спичаков-Заболотный.

Протокол допроса обвиняемого

1917 года октября 14 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий А.А. Спичаков-Заболотный, согласно постановления своего от 14—16 сентября 1917 г., утвержденного названною комиссиею 28 сентября, и определения ее же, допросил с соблюдением 403 ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства] нижепоименованного обвиняемого, который показал:

Имя, отчество, фамилия	Константин Иванович Глобачев
Возраст	47 л., родился 24 апреля 1870 года.
Звание	генерал-майор, потомственный дворянин Екатеринославской губ.
Место рождения	в Гродненской губернии
Образование	окончил курс наук в Академии Генерального штаба
Имущественное положение	недвижимости не имею
Семейное положение	женат, жена и дети живут со мною (дочь временно в институте)
Занятие	состою в резерве чинов Петроградского военного округа
Прежняя судимость	не судился.
Знаки отличия	ордена Владимира 4 и 3 степени.

В предъявленном мне обвинении меня в том, что, состоя в должности начальника Петроградского охранного отделения и будучи обязан по долгу службы заботиться о предупреждении и пресечении преступных деяний, я в нарушение возложенных на меня обязанностей, зная, что в Петроградском охранном отделении в качестве секретного сотрудника с постоянным ежемесячным жалованием, доходившим до 250 руб. в месяц, служит состоявший членом преследовавшегося по действовавшему закону социал-демократического сообщества кр-н Абросимов с тем, чтобы за указанное вознаграждение он, Абросимов, с одной стороны, способствовал противоправительственной деятельности партийных организаций, а с другой стороны, сообщал охранному отделению сведения о планах и предположениях этих организаций и членах последних, — осенью 1915 г. я поручил Абросимову в целях розыска вступить в число членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета, а затем, по возбуждении против означенной группы обвинения по 102 ст. Угол[овного] улож[ения] и производстве арестов среди чле-

нов группы, я сначала скрыл местопребывание Абросимова от судебных властей, коими Абросимов был привлечен в качестве обвиняемого и разыскивался, а затем отдал распоряжение об аресте Абросимова лишь после того, как предупредил его об этом и получил его, Абросимова, на то согласие, — каковое превышение власти, допущенное мною, по значению своему является особо важным, — то есть в преступном деянии, предусмотренном 2 ч. 341 ст. Улож[ения] о нак[азаниях] — я виновным себя не признаю.

Я действительно знал, что в Петроградском охранном отделении состоял на службе Абросимов, который принадлежал к партии социал-демократов меньшевиков. Вообще секретные сотрудники выбирались среди лиц, принадлежавших к нелегальным политическим партиям, так как только такие лица и могли быть полезны охранному отделению в целях политического розыска. Это предписывалось нам и инструкциями, устанавливавшими организацию розыска. Но я лично никогда не давал Абросимову поручений способствовать противоправительственной деятельности партийных организаций и не допустил бы этого. Осенью 1915 г. я не поручал Абросимову вступить в число членов рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета; в эту группу Абросимов попал по выборам от петроградских рабочих. Протестовать против вступления его в рабочую группу я не имел никаких оснований, так как рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете была совершенно легальным учреждением, действовавшим открыто. Когда мне стало ясно, что рабочая группа занялась за кулисами противоправительственной деятельностью, направленной к ниспровержению существовавшего государственного строя, я не потребовал выхода из нее Абросимова, потому что он мне был нужен для осведомления о деятельности группы, каковую я должен был освещать моему начальству. С арестом членов рабочей группы я медлил, ожидая, пока я не смогу получить в свое распоряжение документальные данные, которыми можно было уличить рабочую группу в противоправительственной деятельности. Такие данные я смог получить только в январе сего года, после чего и было приступлено к ликвидации группы. Правда, еще в самом начале деятельности рабочей группы в моем распоряжении оказалась вынесенная ею резолюция, устанавливавшая, что рабочая группа задумывала учинить ниспровержение существовавшего государственного строя. Я не помню, от Абросимова ли ко мне попала та резолюция, или она была добыта иным путем. Тогда я доложил о той резолюции товарищу министра Белецкому, но последний, после какого-то совещания, устроенного, кажется, при Министерстве юстиции, распорядился, чтобы никаких мер репрессии в отношении рабочей группы не предпринималось. У меня не было никаких сведений о том, что Абросимов принимал активное участие в подготовке рабочей группой выступления рабочих масс с требованиями, направленными к ниспровержению существовавшего государственного строя. Поведение Абросимова мне не нравилось, потому что он выезжал из Петрограда в провинцию с поручениями от рабочей группы без ведома моего и разрешения. Так как в провинции местным охранным отделением не было известно, что Абросимов состоял на службе при Петроградском охранном отделении, то он всегда мог быть под угрозой быть арестованным где-либо в провинции. Кроме того, в провинции я не имел возможности наблюдать за его деятельностью, так как донесения местных охранных отделений о выступлениях Абросимова направлялись непосредственно в Департамент полиции и мне не всегда могли быть известны. Из-за поездок Абросимова в провинцию я имел с ним много пререканий, причем ставил ему на вид именно возможность его ареста без моего ведома где-либо в провинции. Я настойчиво требовал от Абросимова, чтобы без моего разрешения он никуда по поручениям рабочей группы из Петрограда не отлучался, и даже грозил ему арестом в случае, если он не будет моего требования исполнять.

О том, что будут произведены аресты среди членов рабочей группы, я Абросимова не предупреждал, потому что накануне ареста я еще не знал, что он состоится. О том, что судебный следователь Юревич разыскивал Абросимо-

ва, мне ничего не было известно. Ко мне с требованием о розыске Абросимова судебный следователь не обращался. О привлечении им Абросимова в качестве обвиняемого я узнал, кажется, спустя неделю после того, как состоялось постановление следователя. Когда от Департамента полиции получено было требование об аресте Абросимова, я сказал Абросимову, что он должен быть арестован, и он на это согласился, но попросил дать ему несколько дней для приведения в порядок его денежных дел. Я сделал ему просимую отсрочку. Такое снисхождение я считал себя в праве сделать Абросимову, так как он все же не был обыкновенным арестантом. Разговоров об исходатайствовании помилования в случае осуждения или об оказании содействия для побега из места заключения я с Абросимовым не имел. Я не понимаю, какое особо важное значение могло иметь приписываемое мне превышение власти. По условиям старого режима, политический розыск был необходим, а осуществление его без участия секретных сотрудников именно такого рода, какие существовали, было невозможно.

По прочтении показания прошу добавить, что жалование Абросимову было прибавлено не потому, что он оказывал какие-нибудь особо ценные услуги охранному отделению, а потому что возросла дороговизна жизни и всем сотрудникам вообще были увеличены оклады содержания. Абросимов же всегда особенно надоедал с просьбами об увеличении ему жалования.

Генерал-майор Глобачев
Спичаков-Заболотный

Постановление

1917 года октября 14 дня командированный в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий А.А. Спичаков-Заболотный, допросив бывшего начальника Петроградского охранного отделения генерал-майора Константина Ивановича Глобачева, обвиняемого в превышении власти, имевшем особо важное значение, то есть в преступлении, пред[усмотренном] 2 ч. 341 ст. Улож[ения] о нак[азаниях], и руководствуясь 415, 1 п. 416 и след. ст. Уст[ава] угол[овного] суд[опроизводства], — постановил:

Мерою пресечения способов уклоняться от суда и следствия избрать для названного выше К.И. Глобачева подписку о неотлучке.

Командированный в комиссию Спичаков-Заболотный

Подписка о неотлучке

1917 года октября 14 дня я, нижеподписавшийся, дал сию подписку командированному в Чрезвычайную следственную комиссию для производства следственных действий А.А. Спичакову-Заболотному в том, что до окончания следствия и суда по делу, по коему я привлечен в качестве обвиняемого по 2 ч. 341 ст. Улож[ения] о нак[азаниях], обязуюсь никуда из указанного мною места жительства без разрешения А.А. Спичакова-Заболотного или Чрезвычайной следственной комиссии не отлучаться.

Генерал-майор Глобачев

Правда о русской революции

Предлагая настоящие воспоминания общественному вниманию, я должен сказать, что опубликованием их я отнюдь не имел в виду излагать историю русской революции или разбирать в широком масштабе причины, вызвавшие это пагубное явление, — это задача слишком сложная в настоящее время и будет уделом будущего беспристрастного историка, а хотел лишь дать тот материал, который наравне с прочими материалами мог бы послужить к изложению таковой истории.

Мне, как лицу, близко стоявшему к правящим сферам, с одной стороны, и по роду своей деятельности имевшему непосредственное соприкосновение с разными слоями населения — с другой, приходилось много беседовать, наблюдать и видеть такого, что могло ускользнуть от внимания простого обывателя или мало компетентного в вопросах внутренней политики лица. Многие мелочи, конечно, ускользнули из моей памяти благодаря тому, что со времени совершившихся событий прошли годы, но все, что касается характеристики политических деятелей и характера и значения самых событий, то это осталось живым в моей памяти. К большому моему сожалению, многого я не могу подтвердить документами, так как все дела Охранного отделения и личное мое имущество были частью сожжены, частью разграблены, а часть попали в руки новой революционной власти в первые же дни переворота.

В течение двух лет я был свидетелем подготовлявшегося бунта против верховной власти, никем не остановленного, приведшего Россию к небывалым потрясениям и гибели. Говорю «бунта», а не революции, потому что русский народ еще до революции не созрел и потому что в общей своей массе он в перевороте не участвовал. В самом деле, что необходимо для самого существа революции? Нужна идея. Ведь если заглянуть в историю, то мы увидим, что революции совершались под влиянием какой-либо идеи, захватившей всю толщу народа. Большей частью эти идеи были патриотическими-национальными. Была ли идея у руководителей русской революции? Была, если этим можно назвать личное честолюбие и своекорыстие главарей, вся цель которых заключалась лишь в захвате какой бы то ни было ценой власти в свои руки. Россия вела грандиознейшую войну. Казалось бы, для успешного ее окончания нужно было напрячь все свои силы, забыть все свои личные интересы и все принести в жертву отечеству, помнить только о том, что прежде всего необходимо выиграть войну, а затем уже заняться своими домашними делами. А между тем, что делает цвет и мозг нашей интеллигенции? При первой же военной неудаче он старается подорвать у народа доверие к верховной власти и к правительству. Мало того, он старается уронить престиж носителя верховной власти в глазах серых масс, обвиняя его с трибуны народных представителей то в государственной измене, то в безнравственной распущенности. Государственная дума — представительный орган страны — становится агитационной трибуной, революционирующей эту страну. Народные представители, к которым прислушивается вся Россия, не задумываясь о последствиях, решаются взбунтовать темные массы накануне перелома военного счастья на фронте, исключительно в целях удовлетворения своего собственного честолюбия. Разве здесь есть патриотическая идея? Наоборот, в существе всей работы этих людей заложена государственная измена. История не знает примеров подобного предательства. Вся последующая работа социалистов и большевиков по разложению России является лишь логическим последствием предательства тех изменников, которые подготовляли переворот, и последних нельзя так винить, как первых. Они по-своему были правы, они хотели преобразовать государственный и общественный строй России по своей программе — по тому рецепту, который являлся конечной целью их многолетней работы и мечтой, лелеянной каждым социалистом, какого бы он ни был толка. Это являлось осуществлением их идеологии.

Русская интеллигенция должна бы была брать пример с других государств, принимавших участие в великой войне, где, несмотря также на ряд тяжких испытаний и классовую борьбу, все сплотилось вокруг своих правительств, где были забыты все домашние споры и распри, где все личные интересы приносились в жертву общему делу, где все было поставлено на карту во исполнение единой заветной цели — победить врага. Там все работали во имя национальной идеи. У нас работали в пользу врага, стараясь елико возможно развалить тыл армии, а вместе с тем и свалить могущественнейшую монархию. Если против России с внешней стороны был выставлен общий фронт центральных держав, то такой имел союзника в лице нашей передовой интеллигенции, составившей общий внутренний фронт для осады власти в тылу наших армий. Работа этого внутреннего врага велась методично в течение двух лет, причем использовались все неудачи, все ошибки, малейшие события и явления последнего времени. Создавались специальные организации, якобы подсобные правительству для успешного ведения войны; на самом же деле предназначенные исключительно для того, чтобы подтачивать изнутри государство и армию. Даже в центральных учреждениях старались создать недовольство и оппозицию против существующего порядка. Было использовано все: ложные слухи, клевета в печати, тяжелые экономические условия, воздействие на рабочие массы, подпольное революционное движение, раздоры среди членов правительства, личные интриги и т.п. Словом, все средства были пущены в ход для создания революционной атмосферы, для того, чтобы ни одного защитника старого порядка не нашлось, когда будет поднято знамя восстания в пользу руководящего революционного центра. Правительство своей слабостью и неспособностью невольно шло ему навстречу, не выделив из своей среды за два года ни одного хоть сколько-нибудь талантливого и твердого политического деятеля, способного остановить это злое дело. И вот, ужасный российский бунт начался, и кошмарные его последствия продолжаются до сего времени, а когда этому наступит конец, того никто не ведает.

За свою тысячелетнюю историю русский народ часто бунтовал и всегда приводился к этому предателями обманым способом. Вспомним «смутное время», «стрелецкие бунты», вызванные крамолой бояр, восстание Стеньки Разина, «Пугачевский бунт», бунт декабристов. Во всех этих событиях народные массы вводились в заблуждение изменниками России. Сравнительно еще недавно, в 1902 г., во время аграрных беспорядков в Малороссии, для того, чтобы взбунтовать крестьян против помещиков, агентами революционных комитетов распространялись среди крестьян апокрифические золотые царские грамоты, разрешавшие им отбирать землю и инвентарь от помещиков, — и серые массы на это шли. Это служит доказательством, что револю-

ционеры сами понимали, что русский народ способен только на бунт, а не на революцию. Так было и в переворот 1917 г.: народ был обманут надвигающимся якобы голодом; кричали «дайте хлеба», но никто не кричал «долой Николая» или «Долой царя». Докладывал ли об этом государю Родзянко или Алексеев, я не знаю, но думаю, что нет. И если бы государь не отрекся от престола и нашлись бы элементы, способные подавить февральский кошмар, то никто бы его не назвал революцией, а просто бунтом Петроградского гарнизона.

Даже события 1905 г., после неудачной Японской войны, мы скорее можем назвать революцией, а не бунтом, потому что эти события были вызваны крайними элементами на почве общего неудовольствия военными неудачами и имели в своем основании, если хотите, национальную идею. Монархия уронила престиж Российской Великой Державы, и в защиту национальных интересов должна выступить новая власть — народная, способная вернуть России былое величие и дать такой строй стране, который обеспечил бы ей здоровое существование, вместо неспособного, отжившего монархизма. Вот лозунги, под которыми шла революция 1905 года и развивалась как бы на почве народного патриотизма.

В своих воспоминаниях я не придерживаюсь хронологического порядка, а останавливаюсь на тех событиях, явлениях и лицах, которые являются наиболее выпуклыми этапами подготовки Февральского переворота 1917 г. в течение двух предшествовавших лет и последующего развития русской революции.

Г л а в а I

Петроградское охранное отделение. — Его организация. — Агентурная часть. — Следственная часть. — Производство обысков. — Канцелярия. — Наружное наблюдение. — Охранная команда. — Центральный филерский отряд. — Регистрационный отдел. — Начальник Отделения. — Задачи Охранного отделения. — Революционное и рабочее движение. — Общественные настроения.

Я был назначен начальником Петроградского охранного отделения в январе 1915 года. Официальное его название было: «Отделение по охране общественной безопасности и порядка в Петрограде». Это был самый крупный из органов местного политического розыска в России. Он насчитывал до 600 служащих и подразделялся на следующие отделы: 1) собственно Охранное отделение, 2) Охранную команду, 3) Центральный отряд и 4) Регистрационный отдел.

Собственно Охранное отделение имело такую организацию: агентурная часть, следственная часть, наружное наблюдение, канцелярия и архив.

Агентурная часть являлась базой всего политического розыска, так как здесь сосредотачивались все материалы, полученные непосредственно из агентурных источников. Работа распределялась между опытными жандармскими офицерами и чиновниками, которые заведовали каждый порученной ему частью агентурного освещения. Так, несколько офицеров ведало освещением деятельности партии социал-демократов большевиков, несколько — социал-демократов меньшевиков, несколько — социалистов-революционеров и народных социалистов, несколько — общественным движением, несколько — группами анархистов и специальный офицер — рабочим движением вообще. Каждый из этих офицеров имел своих секретных сотрудников, служивших источниками сведений; он имел личные с ними свидания на конспиративных квартирах и вел этих сотрудников таким образом, чтобы, с одной стороны, оберечь их от возможностей провала, а с другой — наблюдал за правильностью даваемых сведений и недопущением провокации. Полученные сведения, по каждой организации особо, проверялись путем наружного

наблюдения и перекрестной агентуры, а затем подробно разрабатывались, то есть делались выяснения и установки лиц и адресов, определялись связи и сношения и т.д. Агентурные сведения после законченной поверки и разработки приобретали таким образом характер полной определенности и достоверности. Когда данная организация была в достаточной степени обследована, то она ликвидировалась и весь материал, изъятый по обыскам, доставлялся в Охранное отделение, именно — в агентурную его часть, где он приводился в порядок, то есть отбиралось все преступное, имеющее характер вещественного доказательства для дальнейшего следствия. Систематизированный материал, списки обысканных и арестованных лиц, а равно и агентурная записка по данному делу передавались в следственную часть.

В следственной части производился допрос арестованных и свидетелей, предъявление вещественных доказательств, осмотр их, дополнительные выяснения, а если нужно, то обыски и аресты, а затем производилась передача всего дела судебному следователю, в губернское жандармское управление или военной власти, смотря по тому, какое направление принимало дело: то есть возбуждалось ли следствие, или дознание в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, или в административном порядке. Все расследования велись в установленные законом сроки, и арестованные вместе с передачей дела перечислялись дальнейшим содержанием под стражей за подлежащими лицами.

Самое производство обысков поручалось полиции, иногда при участии чинов Охранного отделения (в более серьезных случаях) и всегда при участии понятых; весь отобранный материал поименовывался в протоколах, печатывался и в таком виде из местного полицейского участка доставлялся в Охранное отделение.

Для быстрого выяснения лиц и установки адресов при каждом полицейском участке столицы имелся свой специальный полицейский надзиратель, который производил эту работу и на которого кроме этого возлагалась обязанность два раза в день по телефону сообщать в Охранное отделение о малейших происшествиях в районе участка, а в экстренных и серьезных случаях он делал доклад немедленно.

Вся текущая переписка, телеграфные сношения, денежная отчетность, казначейская часть, ведение дел и т.д. сосредотачивались в канцелярии, чем ведал делопроизводитель Отделения.

При канцелярии имелся архив и карточный алфавит, что составляло весьма существенную часть канцелярии, так как в алфавит заносились все лица, когда-либо проходившие по делам Отделения, с ссылками на номера дел и страниц. За несколько лет алфавит представлял весьма солидную регистрацию лиц, прошедших по делам и, таким образом, если нужно было навести справку о любом лице, то это требовало не более пяти минут. О лицах, скомпрометировавших себя чем-либо в прошлом, можно было быстро получить самые подробные сведения. Сведения о лицах, по делам Петроградского охранного отделения не проходивших, получались так же легко при помощи своих полицейских надзирателей или путем телеграфных запросов в местные розыскные органы по всей Российской империи.

Отдел наружного наблюдения состоял из 100 штатных наблюдателей, или филеров, двух заведующих группами чиновников, двух их помощников и небольшой канцелярии (установки, сводки и т.п.). В филеры принимались люди, прошедшие военную службу, преимущественно из унтер-офицеров, грамотные, развитые и хороших нравственных качеств. Для удобства управления и работы филеры делились на две группы, из которых каждая подчинена была своему заведующему наружным наблюдением. Каждой группе давались задачи по наблюдению, согласно чего определялось число наблюдательных постов. Некоторая часть филеров вела наблюдение на извозчицких пролетках, для чего Охранным отделением содержалось несколько извозчицких лошадей с упряжками. Значение филерского отряда было весьма важным, так как он являлся проверочным аппаратом агентурных сведений и разработки

таковых и кроме того подсобным для обследования деятельности и связей данной организации. Все данные наблюдения излагались в дневниках и докладывались ежедневно заведующими группами начальнику Отделения.

Внутренний распорядок Отделения, канцелярское делопроизводство и наблюдение лежали на ответственности помощника начальника Отделения. В течение круглых суток в Отделении дежурили: один офицер, два полицейских надзирателя, дежурный по канцелярии чиновник и дежурные служители и филеры.

Охранная команда состояла из 300 чинов охраны и двух офицеров и была подчинена второму помощнику начальника отделения. Она занимала особое помещение на Морской улице, № 26, где имелись особые классы для инструктирования чинов команды их обязанностям. Назначение охранной команды было: охрана Его Величества по путям Его следования в столице, охрана императорских театров, охрана высочайших особ и охрана некоторых высокопоставленных лиц по мере надобности. В охранную команду принимались лица отборные, самой лучшей репутации, из прошедших ряды армии на должностях унтер-офицеров, хорошо грамотные и развитые.

Центральный филерский отряд состоял из 75 наблюдателей-филеров под командой особого офицера, подчиненного начальнику отделения. Отряд составлялся из особо отборных и опытных филеров и предназначался для обследования серьезных организаций не только в столице, но и вне ее. Части его иногда командировались в провинцию в распоряжение местных розыскных органов для более осторожной и успешной разработки какого-либо дела. Кроме того, чины отряда выполняли и особо секретные задачи по наблюдению и охране. При высочайших проездах на них возлагалась задача наблюдения за линией проезда. Центральный отряд обладал всеми средствами для успеха выполнения ставящихся ему задач, как-то: грим, костюмы и принадлежности мелких уличных торговцев, газетчиков и т.п. Были в нем лица с высшим образованием, были и простые женщины и дамы.

Регистрационный отдел состоял из 30 (число колебалось) полицейских надзирателей и офицера — заведующего отделом, подчиненного начальнику Охранного отделения. Назначение отдела состояло в наблюдении и регистрации неблагонадежного элемента, приезжающего в столицу и проживающего в гостиницах, меблированных домах, комнатах и т.п. Для этого весь город был разделен на районы, в которые входило несколько полицейских участков и которые были в ведении специального полицейского надзирателя. Последний во всех порученных ему надзору помещениях имел свою агентуру из гостиничной прислуги, управляющих, швейцаров, дворников и т. д. Таким образом можно было не только собрать сведения о личности заподозренного лица, но и произвести самый тщательный осмотр всего принадлежащего ему имущества, не возбуждая с его стороны никаких подозрений. Кроме того, регистрационный отдел проверял детально и путем телеграфных запросов по местам приписок подлинность и легальность личных документов заподозренных лиц. Эта работа была весьма продуктивна и давала Охранному отделению весьма ценные сведения о прибывающих в столицу лицах. Чины регистрационного отдела, а часто и заведующий таковым, при высочайших выездах на временное пребывание в провинцию командировались туда заблаговременно для регистрации местного населения и в помощь местному розыскному органу.

Все отделы Охранного отделения руководились лично начальником Охранного отделения, и им же устанавливался порядок работы. Начальники отделов, офицеры, ведающие агентурой, и чиновники, заведующие наружным наблюдением, делали ежедневно доклады лично или по телефону начальнику Охранного отделения, получая от него все задачи и указания. Ни одна мелочь повседневной жизни столицы не должна была от него ускользнуть.

В обществе укоренилось мнение, что власть начальника Охранного отделения, особенно в Петрограде, была безгранична. Мнение это совершенно

ошибочно. Все права и обязанности начальника Охранного отделения были строго регламентированы, и в сфере предупреждения и пресечения государственных преступлений власть его была чрезвычайно ограничена: во-первых, законом, а во-вторых, силою всевозможных влияний лиц, стоящих в служебном положении выше его. Это второе обстоятельство положительно связывало руки начальника Охранного отделения при применении им вполне законных мер в борьбе с революционным движением. Инициатива ликвидации преступных организаций и отдельных лиц, конечно, была в руках его, но приведение в исполнение самой ликвидации требовало санкции по меньшей мере товарища министра внутренних дел или даже самого министра, и такая санкция легко давалась, когда дело касалось подполья, рабочих кружков или ничего не значащих лиц, но совсем иное было дело, если среди намеченных к аресту лиц значилось хоть одно занимавшее какое-либо служебное или общественное положение; тогда начинались всякие трения, проволочки, требовались вперед неопровержимые доказательства виновности, считались со связями, неприкосновенностью по званию члена Государственной думы и проч. и проч. Дело, несмотря на интересы государственной безопасности, откладывалось, или накладывалось категорическое «вето». Если начальник Охранного отделения в силу исключительной экстренности осуществлял ликвидацию без предварительного доклада, то, во-первых, это ставилось ему на вид, а во-вторых, если в числе арестованных лиц значились лица вышеупомянутой категории, то таковые освобождались в самом непродолжительном времени по приказанию высшего начальства. Естественно, что при таком порядке вещей в том процессе, в котором нарастало революционное и бунтарское настроение, ответственны были главным образом рабочие кружки и периферия, а руководящая интеллигенция ускользала и продолжала делать свое преступное дело.

На точном основании закона и высочайше утвержденных положений об охране и о местностях, объявленных на военном положении, каждому задержанному предъявлялось обвинение в течение первых же суток и арестованный содержался под стражей не более двух недель — при охранном положении и не более одного месяца — при военном положении, в течение каковых сроков он либо освобождался за отсутствием достаточных данных, избобличающих его виновность, или перечислялся на основании Устава уголовного судопроизводства за тем лицом, которое производило дальнейшее расследование и направляло дело в подлежащий суд, то есть за судебным следователем или начальником губернского жандармского управления. Арестованные в исключительных случаях содержались день-два при Охранном отделении, но в условиях далеко лучших, чем в общих местах заключений, а затем переводились в городские тюрьмы или арестные дома. Таким образом, начальник Охранного отделения ни роли обвинителя, ни судьи не играл и бессрочно никого держать под стражей не мог, как это принято было думать, а арестовывал только активных революционеров, да и то с большим разбором, и привлекал их к законной ответственности.

Охранное отделение со всеми отделами официально подчинялось Петроградскому градоначальнику, но в сущность и в технику работы его последний не входил. Руководил же Охранным отделением Департамент полиции и главным образом товарищ министра внутренних дел, заведующий политической частью, иногда же и сам министр. Задачи Охранного отделения были очень широки: активная борьба с революционным движением, информация о настроениях разных слоев населения, наблюдение за рабочим движением, статистика ежедневных происшествий, регистрация населения, охрана высочайших особ и высокопоставленных лиц. Кроме того, на Охранное отделение возлагались особые секретные задачи, не имеющие прямого отношения к перечисленным обязанностям, в зависимости от требования Департамента полиции, министра внутренних дел, лица императорской фамилии, а иногда и военных властей.

На основании всего осведомительного материала, получаемого Охран-

ным отделением, составлялись доклады, которые представлялись: Департаменту полиции, товарищу министра внутренних дел, министру, градоначальнику, главнокомандующему Петроградского военного округа и дворцовому коменданту. Таким образом, все эти лица были в курсе политического положения и настроений текущего момента. С характером этих докладов можно отчасти ознакомиться по тем отрывкам, которые цитируются в статье Блока, напечатанной в IV томе «Архива русской революции». По этим выдержкам можно судить, что не было почти вопроса, который не был освещен Охранным отделением так, как это было в действительности, и что неизбежность близкой катастрофы была ясна.

Кроме письменных докладов, ежедневно начальником Охранного отделения делались и устные доклады: директору Департамента полиции, градоначальнику и товарищу министра внутренних дел. В экстренных случаях министру и главнокомандующему.

Охранное отделение, как и все прочие органы политического розыска в империи, было прекрасно налаженным в техническом отношении аппаратом для активной борьбы с революционным движением, но оно совершенно было бессильно бороться с все нарастающим общественным революционным настроением будирующей интеллигенции, для чего нужны были другие меры общегосударственного характера, от Охранного отделения не зависящие. В этой области Охранное отделение давало только исчерпывающие информации, советы и пожелания, которые упорно обходились молчанием.

Что касается борьбы с подпольным революционным движением, то таковая велась Охранным отделением весьма продуктивно и успешно, и определенно можно сказать, что работа тайных сообществ и организаций в России никогда не была так слаба и парализована, как к моменту переворота.

В Петрограде за последние два года до революции проявлялась деятельность следующих революционных организаций: партии социалистов-революционеров, Российской социал-демократической партии большевиков и меньшевиков и различных анархических групп. Первая влачила жалкое существование до 1916 г., с какового времени как действующая организация прекращает совершенно свое существование. Партия с.-д. большевиков, наиболее жизненная, рядом последовательных ликвидаций приводилась к полной бездеятельности, но все-таки имела влияние на рабочую среду и боролась за свое существование. Партия с.-д. меньшевиков главным образом использовала легальные возможности, как-то: профессиональные союзы, культурно-просветительные общества, Центральный военно-промышленный комитет и т.д. С вхождением меньшевиков в последний влияние их на рабочие круги Петрограда значительно возросло. Анархические группы возникали время от времени, и число их возрастало по мере приближения к моменту революции. Эти группы положительно целиком ликвидировались, и члены их в момент переворота почти все содержались по тюрьмам в ожидании суда. Революция автоматически освободила из-под стражи всех анархистов и родственный им уголовный элемент, чем и объясняется рост анархического движения при Временном правительстве; достаточно вспомнить черные автомобили, дачу Дурново, Московскую заставу и т.д.

Когда, уже после революции, я и члены бывшего императорского правительства содержались под стражей в Министерском павильоне Государственной думы, то бывшие арестованные за принадлежность к разным политическим организациям и освобожденные из мест заключений в революционном порядке, посещали нас и высказывали удивление, почему произошел так удачно переворот, что это для них настоящий сюрприз и что отнести это на свой счет они не могут. И действительно, какими, собственно, силами они обладали к моменту переворота? Все, что было талантливого и наиболее энергичного у них, находилось в эмиграции, в ссылках или было рассажено по тюрьмам. Уже только после переворота все это бросилось в столицу, боясь опоздать, так сказать, к дележу общественного пирога или шапочному разбору. Из более видных большевистских деятелей, например, которые впол-

ледствии заняли служебные посты при правительстве Ленина, были в России: Подвойский, служивший в городской управе, но в 1916 г. арестованный, и Александр Шляпников, прибывший незадолго до переворота из-за границы нелегал, проживавший в Петрограде по чужому паспорту, но и он был намечен к задержанию в самом непродолжительном времени.

Работа всех подпольных организаций базировалась на рабочих массах Петрограда. Число рабочих в столице во время войны, а в особенности к 1917 г., значительно возросло по сравнению с довоенным временем благодаря тому, что все почти крупные предприятия и мелкие, значительно расширенные, работали на оборону. Общее число рабочих в Петрограде достигло цифры 300 000 человек. Настроение рабочих масс изменялось в соответствии с нашими успехами или поражениями на театре войны, и оно столько же было чутко, как и настроение всех прочих слоев населения к внешним успехам. Уже с начала 1915 г. создавалась последовательно весьма благоприятная почва для революционной пропаганды, но так как подпольные организации были недостаточно сильны, чтобы всецело руководить рабочим классом, то агитация велась главным образом за улучшение материального положения с постепенным переходом к чисто политическим требованиям. Экономическое положение страны, испытывающей кризис благодаря небывалой по своим размерам войне, вполне способствовало этой агитации. 1915 и 1916 гг. отмечаются прогрессирующей борьбой рабочих с работодателями путем экономических забастовок. Но заводы и фабрики бастовали порознь: одни кончали забастовку, другие начинали; иногда бастовали и целые группы предприятий; число бастующих иногда доходило до 200 000, но никогда забастовка не превращалась в общую. Забастовки кончались почти всегда удовлетворением требований рабочих, то есть заработная плата повышалась. Бывали и политические однодневные забастовки, но особого успеха не имели и не захватывали всей рабочей массы. Эти забастовки обыкновенно приурочивались к годовщинам разных политических событий, например, 9 января — память революции 1905 г., 4 апреля — память Ленских событий, и др.

После Циммервальдовской и Киентальской социалистических конференций 1915 г. в рабочие массы Петрограда под влиянием агитации проникли новые пораженческие лозунги, принятые на этих конференциях. К пораженческому движению примкнули все социал-демократы большевики и часть социалистов-революционеров с Керенским во главе. Все рабочие группы, примкнувшие к пораженческому движению под лозунгом «война войне», тем не менее работ на оборону не бросали и даже не саботировали их. Вообще упорство в забастовках являлось невыгодным, так как приходилось иначе, как военнообязанным, идти на фронт.

Но в общем настроение рабочих масс нельзя было назвать враждебным по отношению к существующему порядку, и если были между ними поражения, то все-таки большая часть искренно верила в победу, и не из страха быть отправленными на фронт, а из сознания долга перед Родиной и братьями.

Материальное положение петроградских рабочих было весьма удовлетворительно, ибо, несмотря на все растущую дороговизну жизни, заработная плата прогрессировала и не отставала от ее требований. Можно сказать, что в материальном отношении петроградские рабочие были в гораздо лучших условиях, чем прочее население столицы. Например, контингент служащих на государственной службе был гораздо менее обеспеченным, чем рабочие. При прогрессирующей дороговизне мелкие чиновники буквально голодали, и если жалование их иногда и повышалось, то прибавки всегда почти запаздывали против потребностей жизни. Это было отчасти причиной создания целого класса озлобленного чиновничьего пролетариата.

Население Петрограда, насчитывавшее до войны едва один миллион людей, возросло к концу 1916 г. до трех миллионов (считая окрестности), что, конечно, создало вместе с прогрессирующей дороговизной весьма тяжелые и прочие условия жизни (квартирный вопрос, продовольственный, топлива, транс-

порта и пр.). Все духовные интересы этого трехмиллионного населения естественно сосредотачивались на течении военных действий и на внутреннем экономическом и политическом положении страны. Население чутко реагировало на всякие изменения на фронте, на все то, что говорилось в народе, на рынках, в Государственной думе, Государственном совете, в печати, что делалось при Дворе и в правительстве. Каждое новое известие и слух варьировался и обсуждался каждым по собственному умозрению и желанию. Общество большей частью питалось всевозможными вздорными и ложными слухами, где умышленно искажалась истина. Всякие неудачи, как внешние, так и внутренние, объяснялись всегда почти изменой или предательством, и все несчастья относились на счет государя, его двора и его министров. Государственная дума задавала тон всему и использовала тяжелое время государственной жизни для революционирования народа. Она не была деловым представительным органом, обязанным поднять в такие тяжкие минуты патриотические чувства и объединить всех на желании оказать помощь государю и его правительству, а наоборот, она была тем оппозиционным центром, который использовал момент исключительного напряжения страны для революционного возбуждения всех классов населения против существующего порядка. Когда образовался «прогрессивный блок» из членов Государственной думы и Государственного совета, то стало ясно, что русскому правительству и престолу объявлена была жестокая война изнутри. К мнению этих народных представителей прислушивался не только Петроград, но и вся Россия, считая, что одновременно ведется война с врагом внешним и внутренним в лице монарха и его правительства. Словом, смело можно было сказать, что к концу 1916 г. создалось такое настроение, что в лагере правительственном никого уже почти нет и что в случае решительной на него атаки никто не станет на его защиту.

Пресса, предназначенная к тому, чтобы отражать настроения общества, в действительности сама создавала эти настроения в явно оппозиционном и революционном направлении. Даже такие полуофициозы, как «Новое время», становились на сторону пресловутой общественности и на путь борьбы с правительством; что же уже говорить о других газетах, находившихся в верных руках людей левого лагеря. Военная цензура, изымавшая часть печатного материала уже после его набора, заставляла выходить газеты с большим числом пропуском (белых мест), что создавало им еще большую популярность как органам, борющимся якобы за право и истину.

Вот та обстановка, в условиях которой протекала работа Охранного отделения в Петрограде. Когда не только общественность, но даже правительственные органы, сами министры, военная власть, представительные органы и даже лица, окружающие государя, борьбе с все нарастающим революционным движением не только не сочувствовали, но наоборот, одни сознательно, а другие бессознательно толкали Россию в пропасть.

(Продолжение следует)

За хлебом и нефтью

А.Г. Шляпников

Видный большевистский деятель, один из активных участников Февральской революции, событий Октября и гражданской войны, а затем лидер «рабочей оппозиции», А.Г. Шляпников является и автором значительных исторических и мемуарных сочинений о рабочем движении и революции, появившихся с 1920 по 1931 год. Обладатель «бескомпромиссной памяти»¹ и мужественного характера, он слишком много знал, вспоминал «не то», что требовалось Сталину; его работы, неизменно привлекавшие внимание современников, не вмещались во все сужавшиеся рамки правоверной партийной историографии. После запрещения публиковать очередную (седьмую) книгу «Семнадцатого года» он начал писать воспоминания о продовольственной работе на Северном Кавказе в 1918 году. Незадолго до последнего ареста, последовавшего 2 января 1935 г., он сделал попытку напечатать отрывки из воспоминаний (гл. 4—6) в «Новом мире», но получил отказ, основанный на следующей рецензии:

«Отрывки из воспоминаний тов. Шляпникова, мне думается, печатать не следует. Многие события... упоминаются вскользь, вызывая у читателя чувство недоумения и оставляя без ответа уйму неизбежно возникающих в процессе чтения вопросов. Для того, чтобы не быть голословным, укажу на несколько таких вопросов.

Описывая царицынский период своей работы, тов. Шляпников стремится выявить свою роль в организации тыла, стремится показать читателю, как много сделал он для налаживания работы транспорта, для организации снабжения пролетарских центров продовольствием, для укрепления местных органов советской власти и т.д. Это его стремление законно и против него нельзя было бы возразить, если бы тов. Шляпников *правдиво* излагал события и *правдиво* определял роль различных организаций и отдельных товарищей в борьбе за Царицын. К сожалению, этой правдивости в отрывках воспоминаний тов. Шляпникова надо искать, как говорится, днем с огнем. Тов. Шляпников обошел молчанием работу партийных организаций, ибо нельзя же всерьез принимать его несколько пренебрежительные рассуждения о «местничестве», о «царицынском рабочем классе» и т.п. вещах, которые он, Шляпников, устранил. Это усиленное выпячивание себя, своей роли, привело тов. Шляпникова к неверной оценке деятельности тов. Сталина и его роли в описываемых тов. Шляпниковым событиях. По мнению тов. Шляпникова, оборона Царицына только *в основном* направлялась и контролировалась тов. Сталиным. Если принять эту формулу тов. Шляпникова, то совер-

шенно нельзя объяснить, почему тов. Сталин не может покинуть Царицын и уехать в Новороссийск для выполнения решения о потоплении Черноморского флота? Ответ на этот возникающий законный вопрос дают воспоминания К.Е. Ворошилова и последующие замечания самого тов. Шляпникова, из которых явствует, что тов. Сталин держал в руках и продовольствие и транспорт и руководил всеми органами власти и всеми вооруженными силами, само собой разумеется, через специально поставленных на это дело товарищей. Как видим, тут тов. Шляпников сам себе противоречит, и противоречит настолько, что его воспоминания, для того, чтобы быть правдивыми, должны быть основательно доработаны.

Другим большим недостатком воспоминаний тов. Шляпникова является недооценка работы врага по дезорганизации нашего тыла. Так, например, описывая состояние царицынского железнодорожного депо, тов. Шляпников видит причину плохой работы депо в падении трудовой дисциплины рабочих, в низкой производительности их труда, в чем угодно, но только не в саботаже и прямом контрреволюционном вредительстве спецов, которые, как он сам замечает, относились к советской власти враждебно. Враждебность эта толкала спецов на какие-то действия, в чем-то она проявлялась. К сожалению, Шляпников этой темы в своих воспоминаниях не касается. А зря! Она имеет большой и далеко не преходящий интерес.

Как видите, воспоминания, или, точнее, отрывки из воспоминаний, имеют такие недостатки, которые не позволяют печатать их в «Новом мире»».

Рецензия подписана 5 сентября 1934 г. И. Гронским.

Понимая, что без некоторых «поправок» неизбежно возникнут трудности с публикацией воспоминаний, Шляпников попытался, не выходя за рамки истины, внести некоторые коррективы в первоначальный текст 4-й главы, но вскоре был арестован и в 1937 г. казнен.

Рукопись Шляпникова была обнаружена в Центральном архиве ФСБ РФ и ныне хранится у его дочери И.А. Шляпниковой, любезно предоставившей копию редакции.

В 1934 г., будучи отозван с принудительной «ответственной работы» (хозяйственная должность на строительстве Беломорско-Балтийского канала, без права выезда), Шляпников попытался оформить, по состоянию здоровья, персональную пенсию. Для её оформления он представил в Комиссию по пенсиям краткую автобиографию:

«Краткие биографические сведения

Родился в г. Муроме Влад[имирской] губ. в 1884 году. 3-х лет лишился отца. Работать начал в школьном возрасте: летом выбирал чугун из ваграночного шлака на заводе Валёнкава в г. Муроме. Окончив школу в 1896 г., поступил на льнопрядильную фабрику Суздальцевых, в чесальное отделение: проработал несколько недель. В 1896 же году поступил на Торский механический завод в качестве просеивальщика песка для литейной и подручного вагранщика. В конце 1897 г. поступил на фабрику стальных изделий Д.Д. Кондратова в с. Ваца, сначала мальчиком в контору, а затем строгальщиком в мех[анические] мастерские, и проработал там до середины 1900 года. В 1900 г. перешел на работу в Сормово. В Сормове познакомился с рабочими с.-д., помогал в распространении литературы в полускатном цехе, стоял на страже во время собрания группы в цеху и т.д.

В 1901 г. переехал работать в С.-Петербург. Работал на Невском судостроительном заводе (б. Семянникова). За майскую забастовку в том же году был уволен. Поступил на Обуховский, но и оттуда был рассчитан как забастовщик. Работал в том же году на Английском проспекте, д. № 13 и [на] Забалканском проспекте в водопроводной мастерской. В начале 1902 г. вернулся в Сормово, но в завод поступить не мог, как питерский забастовщик.

В том же году вернулся на родину с запасами нелегальной литературы и поступил на Торский завод запасным токарем. Занимался пропагандой и организацией рабочих в с.-д. кружки. В 1903 г. основал Муромскую организацию РСДРП, признанную в том же году Нижегородским комитетом. В

январе 1904 г. был арестован по обвинению в принадлежности к РСДРП, пропаганде, распространении и составлении листовок. Просидел до суда 9 месяцев в одиночке и столько же был под надзором полиции. Участвовал в организации стачек рабочих в конце 1904 и в начале 1905 г. в г. Муроме. Был избит полицией при попытке пройти на фабрику.

В феврале 1905 г. поступил работать на машиностроительный завод П.Ф. Валёноква. В июле организовал массовку в память расстрелянных рабочих девятого января. На массовку напали полицейские, но рабочие оказали сопротивление и взяли в плен исправника. Массовка превратилась в мощную демонстрацию рабочих и учащейся молодежи и закончилась вооруженной схваткой с полицией. За устройство этой демонстрации и оказание вооруженного сопротивления был вторично арестован и заключен во Владимирскую губ[ернскую] тюрьму. Освобожден в октябре того же года по амнистии. После освобождения был избит черносотенцами.

Вернулся на родину на прежнее место работы. Занимался всеми видами агитации, партийной работой, вплоть до печатания листовок. Основал Союз металлистов и был его секретарем. Был начальником рабочей боевой дружины. При призыве на военную службу отказался принять присягу на верность службы царю.

При попытке арестовать меня на дому 17 декабря оказал сопротивление, не пустил полицию угрозой стрелять, вынудил снять осаду дома. Арестован был на улице ночью на 25 декабря и тотчас же увезен во Владимир и заключен в известную Владимирскую каторжную тюрьму.

В тюрьме организовал несколько попыток побега, перепилил три решетки, за что был отдан под суд, но последний не состоялся, так как следователь не мог доказать, что решетки перепилил я.

В январе 1907 г. состоялся суд, присудивший меня к двум годам крепости без зачета просиженного. Владимирская организация помогла добиться освобождения до приведения приговора в исполнение, внесла за меня 300 р. денег. По освобождении был отправлен в Москву на партийную работу. Начал работать в Лефортовском районе организатором-профессионалом, но вскоре был арестован. Просидев месяц в Бутырках и Сушевской части, был освобожден и уехал из Москвы на партабиту в Петербург.

В Петербурге работал профессионалом-организатором Песковского района. Был членом Петербургского комитета, участвовал в конференциях ПК в Териоках. Осенью 1907 г. работал на Электростанции 1886 г[ода] под чужим именем.

В начале 1908 г. уехал за границу. Имел поручения от Петербургского комитета к В.И. Ленину (письма ПК, книги от М.И. Ульяновой). В.И. Ленин встретил в Женеве и по его совету выехал искать работу в Париже. В Париже вскоре устроился токарем на автомобильный завод Шенар-Валькера в Женевилье. Вступил в Союз металлистов, вошел в Соц. партию, и в то же время состоял членом Парижской секции содействия РСДРП(б) и др. эмигрантских организаций. От Шенара перешел на завод авиадвигателей «Гном», а оттуда в 1911 г. был уволен, как иностранец. Работал у Морса, у комп. Электромеханических мастерских, у Шампиньоля (гидравлические прессы). Участвовал в деятельности Французской Социалистической партии и профсоюзов. Избирался в комитеты и правления союза. Организовал русских рабочих в секцию при французском союзе и т.п.

В 1912 г. работал в Германии: в Берлине на Вулкан-Верке и в Вильдау у Шварцкопф-Мафай верке. Уволился с завода в связи с протестом против существовавшей системы штрафов.

В 1913 г. вернулся во Францию. Работал на заводе «Малый инструмент» в Клиши. Участвовал в забастовке этого завода, был локаутирован, занесен в черные списки неблагонадежных рабочих. Вынужден был покинуть Париж.

В Англии работал токарем в мастерских Хендонского аэродрома. За нарушение заводских правил рабочие мастерской были наказаны часовым штрафом. Я не принял наказание и покинул мастерские. После этого не мог най-

ти работу в Лондоне, уехал на материк и поступил работать в Дуэ (Сев[ерная] Франция). В Дуэ у Томпсона-Густона работал всего несколько недель и вернулся в Париж.

В Париже работал на Гренель, в механической мастерской до начала 1914 года. В начале 1914 г. решил вернуться на с.-д. подпольную работу в Россию. В этих целях добыл французский паспорт, списался с В.И. Лениным и в апреле 1914 г. был в Петербурге.

В Петербурге жил под именем Жакоба Ноэ, работал у Н[ового] Лесснера и Эриксона. Выполнял различные поручения Петербургского комитета. Участвовал в революционной борьбе, в стачках.

В сентябре 1914 г. выехал за границу с поручением Бюро ЦК РСДРП(б) для связи с В.И. Лениным и социалистами, боровшимися против войны. В 1915 г. работал три месяца на автозаводе Фиат в Лондоне.

Во время войны организовал переправку писем, литературы ЦК РСДРП, людей в Россию. Лично дважды переходил нелегально границы с поручениями ЦК. Был кооптирован в ЦК в 1915 году.

Организовал Бюро ЦК РСДРП(б) в 1915 г., а также Московское Областное бюро, второй Б[юро] ЦК в 1916 году.

Участвовал во всех событиях Февральского периода 1917 года. Был инициатором по созыву первого Совета р[абочих] депутатов, избран членом Исполнительного комитета Петроградского совета. Был инициатором вооружения рабочих и организации рабочей гвардии. Во время одной из агитационных поездок был тяжело контужен и на некоторое время выбыл из строя. Участвовал в организации Союза рабочих-металлистов и был его председателем (как Петроградского, так и Всероссийского).

Был членом Президиума ВЦСПС и Бюро Профсоюзов Петрограда, зам. председателя Заводского совещания и т.п.

Участвовал в совещаниях и съездах советов и РСДРП(б) того же года.

Участвовал в подготовительной работе Октябрьского переворота. Вторым съездом Советов был избран наркомом труда. Исполнял обязанности наркома торговли и промышленности. Организовал борьбу с саботажем чиновников. Был участником 1-го съезда профсоюзов и Союза металлистов. Был председателем Чрезвычайной комиссии по эвакуации Петрограда. Участвовал на VII съезде РСДРП(б) и был выбран кандидатом в ЦК.

Был особым уполномоченным СНК по продовольствию на Сев[ерном] Кавказе, участвовал в партийной и советской работе края, а также и в начавшейся там гражданской войне.

В сентябре был снят с Наркомата труда и направлен на Южный фронт в качестве наркома и члена Реввоенсовета.

В октябре—ноябре 1918 г. организовал Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта для руководства и помощи революционным силам Северного Кавказа.

В 1919 г. вернулся в ЦК В[сероссийского] с[оюза] р[абочих]-м[еталлистов], а осенью был снова направлен на Западный фронт членом Реввоенсовета 16-й армии, в которой пробыл по март 1920 года.

В марте 1920 г. был направлен за границу в качестве главы делегации от профсоюзов на Международный конгресс металлистов.

За границей вел организационную и агитационную работу. Организовал конференцию союзов металлистов, выступал в Стокгольме, Христиании, Копенгагене, Берлине, Франкфурте-на-Майне и др. городах.

Был арестован в Швеции и Норвегии, сидел в тюрьмах и выслан из этих стран. Участвовал на II конгрессе Коминтерна.

По возвращении работал в ЦК ВСРМ в качестве его председателя, а также участвовал в работе В[сероссийского] Ц[ентрального] С[овета] п[рофессиональных] с[оюзов].

В развернувшейся в том году дискуссии принимал живейшее участие, выступал с особой платформой «Рабочей оппозиции», осужденной впоследствии X Съездом. На Съезде был избран членом ЦК РКП(б).

Был председателем Комиссии по улучшению быта рабочих. Был уполномоченным Совнаркома по сбору продналога в Гомельской губ. (1921 год). Был уполномоченным СНК и СТО по сбору продналога в Татарской республике, в Чувашской и Марийской областях. Руководил Комиссией по разборке румынских ценностей. Был назначен советником посольства СССР во Франции. Работал в качестве председателя правления А.о. «Металлоимпорт» (с 1926 по 1929 год). Руководил работой Росметизпрома в качестве председателя правления (1930—1931 годы). Избирался членом ВЦИК с I по XV съезд Советов и ЦИК СССР по VI съезд. Состоял членом Президиума Госплана РСФСР с июня 1932 по апрель 1934 года.

Кроме того, участвовал в партийной и профессиональной легальной и нелегальной с.-д. большевистской печати: в «Правде», «Металлисте», «Промсвещении», «Коммунисте», «Социал-демократе», составлял листовки и т.п.

После свержения царского правительства писал в «Правде», в «Металлисте», а после Октябрьского переворота написал ряд книг и воспоминаний о революционной работе, частично печатавшихся в «Пролетарской революции».

Имею семью: жену Екатерину Сергеевну 34 л[ет], сына Юрия 8 л., дочь Ирину 4 л., сына Александра 2 лет.

10/VI 1934 г.

(А. Шляпников)».

Примечания

1. См. СМОЛЬНИКОВ А.С., ЧЕРНОБАЕВ А.А. Предисловие. В кн.: ШЛЯПНИКОВ А.Г. Канун Семнадцатого года. Т. 1. М. 1992, с. 21.

За хлебом и нефтью

I. Вопросы борьбы с голодом в Совнаркоме

В конце апреля 1918 г. я закончил поручение правительства по эвакуации из Петрограда различных ценностей, вооружения, военных материалов и пр. имущества и вернулся к исполнению своих обязанностей наркома труда. Местом моего жительства тогда была гостиница «Деловой двор», отведенная Московским советом под общежитие сотрудников Наркомата труда и работников различных профессиональных союзов, перенесших в Москву свои центры.

Жизнь в Москве в то время была значительно сытнее, чем в Петрограде. Весьма плохой черный хлеб, очистки от картофеля служили обычным, но не обильным блюдом питерских пролетариев. Мясо, даже конское, было уже большой редкостью. В Москве же можно было доставать и мясо, и молоко, да и хлебные продукты были в большем количестве и лучшего качества. Изголодавшиеся питерцы, переехавшие в Москву вместе с правительственными учреждениями и общественными организациями, мало-помалу поправлялись, но не забывали, что угроза голода висит и над самой Москвой.

Установление советской власти на местах и осуществление основных мероприятий по экспроприации земель, капиталистических фабрично-заводских и торговых предприятий, переход их в руки крестьян и рабочих организаций, вызвали бешеное сопротивление буржуазно-помещичьих и родственных им социальных сил старой России.

На помощь помещикам и капиталистам нашей страны двигались полчища германских оккупантов на Украину, Крым и Черноморское побережье. Силы «славных» союзников накладывали свои лапы на Север и вели заговор-

щические интриги внутри страны через свои дипломатические и военные миссии. Из бывшего офицерского корпуса вербовались сторонники контрреволюции в одиночном порядке, направлялись на Дон к генералам Каледину, Алексееву, Краснову, Корнилову и др. Во многих местах организовывались кулацкие и торгашеские восстания против власти молодых советов.

Вся деятельность международной и русской контрреволюционных сил была направлена на захват богатых хлебом и сырьем окраин, дезорганизацию путей сообщения и связи. Отрезать хлебные и сырьевые районы от промышленных центров, лишить питания рабочих, заводы и фабрики сырья и тем парализовать всю хозяйственную жизнь в стране — таков был план объединенных сил контрреволюции. Вернуть страну на путь капиталистического порядка буржуазия надеялась только путем «костлявой руки голода», так как других рук в ее распоряжении тогда еще не было.

В борьбе с советской властью крупный капитал надеялся найти себе союзников в крестьянах — владельцах хлеба. Его апологетами различных марок и направлений был брошен лозунг «долгой хлебную монополию», а в качестве разрешения продовольственных задач выдвинули «свободу торговли». Под знамена «свободы торговли» пошли кулаки и прочие элементы города и деревни, хлебнущие прибылей из чаши спекуляции продовольствием. Ревностными поборниками «свободы торговли» стали и многие народники, меньшевики, анархисты. Они вели агитацию против передачи продовольственных дел советам, они организовывали наступление на большевистские советы также под знаменем «свободы слова и свободы торговли».

А в стране был хлеб, было много хлеба. По данным Народного комиссариата продовольствия, избыток хлебов урожая 1917 г. составлял свыше 880 млн пудов. Этот избыток хлебов распределялся по районам следующим порядком: 1) на Новороссию приходилось 361 млн п., или 43 %, 2) на Малороссию и Юго-Западный край 155 млн п. — 18 %, 3) на Северный Кавказ — 131 млн п., или 16 %, 4) на долю Западной Сибири и Степного края приходилось 130 млн п. — 15 %, 5) Центральный Земледельческий район имел избыток в 52 млн п. — 6 %. Во всех прочих производящих губерниях избыток хлебов исчислялся в 18 млн п. — 2 %.

Значительная часть этих избытков приходилась на долю оккупированных немцами частей страны: Украины, Бессарабии, Крыма и т.д. Германский империализм вооруженной рукой грабил крестьянство этих частей бывшей царской России. Но даже за вычетом излишков хлебов этих окраин, избыток урожая только одного 1917 г. превышал 350 млн п., не считая остатков и запасов от прежних лет. И этого количества хватило бы для обеспечения питания населения промышленных районов — при правильном распределении. Но основная масса этого хлеба была в руках кулацкого и зажиточного элемента деревни, настроенного весьма враждебно к государственной хлебной монополии.

И в то время, когда рабочие падали от недоедания у места своей работы, когда их жены и дети ходили со своими пожитками по деревням, меняя последние рубашки на хлеб и картошку, деревенские кулаки крепко держали хлеб, гнали из него самогонку, отказываясь сдавать его государству, подбивали на свою сторону и середняка, а порой «заинтересовывали» в задержке хлеба в своих закромах и часть деревенской темной бедноты. Кулаки втягивали середняков в спекулятивную торговлю, из бедноты делали порой мешочников и пугали ее тем, что если государство возьмет их, кулацкий хлеб из деревни, то хуже то будет бедноте. Обработывая середняков и бедноту, буржуазные кулацкие элементы в деревне кое-где создавали «единый» хлебный фронт против продовольственной политики советского центра.

Сложная внутренняя и международная обстановка первой весны советской власти обязывала строго обдумывать всякие мероприятия, буквально каждый шаг продовольственной политики.

Все противники Октябрьской революции энергично работали над объединением зажиточного крестьянства против продовольственной политики

власти. Та самая хлебная монополия, закон о которой провела русская буржуазия в марте 1917 г. при поддержке социалистов того времени, стала жупелом, пугалом для крестьянства. Вчерашние поборники различных государственных монополий (соц.-рев., с.-д.-меньшевики, народные социалисты и т.п.) при власти буржуазии, теперь находили, что при большевиках все зло в стране, голод и разруха — все от хлебной монополии, и открыто требовали ее отмены. Интересы отдельных групп крестьян-хлебодержателей буржуазные экономисты и их социалистические подголоски выдавали за интересы всей деревни, всего крестьянства.

Воздвигая искусственную стену противоречий мнимо-крестьянских интересов между деревней и городом, противники хлебной монополии выступали против плановости заготовок, распределения, товарообмена. В целях откола середняка от кулака была выдвинута идея товарообмена.

В середине марта 1918 г. Наркомпрод по инициативе В.И. Ленина внес в Совнарком проект декрета об организации товарообмена. Этим декретом, опубликованным (20 марта) 2 апреля на Наркомпрод возлагалась «организация правильного товарообмена в государственном масштабе». Декретом поручалось Наркомпроду издать особую инструкцию, в основу которой предлагалось положить: «а) привлечение деревенской бедноты к организации товарообмена путем передачи товаров, выдаваемых для обмена на хлеб, в распоряжение волостных или районных объединений для дальнейшего распределения их между нуждающимся населением и б) выработку правил, гарантирующих возврат в распоряжение Советской Республики всех затрачиваемых на товарообмен государственных средств, а также мер, способствующих извлечению возможно большего количества денежных знаков от деревенской буржуазии».

Это постановление Совета народных комиссаров было тотчас же подкреплено материально: Наркомпроду были выделены огромные по тому времени денежные и товарные фонды. В марте 1918 г. было отправлено в деревню мануфактуры на 500 млн руб., ниток на 7 млн руб., галosh на 17 млн рублей. С интендантских складов было отправлено [тканей] на 100 млн руб., обуви на 30 млн руб., кожи на 15 млн рублей. Сельскохозяйственных машин и металлических изделий для крестьянского обихода было выделено и отправлено на 225 млн рублей. Посуды и стекла на 20 млн руб., чаю на 13 млн руб., спичек на 15 млн руб., табаку на 200 млн руб. и прочего разного товара на 20 млн руб., а всего на 1162 млн рублей.

В течение того же 1918 г. Наркомпроду были еще выделены товарные фонды. Общая сумма товаров, переданных на места для обмена на хлебные продукты, составляла в конце года свыше 1762 млн рублей. Эти товарные фонды были усилены крупными ассигнованиями денежных знаков.

В выработанной Наркомпродом инструкции по товарообмену указывалось, что весь товар поступает на места через губпродкомы в упродкомы и используется только для обмена на хлебные продукты. Товар распределялся между районными объединениями пропорционально количеству продуктов, сданных населением. В деле заготовки рекомендовалось широко использовать сельские кооперативы, кредитные товарищества и т.п.

Выдача товаров отдельным крестьянским хозяйствам за сданный ими хлеб категорически воспрещалась. Инструкция требовала «производить распределение товара между всем нуждающимся населением», рассчитывая таким путем «побудить неимущих воздействовать на имущих хлеб, понуждая к его сдаче»¹.

Однако первые шаги Наркомпрода по пути заготовок хлебных продуктов путем товарообмена показали, что его местная сеть, упродкомы, губпродкомы и пр., в большинстве своем не отвечали требованию момента ни по характеру постановки своей работы, ни по социальному составу работников. Хотя многие местные органы бывшего Министерства продовольствия и влились в систему советов после октябрьского переворота, но сути своей они не изменили. Они превыше всего ставили интересы своего района, своей губер-

нии и весьма неохотно подчинялись центру. Особенно плохо работали старые «продкомы» в местах заготовок хлеба. Нередки были случаи, когда из недр даже таких организаций, как Московская областная продовольственная управа, раздавались голоса и выносились предложения о повышении твердых цен, а местные «продкомы» иногда выступали защитниками «свободы торговли» хлебом.

Председателю СНК В.И. Ленину приходилось заниматься вопросами снабжения хлебом почти ежедневно. Много раз в течение апреля—мая продовольственные дела обсуждались и Советом народных комиссаров, а важнейшие декреты ставились на пленуме ВЦИК Советов. Делегации от голодавших рабочих заводов и фабрик сотнями ходили по профессиональным союзам, атаковали Наркомпрод, заходили за «помощью» в Наркомтруд, искали хлеба, искали сырья. Телеграммы о голоде пестрели в газетах, заполняли папки учреждений. Положение призывало к решительным действиям, исключительным мерам, и они были приняты.

9 мая в Совете народных комиссаров слушали доклад Наркомпрода об избытках и недостатках хлебов, о дезорганизации и разрухе продовольственного дела на местах. Некоторые власти на местах самочинно «отменяли» закон о хлебной монополии, изменяли твердые цены и т.п. Заготовленный Наркомпродом хлеб подвергался «реквизиции» иногда даже в складах, а в пути были весьма часты случаи отцепки вагонов в распоряжение какой либо местной власти, расположенной поблизости от железнодорожной станции. Мешочничество принимало массовый характер и становилось бичом для транспорта и срывало политику твердых цен и плановость заготовок.

Весь этот хаос тяжело отражался на голодавших районах, и в интересах победы над голодом и буржуазией, его питавшей, необходимо было принять радикальные меры. В порядок дня был поставлен вопрос о продовольственной диктатуре. На заседании Совнаркома 9 мая был принят декрет, основные положения которого были даны В.И. Лениным. Этот декрет подтверждал незыблемость хлебной монополии и твердых цен, обязывал владельцев избыточного хлеба сдавать его в определенный срок государству, призывая всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками. Владельцы излишков хлеба, не вывозившие его на ссыпные пункты или расточавшие его на варку самогона — объявлялись врагами народа, со всеми вытекавшими из этого правовыми последствиями.

Борьба с кулаками — укрывателями хлеба поощрялась декретом и материально: лицу, заявившему о скрытом хлебе, выдавалась премия в размере половинной стоимости открытого хлеба, а вторая половина стоимости поступала в пользу сельского общества.

Тот же декрет предоставлял Наркомпроду чрезвычайные полномочия: 1) издавать постановления, выходящие за обычные пределы его компетенции, 2) отменять всякие местные и ведомственные постановления, противоречащие планам и действиям Наркомата; 3) требовать от учреждений и организаций всех ведомств исполнения распоряжений и связанных с продовольственным делом; 4) применять вооруженную силу в случае противодействия отбору хлеба и др. продуктов; 5) распускать или реорганизовать продорганы на местах; 6) увольнять, смещать, предавать суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций за дезорганизаторское вмешательство в дела Наркомпрода.

«Диктатура Наркомпрода» смущала некоторые ведомства, и против отдельных полномочий его были возражения. При обсуждении пункта 4 декрета мною было внесено предложение о предоставлении права Наркомату труда совместно с профессиональными союзами, при обязательном участии Наркомпрода, организовать отряды рабочих для организации продовольственного дела. Это предложение СНК было принято. В целом он был принят всеми, при одном воздержавшемся. Ввиду чрезвычайной важности декрета, В.И. Ленин предложил передать его на утверждение ВЦИКа.

Заседания ВЦИК происходили в то время в гостинице «Метрополь». Обсуждение декрета происходило в те же дни. Против «продовольственной диктатуры» выступали левые соц.-революционеры и соц.-дем.-меньшевики группы Ю. Мартова. Социал-революционеры особенно резко выступали против той части декрета, в которой беднота деревни призывалась к борьбе с кулаком. В этом пункте они видели опасность раскола «трудового народа», внесения розни и вражды в единую революционную семью трудящихся деревни. С.-д.-меньшевики выступали против декрета в целом, считая диктаторский метод решения продовольственного кризиса неприемлемым. Они считали, что придерживают хлеб в деревне не кулаки и богатеи, а «вся деревня», что расчеты советской власти на поддержку бедноты ошибочны, так как ее сознание еще не доросло до понимания общих интересов, а ее личные интересы толкают на путь дележки хлеба, а не сдачи его Наркомпроду.

Однако обе эти партии во ВЦИКе были в меньшинстве, а поэтому помешать прохождению декрета существенно не смогли, декрет был одобрен и опубликован от ВЦИК и СНК 13 мая 1918 года.

Осуществление намеченной декретом продовольственной политики натолкнулось на сопротивление местных, многочисленных кооперативных и ведомственных организаций, занимавшихся заготовкой продуктов продовольствия. Ведомственные и общественные заготовительные организации декретом от 13 мая лишились своей былой «независимости» от твердых цен хлебной монополии, которые они нарушали под различными прикрытиями или открытыми предложениями, в виде приплаты за качество, подвоз, хранение и тому подобное. Да и аппарата Наркомпрода на местах к тому времени еще не было. Старые продовольственные комитеты хотя и вошли в систему Наркомпрода, но не всегда охотно подчинялись ему. Особенно слабая подчиненность наблюдалась в районах заготовки хлебных продуктов: давление местных общественных сил находило в них свое отражение.

Кроме того, национализация крупнейших предприятий, производивших предметы широкого потребления, влекла за собой национализацию торговых предприятий и организацию сбыта. Начатый в марте товарообмен в силу целого ряда причин проходил неорганизованно, ценнейшие изделия промышленности расплылись и разбазаривались старыми губпродкомами. Многие фабрики и заводы, изготовлявшие предметы широкого потребления (мануфактуру, трикотаж, гвозди, посуду и т.д.), начали выдавать часть заработной платы изделиями. Эти изделия через мешочников начали поступать в товарооборот, дезорганизуя товарообмен Наркомпрода. Все эти явления потребовали решительной перестройки всей системы заготовки и распределения продуктов. Наркомпрод ходом дела превращался в единый снабженческий центр всеми нормированными продуктами сельского хозяйства и изделиями национализированной крупной промышленности.

В двадцатых числах мая в Совет народных комиссаров был внесен декрет «О реорганизации Наркомпрода и местных продорганов». Декрет объединял в Наркомпроде распределение предметов первой необходимости и продовольствия, изымая или подчиняя другие ведомства, занимавшиеся распределением, Наркомпроду. Для планирования распределения создавался Совет снабжения при Наркомпроде, в состав которого входили основные хозяйственные ведомства.

Местные органы Наркомпрода формировались на общих выборных началах: комиссары выбирались, коллегия утверждалась Советом или его исполкомом. Однако за высшими инстанциями (губернией, областью, краем, центром) оставалось право утверждения комиссаров и членов их коллегий. В состав уездных продорганов губерний, «отпускавших хлеб» Наркомпроду, предоставлялось право делегировать представителей потребляющих губерний в количестве до половины членов продкома с решающим голосом. В губпродкомы губерний, вывозивших хлеб, вводились представители потребляющих областей, а также армии и флота.

Включение представителей потребляющих, то есть по преимуществу

промышленных районов, давало Наркомпроду возможность подбирать работников вне местных влияний и значительно усилить свою позицию на местах заготовок.

Кроме того, декрет предоставлял в распоряжение заготовителей вооруженную силу в виде «особых отрядов», формирующихся в потребляющих губерниях «из сознательных и рекомендованных партиями, стоящими на советской платформе, профессиональными и советскими организациями рабочих». Основной задачей этих отрядов декрет намечал организацию трудового крестьянства против кулаков.

Из Совнаркома декрет был передан на рассмотрение ВЦИКа. 27 мая он уже был утвержден сессией, а через несколько дней (30 мая) был опубликован и вошел в силу.

Вся сущность продовольственной политики весны 1918 г. изложена В.И. Лениным в знаменитом письме «О голоде», специальном обращении к петерским рабочим, опубликованном 22 мая, в период борьбы за организацию заготовок и хлебную монополию. «Голод не от того, что хлеба нет в России», писал В.И., а от того, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, советской власти, на самом важном и остром вопросе, вопросе о хлебе». Давая отчетливо классовую постановку борьбе за хлеб, В.И. Ленин призывал рабочих организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников, великий крестовый поход против нарушителей строжайшего государственного порядка в деле сбора, подвоза и распределения хлеба для людей и хлеба для машин».

Основные мысли письма В.И. Ленина «О голоде» вошли в пространное воззвание, предложенное Наркомпродом 29 мая и утвержденное Советом народных комиссаров, опубликованное за подписью председателя СНК и девяти наркомов². В этом возвании были перечислены также важнейшие практические задачи, стоявшие перед организованными пролетариями и деревенской беднотой, боровшимися за укрепление своей власти.

В тот же вечер в Совете народных комиссаров обсуждался вопрос о назначении особых уполномоченных в районы, богатые хлебными запасами. На заседании были наркомы: Гуковский, Сталин, Стучка, Цюрупа, Шляпников и члены коллегий — В. Ногин, Бронский, Владимиров, Смирнов. В.И. Ленин сообщил о намерении ЦК РКП(б) направить на продовольственную работу некоторых членов Совета народных комиссаров.

Тут же В.И. Ленин внес предложение назначить уполномоченным для Юга России И.В. Сталина. Предложение было принято.

Во время обсуждения продовольственных дел я получил от В.И. Ленина записку, в которой он сообщал мне, что «ЦК постановил переправить максимум партийных сил в продовольствие. Ибо мы явно погибнем и погубим всю революцию, если не победим голода в ближайшие месяцы.

Вас необходимо временно направить в продовольствие (оставив в звании нарком труда). Я уверен, что вы директиву ЦК исполните.

Думаю, вам надо поехать на Кубань, чтобы помочь выкачать оттуда хлеб.

Надо сегодня же решить и договориться тотчас с Цюрупой».

Я ответил В.И. Ленину, что принимаю его предложение и охотно выполняю постановление ЦК. В тот же вечер договорился с Цюрупой и был утвержден Совнаркомом в качестве уполномоченного по продовольственному делу на Юге России.

2. Организация продовольственного отряда

На другой день я созвал коллегию Наркомата труда и ответственных работников, которым сообщил о решении ЦК РКП(б) и Совнаркома, направляющем меня на Юг для организации заготовки хлебных продуктов. Целый ряд сотрудников наркомата и членов коллегии выразили пожелание отправиться вместе со мной. В помощники я пригласил члена коллегии А.Н.

Падэрина³ и в тот же день согласовал его назначение с председателем Совнаркома В.И. Лениным. Кроме А.Н. Падэрина из Наркомата труда я пригласил комиссара Б.Д. Пинсона⁴, Н.И. Назарова — старого большевика, айвазовского инструментальщика, А.А. Когана, делопроизводителя и секретаря.

Из того информационного материала о положении дела на Северном Кавказе, который предоставил мне Наркомпрод, мне было ясно, что для налаживания заготовки хлеба путем закупки и товарообмена необходимо иметь сведущих в этом деле людей. На местах были старые заготовители — различные уполномоченные столичных продовольственных «управ», а также потребляющих областных продовольственных комитетов. Для Юга же России Наркомпродом в то время была создана специальная заготовительная организация под названием «Чрезвычайный продовольственный комитет», известная под сокращенным наименованием Чекпрод. Наркомпрод, тов. Цюрупа, заверил меня, что специалистов продовольственного дела на Северном Кавказе достаточно, но среди них нет крупных организаторов. Кроме того, из материалов Наркомпрода и Совнаркома, относившихся к постановке продовольственного дела, было видно, что заготовка продуктов упиралась в транспорт, как железнодорожный, так и гужевой. Все болезни транспорта того времени мне были очень хорошо известны по опыту эвакуации Петрограда, а поэтому я договорился с наркомом путей сообщения В.И. Невским о конкретной помощи. Наркомпуть выделил в мое распоряжение комиссию специалистов — инженеров по пути, движению и эксплуатации, которые должны были инспектировать состояние железных дорог от Москвы до Царицына и дальше, если в этом будет необходимость.

Особенно много нареканий было на плохое состояние ремонта паровозов и вагонов. Для налаживания этого дела я решил привлечь группу передовых рабочих, знающих железнодорожное дело: машинистов, токарей, слесарей и др. специальностей. Рабочие были нужны не для того, чтобы заменять собой имевшихся в депо и мастерских интересовавших нас железнодорожных узлов, а для воздействия на них, на организацию и на качество их работы.

В подборе работников нам оказывал содействие Московский комитет РКП(б), однако партийцев железнодорожников было так мало, а роль их в железнодорожном узле Москвы так значительна, что нам приходилось самим отыскивать нужных людей и привлекать в отряд передовиков из беспартийных, но рекомендованных профсоюзами или их местными комитетами. Питерские рабочие были уже под ружьем на разных фронтах, и в частности направлялись против чехословаков, туда же совершалась мобилизация и московских. И мне было предложено поискать необходимых людей и в провинции. Надо было действовать быстро, так как В.И. Ленин торопил мой выезд.

Подбор рабочих в Москве и Петрограде я поручил Никите Ивановичу Назарову. В течение нескольких дней удалось подобрать свыше десятка московских рабочих, знакомых с железнодорожным транспортом. Десятка два я надеялся подобрать в Муромском районе, на Выксе и в Кулебаках. В Муроме я должен был поехать, чтобы на время отъезда обеспечить существование своей матери и проститься с ней. Поручив заботы о сборе в путь помощнику моему А.Н. Падэрину, 1 июня я выехал в г. Муром.

В г. Муроме заканчивалось тогда строительство ремонтных мастерских Казанской железной дороги. Значительная часть мастерских уже была сдана в эксплуатацию. Около 2000 рабочих было занято ремонтом паровозов. Среди рабочих мастерских и депо было много желавших поехать со мной на Юг, но начавшиеся военные действия против чехословаков потребовали усиления работы этих мастерских, обслуживавших районы переброски войск, не позволяли отвлекать квалифицированных и передовых рабочих на работу в далекие районы. После совещания с местными партийными, профессиональными и советскими организациями, я решил воздержаться от приглашения в отряд рабочих ремонтного завода, направив свое внимание на Выксунские и Кулебакские горные заводы.

3 июня я был уже на Выксе. Там в то лето работали многие вернувшиеся из Петрограда металлисты. В Выксе им, приезжим, было особенно голодно, местные мастеровые, а также крестьяне из окрестных сел и деревень, жили в лучших условиях: многие держали коров, имели овец, свиней, кур и тем поддерживали свое существование. Приехавшие же из голодного Питера жили только с рынка и на заработную плату, не успевавшую догонять спекулятивный рост цен на продукты питания. Настроение рабочих было тяжелое.

Накануне моего отъезда из Москвы Наркомпроду была доставлена телеграмма члена правления Выксунского завода Губкова, в которой сообщалось, что «склады в Выксе пусты. Работа идет с большими перерывами и остановками. Народа отсутствует 30 % не ради протеста, а действительно от голода. Были действительные случаи — поднимали падающих от истощения у станков. Народ оцепенел от ужаса голодной смерти. Вся надежда на отправку 8 вагонов хлеба из Москвы срочным поездом. Момент критический. Голодное молчание народа страшно. Нужно предупредить эксцессы от голода».

Нарком Цюрупа просил меня проверить изложенное в телеграмме.

Да, голод угрожал части выксунских рабочих, преимущественно тем из них, которые не имели связи с деревней, то есть «чистым» пролетариям. Случаи падения от истощения имели место на Верхнем и Нижнем заводах.

Тяжелым положением рабочих этого района воспользовались наши политические враги, и в первую очередь социалисты-революционеры и социал-демократы-меньшевики. Представители этих партий объезжали фабрики и заводы и вели открытую агитацию против большевиков и возглавляемых ими Советов.

Я пришел к воротам Нижнего Выксунского завода в то время, когда там рабочие митинговали. По обстановке собрания было видно, что оно хорошо подготовлено, ибо почти все цеха не только Нижнего, но и Верхнего завода были представлены. На трибуне молодой рабочий громил «самодержавие народных комиссаров», ведущих рабочих и крестьян на гибельную гражданскую войну, призывал к защите своей свободы и провозгласил здравицу Учредительному собранию.

Мой приход быстро был замечен. Знакомые рабочие ехидно улыбались, как будто хотели сказать — хлестко вас отделяют, и закричали: «Шляпникова на трибуну, пусть говорит». Услышав мою фамилию, оратор остановил свой поток хулы на большевиков, готовый уступить мне место. Я воспользовался приглашением рабочих лишь для того, чтобы передать привет от избранного Съездом самодержавных рабочих и крестьян Совета народных комиссаров — голодающим пролетариям Выксы, уверенность его в победе над голодом и разрухой. Затем я попросил председателя вести собрание в том порядке, который уже принят собранием в начале, мне же предоставить слово в конце, после всех. Собрание гулом одобрения ответило на мое предложение, а я сошел с трибуны в толпу, приготовясь внимательно выслушать все, что будет сказано.

А сказано было много.

Председатель предоставил слово прерванному моим приходом докладчику, представителю «сормовских рабочих». По словам докладчика, сормовские рабочие взяли на себя инициативу по организации Чрезвычайного Съезда уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний. Этот съезд уполномоченных двух губерний должен был, по словам докладчика, собрать и организовать рабочих для борьбы «за освобождение» народа, за власть Учредительного собрания. Только «свободно избранное» Учредительное собрание способно было, по его словам, избавить пролетариат от голода и гражданской войны. Все беды, и Брестский мир, и скоропадщина на Украине, и нехватка хлеба на Выксе — все это было результатом «большевистского насилия».

Многотысячное собрание рабочих молча выслушивало оратора, не прерывая, не аплодируя и не выражая наружно ничем своих переживаний и от-

ношений. Наконец, докладчик закончил; «преть» никто не хотел, раздавались голоса о том, что хотят послушать меня.

Я начал свою речь выражением удивления по поводу того, что прибывшие на Выксу представители прикрываются сормовскими рабочими, скрывают свое подлинное политическое лицо — представителей меньшевистско-эсеровского блока, давно уже ставшего на путь контрреволюции. Я напомнил металлистам Выксы, что являюсь не только одним из тех «самодержавцев», которых поносил докладчик, как «насильников», но и членом Центрального Комитета Союза металлистов и в качестве его представителя решительно протестую против спекуляции именем сормовской рабочей массы, допущенной докладчиком. Докладчик не посмел выступить перед вами от имени политических партий, обанкротившихся еще в 1917 году и ставших ныне открыто на сторону контрреволюции. Ему надо прикрыться другим флагом, и он нашел его в виде сормовских рабочих, якобы «делегировавших» его и прибывших с ним.

Нас упрекают в насилии. Да, мы, большевики, пролетарские революционеры, стоим за насилие над буржуазией, над угнетателями, над эксплуататорами и их приспешниками.

Докладчик призывал вас к борьбе за освобождение «народа», но спросите его, какой «народ» угнетается ныне? Кого хотят освободить борцы за свободу? Они хотят свободы для злейших врагов рабочего класса, для тех, кого вы изгнали, для тех, чьи заводы и фабрики вы захватили и управляете ими. Хотите ли вы, выксунские металлисты, вернуть свободу распоряжаться вами и вашими заводами бывшим хозяевам-акционерам, князю Мещерскому и стоящим за его спиной банкирам? Может быть докладчик хочет вернуть вам доброе, старое время «Лесенки»⁵, полицейских, урядников, жандармов? Я прошу вас ответить этим людям, назвавшимися сормовскими делегатами, хотите ли вы вернуться к этой «свободе» или же будете биться вместе с партией большевиков за полную победу над эксплуататорами?

На мой вопрос послышался гул голосов, явно одобрявших насилие над капиталистами. Обращаясь уже к делегатам сормовичам, я просил их ответить, хотят ли они передать заводы их старым владельцам, о чем хлопотала в то время группа Мещерского, или нет. Докладчик молчал, его спутники также. Тогда я попросил председателя проголосовать на собрании, немедленно, кто из рабочих стоит за приглашение хозяев назад, обещая передать пожелания общего собрания Совету народных комиссаров. Председатель удовлетворил мое желание, поставил вопрос на голосование, но ни одна рука не поднялась в пользу «возвращения владельцев». Даже «сормовичи» не подняли своих рук, явно растерялись.

Тогда я перешел к вопросу о борьбе с голодом.

Выксунским рабочим не приходилось долго доказывать, у кого в деревне хлеб: они знали по своему горькому опыту хождения в ардатовские деревни. Я дал объяснение последним правительственным мероприятиям по вопросам продовольствия, призывая рабочих сомкнуться, отвергнуть предложение докладчика о посылке делегатов или уполномоченных на съезд в Нижнем, а присоединиться к передовым пролетариям Петрограда и Москвы, организовать отряд для борьбы за хлеб и против контрреволюции, поднявшей меч на трудовой народ.

В заключение я сообщил собранию, что по поручению правительства еду на Юг России для заготовок хлеба и др. продуктов и просил собрание дать мне в помощь своих представителей. Рабочие очень активно откликнулись на мое предложение и тотчас же стали называть имена. Несколько человек, а именно: А.Ф. Кулашкин, А.Ф. Заонегин, А.С. Зимин, были выбраны тотчас. Остальных поручили подобрать заводскому комитету. Из подобранных им помню Г.В. Бурова. На этом собрание было закончено. Нижегородские с.-д.-меньшевики не посмели даже поставить на голосование свое предложение о съезде и выборе на него уполномоченных.

После собрания на Выксе я участвовал на общезаводском собрании в

Досчатом. Там также вместо выборов в Нижний выбрали представителя А.И. Бирюкова для поездки со мной.

Из Досчатого я направился в Кулебаки, где участвовал на собрании заводских (цеховых) делегатов. Здесь также велась работа с.-д.-меньшевиков в пользу губернского рабочего антибольшевистского съезда. Но при мне на собрании никто в защиту его не выступал. Собрание тут же выделило из своей среды машиниста Серпуховитина, члена Совета Волкова, Кущина, Макурина и Ерофеева. Никаких уполномоченных на Нижегородский съезд здесь также не выбирали.

По фабрикам и заводам г. Муром велась агитация за участие на Нижегородском съезде, но ни на одном предприятии не было произведено выборов. Игра на голоде с.-д.-меньшевикам и здесь не удалась. Рабочие не желали отказываться от своих Советов в пользу Учредительного собрания.

Дней через десять после этих собраний, будучи уже в Царицыне, я получил сообщение, что с.-д.-меньшевистская контрреволюционная затея осуществилась: 9 июня они собрали своих людей в Сормове, объявили их делегатами и «открыли» «первый чрезвычайный съезд уполномоченных заводов и фабрик Нижегородской и Владимирской губерний». Однако сормовские передовики помешали осуществиться этой затее: рабочие красногвардейцы «открыли» против него поход и выпроводили из Сормова незваных гостей.

Значительно позднее мне была доставлена прокламация, выпущенная от имени «Исполнительного бюро 1-го чрезвычайного съезда уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губ.» В ней прикрывшиеся уполномоченными с.-д.-меньшевики жаловались на плохой прием, оказанный им передовиками Сормова⁶.

В перечне предприятий и районов, представленных на этом съезде, значились и Муром, и Выкса, и Кулебаки, те места и заводы, которые отвергли меньшевистское предложение. Кто «представлял» их — было ясно: отдельные лица, опиравшиеся на остатки меньшевистского величия былых дней, разбитые ходом событий, утратившие доверие в массах.

«Чрезвычайный съезд» меньшевиков вынес решение объявить всеобщую стачку протеста в обеих губерниях против совершенного над уполномоченными насилия. 18 июня должна была совершиться однодневная стачка протеста, однако и это постановление не нашло нигде отклика. Все известные мне в этих губерниях предприятия работали.

5 июня я был уже в Москве. К тому времени наш отряд пополнился еще целым рядом московских и петроградских рабочих. ВЦИК прикомандировал к нам двух своих представителей для инструктирования советской работы: И.И. Матрозова⁷ и С.И. Сафронова.

Из ряда предприятий и учреждений нам были присланы работники: В.Н. Клинов, П.В. Панферов, Г.С. Колокольников (с завода б. Густава Листа), Никитин, Е.Е. Егоров, П.Л. Королев, И.И. Еремин (петроградский рабочий, стюард).

Совет рабочих депутатов железнодорожного района Московского узла рекомендовал и прислал нам ряд весьма ценных рабочих: машиниста Казанской железной дороги В.Ф. Шаронова, машиниста той же дороги Ф.И. Дорофеева, помощника машиниста той же линии И.Н. Светогорова, слесаря Савеловской железной дороги (ст. Москва), В.И. Птицына, слесаря той же дороги и станции Д.И. Зотова.

Из продовольственных организаций нами были приняты: слесарь Вас. Ив. Шимарев, работавший в Лефортовской продовольственной управе, В.В. Соколов, В.К. Довгвилло, М.М. Широков, И.С. Киселевский, М.А. Балтышкин, М.Г. Кункис, С.О. Пестунович, А.И. Бочаров, артельщик с деньгами А.Ф. Скобочкин, М.В. Собинова, уборщица НКТ и др. Весь отряд насчитывал свыше 50 человек, из них более половины были вооружены винтовками, остальные имели револьверы.

Перед отъездом из Москвы была получена телеграмма от т. Сталина на имя В.И. Ленина, в которой он извещал, что 4 июня в 11 ч. ночи благополуч-

но прибыл в Козлов с отрядом в 450 человек. Просил сообщить мне, чтобы я взял с собой путейских инженеров и рабочих для исправления линии Хасав-Юрт—Петровск и постройки ветки Кизляр—Брянская. «Без этих мер своевременная доставка хлеба немыслима, так как Царицынская линия не выдержит». Кроме того, он просил дать специальный приказ организациям торгового флота по Волге и Каспию о беспрекословном исполнении его распоряжений. Эта телеграмма была получена мною 7 июня, за сутки до отъезда. Инженеров-путейцев я брал, но рабочих имел весьма ограниченное количество.

Отъезд был намечен на 8 июня и к этому дню подгонялись все приготовления. Наркомпутъ В.И. Невский отдал распоряжение о формировании для отряда специального поезда. Одно для меня было неясно: нужно ли брать вооруженную силу или мы найдем нужную нам охрану на месте?

На одном из заседаний Совнаркома я запросил наркомвоена Л.Д. Троцкого о том, имеет ли он связи с Царицыном, даст ли нам хотя небольшой охранный отряд для следования на Кубань?

Л.Д. Троцкий ответил мне запиской, что «здесь находится Минин, военный комиссар Царицына, Вам с ним необходимо повидаться. В Царицын отправляются из Тамбова (должны были уже выехать) отряды Киквидзе⁸ (3,5 тыс. человек). В Кубань выехал военрук Снесарев⁹ и комиссар Зедин¹⁰ для организации там многочисленных вооруженных сил. Как только раздавим чехословаков, дадим Вам на Кубань тысяч пять-шесть».

Тов. Минина в Москве я не встретил. Искать его у меня не было времени, и я надеялся получить необходимую информацию о положении дела на Северном Кавказе в самом Царицыне.

8 июня все приготовления к отъезду были закончены, и на вечер было назначено отправление поезда с Казанского вокзала. К этому времени все мандаты и удостоверения были готовы, назначение, подписанное В.И. Лениным, гласило:

«31 мая 1918 года. № 3223.

Назначение.

Член Совета народных комиссаров, народный комиссар Александр Гаврилович Шляпников назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары и эмиссары обязываются выполнять распоряжения тов. Шляпникова.

Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин)

Управляющий делами Совета Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь Совета Горбунов».

Наркомпрод прислал мне ведомственное удостоверение нижеследующего содержания:

«6 июня 1918 года. № 2383.

Удостоверение.

Предъявитель сего — член Совета народных комиссаров, народный комиссар Александр Гаврилович Шляпников — согласно постановления Совета народных комиссаров от 29 мая 1918 г. назначается общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными полномочиями. Местные и областные Совнаркомы, совдепы и ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота, речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары и эмиссары обязываются беспрекословно и немедленно исполнять все распоряжения тов. Шляпникова, связанные с руководством всего продовольственного дела на юге России, что подписями и приложением печати удостоверяется.

Народный комиссар по продовольствию А. Цюрупа.

Член Коллегии и секретарь (подпись)».

Широкие права и огромные полномочия, предоставленные мне Совнаркомом и Наркомпродом, тем самым возлагали на меня огромную ответственность. В полном сознании важности порученного мне дела я готовился к поездке на работу в край мало знакомый мне, почти лишенный той социальной среды — промышленного пролетариата — в которой я жил и работал до этого. В этом я видел тогда корень всех ожидавших меня затруднений.

Утром в день отъезда я посетил председателя Совнаркома В.И. Ленина и имел с ним разговор о предстоящей работе на Юге.

В.И. Ленин интересовался моими взаимоотношениями с И.В. Сталиным и просил сказать ему откровенно, нужно ли заниматься ему разграничением обязанностей между нами или я договорюсь об этом на месте с И.В. Сталиным.

Я сообщил В.И. Ленину, что отношения мои с тов. Сталиным самые товарищеские и заниматься распределением наших обязанностей ему не нужно, так как мы договоримся на месте лучше, применительно к условиям работы.

В.И. сообщил мне, что тов. Сталин запрашивал по телеграфу о моем выезде и просил ускорить его. Я ответил, что еду в тот день вечером.

Прощаясь, В.И. Ленин пожелал успеха в работе, и я покинул Кремль.

Вечером 8 июня, сопровождаемый дружескими пожеланиями работников Наркомтруда, ВЦСПС и ЦК Всероссийского Союза металлистов, наш отряд разместился в вагонах специального поезда и отправился добывать хлеб для голодавших рабочих районов.

3. По пути в Царицын

Утром 9 июня мы проехали Богоявленск, Козлов. На этих станциях находились отряды вооруженной охраны, проверявшие документы едущих пассажиров, осматривавшие багаж и груз. Вид нашего таинственного поезда, у дверей вагонов которого находились одетые в кожаные куртки пролетарии, привлекал особенное внимание охраны и станционного начальства. Ехавшие в отдельном вагоне специалисты инженеры-путейцы НКПС в каждом узловом пункте знакомились с состоянием дороги, вызывали к себе начальников служб и сами вникали в дело.

На некоторых остановках усердные охранители железнодорожных станций пытались обыскивать и наш поезд, но, не будучи допущены членами нашего отряда, приходили ко мне просить разрешение на производство обыска.

9 июня был воскресный день. Железнодорожные станции служили обычным местом прогулок празднично одетых жителей, лускавших (грызших) семечки. Подъезжая к ст. Грязи, паровоз нашего поезда зарезал петуха, неосторожно сунувшего свою голову под колесо. Вокруг паровоза и лежавшего около него петуха собралась праздничная толпа станционных гуляк, оживленно обсуждавших случай: к добру или не к добру? Нашлась и хозяйка петуха, требовавшая от машиниста возмещения убытка. Машинист готов был принять стоимость петуха на свой счет, но не сходил с хозяйкой в определения его цены.

На каждой крупной или узловой станции мы справлялись о движении товарных и продовольственных поездов на Москву. За сутки езды от Москвы мы не встретили ни одного продовольственного поезда, хотя в Царицынском районе заготовленный хлеб имелся.

В дороге наш отряд организовался для работы: специалисты-продовольственники взяли на себя наблюдение за продвижением товарных и продовольственных поездов на Москву, за находившимися на станциях груженными хлебом вагонами и т.п.; рабочие-металлисты и железнодорожники разбились на группы для осмотра и ознакомления с состоянием работы ремонтных мастерских и депо. Группа партийных и профессиональных работников должна была знакомиться с состоянием и постановкой партийной и профессиональной работы [местных организаций] и добиваться их содействия в деле упорядочения железнодорожного транспорта.

Начиная со ст. Грязи, мы задерживались на каждой крупной станции и пускали рабочие шупальца во все звенья железнодорожного дела.

В делах у меня сохранилось «донесение машиниста т. Дорофеева по переговорам с комиссаром депо Козлова Рязано-Уральской железной дороги. 1) товарищ сообщил, что последнее время, то есть последние 2-3 месяца интенсивность труда стала значительно подниматься. По отмене сверхурочных работ штат пока не увеличен, но вытекает необходимость увеличить, что организация имеет в виду. 2) Паровозов имеется вполне достаточно, и даже имеется в запасе 14 паровозов большой тяговой способности. 3) Вопрос о сыром материале стоит остро. 4) Топлива, по сообщению администратора, имеется на 2-3 месяца (больше нефти и часть угля). 5) Желательно средний и большой ремонт устроить работу на 2 или 3 смены по выяснению с местным цеховым комитетом».

До г. Борисоглебска наш поезд шел «нормально» по тому времени, но дальше железнодорожная охрана нас предупредила, что следует быть насто-роже.

Узловая станция Поворино охранялась небольшим отрядом местных железнодорожных сил, заградительным отрядом и частями войск, направлявшимися для борьбы с казаками генерала Алексеева. Начальники отрядов и комендант станции предупредили меня, что путь от Поворино на Царицын находится под постоянной угрозой казачьих налетов. И как раз часть этого участка дороги нам предстояло ехать ночью. В Поворино стояли на пути два состава с продовольствием. Подвинули их на Москву.

Ночью мы подъехали на ст. Алексиково и застали всех рабочих и служащих в тревоге: со ст. Урюпино сообщали, что по линии их участка «пошаливают» донские казаки.

На самой станции Алексиково было достаточно взрослого рабочего и служащего населения, из которого можно было бы организовать отряд самообороны, но у них не было оружия.

Комиссар станции Ефремов предъявил нам требование отпустить ему для добровольческого отряда «десять пулеметов Максима с достаточным количеством лент» и «200 винтовок, 30 000 патронов и медикаментов». Мы тоже не были богаты оружием, взяли только винтовки и револьверы для самообороны, положившись в остальном на местные силы, о которых нас информировали в Москве не совсем точно. Тов. Ефремову я обещал помочь из Царицына, что и сделал тотчас же по приезде, сообщив о положении на станции Алексиково штабу обороны.

От ст. Алексиково мы продвигались осторожно, производя разведку пути, останавливаясь при малейшем подозрительном состоянии дороги, будки, станции. На паровоз поставили вооруженных людей и всю ночь, вернее весь путь до Царицына, находились в боевой готовности.

В пути мы запрашивали начальников станций о положении дела на дороге, но их ответы обычно были крайне уклончивые и ограниченные район самих станций и их поселков. Дальше этого они и сами не знали. Отряды станционной охраны или войсковые также слабо вели разведку и конкретных сведений о движении контрреволюционных сил не имели. Они готовы были встретить врагов с любой стороны, но числом и качеством их не всегда интересовались, даже связь между собой не всегда поддерживали и вспоминали о соседних станционных силах лишь тогда, когда надвигалась опасность. Вооруженных людей на линии и около нее было много, но вооруженных, организованных сил было еще мало.

Казаки, преимущественно старики, организованные ген. Красновым, действовали небольшими отрядами, базировались в том районе на Усть-Медведицу. Молодое казачество, и особенно бывшие фронтовики, вошли в отряд Миронова, противника власти казачьих генералов на Дону, ориентировавшегося на Советы.

Утром 11 июня на ст. Иловля мы наблюдали знаменательную по тому времени картину, когда группа молодых казаков и фронтовиков, в полном

вооружении и со своими конями уходила из родных станиц в степи, на поиски своего красного отряда. Молодые казаки не мирились с возвратом к старине, к генеральской, поповской власти, сдобренной спекуляцией буржуазии, сбежавшей из центральной России.

На ст. Качалино, Котлубань стояли уже воинские сторожевые части, связанные со штабом обороны Царицына. В этом районе Дон приближается к железной дороге и казацкие отряды имели легкую возможность использовать водный путь для своих налетов. Эти возможности прекрасно учитывались штабом обороны Царицына, выставившим заслоны за Котлубань.

На всех железнодорожных станциях бывшей Области войска Донского наблюдалось изобилие продуктов. Во время остановок жители приносили к поезду всякую живность, молоко, масло и белые булки, которых мы не видели уже почти год. И все это изобилие находилось на расстоянии двух суток (даже расстроенного железнодорожного) пути от голодавшего рабочего центра.

4. В Царицыне

Утром 11 июня, на третий день пути от Москвы, добрались мы до Царицына. Столица степей встретила нас залитая жгучими лучами летнего солнца. На дебаркадере и около станции происходила оживленная торговля съестными продуктами. Местные бабы-торговки встречали москвичей «настоящими» румяными французскими булками, жареной птицей, вареным мясом, помидорами и тому подобной снедью.

Среди загроможденных порожняков и вагонов, занятыми воинскими частями, я нашел поезд наркома И.В. Сталина, прибывшего в Царицын раньше нас. И.В. Сталин коротенько ознакомил меня с положением дела и состоянием Чрезвычайного комитета по продовольствию, который налаживался там, раскинув свою периферию на Ставрополье, Кубань и Терек. О встрече с И.В. Сталиным я в тот же день телеграфировал председателю Совнаркома В.И. Ленину и наркомам Цюрупе, Невскому и своему заместителю по Наркомату труда Ногину, в которой [телеграмме] извещал, что в «понедельник утром прибыл Царицын. Вошел в контакт со Сталиным».

Во время первых свиданий с И.В. Сталиным мы выработали план работы на ближайшие дни, как моей, так и всего отряда в целом: ознакомление с положением дела в местных рабочих организациях, оказание им поддержки и преодоление местнических тенденций как в советских, так и в профессиональных организациях. Доминирующее значение имели в Царицыне союзы рабочих лесной промышленности, грузчики, транспортники. Металлисты имелись в самом городе в незначительном количестве, но в нескольких верстах от города были два крупных завода — один бывший Дюмо, другой казенный, пушечный, недавно отстроенный, почти не работавший. В последнем тогда пытались ремонтировать паровозы.

На одно из совещаний И.В. Сталин пригласил руководителя местной партийно-советской работы т. Ермана¹¹. Вместе с ним мы договорились, что начнем знакомиться с их деятельностью, начиная с депо и кончая городскими мастерскими. На 13 июня назначили конференцию, вернее собрание Совета с представителями профессиональных организаций. На этом собрании мы должны были подвести итоги виденному и слышанному, дать оценку и направление.

Московские железнодорожники, кулебакские, выксунские, петроградские машинисты, токаря, слесаря, деревообделочники разбились по группам и спустились в депо, различные железнодорожные службы и на предприятия, связанные с транспортом. К каждой группе железнодорожников я прикомандировал инженеров-путейцев НКПС, облеченных властью и моими полномочиями решать оперативные вопросы на месте.

Инструктора ВЦИК, ВЦСПС, Наркомтруда и другие политические работники (Падэрин, Матрозов, Назаров, Пинсон) направились в обход по учреждениям и рабочим организациям, знакомясь на ходу с их работой.

После обследования депо и других участков служб железных дорог Царицынского узла был устроен митинг. На этом митинге выступали пролетарии нашего отряда, живые представители голодавших тогда районов. Даже при кратком ознакомлении со службами и работой депо и ремонта было установлено и признано, что рабочие депо работали мало и плохо. В других службах (движения, пути, эксплуатации) положение было не лучше: на всем лежала печать беззаботности и малой производительности.

Наши обследователи обнаружили, что мастеровых и рабочих в депо Царицына в два с половиной раза больше, чем их было до войны: вместо 400 в 1914 г. — 1088 рабочих в 1918 г. на 12 июня — день обследования. Квалифицированными силами депо было обеспечено хорошо, но производительность труда была крайне понижена. До войны депо имело 40 паровозов и выпускало от 7 до 9 поездных паровозов в сутки. В том же 1918 г. в депо значилось 88 паровозов. Из этого числа до 10 паровозов обслуживали нужды ближайших фронтов. Кроме того, 33 паровоза были с дровяными и угольными топками, в то время когда твердого топлива в Царицыне не было. Но даже за вычетом всех этих паровозов деповский парк имел 59 нефтяных паровозов, но выдавал ежедневно всего от 4 до 8 поездных паровозов, то есть значительно меньше, чем до войны, при увеличившемся числе паровозов и рабочих.

Администрация депо и рабочие единодушно признавали, что у них служебной дисциплины нет и ввести ее они не в силах. В этом, конечно, был корень пониженной производительности. Рабочее время ни в начале, ни в конце работы не соблюдалось, работа не нормировалась. Общие собрания мастеровых и рабочих во время рабочего дня были довольно часты. Близость белого фронта порождала особо нервную обстановку в городе и в железнодорожной среде, что также пагубно отражалось на производительности труда.

Кроме того, рабочие и специалисты-путейцы из нашего отряда обнаружили весьма недостаточное оборудование механической мастерской участка станками, после имевшего место пожара. В мастерской не было ни одного станка для обточки паровозных скатов. Запасных скатов также не было, и обточка изношенных производилась в железнодорожных мастерских ст. Борисоглебск. Паровозы простаивали на домкратах по 3 и более месяцев.

Кроме паровозов, мастерские производили ремонт цистерн, выпуская из технического осмотра по 250 цистерн в летний месяц. В мастерских не хватало энергии. На месте был двигатель, но без шкива, и администрация не позаботилась отлить или отыскать нужный шкив в Царицыне, ожидая прибытия его из главных мастерских, находившихся в отрезанном городе Воронеже. Имевшиеся на участке паровозы делились на свои и «чужие». К чужим относились эвакуированные паровозы других дорог. Чужаки-паровозы благодаря этому не использовались. Пути депо были загромаждены 14 стоявшими тяжелыми паровозами серий Щ, Э, Бл, не имевшие пропуска по Царицынской Ю.-В. железнодорожной линии.

По сведениям, полученным от ТЧ (начальника участка тяги), мастерские пробовали давать скаты на обточку на Пушечный завод, но последний производил обточку ската в течение двух месяцев, что обходилось в 2000 руб., тогда как стоимость работы в нормальных условиях не должна была превышать 200—150 рублей.

Попытка дать заводу более сложный ремонт, как привал нового цилиндра, заняла около 9 месяцев и стоила 101 000 рублей! Столь чудовищно медленный и неслыханно дорогой ремонт показывал, что на заводе нет знающих паровозное дело людей и они не умели приспособляться к ремонту их.

Выявив все эти болезни ремонта, московские железнодорожники вынесли их на обсуждение общего собрания. Эффект был огромный: рабочие депо сами были удивлены столь печальным состоянием ремонта паровозов. Наши отрядники «стыдили» их за такое пренебрежение общими интересами. Местные пролетарии даже не защищались, обещали приналечь и выправить дело.

Представители НКПС, инженеры-путейцы, суммировали все недочеты

и тотчас же давали ТЧ свой распоряжения. Они приказали не делить паровозы на «свои» и «чужие», а пользоваться всеми одинаково. За отсутствием запасных скатов — предложили пользоваться скатами больных паровозов. Переделывать под нефтяное топливо и «чужие» паровозы, если это будет технически возможно.

Паровозный парк депо Царицын должен был увеличиться на 10 паровозов, перегоняемых по распоряжению НКПС с Северо-Западной железной дороги. По принятии всех мер, намеченных путейцами, по прибытии 10 паровозов и поднятии производительности труда рабочих можно было надеяться на восстановление полной пропускной способности дороги — 8 товарных поездов. Восемь товарных поездов с хлебом в день для Москвы, Петрограда и других революционных районов могла дать дорога, не считая воинских и пассажирских, с последующим повышением этой способности минимум на 50 %, если правильно организовать дело, таковы были перспективы работы Царицынского узла.

Часть рабочих нашего отряда взяла на себя почетную и важную задачу — обеспечить правильную работу депо, и в этих целях решили стать на работу в мастерских и по службе тяги машинисты: Василий Федорович Шаронов, Федор Иванович Федосеев, помощник машиниста Иван Николаевич Светогоров; слесаря: Дмитрий Иванович Зотов, Василий Иванович Шимарев, Григорий Сергеевич Колокольников и столяр Иван Иванович Еремин. Из числа этих товарищей двое были назначены комиссарами в депо и мастерские.

Грязе-Царицынская линия была тогда единственным железнодорожным путем, связующим богатый хлебом Северный Кавказ с центральной Россией. Обследование состояния пути от ст. Грязи до Царицына выявило весьма печальную картину состояния дороги.

Верхнее строение пути не позволяло пользоваться мощными паровозами серии Ш. Все товарное движение обеспечивалось работой паровозов серии О и Ч, подъемная сила которых не превышала 39 тысяч пудов нагрузки. Рельсы были легкого типа, уложены без подкладок — подкладки были только на стыках и на кривых лежали через шпалу, пришивались двумя костылями по всей линии. Мосты были старой конструкции, отличались изношенностью и слабостью конструкции по всей линии. При таком состоянии верхнего пути нечего было и думать о введении в работу мощных паровозов. Пришлось идти по пути использования графика воинских поездов, переводя их на товарные, и иметь в виду двойную тягу паровозов серии Ч или О.

Со стороны работников эксплуатации Царицынской линии неслись жалобы на вмешательство военных в работу дорог, отвлечение вагонов и паровозов на жилье и продвижение отрядов, выступления донских казаков — сначала в виде бандитских налетов на отдельные станции; порча ими пути и служб угрожала нормальному ходу работ, борьба же против налетов контрреволюционных сил на том этапе также сосредоточивалась по железнодорожной линии и, конечно, неизбежно причиняла ущерб самому железнодорожному хозяйству.

Высшая железнодорожная техническая администрация была против гражданской войны и хотела быть «над» борющимися силами, требуя бережного отношения к имуществу от людей, которые жизнью своей защищали не только железнодорожное имущество, но и все завоевания пролетариата. Понять этого они частью не хотели, частью же не умели и только жаловались на беспорядки.

Малая провозоспособность Грязе-Царицынской линии обязывала нас искать более мощных путей и средств передвижения миллионов [пудов] хлебных грузов, собрать которые мы предполагали в самое ближайшее время. Наилучшим путем была волжская система речного транспорта, но в Москве об этом ни Наркомпрод, ни НКПС, ни я лично и не подумали. Только уже в Царицыне сообразили, что сделали ошибку, не подтянув к нашему делу организации речного транспорта. Эту ошибку я попытался исправить по прибытии в Царицын, запросив ВСНХ и председателя Главода: «Немедленно сооб-

щите адреса учреждений и имена уполномоченных по Волжско-Мариинской системе. Направление суда на низовье Волги, на Царицын».

Но, не дожидаясь ответа Москвы на запрос по телеграфу, мы приняли ряд мер по контролю за движением грузов по Волге. Нами был организован контроль за судами в Царицыне, вверх по Волге до Камышина включительно.

Организация и осуществление контроля были поручены нами Василию Николаевичу Клинову, которого назначили чрезвычайным комиссаром, придав ему вооруженный отряд и назначив помощником его Павла Феоктистовича Панферова. Права и обязанности В.Н. Клинова и его помощника определялись в мандате за подписями И.В. Сталина и моей в нижеследующем виде:

«Мандат

Во исполнение декрета Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 13 мая 1918 г. и декрета Совета народных комиссаров от 31 мая в городе Камышине учреждается кордон для контролирования продовольственных грузов, идущих на север.

Тов. Василий Николаевич Клинов назначается особоуполномоченным по руководству работой кордона. Тов. Клинов имеет права:

1. Контролировать все продовольственные грузы на всех пристанях от Камышина до Царицына.

2. Реквизировать продовольственные грузы, не разрешенные к провозу Чекпродом.

3. Пользоваться бесплатно на правах правительственного учреждения всеми средствами передвижения, телеграфом и телефоном.

Все советские учреждения, все организации речного флота, почтовые и телеграфные учреждения обязываются всемерно содействовать тов. Клинову.

Члены Совета народных комиссаров,
народные комиссары И. Сталин, А. Шляпников,
член коллегии Наркомата труда А. Падэрин».

Об организации контроля и назначении на это дело Клинова В.Н. и Панферова П.Ф. были уведомлены Советы Камышина и Саратова, тогдашнего губернского центра. Имея контроль над движением судов, мы всегда имели возможность использовать речной транспорт под продовольственные грузы.

Все железнодорожные линии связи Сев. Кавказа с центральной Россией находились под угрозой удара контрреволюционных сил и вынуждали нас тогда же искать иных путей сообщения. Эти пути были продуманы Чекпродом и найдены, принципиально утверждены до моего выезда на Кубань. Чтобы выйти из полосы угрозы налетов контрреволюции, решено было направить грузовые потоки по Владикавказской железной дороге через Прохладную на Кизляр. От Кизляра же проложить ветку до Каспийского моря, примерно в районе Брянской пристани.

Для постройки ветки был назначен в Кизляр инженер Никольский. Рельсы и прочий материал для верхней конструкции добывал Артем (Сергеев) на Черноморском побережье. Работа была развернута очень широко.

В первые же дни моего приезда в Царицын мы договорились с И.В. Сталиным о разграничении нашей работы. И.В. Сталин оставался в Царицыне, сосредоточивая в своих руках не столько руководство Чрезвычайным комитетом продовольствия и снабжения, центр которого был в Екатеринодаре, а главная товарообменная база в Царицыне, сколько руководство военнополитическими средствами, обеспечивающими продовольственную работу на местах, распределением товарообменного фонда и организацией транспорта грузов, как к Царицыну, так и от него на север. Оборона Царицына также в основном направлялась и контролировалась И.В. Сталиным. Только при сохранении твердой руки Сталина в Царицыне и было возможно спускаться на места, не рискуя быть совершенно отрезанным через пару часов железнодорожной езды. Такое было положение на местах, и в этом районе особенно.

Я принял на себя непосредственное руководство конторами Чекпрода на Кубани, в Ставропольской губернии, а также и в Терской области и

готовился выехать в районы заготовок, как мне рекомендовал сделать В.И. Ленин.

Из некоторых материалов, имевшихся в Москве, я знал, что на Северном Кавказе транспорт являлся одним из больных мест. В Наркомпродте тогда договорился об организации на местах, особенно в Ставрополье, автогрузового движения. В целях обеспечения этого плана тогда же выделили 150 грузовиков и направили их на Царицын в мое распоряжение. Для организации дорожного дела я взял с собой специалистов шоссейников из НКПС.

Сведения, данные мне при объезде, о достаточном наличии продработников и технического персонала в системе Чекпрода, оказались неверными: недостаток в организаторах и техниках был огромный. Пополнить ряды работников путем телеграфных запросов из Петрограда и Москвы было трудно, но все же я это сделал, обратившись в Петроградский совет, Наркомтруд и ВЦСПС. В самом Царицыне и в распоряжении И.В. Сталина было тоже весьма ограниченное количество работников, так что пополнить свой отряд новыми людьми было затруднительно. Особенно трудно заменить таких пролетариев, которых я оставлял в Царицынском депо для налаживания работ по тяге.

Часть взятых мною рабочих из Выксы, Кулебак, приехав в Царицын, увидя продовольственное благополучие и легкую возможность временного разрешения продовольственного кризиса для своих семей, выражали пожелания вернуться назад, захватив с собой кое-какие продукты. Поездка в глубь Кубани пугала многих из них, брать их принудительно не было смысла, и я решил отпустить их. Оставшиеся отрядники осудили малодушных и потребовали от меня, чтобы я послал сообщение о не желавших продолжать работу — тем организациям, которые их послали. Это пожелание я выполнил и послал уведомление в г. Муром, на Выксунские и Кулебакские заводы.

Ознакомление с постановкой партийной, советской и профессиональной работой Царицынских организаций дало много поводов к изобличению местных работников, как говорили тогда, в сепаратизме, местничестве. «Власть на местах» — этот важнейший лозунг первых месяцев борьбы за установление Советской системы власти на местах — не везде и не всегда понимался правильно. И Царицын не был исключением, и он страдал этим уклоном. Руководители организаций частенько сбивались с общей линии на путь защиты особенностей и интересов «царицынского рабочего класса».

Обособление интересов «царицынского рабочего класса» проявлялось в области нормирования заработной платы, нарушавшей директивы ВЦСПС и Наркомата труда, а также и в области продовольствия. В Царицыне существовала свобода торговли хлебом и мукой, а вместе с ней и отчаянная спекуляция. В центре внимания профессиональных организаций стоял Союз Грузо-Лес, со случайным составом и совершенно непролетарским подходом к решению задач хозяйственного строительства. Заводы б. Дюмо и Пушечный были на отлете от Царицына, и рабочие этих заводов оказывали слабое влияние на работу профессиональных союзов и Совета. Завод «Дюмо» в значительной части много и часто простаивал из-за отсутствия сырья. Топливо и сырье он получал из Донецкого бассейна. В то время связь с Донбасом часто прерывалась, а с момента восстания донских казаков и продвижения германских оккупантов эти районы Украины и совершенно оборвалась.

О положении на железнодорожном узле Царицына я уже писал раньше. Совет профессиональных союзов не вникал в дело поднятия трудовой дисциплины в депо и мастерских. Сами железнодорожные организации ревниво оберегали себя от давления и «вмешательства» других союзов или местного центра.

Вопрос о борьбе за поднятие производительности труда на ремонте и установлении служебной дисциплины волновал до моего приезда И.В. Сталина, и то, что первым его словом при встрече со мной был вопрос, привез ли я опытных рабочих для борьбы за поднятие производительности и трудовой дисциплины на деле, свидетельствовало об этом.

На 13 июня назначена была конференция рабочих организаций. На этой конференции стоял мой доклад о задачах рабочего класса. Выступление носило весьма ответственный характер, а поэтому его «тон» и положения были установлены на совещании с И.В. Сталиным. Он знал Царицын и его работников много лучше, чем я, и дал мне ряд ценных указаний и советов, помогавших мне правильно поставить вопрос, поднять имевшиеся недостатки в деятельности власти и организаций на принципиальную высоту и таким образом ярче и убедительнее показать их ошибочность.

Я с величайшей благодарностью использовал все указания И.В. Сталина и в ходе собрания мог наглядно убедиться, какую огромную услугу оказали мне его советы: ни одно из выдвинутых мной положений не вызвало недоумений, несогласий или протестов. Аудитория, почти сплошь рабочая, весьма шумно и отзывчиво откликнулась на все указания об отсталости, неправильном понимании или толковании решений центра.

Свое выступление я построил по типу отчета представителя центральной власти местам, коснувшись всех основных вопросов того времени: и Брестского мира, и продовольственной политики, и начавшейся гражданской войны. Каждый из этих вопросов я освещал с точки зрения рабочего класса всей страны, иногда приводил в параллель этому «интересы царицынского рабочего класса».

По тому, как отзывалась рабочая масса, можно было легко понять, что сепаратизм и отстаивание «царицынских» особенностей не были ее пороком, а скорее [вызывались] непониманием сложившейся обстановки и своей роли в ней.

После меня выступали еще товарищи из центра: член ВЦИК И.И. Матрозов, мой помощник член коллегии Наркомата труда А.Н. Падэрин. И.И. Матрозов посвятил свою речь задачам Советов, а А.Н. Падэрин дал обзор мероприятий Советской власти в области законодательства о труде и социальном страховании, страховании от безработицы и т.п. Одновременно А.Н. Падэрин отметил нарушения трудовой политики местными органами и дал указания об уменьшении неправильных решений.

После нас с приветственными речами выступали председатель Царицынского Совета Ерман и рабочий Пестряков. Приветствуя нас как представителей центральной власти и деятелей революционного рабочего движения, тов. Ерман дал блестящую характеристику создавшегося в крае положения, отметил справедливость наших указаний и дал заверения идти нога в ногу с рабочими Петрограда и Москвы. Простыми словами он умел волновать рабочих слушателей, убеждать рядом местных примеров, связать борьбу за Царицын с мировой борьбой против империализма.

Конференция превратилась в демонстрацию единения центра с местами и закончилась принятием резолюции и воодушевленным пением Интернационала.

В тот же день я послал об этом событии телеграфное сообщение в Совнарком следующего содержания:

«13 июня в доме Царицынского Совдепа состоялся митинг из представителей рабочих организаций и гостей, всего до 1500 человек. Выступали на тему о задачах рабочего класса Шляпников, Матрозов, Падэрин и от местных организаций — предсовдепа Ерман и рабочий Пестряков с приветствиями и характеристикой положения. Единодушно принята резолюция. Митинг закончился пением революционных песен.

Резолюция:

«Конференция членов Совета профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов г. Царицына и его района, заслушав доклады представителей Центральной власти, выражает горячую готовность бороться за торжество социалистической Революции, подчиняя свой местные, личные интересы интересам рабочих всей страны, интересам рабочего движения в целом.

1) Конференция еще раз обращается к трудящимся с требованием повы-

сить производительность труда и покончить с производственной разрухой.

2) Конференция одобряет продовольственную политику центральной власти, настаивает на государственной монополизации хлебных запасов и на незыблемости твердых цен.

3) Одновременно с этим конференция обращается ко всем трудящимся с призывом создать могучую армию, которая единственно (в тексте: единогласно. — *Ред.*) может обеспечить социалистические мероприятия Советской власти, создавая могучую защиту от натиска мирового империализма».

После митинга меня окружили делегации рабочих с заводов «Дюмо», Пушечного, представители увечных, безработных и другие, требуя посещения их заводов, учреждений и вмешательства центра в свои дела. Безработные от имени «контрольной комиссии» вручили мне письменное приглашение познакомиться с их работой, в следующей редакции:

«Июня 13 дня 1918 года.

Народному комиссару труда тов. Шляпникову

Контрольная комиссия при Центральном совете профессиональных союзов убедительнейше просит Вас уделить ей время для очень важных вопросов по текущему моменту.

Думая, что она Вам будет полезна, ибо этот орган состоит из безработных, который выяснит Вам все, что делается в гор. Царицыне и его уезде из своей жизненной рабочей практики.

У ней есть схемы и инструкции, каковые она старается ввести в жизнь, которые будут очень полезны профессиональным союзам и советам и с каковыми желательно бы было Вам ознакомиться.

С товарищеским почтением, президиум Контрольной комиссии при Центральном совете профессиональных союзов.

Председатель Васильев».

Делегаты завода «Дюмо» приглашали к себе и просили дать разъяснения на ряд интересовавших их вопросов, а именно:

- 1) Как смотрит Наркомат труда на положение завода;
- 2) Есть ли надежда на улучшение промышленности в связи с доставкой заводу сырья;
- 3) Продовольственный вопрос в связи с автономной закупкой;
- 4) Есть ли надежда, что при закрытии завода рабочие и служащие могут быть чем-либо обеспечены.

Рабочие с Пушечного завода добивались от меня решения своей участи, а также совета о том, как поступить с имевшимися на заводе ценными запасами, например, меди там было свыше 200 тысяч пудов. За этой медью приехали к ним... французы, представители военной миссии с мандатами Троцкого. Рабочие отнеслись к французам недоверчиво, предложение Троцкого об отпуске меди — не выполняли...

Увечные рабочие жаловались на Страховое общество, прекратившее платежи присужденных пенсий. Кроме того, они указывали на неправильную оценку в прошлом степени утраты ими трудоспособности и требовали пересвидетельствования, а также оплаты разницы за прошлое.

Всем делегациям я дал обещание быть у них, ознакомиться с положением и помочь в деле, интересовавшем их.

Рано утром 14 июня меня вызвал озабоченный И.В. Сталин и сообщил, что есть важное сообщение по телеграфу из Москвы, и пригласил меня пойти вместе с ним на железнодорожный телеграф. В конторе телеграфа была уже расшифрована, то есть переписана с языка телеграфа Морзе на простой, телеграмма В.И. Ленина и Г.В. Чичерина И.В. Сталину. И.В. Сталин передал телеграмму мне, сказав, что он ее читал при передаче по прямому проводу, еще ночью. Приняв телеграмму, читаю:

«Крайне важно, чтобы вы ехали без малейшего промедления в Новороссийск, дабы добиться исполнения флотом приказа правительства чего он мог добиться об этом послан уже ряд ряд телеграмм в Новороссийск. Если

приказ правительства не будет исполнен флотом, без малейшего промедления, то неизбежно германское наступление (в телеграмме написано — «настроение». — *А.Ш.*) и взятие германцами Новороссийска. Таков точный и определенный германский ультиматум. Приложите все усилия, чтобы осуществить поездку Новороссийск и добиться исполнения приказа. Председатель Совнаркома Ленин 13/VI 1918 года. Москва. Кремль».

Телеграмма местами явно искажена, но общий смысл поручения В.И. Ленина был достаточно понятен и определен. Непосредственно за телеграммой В.И. Ленина шла другая, тоже Сталину, в которой сообщалось: «Я имею еще вам сказать перевод вербальной ноты барона Кюльмана на имя Иоффе, переданной нам также сюда. [В] распоряжении германского Министерства иностранных дел имеются следующие официальные сообщения. Первое. С десятого июня германские войска около Батайска подвергаются нападениям. Нападения продолжают-ся до настоящего времени. Второе. К северо-западу от Валуек германские укрепления подвергаются нападению. Бронированный поезд подверг обстрелу занятую германскими войсками деревню. Третье. Таганрог начиная с четырех часов утра 10 июня обстреливается со стороны моря. Бомбардировка продолжается с перерывами до настоящего момента. Четвертое. Вышедший из Новороссийска транспорт из приблизительно тридцати судов замечен около Миусской бухты. Несколькo тысяч русских войск у Таганрога высадились в тылу у германских войск. Ввиду этих обстоятельств возникают сомнения в том, желает ли или может ли Русское правительство лояльно исполнять условия, принятые ею (им. — *А.Ш.*) на себя в обмене нот относительно судов Новороссийске. Нижеподписавшийся просит обратиться к Русскому правительству с тем, чтобы оно приняло меры для устранения указанных явлений и для немедленного удаления обратно указанных войск. Германское командование будет принуждено принимать дальнейшие меры исключительно руководствуясь военными соображениями, если до пятнадцатого сего месяца не будут приняты вышеупомянутые мероприятия. Чичерин прибавляет необходимо принять решительные меры против агрессивных действий со стороны наших войск и флота. Просим вас постараться выяснить действительные факты и передать войскам и морякам категорическое распоряжение Советского правительства воздерживаться от нападений на германские войска и суда и на занятую германцами территорию, причем нарушители должны подлежать строгой ответственности перед революционным трибуналом. Народный комиссар инодел Чичерин 13/VI 1918 года. Москва. Кремль».

За этой телеграммой Г.В. Чичерина была еще одна:

«Прибавляю, что в центре всей дипломатической акции Германии относительно нас стоит теперь вопрос о флоте. Германская ставка или, может быть, император ставит все будущее переговоры и всякие будущие соглашения (в) какой бы то ни было области в зависимость от вопроса о флоте. Обещание нами дано. Неисполнение было бы крахом всей нашей политики. Народный комиссар инодел Чичерин. 13/VI 1918 года. Москва. Кремль».

Ознакомившись с телеграммами, я понял волнующую озабоченность И.В. Сталина, вернее Кобы, как мы называли его в партийном кругу. Да, положение было тяжелое, трудное. Но что же делали специальные комиссары Наркомвоенмора — Глебов-Авилов и Вахрамеев, сам моряк Балтийского флота? Почему они молчат, почему не выполняют распоряжений правительства? Эти мысли волновали меня, но ни на одно из этих и подобных «почему» не было ответа. Место действий было отделено от нас полосой степей, станиц и городов, расстоянием в 750 верст. Надо было ехать туда, разбираться там, на месте.

Телеграмма В.И. Ленина была адресована И.В. Сталину, он должен был ехать туда. Но после весьма короткого обмена мнениями мы пришли к выводу, что покинуть Царицын в тот момент было весьма опасно, а поэтому решили, что поручение В.И. Левина и Г.В. Чичерина выполню лично я. Это решение И.В. Сталин «скрепил» на телеграмме своей рукой, подписав в адресе телеграммы, после своего имени, мое.

Судя по характеру германской ноты и поручения правительства, надо было действовать срочно и, по согласованию с И.В. Сталиным, я наметил на

утро 15 июня экстренный отъезд. За остаток дня я должен был закончить целый ряд спешных дел, интересовавших местных рабочих.

Моему помощнику, А.Н. Падэрину, я поручил подготовку отъезда, а сам поехал на заводы, сначала на Дюмо, а потом на Пушечный. На заводе Дюмо я провел небольшое собрание, на котором дал объяснения по всем интересовавшим их вопросам. Самым существенным был вопрос о дальнейшей работе завода. Мастерские были хорошо оборудованы, но не было металла, угля и нефти. На скорое получения сырья из Донбасса надежды было мало, надо было искать его в другом месте. Завод выполнял важные заказы для железных дорог, и я считал необходимым поддержать перед центром пожелания и в этих целях послал в ВСНХ и В.И. Ленину телеграмму, прося оказать содействие рабочей делегации завода, находившейся тогда в Москве, получить металл и нефть.

Вторым вопросом, волновавшим рабочих, был продовольственный. В то время в Царицыне существовала свобода торговли и хлебной монополии не было. Такое положение приводило к спекулятивным ценам на хлеб, а рабочие вместо борьбы со спекуляцией за осуществление хлебной монополии выдвигали требование «автономных закупок», то есть расширения права покупки хлеба и др. нормированных продуктов по вольным ценам. Это повело бы только к повышению цен на местах заготовок, к срыву продовольственной политики на местах, подорвало бы работу нашего же Чекпрода. Согласиться на удовлетворение подобного требования рабочих я не мог. По соглашению с И.В. Сталиным я сделал иное: я отдал распоряжение Чекпроду о включении рабочих завода в план снабжения. Рабочие охотно согласились на это и обещали помогать своими людьми постановке продовольственного дела.

Вопрос о вознаграждении рабочих и служащих при закрытии завода был решен еще в 1917 г. особым декретом: в таких случаях рабочие и служащие получали единовременное пособие в размере полутормесячного жалования, а по истечении полутора месяцев, если не находили работы, то имели право на вспомоществование, как безработные. Таким разъяснением я внес полное успокоение в рабочую среду.

Почти тот же круг вопросов волновал и рабочих Пушечного завода, с той лишь разницей, что там были уже питерские рабочие и эвакуированное имущество с Обуховского завода, в частности желтые металлы. Заводом фактически управлял завком, так как правление назначено еще не было.

По вопросу о дальнейшем направлении работы завода я в тот же день сообщил в Москву, ВСНХ, военное и морское ведомства, Наркомат труда и В.И. Ленину, что «необходимо срочно выяснить судьбу нового Царицынского орудийного завода, хорошо построенного, почти оборудованного для производства артиллерии. Ввиду отсутствия сырья для новых орудий, следует приспособить к ремонту орудий, имеющихся в избытке. Нужно организовать правление и утвердить смету. Царицынский совнархоз малоактивен, шлите своего инструктора».

Побеседовав с завкомом и рабочими Пушечного завода примерно на те же темы, как и на Дюмо, я вернулся в Царицын для разрешения целого ряда вопросов, касавшихся организации и деятельности профсоюзов и местного комиссара труда.

В области профсоюзной работы мы обсудили принцип построения союзов и признали необходимым организоваться по производственному принципу. В тарифной политике Совет профсоюзов уже не имел прежней настойчивости для оправдания «особенностей» царицынских рабочих и просил только дать ему времени для исправления ошибок.

По вопросу об увечных организации просили дать официальное распоряжение комиссару труда, чтобы это дело сдвинуть с места и удовлетворить справедливые пожелания рабочих, потерявших трудоспособность от несчастных случаев. Такое указание комиссару труда мною было дано официально, и вопрос был улажен.

И.В. Сталин перед моим отъездом в Екатеринодар решил переговорить

со штабом главнокомандующего войсками Донской и Кубано-Черноморской областей Калнина¹². Переговоры имели место в ночь на 15 июня. После переговоров И.В. Сталин послал телеграфное извещение на имя В.И. Ленина, в котором сообщал, что «ночью с 14 на 15-е в два часа я с Орджоникидзе говорил по прямому проводу со штабом главнокомандующего всеми войсками Донской и Кубано-Черноморской области. Выяснилось, что штаб и главнокомандующий получили приказ Ленина, Троцкого о немедленном прекращении (военных) действий и выехать на фронт 14 ночью для проведения в жизнь упомянутого приказа. Мы повторили штабу содержание приказа, сообщили ультиматум немцев и срок ультиматума. Сказали, чтобы в случае противодействия со стороны ЦИК Кубани штаб не считался бы с ними. Мы ни на минуту не сомневаемся, что военные действия будут приостановлены. Можете не сомневаться, что налаживающееся перемирие не будет сорвано (армией), так же как и флотом. Итак, действуйте решительно в духе ваших приказов. 3 часа ночи 14 на 15-е июня. Царицын».

За ночь был сформирован новый состав поезда, подобраны свежие силы и вооруженный отряд. И.В. Сталин передал мне часть имевшейся в его распоряжении воинской силы. В помощь нашей работы я получил 1 роту Варшавского Советского полка с пулеметной командой. Командиром роты был Роман Иосифович Эйненкен. Состав роты был национально весьма пестрый: поляки, белорусы, великороссы, украинцы, «Международный пролетариат» был представлен несколькими пленными австрийскими рабочими, да двумя-тремя китайцами, ввезенными в Царицын для работы во время войны.

Кроме вооруженного отряда, я получил от И.В. Сталина из средств Чекпрода 13 млн рублей денег для Екатеринодарской конторы. В моем распоряжении были деньги, полученные в Москве, в качестве подкрепления, кажется 8 или 10 миллионов. Их я хранил на всякий чрезвычайный случай.

К составу поезда должны были прицепить несколько вагонов мануфактуры и других промышленных изделий для товарообмена, но председатель Чекпрода Якубов, видимо, «забыл» предупредить начальника станции, и к отходу поезда вагоны не были подготовлены. Задерживаться же дальше в Царицыне, ввиду важности и сугубой спешности поручений правительства, переданных мне И.В. Сталиным, было невозможно, и мы решили выехать без товаров, поручив оставшимся членам отряда двинуть поезд с товарами следом за нами.

Перед отъездом из Царицына я получил извещение о приближении грузовых автомобилей и оставил там своим уполномоченным Никиту Ивановича Назарова для принятия автомобилей и сопровождения их в Ставрополь.

(Продолжение следует)

Примечания

1. См. инструкцию в приложении. (Здесь и далее приложения, как правило, не публикуются. — *Ред.*)
2. См. это воззвание в приложении. (Воззвание опубликовано в кн.: Декреты Советской власти. Т. 2. М. 1959, с. 348-354. — *Ред.*)
3. Падэрин Александр Николаевич (1892—1938) — в 1917 г. член военной секции Петроградского совета, затем в Наркомтруде (в 1918 г. член коллегии Наркомтруда).
4. Пинсон Борис Давыдович (1892—1936) — комиссар труда в системе Наркомтруда.
5. Фамилия одного из старых владельцев заводов Лессинг, переделанная выксунцами на русскую «Лесенка». (Возможно также, что имелся в виду инженер-технолог Н.Д. Лесенко — один из директоров Компании Петроградского Металлического завода, член правлений Русского акционерного общества артиллерийских заводов и ряда предприятий Сормово-Коломенской группы. — *Ред.*)
6. См. прокламацию в приложении.

Ко всем рабочим Нижегородской и Владимирской губерний
9 июня в Сормово произошли крупные события.

Съехались в Сормово на губернскую рабочую конференцию делегаты фабрик и заводов Нижнего Новгорода, Сормова, Канавина, Павлова, Ворсмы, Муром, Вязников, Коврова, Кулебак, Выксы, Южи и других приволжских рабочих центров.

С утра в Сормово нагнали латышей и красноармейцев, поставили пулеметы. С утра были захвачены все помещения, удобные для конференции. Конференция должна была начаться полулегально в небольшой комнате социал-демократического клуба. Вечером, во время перерыва занятий рабочей конференции, красная гвардия на улицах начала производить беспорядочные провокационные выстрелы. Шел обстрел всех улиц, малейшие скопления рабочих беспощадно разгонялись выстрелами и прикладами, клуб, где утром открылись заседания конференции, был захвачен и разгромлен... На улицах убит один рабочий, среди раненых один вязниковский делегат, много избитых.

На другой день конференция собралась на заводе, под охраной рабочих, и продолжала свои занятия, приняв целый ряд важных решений по политическому, продовольственному и организационному вопросу. По окончании же конференции группа делегатов подверглась обыску в помещении столовой Биржи труда, у них отобрали мандаты, им «предписали» немедленно покинуть Сормово, некоторых из них под конвоем отвели на пристань.

Неслыханным актом насилия над волей выборных рабочего класса и над самой рабочей массой, новыми расстрелами и разгоном большевистское правительство делает последние попытки спасти свою утерянную власть. Оно расстреливает рабочих и крестьян повсеместно: в Сормове, Колпине, Кинешме и др. местах. И пролетариат в Петрограде, Москве, Твери, Коломне, Туле — всюду собирает свои силы, всюду выступает против гнусного самодержавия. Повсюду пролетариат разрывает с властью, пошедшей против народа.

Пули и голод несет вам, товарищи-рабочие, большевистская власть. Хотите ли вы этого, товарищи? Можете ли вы переносить дольше позор и неволю, худшую, чем при царском режиме? Разве вы не чувствуете, что с каждым днем эта власть, носящая ваше имя, вас приближает к гибели?

Нет сил больше терпеть рабочему люду! Мы все живем под дулом винтовки, нас убивают, с нами обращаются, как с последними холопами. Вы должны стать, товарищи, на решительную защиту своей рабочей конференции, вашей новой независимой организации, органа вашей воли и борьбы. Вы тем самым защищаете самих себя, своих жен и детей от произвола самодержавия, от гражданской войны, от голодной смерти.

Протестуйте же, товарищи-рабочие всех фабрик и заводов, выносите резолюции протеста и готовьтесь к решительной организованной борьбе.

В заседании своем 10 июня рабочая конференция постановила: объявить по всей Нижегородской и Владимирской губерниям всеобщую политическую стачку протеста против разгона конференции и расстрела рабочих.

Товарищи, согласно решению 1-го чрезвычайного съезда уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний, Исполнительное бюро назначает однодневную политическую стачку протеста пролетариата двух губерний на вторник 18 июня [юго] ст[илия] и постановляет об этом оповестить рабочих Москвы и Петрограда.

Товарищи, дружным выступлением покажите, что умеете защищать свою свободу! Пусть станут все фабрики и заводы Нижегородской и Владимирской губ. в день 18 июня!

И не за горами то время, когда униженный, и оскорбленный, и голодающий пролетариат при поддержке и сочувствии всего общества сбросит свои цепи и одержит победу над врагами-насильниками во имя лучшей жизни народа.

Долой самодержавие Совета народных комиссаров! Долой правительство убийц и насильников! Да здравствует Учредительное собрание! Да здравствует освобождение рабочего класса!

Исполнительное Бюро 1-го Чрезвычайного съезда уполномоченных фабрик и заводов Нижегородской и Владимирской губерний.

Сормово, 12 июня 1918 года.

7. Матрозов Иван Иванович (1886—1938) — член ВЦИК, затем на профсоюзной и хозяйственной работе.
8. Киквидзе Василий Исидорович (1895—1919) — начальник дивизии Красной армии.
9. Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — военный руководитель Северо-Кавказского военного округа.
10. Зедин (Зиединш) Карл Янович (1885—1919) комиссар Северо-Кавказского военного округа.
11. Ерман Яков Зельманович (1896—1918) — председатель исполкома Царицынского совета.
12. Калинин Карл Иванович (1884—1938) — главком Красной армии Северного Кавказа.

Исторические судьбы Исландии

Г. И. Анохин

По древнегреческим преданиям, весной 325 г. до н. э. из колонии эллинов в Массалии, что была вблизи современного Марселя, отплыло торговое суденышко. Его кормчий Питей взял курс из Средиземноморья в Атлантику, стремясь посетить неизвестные дотоле земли на самом севере Европы. Остались за кормой изумрудные пастбища туманного Альбиона. Ветер и течение гнали корабль на север. Через несколько суток плавания в бурном и студеном море показалась земля. «Крайний предел суши на севере» («Крайняя Туле») — назвал Питей неведомый остров. Впоследствии ученые выдвинули гипотезу, что это была Исландия.

Питей писал, что остров населен. Однако современные археологи не обнаружили там следов пребывания людей ранее III—IV веков нашей эры. Впрочем, поскольку этими свидетельствами были исключительно римские монеты указанных столетий, можно предположить, что они случайно, скажем в условиях шторма, упали с какого-либо обезлюдившего по тем или иным причинам судна в воды, омывающие Британию. К тому же монеты эти были обнаружены вместе с предметами, относящимися уже к эпохе викингов (VIII—XI века), то есть к тому времени, когда они уже не были в обычном ходу. Возможно, что обнаруженные на берегу Исландии скандинавскими первопоселенцами в IX—X вв. клады, могли быть специально спрятаны в тайниках как, согласно дохристианским скандинавским верованиям, залог богатства в потустороннем мире.

Как и Питей, так и преподобный аббат Брендан, который плывал с ирландцами в этом районе в карре (кожаной лодке) в VI в. нашей эры, полагал, что остров заселен. Во всяком случае, по словам аббата, он был сильно пересеченным, скалистым, засыпан вулканическим шлаком, “без травы и деревьев”, но при этом “слышался гул работающих кузнечных мехов... и стук кувалд по железу и наковальням”; из кузниц выскакивали обросшие волосами местные обитатели, выглядевшие, как само воплощение огня и тьмы, которые швыряли в ирландцев раскаленный шлак ¹.

Чего только могло не привидеться мореходам, впервые увидевшим извержения вулканов у южных берегов Исландии, особенно подводных, тем более что на этом острове было двести действующих вулканов! К тем же векам относятся и другие фантастические утверждения. Ирландский мореход Майль-Дуйн, живший по-видимому в то же время, уверял, что остров насе-

лен всевозможными диковинными существами, а также ирландскими отшельниками ².

Ирландский монах Дикиул в сочинении «Измерение круга земного» (825 г.) сообщал, что в 795 г. ирландские монахи обнаружили остров, где солнце летом уходит за горизонт всего на несколько часов, а у берегов море не замерзает даже зимой ³. Последующие поселенцы Исландии – скандинавы дали некоторым урочищам топонимы, в основе которых лежит древнескандинавский корень *rari*, заимствованный из гэльских языков (*rara*), то есть «отшельник, монах»: Папей («Остров ирландского монаха» – у восточного побережья Исландии), Папос («Очаг ирландского монаха»), Папафьорд («Залив монаха»). Современные археологи, в том числе бывший президент Исландии, а до этого директор Национального музея Кристьян Элдьярн, обнаружили древнейшие, по всей видимости ирландские, руины лишь у юго-восточного побережья Исландии ⁴ – на острове Папей. Исландские саги несколько раз упоминают о явно ирландских крестах, колоколах, монашеских посохах и христианских книгах.

О самом же открытии Исландии скандинавами рассказывает одна из их древнейших саг “*Landáfmabók*” («Книга заимки земли»), в которой воссоздана поименная и довольно точно датированная хроника ознакомления с островом и его заселения. Около 867–869 годов этот остров был независимо друг от друга открыт двумя норвежскими парусно-весельными кораблями, которые оказались случайно занесенными чудовищными штормами на крайний запад Норвежского моря ⁵. Корабль норвежца Наддода, направлявшийся к Фарерским островам, был занесен далеко на северо-запад и выброшен на крутой берег неведомой гористой и холмистой земли. Стояла осень, землю покрыло массой снега. Но никаких признаков обитателей или их жилья путешественники не обнаружили. Наддод назвал остров *Snæland* (Снежная страна). Починив корабль, он сумел вернуться в Норвегию. Есть основания полагать, что этим мореплавателям удалось побывать на восточном берегу Исландии. Другой корабль – шведский – под управлением Гардара Сваварссона направлялся к Гебридским островам, но сильный юго-восточный шторм вынес его к большой земле, где пришлось перезимовать. Лишь следующим летом Гардар проплыл мимо южного и восточного берегов этой земли, установив, что она достаточно обширна и назвал ее Гардарскоульми (Остров Гардара) ⁶.

Узнав об открытии большого острова на западе Норвежского моря, многие современники потянулись сюда, чтобы утвердиться на этой, никому не принадлежащей земле. Первым таким целенаправленным поисковым плаванием было в 870–871 гг. путешествие Флоуки Вильгердарссона. Обогнув остров с юго-запада, он высадился на северном берегу залива, именуемого ныне Брейдифьорд, и поднялся на горную перемычку для того, чтобы наметить дальнейший путь корабля. Сверху он увидел на севере большой залив (может быть Хунафлоуи?), сплошь забитый паковым льдом, и назвал местность *Island* (Ледовая страна). Последующие мореходы это название перенесли на весь остров. Флоуки перезимовал на равнинном берегу Боргарфьорда, то есть в одном из самых плодородных мест острова – севернее современной столицы Рейкьявика. Место это оставило весьма благоприятное впечатление. Один из участников экспедиции – Торольв – рассказывал потом, что на пастбище «из каждой травинки льется масло» (за что его потом стали называть Торольв Масляный). Несколько лет спустя Флоуки со своими домочадцами переселился в Исландию. Но не ему досталась честь именоваться первым постоянным жителем Исландии!

В 872 г. на поиски новой земли отправился прославленный к тому времени предводитель викингов мореход Ингоульвюр Арнарссон из Далсфьорда (Западная Норвегия), со своим сводным братом Лейвюром Хроудмарссоном, по кличке Хьёрлейф. Перезимовав в одном из фьордов на восточном берегу Исландии, братья вернулись в Норвегию. В 873 г. викинг Лейвюр совершил разбойничий набег на запад Ирландии, захватил много добра и десять рабов. Весной 874 г. оба брата распродали свое имущество в Норвегии и летом на

двух кораблях отплыли к Исландии. Оказавшись в виду острова, братья по обычаю тех времен бросили за борт привезенные с их родины священные столбы с резными изображениями бога Тора, покровителя земледелия и защитника от злых духов, и дали обет, что поселятся там, где эти столбы прибьют к берегу.

В то лето Ингоульвюр высадился на южном берегу Исландии, а Лейвюр — значительно западнее. Оба открытых ими мыса и поныне носят их имена — Ингоульвсхёвди и Хьёрлейвсхёвди. Весной 875 г. Хьёрлейв стал заставлять своих рабов-ирландцев расчищать землю под пашню, но те убили его и уплыли в море. Рабы Ингоульвюра — Вивиль и Карли, отправленные им на запад искать священные столбы, обнаружили труп Хьёрлейва, о чем доложили своему хозяину. Ингоульвюр со своими людьми настигли ирландцев на островах юго-западнее Исландии и убили рабов, погубивших Хьёрлейва. С тех пор за этими островами сохранилось название Вестманнаэйяр («Острова западных людей», как называли скандинавы ирландцев).

Вивиль и Карли лишь на третий год нашли на юго-западной оконечности Исландии искомые столбы. Ингоульвюр построил там жилища, установил за своим сиденьем священные столбы и стал энергично осваивать новые земли на склонах “залива Дымов” — по-исландски Реукјавік, где ныне расположена столица Исландии. (Дымы — пар от гейзеров.) «Зря мы поменяли хорошие земли на этот удаленный мыс!» — сокрушался раб Карли, и бежал с рабыней в горы. А Вивиль Ингоульвюр отпустил на свободу и поселил на горе его же имени. На холме же над портом нынешнего Рейкьявика, где одиннадцать веков назад поселился Ингоульвюр, высится покрытый темно-зеленой патиной бронзовый монумент работы скульптора Эйнара Йоунссона, воздвигнутый в 1907 г. в честь первого исландца.

Вслед за Ингоульвюром в Исландию устремился поток переселенцев. Мало на земле народов, начало истории которых описано в фольклорных источниках столь достоверно и подробно! Поименно известны чуть ли не поголовно все первые поселенцы. В «Книге заимки земли» повествуется почти о четырехстах семьях первых колонистов-хуторян, поселившихся на прибрежных низменностях в устьях рек.

Этническое происхождение первых поселенцев не было одинаковым⁷. Из упомянутых поименно около семи тысяч лиц — примерно 85% уроженцы Норвегии (главным образом Западной), более 12% — с Британских островов (преимущественно кельтские рабы, захваченные скандинавами в Ирландии), остальные — из Швеции и Дании. В дальнейшем исландское общество развилось на основе единого норманнского (древноревежского) языка, (имелись и некоторые ирландские заимствования).

В те годы Исландия отличалась более мягким климатом, чем ныне. Вдоль морского берега и по устьям рек произрастало пышное субарктическое разнотравье. Прибывающие селились на отдаленных друг от друга хуторах. Для разведения коней не только как мясо-молочного скота, но и для верховой езды, а также и овец, как мясо-молочно-шерстяного скота, каждому хозяйству требовались большие пастбища. Земледелие же носило прихуторской характер — выращивали ячмень и овес на хлеб, кашу и пиво.

Березовые рощи были редки. С топливом и кораблестроением возникали определенные трудности. Кораблей для доставки зерна не хватало. Несколько выручало обилие плавника, используемого для строительства жилищ.

На каждом корабле приплывала, как правило, большая патриархальная семья, которая вместе с зависимыми от нее домочадцами и патриархальными рабами формировала семейную общину (хрепп). Утверждение, будто на острове «частная собственность на землю господствовала»⁸, вряд ли действительно. Собственность хреппов была общинная. Основную массу населения составляли свободные общинники. Главы семейных общин — хёвдинги пользовались влиянием и авторитетом, которые зависели от богатства и численности хреппа.

Хреппы, связанные экономическими и культурно-бытовыми отношениями, составляли соседские общины — годорды. Годорд на общем собрании — тинге — соседской или поземельной общины избирал из числа хёвдингов единого жреца годорда — годи, который на собираемые в общине средства, содержал капище. Он же руководил жертвенными пирами и тингом годорда, всякий раз ритуально надевая на руку, как знак выборной власти, священное кольцо, обычно хранившееся на алтаре в капище.

В 930 г., когда на острове жило свыше 30 тысяч человек, в Тингведлире (на поляне, расположенной среди скал, примерно в сорока километрах к северо-востоку от Рейкьявика) состоялось первое всеисландское вече — альтинг, орган народовластия. По закону, принятому уже на первом вече, альтинг должен был собираться ежегодно на две недели — в июне. Сюда должны были прибывать все годи острова и каждый девятый член годордов. Все годи вместе (на первых альтингах — 39) составляли законодательный и судебный совет — лёгретту, которая избирала на три года лёгсагумадюра, всеисландского “законоговорителя” на очередных альтингах. Альтинг принял обстоятельные законы для защиты общества и его членов (в исландском языке понятия «общество» и «закон» для первых веков совпадали). По словам немецкого историка XI в. Адама Бременского, «У них нет другого короля, кроме закона»⁹.

Первый век исландского народовластия (930–1030 годы) — самый яркий в средневековой истории этого государства. Тогда и сложились многочисленные исландские саги. Расцвело самобытное творчество прозаического повествования, преимущественно исторического. К концу этого века в Исландии жило около 70 тысяч человек. Все последующее развитие самосознания исландцев (вплоть до наших дней!) происходило под неослабным воздействием этого века и саг, записанных исландцами в XII–XIII веках. Именно в “век саг” исландцы осознали себя единым и отдельным народом. Они называли себя исландцами, хотя говорили все еще на норманнском языке, как и на своей бывшей родине — в Норвегии и на всех островах «Западного моря норманнов».

В 1000 г. на альтинге добровольно было принято христианство. При этом языческие обряды насильственно не искоренялись, увлечения аскетизмом и нетерпимостью не отмечается. Принятие христианства рассматривалось как мера политического благоразумия, цель его сформулировал лёгсагумадюр тогдашнего альтинга Торгейр: «Если закон не будет един, то и мира не будет!»

Языческая мифология оставалась важной составной частью исландской культуры. Годи стали христианскими священниками, избираемыми годордом из хёвдингов, но по-прежнему ходили с оружием, хотя и несли свою службу теперь в церквах, а не в капищах. Епископов избирал альтинг. Многоженство было обычным, даже среди священников. Исландцы никогда не признавали неравноправия женщин и мужчин: развод всегда был свободным для любой стороны. Конина, как и в древности, осталась деликатесом. Нетерпимыми были христиане лишь в том, что не допускались поединки, как средство решения тяжб, так и в отношении оставления на пустыре на смерть нежелательных родителям новорожденных (например, в условиях массового голода)¹⁰.

В XI–XII веках образовалось два епископства, возникло девять католических монастырей, где хранились и откуда распространялись с XII в. книги на норманнском языке, ставшим исландским на основе латинского алфавита (dǫnsk tunga, с XIII в. norrǫnt mál, с XV в. официально назывался islenzkt mál).

На смену родовой знати в Исландии не пришла феодальная. Остров не знал феодального строя. Имущественное расслоение в обществе не было значительным, экономическим могуществом выделялись лишь епископаты и монастыри. Благодаря личному равенству на острове сложилась и существует до наших дней особая форма обращения — на «ты». Обращение на «вы» в

Исландии практикуется к еще незнакомому иностранцу, или же как признак враждебного, во всяком случае неприязненного, отношения друг к другу.

К XIII в. насчитывалось уже 80 тысяч исландцев. С 1264 г. они попали в подчинение Норвегии, а с 1380 г. вместе с последней — Дании. Утрата политической независимости совпала с заметным ухудшением климата (с середины XIII в.). Осложнилось и социально-экономическое положение. Из-за умеренного выпаса скота были почти истреблены роши низкорослого березняка, усилилась водная и ветровая эрозия почв, пастбища превращались в тундровые пустыни. Непосредственным следствием стал массовый падеж скота. Исландцы все больше зависели от привозной торговли, особенно от приобретения продовольствия на материке, — сначала в Норвегии, затем в Дании, где и сама-то торговля оказалась в руках ганзейских купцов.

В 1402–1404 годы эпидемия чумы унесла массу исландцев. В XVI в. ганзейцев оттеснило датское купечество. Управление островом окончательно перешло в руки датского правительства, что сопровождалось усилением экономического гнета. Дания монополизировала всю торговлю. Предпринимались прямые попытки данизации исландцев, в том числе и посредством церковной реформации 1540 г. (насильственное введение лютеранства и разорение католических монастырей — лишение их земли и расхищение древнеисландских рукописей). Католический епископ Йоун Арассон, возглавивший сопротивление реформации с оружием в руках, был казнен 7 ноября 1550 г. вместе с двумя своими сыновьями-единомышленниками. Лютеранство вызывало противодействие исландцев. Они симпатизировали горделивой и роскошной архитектуре католических храмов. (В дальнейшем эти черты были восприняты лютеранскими храмами.)

Условия жизни исландцев ухудшались. В 1579 г. последовало опустошительное нападение английских пиратов на прибрежные селения, в 1614 г. — набеги испанских, а в 1627 г. — североафриканских пиратов.

В 1703 г. насчитывалось всего 50 тысяч исландцев. В XVII–XVIII веках народ оказался перед угрозой полного физического уничтожения. К 1707 г. от оспы умерла треть исландцев. Резко похолодало, оскудели пастбища, возобновился падеж скота. Извержения вулканов в 1727–1728, 1755, 1766, 1783–1784 годах покрыли пастбища пеплом. Только извержение вулкана Лаки в 1783–1784 гг. и сильное землетрясение 1784 г. унесло жизни четверти всех исландцев, свело на нет земледелие и довело до критического минимума поголовье окота.

Вот характерная запись: «Когда лёд, отламывающийся от севера, соединяется с исландскими льдами, тогда жители острова бегут на оные толпами для собирания леса и для ловления премногих зверей... Тут часто бывают красные и белые лисицы, рыси, белые и черные медведи и единороги». Нищета и голод стали постоянными чертами жизни исландцев. Деторождение и брачность ограничивались: «Запрещено... под наказанием ссылкой (то есть изгнанием на смерть в пустоши. — Г.А.), если бедный человек женится на такой же бедной женщине или же, имея пропитание только для себя одного, возьмет жену, которая не в состоянии будет содержать сама себя». Возникла угроза вырождения. А когда «бедные и худо одетые» «прекрасные девушки» нанимались к датским или немецким купцам «для перемывания белья и других потребностей единственно ради хлеба, сухарей или какой-нибудь другой недорогой вещи» и рожали внебрачных детей от заморских гостей, то были «более уважаемы и изыскиваемы среди других девок, женихи друг перед другом торопятся за них посылать сватов»¹¹.

В XVII–XVIII вв. датский язык стал административным на острове. Но исландцы усердно занялись переписыванием и распространением в своей среде средневековых хроник, особенно становящихся все более редкими пергаментных подлинников саг, которые расхищались коллекционерами-датчанами, вывозившими их в Данию и в другие страны Западной Европы. Со второй половины XVIII в. исландцы повели борьбу за очищение исландского языка от датской лексики и других международных слов, особенно латинс-

ких. Эти усилия привели к консервации старых форм языка и изоляции его от других языков, в том числе скандинавских, к поголовной грамотности благодаря активизации чтения копий саг в каждом хуторе, к восстановлению родословных записей исландцев, которые велись от начала заселения страны. Все это имело значение для сохранения самосознания исландцев. В 1752 г. умер последний прямой потомок из рода первопоселенца Ингоульвюра, что сопровождалось новым подъемом самосознания народа.

XVII и XVIII века оказались страшными для истории исландцев: народ вымирал, его остатки датчане пытались насильственно ассимилировать. И в этих условиях исландцы самоотверженно, с особенной яростью отстаивают свою самобытность, этническое самовыражение.

В 1854 г. исландцы освободились от торговой монополии Дании. В 1855 г. они добились закона о свободе печати на родном языке, в 1859 г. — права публикации законов по-исландски. От голода и нищеты на территорию Нового Света — в США и Канаду — в 1870—1900 гг. эмигрировало свыше 30 тысяч исландцев, забросивших хутора, расположенные в особенно неблагоприятных для жизни северных и восточных частях Исландии.

Тем временем начались социально-экономические преобразования в самой Исландии. Страна вступила на путь постепенного капиталистического развития. В последней четверти XIX в. началось переоснащение рыболовного флота, развивается промысловая и сбытовая кооперация, рыбная ловля стала приносить всё большие доходы. Растет буржуазия, появляются первые исландские банки. Заметно улучшается жизнь людей. Растет и развивается собственная интеллигенция.

Впрочем Дания продолжала притормаживать развитие Исландии, что вызывало растущее сопротивление. В 1879 г. исландцы создали свое археологическое общество, затем — свои литературные и научные издательства, в 1887—1889 гг. добились признания исландского языка единственным государственным на острове, в 1902 г. учредили исландское историческое общество. В 1885 г. был создан собственный Национальный банк. С 1897 г. возникают свои политические партии (первая из них — Независимости, объединившая рыбопромышленников и торговую буржуазию) и профсоюзы (типографов). Тогда же возник и первый печатный орган — «Утренняя газета» партии Независимости. К XX в. хуторяне подаются на заработки в городские поселения. Развивается промышленность, растет пролетариат, происходит урбанизация общества¹².

Этнопсихологический стереотип сложившейся исландской нации характеризовался гордостью своим прошлым. Однако этот малочисленный этнос продолжал страдать от материальной нищеты. В начале XX в. численность исландцев не превышала той, что была в XI в. («век саг») — 70 тысяч человек.

Первая половина XX в. отмечена настойчивой борьбой исландцев за суверенитет. В 1901 г. они добились трехмильной зоны рыболовства вокруг острова. В 1903 г. возникла вторая политическая партия исландцев — партия Автономии. С 1 февраля 1904 г. в Исландии был упразднен пост датского губернатора. В рамках датского государства было учреждено внутреннее самоуправление острова во главе с исландским государственным министром, ответственным перед альтингом, с резиденцией в Рейкьявике. 17 июня 1911 г. основан исландский государственный университет, а в 1913 г. указом датского короля исландский флаг признан на острове государственным.

В годы первой мировой войны исландские рыбопромышленники и фермеры обогатились на торговле с воюющими странами, окрепла национальная буржуазия, численно вырос рабочий класс. В 1916 г. возникли Федерация исландских профсоюзов, Социал-демократическая партия с печатным органом «Народная газета» и Прогрессивная (фермерская) партия, с которой тогда же слилась партия Автономии, создав общий печатный орган «*Tíminn*» («Время»).

30 ноября 1918 г. Дания особым договором признала государственный суверенитет исландцев, ограничив его персональной унией (общий король

Исландии и Дании). В ведении Дании оставались только иностранные дела, было объявлено о постоянном нейтралитете Исландии. 18 мая 1920 г. альтинг утвердил первую конституцию Исландии, союзного с Данией государства. Лишь с 1934 г. в конституцию стали вноситься первые незначительные поправки.

В годы второй мировой войны, вслед за оккупацией немецко-фашистскими войсками Дании в апреле 1940 г., английское командование высадило 10 мая 1941 г. в Исландии свои войска. В июле 1941 г. на смену английским войскам, вернувшимся на родину для обороны ее от немецко-фашистской угрозы, на остров прибыли американские войска — в соответствии с американско-исландским соглашением «об обороне Исландии во время войны». С декабря 1943 г., когда истек 25-летний срок договора об унии Исландии и Дании и сошли на нет связи и зависимость исландцев от Дании, политические партии Исландии высказались за разрыв унии и за установление в стране республики. 16 июня 1944 г. альтинг принял конституцию республики Исландия, а на следующий день была провозглашена и сама суверенная республика.

В общественной борьбе исландцев активно участвуют женщины, имеющие свои, отдельные профсоюзы. Роль женщины в Исландии всегда была велика. Президентом Исландии на четырехлетний конституционный срок 29 июня 1980 г. была избрана женщина — Вигдис Финнбогадоттир, переизбранная на новый четырехлетний срок в июне 1984 года.

Исландцы никогда не имели собственного войска, не вели никаких войн. В эпоху викингов их воинственный дух находил выход только в кровной мести, а морские набеги на другие народы были лишь частными предприятиями зажиточных владельцев кораблей с дружиной из зависимых от них людей. По определению исландского историка Бьёртна Торстейнссона, исландцы не имели «ни одного национального героя в военных доспехах, но большое количество героев с пером в руке... Мы оборонялись и победили с пером в качестве оружия».

Исландский язык относится к западной ветви скандинавской подгруппы германской группы индоевропейской семьи языков. Он не имеет диалектов, если не считать жаргона рыбаков — фландрамола, который образовался в новое и новейшее время от общения с иностранными рыбаками. Исландский литературный язык сохраняет столь архаические черты, что любой исландский школьник свободно читает древнескандинавские тексты, то есть исландские саги в подлиннике. Характерно и то, что новые понятия образуются через переосмысливание старых слов или новых словообразований из них же, а изобретатели этих слов — исторически известные лица. Например, исландское слово *útvarp* — «радио» (*út* — «наружу», *varp* — «бросание») ввел в действующий язык известный писатель и ученый Сигурд Нордаль; *samurkjubú*, — «коллективное хозяйство» (*sam* — «вместе», *urkja* — «обрабатывать», *bú* «хозяйство») — выдающийся исландский писатель Халлдоур Лакнесс¹³. Согласно специальному закону от 27 июня 1925 г., «никто не должен брать себе в нашей стране фамилию»¹⁴. Антропологически исландцы относятся к атланти-балтийскому типу европеоидной расы, являясь самыми высокорослыми (средний рост 173,6 см), наряду с норвежцами, в Европе.

Традиционный хутор исландцев — ряд домиков из дёрновых кирпичей. Домики сомкнуты боковыми стенами друг к другу (для сохранения тепла в каждом), имеют двускатные дёрновые крыши поверх стропильно-дощатой обрешетки и обращенные на юг дощатые фасады. Обычно центральный из этих домов — жилой, остальные — хозяйственные постройки (складские и для скота). Жилой дом своим названием указывал на комплексность назначения: это и жильё, и место купания и стирки. В нем под двускатным потолком по обе стороны от срединного прохода — нары для сидения и сна, на которых проводили за работой в зимние дни и вечера перед сном все свое время обитатели хутора — при свете фитиля, горящего в ворвани. На нарах чесали шерсть, прядли, вязали.

Топливом в очагах служили смоченные в ворвани из жира выброшенных на берег мертвых китов торф, рыбы кости и трупы чаек. Окошко на фасаде, затянутое вместо стекла мочевым пузырем лошади, никогда не открывалось. В жилье всегда было сыро и холодно, пахло мочой и ворванью.

Ныне старые постройки обшиты рифленой жстью, которая ярко окрашена, покрыты толем и используются преимущественно для складских целей. Со второй половины XX в. дома строят железобетонные, обычно одноквартирные, с большими застекленными окнами, с отоплением и ванной, а то и бассейном от горячих источников. Крыши на них — шиферные, черепичные или жестяные, окрашены в яркие красный или зеленый цвет. На хуторах вокруг жилого дома и хозяйственных построек и от гаража (с легкой машиной в нем) — асфальтовые дорожки. Есть электричество, радиоприемник, телевизор и телефон.

В городах, в том числе в столице, преобладают одноэтажные коттеджи для одной семьи или двух-трехэтажные на несколько семей каменные дома с отдельным входом для каждой. Новая часть города напоминает широкими улицами и многоэтажными домами микрорайоны любых новостроек современных столиц. Монументальные здания в центре города редки (например, в Рейкьявике — здание Национального театра и несколько гостиниц). После второй мировой войны на горячих геотермальных источниках с исходной температурой воды от 80° до 140°С построены теплоцентрали для отопления домов и теплиц, открытые плавательные бассейны.

Костюм исландцев эпохи викингов известен по сагам — он тот же и из того же грубошерстного материала (вадмеля), что и у норманнов, данов, свеев. Черты народного костюма позднего средневековья сохранились больше у женщин, которые носят его на традиционных семейных торжествах (свадьба, похороны). Он состоит из темной шерстяной юбки, белой блузки и передника, черного или красного лифа со шнуровкой и растительным орнаментом на кокетке, обшитой по краям золотой или серебряной нитью, а на поясе — вмонтированы украшения из серебра. Другой тип: длинное платье из черного сукна с бархатным воротником и манжетами с растительным орнаментом, вышитым серебряной нитью. Девочки носят к таким костюмам черную бархатную шапочку, молодые женщины — шапочку с длинной кистью и массивным серебряным кольцом или высокий головной убор из полотна, пожилые женщины повязывают голову платком. Традиционная женская обувь — из цельного куска тюленьей или овечьей кожи. Традиционный поныне мужской костюм: суконные узкие брюки, шерстяной вязаный свитер или кофта, шерстяные гольфы или носки выше колен, башмаки из тюленьей кожи, берет или шляпа.

В пище преобладают дары моря, баранина, козлятина, конина, скир (вариант простокваши с творогом), характерно малое потребление хлеба (обычно пресного). Любимый напиток исландцев — черный кофе с сахаром вприкуску, до 10-15 чашечек в день. Из хмельных напитков популярны крепкие, а к коньяку бытует своя, специфически исландская закуска, местный деликатес — выдержанное в торфе под дёрновым слоем сало акулы¹⁵.

Развито декоративно-прикладное искусство: резьба по дереву, кости, рогу, гравировка по металлу, домашнее производство продолжается в ряде ремесел: шорном, обувном, ковроткачестве, кузнечном деле, бондарстве. В орнаментах — сложно повторяются стилизованные изображения животных и растений, библейские сюжеты. В эпоху позднего средневековья стали преобладать растительные узоры, христианские мотивы.

Выделяется четыре вида фольклора исландцев: сага, эдды (Младшая и Старшая), скальдическая поэзия, сказка¹⁶. Сага, как свидетельствует сама этимология (от глагола *segja* — «говорить, рассказывать»), возникла в устной форме и она действительно отражает раннее дописьменное время, как до заселения Исландии — «саги о древних временах», основанные на героических песнях, сказочных мотивах, простые вымышленные («лживые саги»), доисландская история норвежского (норманнского) крестьянства («королев-

ские саги»), так и после заселения Исландии, прежде всего — «саги об исландцах», вплоть до событий первой половины XIII века, современных самой записи («Сага о Стурлунгах»). Саг об исландцах (длинных и коротких) около 120 и в них упоминается поименно до семи тысяч исландцев «века саг».

Эдды — древнеисландские мифы, песнопения, сложенные еще в дописьменное время и записанные в первой половине XIII века. Полнее всего эддическое искусство представлено в «Старшей Эдде». Учебник этого стиля, — «Младшая Эдда», составлен Снорри Стурлусоном в 1222–1225 гг. и содержит цитаты из древнепоэтического фольклора и прозаического изложения мифов.

Поэзия скальдическая должна была отражать окружающую действительность и сочинялась прямо за работой или на пиру, восхваляла или осуждала кого-либо. Скальдом, то есть сочинителем «на злобу дня», мог быть каждый. Короткая импровизация строфы — виса — могла украсить любую беседу, особенно, если она соответствовала сложному и трудному стихотворному размеру и самому поэтическому языку скальдической поэзии, состояла из кеннингов, то есть условных обозначений из двух или большего числа существительных, определяющих одно через другое, или из заменяющих их хейти, то есть либо из слов, вышедших из употребления, либо имен, ставших нарицательными, или обозначающих части вместо целого, род вместо вида и т.п.

Большинство исландских сказок — былички и бывальщины, в которых на фоне родной природы и конкретных урочищ и хуторов наряду с реальными людьми действуют трётли (глупые и безобразные, сильные и мстительные великаны, способные тем не менее стать верными друзьями людей), хульдуфоульки («скрытые жители»), аульвы (т.е. эльвы или эльфы), утилегеманны (скрывающиеся в необитаемой местности якобы люди, в существование которых исландцы верили даже в XIX веке), колдуны (нередко ими оказывались священники, даже епископы) и привидения, как наиболее яркое свидетельство лишь частичной затронутости исландского народа идеологией христианской церкви.

Исландский фольклор органически вошел в профессиональное творчество сочинителей. Уже в XII в. фиксировалось авторство важнейших произведений, например, лучшая из королевских саг — Heimskringla («Круг земной»), написанная около 1230-х годов, приписывается исландцу Снорри Стурлусону (1178–1241), автору «Младшей Эдды». С XIII в. возникает поэзия христианская, авторы которой сосредоточились на человеческих чувствах, переживаниях. Наиболее совершенная из этого жанра — поэма «Лилия» Эйнара Аусгримссона. А главным жанром на протяжении 600 лет стали римы, самый исландский из поэтических жанров.

Римы — длинные стихотворные пересказы конкретным автором (многие забыты) сюжетов из народных — датских или норвежских — баллад. Авторы рим унаследовали от скальдов строгую подчеркнутость формы, обилие поэтических синонимов и кеннингов, но отличались употреблением рифм, как конечных, так зачастую и внутренних. А так как длину и количество строк в одном цикле рим было принято менять, то от авторов требовалось недюжинное поэтическое мастерство. Если в «Младшей Эдде» Стурлусон привел только 102 вариации стихотворных размеров, то в «Ключе размеров» Хельге Сигурдссона, вышедшем в свет в 1888 г., этот автор называет для рим более двух тысяч вариаций. Римы остались популярными доныне. Прежде их пели на вечерних посиделках, в наше время — перемежают современную танцевальную музыку стремительной народной, под которую танцуют и поют римы¹⁷.

Книгопечатание у исландцев началось с 1530 г., а в 1733 г. стал издаваться первый ежемесячный журнал. Лютеранские псалмы и гимны позднего средневековья стали вытесняться с литературных страниц с середины XVIII в. дидактическими поэмами, с конца XVIII в. — первыми исландскими комедиями.

Но Исландия прежде всего — страна тружеников, отстоявших свою грамотность и нынешнее высокое материальное благосостояние в суровейшей борьбе в каждом из одиннадцати столетий жизни этого народа. Этническая психология выковывается всем комплексом жизни этноса — от его рождения и на протяжении всей этнической истории. У исландцев важнейшие черты исландского национального характера — всеобщая привычка к труду, готовность помочь другому, простота в обращении.

Примечания

1. SEVERIN T. The Brendan Voyage. Lnd. 1978, p. 162.
2. ВОЙТОВ В. За четыре века до норманнов. См.: СЕВЕРИН Т. Путешествие на «Брендане». М. 1983, с. 250.
3. Dicuili liber De mensura orbis terrae a Gustave Parthey recognitus Berolini in aedibus Friderici Nicolii. 1870, cap. VII, 14, s. 14.
4. SEVERIN T. Op cit., p. 167—168.
5. Landnámabók. Íslendinga Saga, I. Reykjavík, 1953, s. 36—37.
6. KÅLUND Kr. Familielivet på Ísland. Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, København. 1870, S. 270.
7. Landnámabók. Op. cit., S. 36—75; ПЕЙРЕР Г. Любопытные известия, или сокращенная история об острове Исланде. М. 1789, с. 65—70.
8. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И. Культура Исландии. Ленинград. 1967, с. 24.
9. Adam av Bremen. Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum ex recensione Lappenbergii. Hannoverae. 1876, S. 36.
10. Eyrbyggja saga. Leipzig. 1864, cap. 54; Fóstbrædra saga. Kjobenhavn, 1852, cap. 6; KALUND Kr. Op. cit., S. 270-272.
11. ПЕЙРЕР Г. Ук. соч., с. 7, 26, 19.
12. ГУДМУНДСОН Х. Незведанными дорогами повседневности. — За рубежом, Москва, 27 марта — 2 апреля 1987 г., с.22.
13. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И. Ук. соч., с. 53.
14. PÁLSSON H. Íslenzk mannanöfn. Reykjavík, 1960, s. 11.
15. JÓNASSON S.J. Íslenskir pjóðhættir. Reykjavík, 1945, s. 440—473, 12—29.
16. ФИШ Г. Здравствуй, Дания. Отшельник Атлантики. М. 1963, с. 318—319.
17. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М.И. Ук. соч., с. 88-171.

Александр Густавович Брикнер — историк и педагог

С.И. Горелова

Среди историков России второй половины XIX в. видную роль играл А.Г.Брикнер. Наиболее значительные свои работы он публиковал вначале в Германии, а уже затем в России. Многие его труды, в том числе и монографии, были изданы только на немецком языке. Е.Ф. Шмурло называл его «одним из самых неутомимых работников на поприще изучения русского прошлого»¹.

Брикнер родился в Петербурге 24 июля 1834 года. Его отец — коммерсант, из финляндских уроженцев, придерживавшихся реформаторского вероисповедания. Александр Густавович окончил немецкое Петропавловское училище. В 1851—1857 гг. работал в торговом доме А.Шеера. В 1857—1860 гг. учился в Гейдельбергском, Йенском и Берлинском университетах, изучал историю, литературу, политическую экономию, философию, антропологию, языковедение. Его учителями были Г.Дройзен, Л. фон Ранке и другие видные ученые.

В 1860 г. в Гейдельберге Брикнер защитил магистерскую диссертацию «К истории вормского эдикта 1521 года. Переговоры об имперском рейхстаге» (на нем. языке), используя материалы как публикаций, так и из архивов Дрездена и Веймара.

В 1860 г. ему была присвоена степень доктора философии. В 1864—1867 гг. Брикнер работал в Училище правоведения в Петербурге. В 1864 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию о медных деньгах в России и Швеции и в том же университете стал приват-доцентом. В 1867 г. Дерптский университет присвоил Брикнеру степень доктора наук по всеобщей истории за работу «Исследования по финансовой истории. Кризис медных денег» (на немец. языке)².

В 1867 г. Брикнер получил приглашение Новороссийского университета, где и стал работать профессором всеобщей истории. Он читал лекции и вел семинарские занятия по методологии исторической науки, истории Великой французской революции, истории культуры. В.С. Иконников вспоминал: «Читал Брикнер чрезвычайно живо и горячо, увлекался и сам на лекциях и таким же характером отличались его практические занятия»; историк отличался «не только громадными умственными способностями, но и благоприятными качествами души»³. Профессор А.И.Маркович, учившийся у Брикнера в Новороссийском университете, писал, что студенты были высокого мнения о его лекциях. На семинарских занятиях старшекурсников зачастую присутствовали студенты первого курса. Студенты бывали у него дома и он всем оказывал посильную помощь⁴.

В марте 1872 г. коллегия профессоров Дерптского университета утвердила Брикнера профессором всеобщей истории. Кандидатура В.О.Ключевского, тогда еще кандидата наук, была отклонена. Министерство народного образования согласилось с назначением Брикнера, но рекомендовало читать лекции по отечественной истории на русском языке, что не составляло для него большого труда, сделать ему было нетрудно, поскольку он владел этим языком прекрасно. На немецком же языке Брикнер читал только курс всеобщей истории.

Брикнеру принадлежит заслуга разработки методики университетских семинарских занятий по истории России⁵. Напоминая, что “Брикнер” в переводе на русский язык означает мостостроитель, он подчеркивал, что всеми силами - “наводит мосты” между преподавателями и студентами.

Читал он спецкурсы по историографии, источниковедению, статистике, этнографии. Особой популярностью пользовались его спецкурсы «История внешних сношений России в XVII—XVIII вв.», «История царствования Екатерины II», «Историография истории России», «Народное хозяйство России», «Статистика России», «География, этнография и статистика населения России», «Теория истории» и др.

Именно в Дерпте написал он наиболее крупные работы по истории России, принесшие ему широкую известность. Особенно важное место в его творчестве занимала история России в XVII—XVIII веках. В многочисленных публикациях по этому периоду он неоднократно освещал влияние европейской науки, культуры и техники на русское общество. До Брикнера проблема эта рассматривалась схематично и довольно поверхностно. Между тем для анализа этого вопроса нужно было солидно знать историю не только России, но и стран Европы. Общий вывод, что Россия значительно отставала в культурно-экономическом отношении от Западной Европы, мало о чем говорил. Широкая эрудиция, прекрасное знание не только русской, но и всемирной истории дали возможность Брикнеру преодолеть эти трудности. Он был убежден, что историю развития культуры нельзя изучать только в хронологическом порядке. В связи с этим историю России он анализирует и с точки зрения постоянного расширения ее территории, особенно на Запад, влияния на жизнь русского общества “полуевропейцев”: поляков, малороссов, прибалтийских немцев, которых он рассматривал как проводников западной цивилизации.

В сочинениях Брикнера речь идет о работе иностранных специалистов в России, жизни русских в европейских странах, деятельности русских эмигрантов, о русских путешественниках. Обстоятельно описывается процесс изменения нравов и обычаев русского общества под европейским влиянием. Последнее он подразделяет на техническое, умственное и нравственное. Брикнер всесторонне анализировал литературу о политическом развитии России, ее административном устройстве, науке, литературе, нравах и обычаях. Отмечал он и отрицательное воздействие бюрократического канцеляризма и аристократизма на жизнь русского общества. Большое место в процессе европеизации России Брикнер отводил включению в состав России Малороссии, Прибалтики, Финляндии.

В его трудах показано, какое воздействие на русское общество оказали Немецкая слобода в Москве, колонии иноземцев в Архангельске, Одессе, Петербурге и других городах. Он напоминал, что в иноземных колониях, прежде всего, в Немецкой слободе, проживали военнопленные, приглашенные специалисты, купцы, ремесленники, врачи, аптекари. Слобода была уголком европейской культуры.

Брикнер явно преувеличивал роль иностранных ученых, ни слова не сказал о М.В.Ломоносове и других представителях русской науки. Он первым употребил термин «европеизация России»⁶. Самую крупную работу о распространении европейской культуры в России — «Европеизация России. Страна и народ» он опубликовал за рубежом⁷. Во введении к этому труду Брикнер подчеркивал: «Вступление русских в семейство европейских народов есть важнейшее явление в истории Восточной Европы. И в истории всемирной этот факт занимает многозначительное место. Морская и океаническая Европа была дополнена континентальной Россией; рядом с германцами и романцами выступили славяне, как равноправный политический элемент; к миру католическому и протестантскому присоединился мир греко-православный. Сцена исторического развития расширилась открытием Нового Света далеко на запад, вместе с тем в большом размере распространилась на восток. Для развития России это присоединение к западу было решающим. Была альтернатива: Азия или Европа, застой или прогресс. Петр своими дарованиями и силой воли ускорил процесс европеизирования; не более»⁸.

Но сближение России с Европой происходило с большими трудностями. Даже в XVII в. русские послы и купцы ездили в Европу через Архангельск, а для того чтобы добраться до Венеции, нужно было объехать всю Европу. К.Н.Бестужев-Рюмин считал, что Брикнер на историю России смотрел с точки зрения «немецкой науки»⁹, явно преувеличивая влияние германского мира на европеизацию России, что особенно сказывалось в его трудах, изданных на немецком языке.

Несколько работ Брикнер посвятил истории России в XVII веке¹⁰. Его научные интересы здесь весьма широки: финансы, Иван Посошков, патриарх Никон, Юрий Крижанич, медные деньги, русские дипломаты и туристы, отношения между Моск-

вой и Римом, русские посольства в Италии и Франции, чума в Москве в 1654 г. и многие другие сюжеты. Многие из этих работ одновременно печатались на немецком языке. В этих и других работах Брикнер рассматривает процесс экономического и политического развития России накануне петровских преобразований. По его мнению, медленно, но неуклонно происходило сближение с Европой ¹¹.

Видное место в творчестве Брикнера занимала эпоха Петра Великого. Он полагал, что преобразования Петра I явились рубежом, который отделил старую Россию от новой. Но старую Россию Брикнер рассматривал как слишком азиатскую. Робкиими были первые шаги русского общества к Европе в XVII веке. Для характеристики эпохи большое значение имело издание источников, предпринятое историком. Брикнер приводит малоизвестные сведения о крымских походах В.В.Голицына, воспоминания иностранных дипломатов о России, о поездке Петра I за границу, о дневнике Гордона, архиве Куракина и др. ¹².

О Петре Великом Брикнер опубликовал десятки статей на русском и немецком языках. На их основе он издал монографию. Первоначально книга появилась в Берлине. В России она вышла с изменениями и дополнениями. Книга эта была, в основном, посвящена событиям 1672—1700 годов. Треть содержания монографии — история внешней политики. Наиболее слабо отражены вопросы внутренней политики, реформ Петра I, причем материал по этой проблеме Брикнер позаимствовал у С.М. Соловьева и Н.Г.Устрялова, а также и у иностранных авторов.

В книге о Петре Великом Брикнер писал: «историческое развитие происходит независимо от отдельных личностей. Россия и без Петра превратилась бы в европейскую державу. Он не создал нового направления в историческом развитии России. Но, благодаря Петру, Россия особенно быстро подвинулась вперед в указанном ей направлении» ¹³.

Высокую оценку труду Брикнера дал Шмурло: «до сих пор это пока единственное в нашей литературе сочинение, доступное широкому кругу образованных читателей, которое охватывая все царствование, опиралось бы в то же время в своих выводах на научную разработку вопроса...» ¹⁴.

Значительное количество работ Брикнер посвятил обширному и сложному периоду истории России — с 1725 по 1762 год. Шмурло отмечал, что характеризуя это время, Брикнер мало уделял внимания государственному строю России, социальным отношениям, внутреннему положению, чем отличалась впрочем и монография о Петре Великом. В основном он описывал подробности дворцовых переворотов, биографии придворных деятелей и дипломатов, обстоятельно изучил историю трагической жизни Ивана Антоновича, а также Петра III ¹⁵.

Большое внимание Брикнер уделял деятельности Екатерины II и ее приближенных. Он писал, что длительное время история царствования Екатерины II писалась на основе сплетен и памфлетов, что серьезно мешало объективному освещению истории ее правления. На основе значительного количества источников Брикнер сделал вывод, что Екатерина II отличалась высокими умственными способностями. Он обстоятельно проанализировал внешнюю политику России того периода, особенно русско-турецкие войны, русско-шведскую войну 1788—1790 годов. Однако политика России по отношению к Польше осталась вне поля его зрения. Обстоятельно освещены были многочисленные путешествия Екатерины II в различные регионы России. О времени Екатерины II Брикнер опубликовал 22 монографии и статьи ¹⁶.

Многочисленные публикации о Екатерине II Брикнер обобщил в монографии. Если о Петре I и до Брикнера имелось немало работ, то обстоятельное описание жизни и деятельности императрицы было предпринято впервые. Как и «История Петра I», книга о Екатерине II вначале вышла в Берлине. Для нее характерны были те же недостатки, что и для «Истории Петра I». В России монография вышла с некоторыми изменениями и дополнениями ¹⁷.

Восторженную оценку монографии дал «Правительственный вестник», явно преувеличив ее значение. В рецензии, в частности, говорилось: «Нет сомнения, что это издание представляет замечательное явление в нашей литературе как с научной, так и с художественной стороны. Это первый исторический труд как о личности Екатерины II, так и о значении ее царствования в русской жизни. Автор не держится строго хронологической последовательности, а излагает события по отделам, группируя в каждом из них однородные сведения. Этот метод дал возможность автору представить события в цельных картинах. Как события, так и характеры исторических лиц выступают в его рассказе с отчетливой ясностью, и значение императрицы Екатерины II в истории XVIII века представляется во всей полноте. В его сочинении мы видим не только политические и государственные события той эпохи, но и состо-

яние русского общества, быт и нравы его высшего слоя, и все это в строго научном и живом изложении»¹⁸.

Не утратила значение также монография Брикнера о Г.А. Потемкине — самом влиятельном деятеле времени Екатерины II. «Весь он тут — баловень счастья, более авантюрист, чем патриот, более царедворец, чем государственный человек, более азартный игрок, чем герой», пишет Брикнер, отмечая его заслуги в строительстве Николаева и Херсона, присоединении Крыма, создании черноморского флота¹⁹.

Интересна многотомная работа Брикнера о графе Н.П. Панине²⁰. Здесь приведены многочисленные материалы, хранившиеся у потомков Панина; найденные в архивах, собранные в исторической литературе. Однако в этом издании нет ни хронологической, ни смысловой стройности. За рыхлость этой работы она подверглась резкой критике историка В.А. Бильбасова²¹. Вместе с тем Брикнер объективно подходил к описанию родословной, жизни и деятельности Панина²².

Брикнер первым из историков описал заговор против Павла I 11 марта 1801 года. Он обстоятельно перечислил причины недовольства политикой императора, описал подготовку и осуществление переворота. Свое утверждение о сумасшествии Павла I Брикнер обосновывал цитатами из писем чиновников того времени, донесений иностранных послов, мемуаров участников и современников дворцового переворота. Бросается однако в глаза отсутствие на этот счет документальных данных из российских архивов²³.

Брикнер немало сделал для ознакомления немецкого народа с историей России. Он аргументированно критиковал многочисленные извращения истории России в германской печати, в которой, в частности утверждалось, что эпоха первого русского царя это «конец древней славянской России и начало России монгольской», что при Алексее Михайловиче в царском дворце было будто бы широко распространено католичество, что царь и царица приняли его и даже Петра I крестили иезуиты. Сам Петр I оценивался как кровавый «татаризованный москвич». В то же время деятельность Петра III необъективно превозносилась²⁴.

В немецкой печати Брикнер поместил очерки о С.М. Соловьеве, Н.И. Костомарове, М.П. Погодине, о географических открытиях в России, об отношениях России с Европой и Византией, о татаро-монгольском влиянии на Русь и др. Опубликовал рецензии на работы Г. Дройзена по истории Тридцатилетней войны, Л. Ранке — по истории Семилетней войны и др.

В 1891 г. закончилась преподавательская деятельность Брикнера в Дерптском (Юрьевском) университете. Обстановка в нем сложилась тяжелая и напряженная. Шла не только скрытая, но и явная борьба между русскими и немецкими профессорами. В статье «Отчего бегут профессора из Юрьевского университета» Шмурло, сменивший Брикнера на кафедре истории, отмечал, что отдельные русские издания обвиняют немцев в стремлении «разрушить университет, восстановить в нем господство немецчества. Цель этой лживой кампании обрусить не только Юрьевский университет, но и весь Остзейский край. Причем, это делается не методом сглаживания противоречий, а путем грубого господства кулака, клеветы и «подтасовки фактов. Все это крайне отрицательно влияет на настроения студентов в университете»²⁵.

Брикнер был номинально зачислен профессором Казанского университета. По новому университетскому уставу он получил довольно высокую пенсию — 3000 руб. в год. Фактическое свое изгнание из университета Брикнер воспринял очень тяжело. «Моя профессорская деятельность прекратилась», — писал он 1 декабря 1891 г. из Иены, где он жил до конца своей жизни. Брикнер переживал, что не может остаться в Дерпте, после того, как его лишили профессуры, что не может дальше заниматься в библиотеке, которую создавал в течение 19 лет²⁶.

В последние годы жизни Брикнер много работал в архивах Вены, Парижа, Дрездена, Копенгагена. Он готовил к изданию многотомную монографию по истории России за 1725—1762 годы, как связующее звено между книгами о Петре I и Екатерине II. По этой проблеме он опубликовал несколько статей в «Русской мысли», «Вестнике Европы» (по новым данным из разных архивов). В этих и других изданиях он в значительной степени расширяет источниковую базу изучения этого сложного и многопланового периода истории России. Но преждевременная смерть в Иене 3 ноября 1896 г. не позволила ему завершить это исследование²⁷.

Брикнер оставил заметный след в развитии не только исторической науки России, но и европейской истории. Он был талантливым популяризатором истории России. Его труды читали не только ученые. Их с интересом читали и широкие круги любителей российской истории. По неполным сведениям он издал на русском и немецком языках 229 монографий, брошюр, статей и рецензий²⁸.

1. ШМУРЛО Е.Ф. А.Г.Брикнер. (Некролог). – Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП), 1897, январь-февраль, с.117.
2. Там же, с.117–118.
3. ИКОННИКОВ В. А.Г.Брикнер. – Чтения в Историческом обществе Нестора-Летописца. СПб. 1897, с.44.
4. См.: КОЛЯНКОВСКИЙ А. Профессор А.Г.Брикнер. – Голос минувшего, 1913, №9, с.159, 161; Тридцатилетие (1861–1891) ученой деятельности А.Г.Брикнера. СПб. 1891, с.1–7.
5. См. его статьи: О практических упражнениях при преподавании русской истории в университетах; Об учебных пособиях при изучении истории России. – ЖМНП, 1876, № 6, 7.
6. См.: БЕСТУЖЕВ-РЮМИН К.Н. Европеизование России. Сочинение профессора Брикнера. – ЖМНП, 1888, август, с.409–416.
7. См.: BRUCKNER A. Die Europäisierung Russlands. Land und Volk. Gotha. 1888.
8. ПЫПИН А.Н. Россия и Европа. – Россия и Европа. Т.1. М. 1889, с.325.
9. См.: ЖМНП, 1888, № 8, с.417.
10. См.: ПЫПИН А.Н. Ук. соч., с.336.
11. См.: БРИКНЕР А. Г. Из истории цен в России в XVII в. – Исторический вестник, 1885, № 5; его же. Расходная книга Никона как источник для истории. – ЖМНП, 1875, № 4; его же. Мнения Посошкова. – Русский Вестник, 1878, №6, 8; 1879, № 3, 6; его же. Русское посольство в Италии в 1672–1673 гг. – Новь, 1886, №2; его же. Русское посольство во Франции в 1681 г. по донесению доктора Лаврентия Рингубера. – Новь, 1888, № 23, 24; его же. Юрий Крижанич, его жизнь и литературная деятельность. – Русский вестник, 1887, июнь, июль и др.
12. См.: БРИКНЕР А. Г. Материалы для источниковедения истории Петра Великого (1682–1698). – ЖМНП, 1879, № 8, 10; его же. Патрик Гордон и его дневник. СПб. 1878; его же. Архив князя Куракина. – Вестник Европы, 1891, № 9; его же. Россия при Петре Великом по известиям двух немецких дипломатов. – ЖМНП, 1874, №1 и др.
13. См. БРИКНЕР А.Г. История Петра Великого. Т.1–III. СПб. 1882.
14. ЖМНП, 1897, январь-февраль, с.138.
15. См.: БРИКНЕР А.Г. Императрица Екатерина 1725–1727. – Вестник Европы, 1894, № 1, 2; его же. Русский двор при Петре II. 1727–1730. – Вестник Европы, 1896. № 1, 2, 3; его же. Император Иоанн Антонович и его родственники (1741–1807) М. 1875; его же. Император Петр III. – Древняя и Новая Россия, 1878, № 11 и др.
16. См.: БРИКНЕР А.Г. Новые данные для истории царствования Екатерины II. – Исторический вестник, 1886, №11, 12; его же. Большая комиссия (1767–1768). – ЖМНП, 1881, № 9, 10, 12; его же. Князь Щербатов, как член Большой комиссии 1767 г. – Исторический вестник, 1881, № 10; его же. О чуме в Москве в 1771 г. – Русский вестник, 1884, № 9, 10; его же. Пугачев. Критический очерк. – Вестник Европы, 1886, № 3; его же. Потемкин. СПб. 1891; его же. Война России с Швецией в 1788–1790 гг. СПб. 1869; его же. Екатерина II и французская революция. – Исторический вестник, 1895, т.61 и др.
17. См. БРИКНЕР А.Г. История Екатерины Второй. СПб. 1885.
18. Правительственный вестник, 1886, № 12.
19. См. БРИКНЕР А.Г. Потемкин, с.276.
20. См.: Материалы для жизнеописания гр. Н.П.Панина. (1770–1837). Части I–VII. СПб. 1888–1892.
21. См. БИЛЬБАСОВ В.А. Забытый Панин. – Исторический вестник, 1889, № 3.
22. См. ЦВЕТАЕВ Д.В. Граф Никита Петрович Панин. – Московские ведомости, 1893, № 203.
23. См. БРИКНЕР А.Г. Смерть Павла. М. 1907.
24. См. ЖМНП, 1889, август, с.409.
25. Российская Государственная библиотека. Отдел рукописей, ф.119, д.102, л.1–2.
26. См. ШМУРЛО Е.Ф. А.Г.Брикнер. СПб. 1897, с.84.
27. См.: БРИКНЕР А.Г. Австрийские дипломаты в России. По документам Венского архива. – Вестник Европы, 1893, № 12; его же. Императрица Екатерина 1725–1727. По документам Венского архива. – Вестник Европы, 1894. № 1, 2; его же. Россия и Дания при императрице Екатерине I (по документам датского архива). – Русская мысль, 1895, № 2, 3, 7, 9; его же. Русский двор при Петре II. 1727–1730. По документам Венского архива. – Вестник Европы, 1896, № 1, 2, 3; его же. Русский двор в 1728–1733 гг. По донесениям английских резидентов. – Исторический вестник, 1891, № 10 и др.; его же. Падение Бирона 1740 (по новым данным из разных архивов). – Новое слово, 1895, № 3, 4, 6, 8; его же. Родственники императора Ивана Антоновича. – Русские ведомости, 1895, № 225, 230.
28. См. ЖМНП, 1897, январь-февраль, с.123–157.

В.Б. ЖИРОМСКАЯ. *Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное.* М. РОССПЭН. 2001. 280 с.

Рост населения и определяющие его факторы, ныне превратились в глобальную мировую проблему. Другие проблемы, встающие перед человечеством – загрязнение окружающей среды, исчерпание природных ресурсов, безработица или дефицит рабочей силы, производство энергии, продовольствия и потребительских товаров возникают в значительной степени именно как следствие роста или сокращения населения. Не случайно очевидно демографические исследования переживают свое второе рождение во всех странах.

В современной России демографическая проблематика особенно актуальна. И если во многих странах, в частности, в Азии, Африке и Латинской Америке речь идет о перенаселенности, то в России, напротив, остро ощущается нехватка людских ресурсов. Нынешняя демографическая ситуация в нашей стране характеризуется чрезвычайно низкой рождаемостью, повышенной смертностью, низкой ожидаемой продолжительностью жизни, отчетливо выраженной мужской сверхсмертностью, аномалиями возрастного состава населения, нерациональными миграциями и даже сокращением численности населения. Фактически демографическая сфера России находится не только в состоянии глубокого кризиса, но балансирует на грани катастрофы. Неблагоприятная демографическая ситуация своими корнями уходит в прошлое. XX век явил России чреду мощных демографических катастроф. Без тщательного учета исторического фактора невозможно разобраться в тенденциях современности, а тем более заглянуть в будущее.

Интенсификации историко-демографических исследований способствовали также снятие нелепых идеологических табу, сильно тормозивших развитие науки, ставший относительно свободным доступ к архивным источникам; публикация документов, в частности мате-

риалов переписей населения 1937 и 1939 годов. В последние десять-пятнадцать лет отечественная наука сделала заметный шаг вперед в исторической демографии. Однако история народонаселения России, как и прежде, остается недостаточно исследованной.

Книга доктора исторических наук В.Б. Жиромской (Институт российской истории РАН) посвящена сложнейшему периоду демографической истории России – 1930-м годам.

Книга написана, если так можно выразиться, с использованием классической триады: воспроизводство – численность – состав населения. Многие демографы в последние годы отказались от этой схемы, сосредоточившись главным образом на воспроизводственных процессах и, пожалуй, напрасно, поскольку именно в историко-демографических исследованиях эта схема позволяет достаточно глубоко и логично раскрыть основные характеристики развития населения (в широком смысле этого слова).

Автор привлек широкий круг источников. Основой послужила «опальная» перепись 1937 г., а также ранее публиковавшаяся только отрывочно перепись 1939 года. Материалы переписей удачно дополняются еще совсем недавно закрытой для свободного доступа информацией текущего учета движения населения и санитарно-медицинской статистики. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Жиромская скрупулезно анализирует статистические данные о рождаемости, смертности (в том числе детской), брачности и разводимости. Автор показывает и объясняет колебания показателей естественного движения населения, их причины и следствия.

Много места уделено сложнейшему вопросу исторической демографии – причинам смерти взрослого и детского населения России. Жиромской удалось убе-

дительно доказать преобладание в структуре смертности экзогенных факторов (болезни органов дыхания, желудочно-кишечные и инфекционные заболевания) над эндогенными. Поскольку экзогенные факторы смертности мало зависят от возрастного состава населения, читателю становится очевидным, что их преобладание обусловливалось воздействием факторов социального характера, главным образом снижением уровня жизни в связи с индустриализацией и коллективизацией, голодом 1932 – 1933 гг., ухудшением медико-санитарного обслуживания населения. Социальные аспекты демографического развития и, если так можно выразиться, демографические последствия политических решений сталинского режима, показаны в книге весьма впечатляюще.

Разбирая процесс воспроизводства населения, Жиромская приходит к выводу о размерах избыточной смертности. Потери населения СССР в целом за период между двумя переписями 1926 и 1937 гг. составили, по мнению Жиромской, около 11 млн. человек (с. 218).

По вопросу о размерах потерь советского населения в 1930-е годы отечественные и иностранные историки и демографы «сломали немало копий». На этот счет опубликовано много противоречивых цифровых данных. Можно оспаривать и цифры, рассчитанные Жиромской, особенно, если учитывать огромные погрешности, допускавшиеся советским статистическим учетом. Но в целом ее выводы вполне обоснованы и имеют принципиальное значение для будущих исследований. Вообще надо отметить сбалансированность оценок и даже некоторую безэмоциональность повествования, присущую Жиромской.

Автор не обходит стороной проблемы, связанные с демографическим переходом в России. Единства мнений по этому вопросу, как и по упомянутой выше проблеме потерь, нет. В науке высказываются подчас противоречивые взгляды, в том числе по хронологии этого процесса, его началу и завершению. Анализ конкретных статистических материалов, главным образом данных текущего учета естественного движения населения, в совокупности с изучением демографической политики сталинского режима в 1930-е годы, в частности известного постановления СНК СССР от 1936 г. о запрете абортов, позволил Жиромской сделать вывод, что демографический переход в России в 1930-е гг. только развернулся и традиционный способ воспроизводства населения с его высокой рождаемостью и смертностью преобладал. «Черты, свойственные демографическому переходу к современному типу воспроизводства населения, — подчеркивает автор, — проявлялись в 30-е гг. слабо и непоследовательно» (с. 109). Вывод этот — весьма смелый. Здесь автор вступает в полемику со многими специалистами. Разумеется, уловить само явление демографического перехода с помощью количественных оценок, как это пытается автор, очень непросто.

Определение численности населения России, пожалуй, одна из стержневых и трудных проблем. Какое

воздействие оказали на динамику численности населения такие бурные события, как индустриализация, коллективизация, голод, массовые репрессии? Этот вопрос долгое время оставался без ответа по причине неудовлетворительности материалов переписей 1926, 1937 и 1939 годов. Мы не говорим даже об огромных погрешностях, допущенных в текущих расчетах численности населения СССР и его отдельных регионов применительно к межпереписным периодам.

Сильной стороной работы является стремление автора вносить в имеющиеся данные переписей обоснованные поправки. Автор — сумела не только выявить механизм переучета городского и сельского населения страны в ходе переписей 1937 и 1939 гг., но на этой основе определить размеры поправок и, соответственно, подлинную численность населения России. Так, в частности, полную численность населения СССР по переписи 1939 г. Жиромская определяет в 167,6 – 167,7 млн человек, объем преднамеренной фальсификации в 2,8 – 2,9 млн. человек, а размер поправки в 1,7% от населения (с. 49).

Динамика численности населения России определяется автором дифференцированно для городского и сельского населения. С этим подходом нельзя не согласиться, ибо демографические процессы, структура населения и миграции в городе и селе сильно различались. Это тем более верно, если учитывать, что сталинское руководство старалось подчеркивать быстроту роста городов как якобы яркое свидетельство успехов индустриализации.

Форсированная урбанизация и одновременно замедление темпов роста численности жителей села (в отдельных регионах России, как показывает автор, численность сельского населения даже сократилась), резкий рост смертности, в особенности детской, изменения параметров рождаемости обусловили формирование диспропорций в соотношении полов и возрастных групп. Эта задача решается в книге с учетом всех факторов демографического и недемографического характера, так или иначе искажавших структуру городского и сельского населения страны. Большинство демографов сегодня сосредоточились на изучении воспроизводственных процессов и частично на связанных с ними проблемах изменения демографической структуры населения (пол, возраст). Подход Жиромской шире. Характеризуя социальный состав населения, она обращается к таким его параметрам как национальность, социальные группы, занятия людей, грамотность, образование, конфессиональный состав.

В итоге книга, которая содержит много новых материалов и выводов, дает широкую панораму развития населения России в 1930-е годы. Этот труд Жиромской даст сильный импульс дальнейшим исследованиям в области исторической демографии.

Л. ИСУПОВ

Кандидат исторических наук С.В. Сопленков (Институт востоковедения РАН) поставил перед собой задачу «осветить наименее известные аспекты отношений российского общества к Азии, особенно к тем ее регионам, которые граничили с Россией» (с. 3). Автор хорошо знаком с историографией проблемы, о чем свидетельствует обзор российской и англоязычной научной литературы (с. 182-189).

Он постарался выбрать те аспекты, которые до него почти не поднимались исследователями. Прежде всего — это знания в России о своих восточных соседях и народах, живущих в ее пределах, сложившиеся в обществе на бытовом уровне и отраженные в прессе. Для изучения были привлечены провинциальные, официозные и иные издания, то есть именно те, что позволяют лучше ознакомиться с мировоззрением, складывавшемся в русском обществе. Привлекаемый автором материал представлен по трем аспектам: массовые представления о Востоке, характерные для отечественной читающей публики; формирование научного подхода к изучению восточных обществ; историко-философское осмысление российско-азиатских взаимоотношений и формирование концепции российской внешней политики на Востоке.

Собранный Сопленковым материал позволяет читателю погрузиться в духовную атмосферу дореформенной России, понять и объяснить сложившиеся представления, а порой и корни тех стереотипов или заблуждений, которые бытуют в России и до сих пор порождают как трудности во взаимоотношениях, так и те возможности взаимопонимания между Россией и Востоком, которыми не располагают западные страны и народы. Автор цитирует высказывание секретаря Казанского общества любителей отечественной словесности: «Мы живем между многими иноплемennыми народами, в древнем Татарском царстве... Армяне, Персияне, Башкирцы, Калмыки, Бухарцы ближе к нам, нежели к другим обществам» (с. 5). И действительно, бытовые, торговые и военные контакты с восточными народами были постоянным фактором, действующим при складывании российского общества и государства. И в то же время, как подметил автор, в российском обществе в первые десятилетия XIX в. явно ощущался дефицит достоверной информации о приграничных азиатских странах, как и огромных пространствах России собственных российских окраин.

Автор анализирует первые периодические издания России, для которых восточная тематика уже в начале XIX в. становится приоритетной. Это — «Восточные известия», «Казанские известия», «Сибирский вестник». Особенно подробно рассмотрены издания Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча «Северная пчела» и А.В. Никитенко «Северный Архив», то есть та периодика, которая сильнее всего влияла на российскую общественную мысль.

Именно через эти издания до читателя свои знания и размышления многие тогдашние востоковеды: Н.Я. Бичурин, А.С. Грибоедов, А.А. Бестужев-Марлинский, Е.Ф. Тимковский, А.О. Корнилович, Е.К. Мейендорф, О.И. Сенковский. Там печатались самые разнообразные материалы: записки путешественников, статистика, аналитические материалы о взаимоотношениях России с азиатскими странами, этнографические сведения, переводы с восточных языков и т.п. Как справедливо отмечает Сопленков, эти публикации были прекрасно литературно оформлены и зачастую становились событиями в культурной жизни России. В журналах публиковались даже отчеты об экзаменах воспитанников петербургского Ученого отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИД, на которых присутствовали влиятельные петербургские сановники: С.С. Уваров, М.М. Сперанский, К.В. Нессельроде и др. Традиции «Северной пчелы» и «Северного архива» продолжили «Библиотека для чтения», «Современник», «Азиатский вестник».

Автор прослеживает, как возникали, трансформировались, а в дальнейшем влияли на общественную мысль и внешнюю политику России такие представления о Востоке, как «азиатская роскошь», возможность проложить «золотую стезю в Азию» (выражение Н.С. Мордвинова), ведущую к мифическим богатствам азиатских стран, «восточный этикет» и т. п.

Прочно укоренившиеся представления о легкости достижения азиатских центров сухим путем как и об огромных перспективах караванной торговли опирались на сообщения не всегда компетентных путешественников, миссионеров и торговцев. В действительности же география и экономика этих регионов были слабо изучены. Считалось, что Кавказ и Закавказье, а затем и Средняя Азия должны стать ступенями к внутренним просторам Азии, Индии и Китая, Астрахань восстановит свою роль, которую она играла при генуэзцах (к «досаде», разумеется, англичан и подрыву их Ост-Индской компании).

Подобные иллюзии по мере знакомства с реалиями постепенно рассеивались. В прессе появляются аргументы, ставившие под сомнение «легкость» сухопутной торговли с Азией, а рассуждения о восточной «роскоши» сменяются ссылками на «азиатскую бедность» и «азиатское невежество». Интересны также показанные Сопленковым образчики «восточного красноречия» и «восточной мудрости», на которые обращали внимание европейские наблюдатели. По мнению автора, это были наиболее яркие детали незнакомой культуры, а потому овладение восточным языком, полным иносказаний и метафор, своеобразных обычаев и этикета, создавало иллюзию приобщения к чуждой культуре и давало надежду на установление взаимопонимания с обитателя-

ми Востока. Впрочем восточный колорит на первых порах ощутило мешал пониманию «сложного комплекса социально-политических особенностей деспотии», характерной для государств Востока.

Еще более сложной была проблема «восточного этикета», который внешними ритуалами порой просто затушевывал культуру межгосударственного общения, принятую на Востоке. В работе показано, что для русской дипломатии начала XIX в. стал характерным неформальный подход к проблемам этикета. Инструкция А. Черторыйского Ю.А. Головкину в 1805 г. предлагала: «руководствоваться единым правилом — согласовывать достоинство Империи нашей с обрядами Китайцев, не жертвуя, однако, важными выгодами ради некоторых снисхождений в церемониале или титулатуре» (с. 67).

В русской дипломатической практике (разбираемой в книге на примерах миссий А.П. Ермолова, И.Ф. Круженштерна, В.М. Головкина, П.И. Рикорда, Н.П. Резанова, Н.Н. Муравьева) прочно утвердилось представление «о неприемлемости восточного деспотизма и диктуемых им норм поведения». Русские дипломаты александровской поры считали российское общество европейским. Так, Ермолов во время пребывания в Персии и на Кавказе подчеркивал, что различие между Россией и Азией проявляются там на каждом шагу (с. 85).

Русской читающей публике были известны представления о Востоке, сложившиеся в Западной Европе. Опираясь на идеологические посылки Ш.Л. Монтескье, Т.Р. Мальтуса, А. Смита, Ф. Бернье, а позднее И.Г. Гердера, Ф. Гизо, Л. фон Ранке и др., русские авторы писали о восточных деспотиях, отсутствии там частной собственности на землю, поголовном рабстве населения, ставили теоретические вопросы о соотношении деспотизма и феодализма. В этом плане рассматриваются труды Х.А. Шлёцера, Н.М. Карамзина, А. Албенского, Н.А. Полевого, Ф. Назарова, Н.Н. Муравьева, Е.К. Мейендорфа, К.М. Базили, А.О. Корниловича, К.Ф. Сталья, А.А. Бестужева-Марлинского. Особый раздел в книге посвящен «концепции китайского общества». Интересны материалы, исходившие из Российской духовной миссии в Пекине. Уже в дореформенной России сформировалась тенденция — понять Восток изнутри, постигнуть присущую ему логику развития (с. 139).

Оозначалось и то, что сама Россия обладает многими чертами, присущими восточным обществам. И это способствовало стимулированию реформ и преобразований в собственной стране. В книге это показано на примере проектов М.М. Сперанского, публикаций И.П. Пнина, П.Н. Небольсина, Е.Ф. Канкрин, а также рассмотрения той западной литературы (например, Ж. Гереншванда), которая встречала наибольший интерес и отклики среди российской читающей публики.

Сопленковым прослеживаются два главных направления в осмыслении Азии. Одно, близкое официальной идеологии, базировалось на представлениях С.С. Уварова и Н.М. Карамзина. Суть его состояла в признании всеобщих принципов исторического развития. Уваров

отмечал, что Азия — это «сосредоточие, из которого истекло просвещение, разлившееся по всему земному кругу», оттуда «проистекали все религии, все науки, вся философия». В настоящее же время, отмечал Уваров, восточные народы пребывают в состоянии «недеятельности». Они не могут «противоборствовать могущественному гению Европы». «Победа» европейцев над Азией неизбежна, но проникновение России (как европейской силы) в Азию должно носить не завоевательный, а просветительский характер. Она должна стать «посредницей между образованностью Европы и просвещением, скрывающимся в недрах Азии». Чтобы выполнить эту миссию России и нужно было, по мнению Уварова, развивать востоковедное образование (с. 142—143). А то, что русская культура впитала в себя много азиатских черт, поможет русским легче понять Восток, приобщить его к современной цивилизации, вырвать из того застоя, в котором он пребывает. Для самой России близость к Востоку оценивалась по-разному, что показано Сопленковым на примере многих работ того времени (Н.М. Карамзина, А.Р. Рихтера, А.А. Бестужева-Марлинского, М.А. Магницкого, Н.А. Полевого, М.П. Розберга, Д.П. Ознобишина, О.М. Ковалевского, В.В. Григорьева).

Второе направление, заявившее о себе наиболее активно в период правления Николая I, исходило из того, что восточные общества, их социальное и культурное развитие подчиняется иным законам, нежели Европа. Отсюда трудности с установлением контактов и пессимистичные оценки перспектив взаимодействия России и Азии. Наиболее ярко и даже парадоксально эти взгляды были выражены П.Я. Чаадаевым (с. 159). Отрицалась им и возможность культурной миссии России на Востоке. Эти взгляды постепенно начинают проникать и в воззрения дипломатов, чиновников, военных и путешественников, непосредственно сталкивавшихся с восточными народами. Так Бестужев-Марлинский писал: «Об Азию расширились все попытки улучшения и образования: она решительно принадлежит не времени, а месту. Индийский брамин, Китайский мандарин, Персидский бек, горский уздень неизменны, те же, что были за 2000 лет (с. 162).

Анализируя формирование концепции внешней политики России на Востоке, Сопленков отмечает, что при Александре I явно проявлялось стремление выработать единую систему норм международных отношений, применяемую как к цивилизованным странам, так и «деспотическим» (восточным). Равноправные отношения Россия стремилась тогда установить с Бухарой, Китаем, Японией, что, как известно, закончилось неудачей. Однако представления о существовании всеобщих принципов общественного и культурного развития, наиболее ярко выраженные в речах Уварова (1811 и 1818 гг.), явно присутствует во всех актах внешней политики тогдашней России. Особенно показательна цитируемая автором инструкция царя Ермолову: «утвердить благосостояние и распространение просвещения в землях, лежащих за Кавказом, а также

довершить постепенное покорение народов, на нем обитающих» (с. 166). Просветительские цели здесь явно совмещались с военными методами решения политических проблем. Главным же было стремление к стабильности в отношениях между государствами, к неприкосновенности границ. На первых порах казалось, что этой же цели служат и преобразования, предпринимавшиеся в Османской империи и Персии Мехмедом II, Мехмедом Али, Аббасом Мирзой.

Новая, более качественная информация о Востоке позволила лучше ориентироваться в том, что происходило в этих странах. В России начинают опасаться, что в результате поверхностных реформ и «гнилого» управления они могут превратиться в «гнездо всех людей бесприютных, без отечества, изгнанных всеми благоустроенными обществами» (с. 171). Первоначальное стремление соблюдать «лояльность» даже к деспотическим легитимным государствам начинает меняться. С 40-х годов XIX в. активизируется движение России в

Среднюю Азию и на Дальний Восток и, наконец, развязывается Крымская война. В политических концепциях на первый план выдвигаются различия между Россией и Востоком, в частности, религиозные, а сам Восток все более и более воспринимается как некий феномен, к которому не применимы европейские категории. Начинается активная наступательная политика, просвещение же и экономические выгоды отступают на второй план. «От попыток навязать общеевропейские нормы взаимоотношений своим восточным соседям Россия перешла к политике активного силового давления на азиатские государства» (с. 181).

Перед нами интересное фундаментальное исследование о том, как формировались в России взгляды на Восток, российская восточная политика и как складывались в России историко-философские представления о восточных обществах в первой половине XIX века.

С. ФИЛИППОВА

Персональная история. Исповедь судьбы. М. Анвик К. 2001. 304 с.

Сборник историко-биографических очерков привлекателен в двух аспектах: содержательном и методическом. Уже древнейшие авторы в жанре биографии выражали не только историческую конкретику, в условиях которой жили их персонажи, но и характер и важнейшие идеи эпохи (Ксенофонт, Плутарх). В величайших же книгах буддизма, иудаизма и христианства – вечные истины. Последние несколько десятилетий казалось, что научный жанр биографии состоялся (взять хотя бы рубрику «Исторические портреты» «Вопросов истории»), хотя и застыл в классической форме. В действительности за недвижимостью жанровых форм крылась борьба направлений научной мысли, которая сегодня привела к весьма серьезному их расхождению. Прояснить ситуацию и познакомиться с оригинальными решениями проблемы историко-биографического синтеза помогают помещенные в сборнике работы.

Размышления составителя сборника Д.М. Володина, идущие в контексте теоретических исканий главным образом западных историков XX в., привлекательны реальным учетом проблемы востребованности данного жанра как в сообществе ученых, так и у читателей – потребителей их творчества. Оценка практических мотивов решений чисто методологических, казалось бы, вопросов, привлекает здравомыслием и отсутствием цинизма. Историкам старшего поколения может показаться несколько чрезмерным энтузиазм, с которым автор оценивает перспективы ряда направлений, местами превращая свою статью в манифест. К счастью, суждения в духе Эклезиаста не свойственны лучшей части нового поколения российских и западных историографов, с работами которых хотелось бы связать надежду на новый расцвет исторических исследований.

Академическое исследование «феномена женской дружбы» в светском обществе России второй половины XVIII в. предложила О. И. Елисеева – специалист по проблемам взаимоотношений «в верхах» того периода. Для профессионала в этом очерке важны не только богатое фактическое содержание, тонкие наблюдения и аналогии, но в еще большей степени – открытые автором ракурсы духовной жизни «века просвещения» и эlegantные средства их доказательного освещения. Всем авторам, со времен И.Е. Забелина пытающимся мотивированно осветить положение и поведение женщины при дворе, знакомы сложные, подчас неразрешимые проблемы сочетания, как сейчас выражаются, «гендерного» анализа с источниковедческим: в этом очерк является весьма полезным образцом.

Очерк Елисеевой рассматривает светский мир XVIII в. через тонкости внешних, общественных и личных, даже интимных взаимоотношений Е.Р. Дашковой и Екатерины Великой. Н. Иртенина пытается погрузиться во внутренний мир Ф.И. Тютчева с помощью доступных нам внешних отражений этого мира. Таково вообще своеобразие «закрытых» источников. Она не повторяет обстоятельные биографии поэта и сосредоточена на существенных чертах Федора Ивановича, выделенных автором из избыточности.

Г.А. Елисеев представил в сборнике очерк о великой и загадочной фигуре русской мысли. Изучение, а тем более внятное изображение «портрета» духовного мира Василия Васильевича Розанова – само по себе является подвигом. Насколько удалось автору прорваться сквозь свистопляску розановских масок, сказать не берусь (и кто возьмется!), но во всяком случае описанная Елисеевым система представлений выглядит достоверно. Особо интересна аргументация выбора источников, ис-

пользуемых для анализа внутреннего мира Розанова – журналиста и монстра в глазах соперников-эпигонов.

Научная биография М.А. Осоргина (Ильина), основанная на изданных работах и архивных материалах, предлагается Л.В. Поликовской, которая описала классический жизненный путь интеллигента – выходца из замечательной дружной семьи провинциального юриста – в эсеры, ссылку, эмиграцию, вновь в предреволюционную и революционную Россию – и в эмиграцию окончательную. В очерке показано своеобразие взглядов писателя и публициста, всегда оказывавшегося «не

в струе». События глазами их участника, смотревшего «извне», и его «внутренний круг» русской масонской эмиграции – любопытные страницы предложенного исследования.

Публицистический очерк С.В. Кизюкова об Э. Багрицком (Э.Г. Дзюбе) – пример неудачного использования жанра «персональной истории». Этот персонаж необходим автору лишь для развития собственных взглядов.

А.П. БОГДАНОВ

А.В. ТЫРСЕНКО. *Фельяны. У истоков французского либерализма.* М. Изд-во Московского университета. 1999. 126 с.

Политическая борьба и идейное противостояние в эпоху Великой Французской революции являются темой, в исследовании которой казалось бы уже не осталось «белых пятен». Однако развитие историографии, смена исследовательских программ, способствует выявлению ряда пробелов, требующих их заполнения. Кандидат исторических наук А.В. Тырсенко вводит в научный оборот комплекс источников, длительное время оставшихся вне поля зрения специалистов, что позволяет автору развить исследовательское поле данной проблематики. Его монография – наиболее полное и основательное исследование о фельянах в современной историографии, посвященной политической истории Франции Нового времени. В зарубежной, прежде всего французской, историографии крупная заслуга в развитии этого направления принадлежит «ревизионистской школе» (Ф. Фюре, Д. Рише и их последователи). Тырсенко учитывает основные достоинства подхода «ревизионистов» (в частности, повышенное внимание к роли социальных элит), не стремится перечеркнуть признанные достижения «классической школы» историографии Французской революции с ее ориентацией на социальную историю. Причем к «классической школе» можно отнести как авторитетную историографическую традицию от Ж. Жореса до А. Собуля, так и близко примыкающую к ней отечественную историографию Французской революции (учителем автора книги был А.В. Адо).

Сегодня новые горизонты исследования Французской революции открывает не ставшее уже анахронизмом противопоставление социальной и политической истории, но синтез достижений «классиков», «ревизионистов» и – отнюдь не в последнюю очередь – школы «Анналов». Разумеется, такой синтез не может быть механическим, а сосредоточен на поиске более адекватной интерпретационной модели революционного процесса. Именно в этом русле и лежит исследование Тырсенко.

Наряду с тщательным анализом многочисленных

публикаций документов по истории Французской революции (особенно за период 1791–1792 гг.), Тырсенко использовал материалы Национального архива Франции, а также обширный массив «текстов революции», в том числе публицистику фельянов и их полемику с якобинцами на страницах периодических изданий и брошюр.

Фельяны как оформленная политическая группировка играли активную роль лишь одно «действие» революции – от Вареннского кризиса в июне 1791 г. до свержения монархии в августе 1792 года. Но это был один из важнейших этапов революции, понять который невозможно без тщательного анализа деятельности фельянских лидеров – А. Дюпора, А. Ламета, А. Барнава, М.-Ж. Тафайета – и их противостояния как контрреволюционным силам, так и революционным радикалам. При этом Тырсенко стремится раскрыть одну из существенных проблем рассматриваемого этапа революции и революционной динамики в целом. Речь идет о компромиссе социально-политических элит, и, в частности, о либеральной его модели, которую фельяны пытались предложить французскому обществу в 1791–92 годы. Соответствующий подход определяет и структуру исследования, в котором последовательно рассматриваются генезис и политическая организация «партии» фельянов, их идеологическая доктрина, предлагаемая ими модель компромисса элит и неудачная попытка реализовать ее на основе Конституции 1791 года.

Автор уделяет внимание тому, как либеральная традиция, зарождение которой восходит к рационалистическому мировоззрению эпохи Просвещения, в ходе революционных событий переводилась на язык политических действий и обретала организационную форму. «Принципы 1789 г.», сформулированные в Декларации прав человека и гражданина, явились программой либерального переустройства французского общества. Однако реализация этой программы, наполнение ее конкретным политическим и правовым содержанием стали объектом острейшей борьбы как между революционными

ми силами и представителями Старого порядка, так и внутри самого революционного лагеря.

Автор показывает, что борьба вокруг этих проблем в 1789–1791 годы способствовала политическому размежеванию среди либералов, доминировавших в Учредительном собрании. Однако серьезный фактор затормозил процесс размежевания. Этим фактором стала радикализация общественных настроений, усиление демократической пропаганды и, в частности, утрата либералами контроля над Якобинским клубом. К концу весны 1791 г. ведущие либеральные группировки («ламетисты» и «файетисты») переходят «в оппозицию дальнейшей радикализации революции» (с. 19) и предпринимают шаги к организационному сплочению.

Автор обстоятельно анализирует борьбу внутри Якобинского клуба между его либеральным руководством и радикально-демократическим течением во главе с М. Робеспьером, последовавший после Вареннского кризиса выход из Якобинского клуба умеренных деятелей и учреждение ими 16 июля 1791 г. «Общества друзей Конституции», получившего известность как Клуб фельянов. Автор усматривает в действиях либералов вполне определенную стратегию: «завершить революцию путем спланированного политического маневра» (с. 28). Соглашаясь с этим выводом, хотелось бы подчеркнуть, что сам политический маневр либералов был во многом вынужденным, в связи с изменением характера революционной динамики после Вареннского кризиса, еще большей политической поляризацией и ростом популярности республиканских идей. Эту трактовку подтверждают и аргументы, приводимые автором в том разделе, который посвящен организационной и политической борьбе сначала внутри Якобинского клуба, а затем противостоянию между якобинцами и фельянами.

Содержательная сторона политических разногласий между умеренными и радикальными революционерами несомненно имеет первостепенное значение. Однако для понимания характера и динамики политической борьбы необходимо также учитывать ее организационные формы, методы, а также то, что можно назвать «пределами допустимого». С учетом этих факторов картина размежевания в революционном лагере, его раскола на умеренных либералов и радикальных демократов становится более полной.

Исследование Тырсенко дает основание для следующей интерпретации принципиального различия между фельянами и якобинцами: фельяны выступали в качестве выразителей и глашатаев интересов политической элиты, возникшей после 1789 г., тогда как якобинцы представляли собой силу антиэлитарную. Если фельяны считали правовое и институциональное закрепление «принципов 1789 года» закономерным итогом и финалом революции, ради достижения которого необходим компромисс даже с представителями Старого порядка, то для якобинских лидеров развитие революции по восходящей линии и безусловный отказ от примирения с силами прошлого были важнейшей предпосылкой политического успеха. Если фельяны фактически рас-

сматривали свою организацию в качестве элемента переходной политической системы, необходимого для решения ряда важных задач в период подготовки Конституции, то Якобинский клуб, после ухода из него либералов, окончательно превратился в революционную организацию, действующую по «мобилизационному принципу». Поэтому действия фельянов летом 1791 г. несомненно были продиктованы осознанием угрозы дальнейшего развития революции и решающей роли в этом процессе якобинской организации (см. с. 30-33).

Автор обстоятельно рассматривает идеологическую доктрину фельянов. Он характеризует эту «партию» как «настоящую лабораторию либеральной мысли» (с. 101), что представляется вполне оправданным, поскольку именно в ходе революционной борьбы произошла окончательная «селекция» идейного наследия эпохи Просвещения, конституирование либерального и демократического направлений, соединение политической теории с политической практикой. Новое общественное устройство и его базовые принципы получили в произведении фельянов последовательную либеральную трактовку. Фактически речь шла об идеологическом обосновании программы либерального компромисса, которым по мысли фельянов должна была завершиться революция.

Тырсенко приходит к выводу, что фельяны, разрабатывая программу компромисса элит, выступали в качестве выразителей интересов представителей средних и верхних слоев бывшего третьего сословия, то есть буржуазных собственников. Именно эти социальные слои провозглашались в речах и сочинениях фельянов основной силой, обеспечивающей интеграцию общества и выражающей общенациональные интересы. Владение собственностью было у фельянов основным критерием для участия в политической жизни. Соответственно важнейшей задачей либерального государства должна была стать защита собственности и собственников, гармонизация на этой основе различных социальных устремлений и интересов. По сути дела, фельяны истолковывали народный суверенитет как «суверенитет собственников», тем самым отделяя права гражданина от прав человека (с. 74).

В книге рассматривается модель либерального компромисса, которая частично была реализована в Конституции 1791 г., а также последовавшая за принятием Конституции борьба, завершившаяся исчезновением фельянов как политической организации. Автор показывает, что внутренние разногласия и сопротивление оппонентов в Учредительном собрании не позволили реализовать фельянскую программу во всей полноте. Тем не менее, проведенная в Конституции реформа имущественного ценза, предоставление королю права командовать армией и признание за ним статуса наследственного представителя нации явились несомненным успехом фельянов. Этот успех был развит в сентябре 1791 г., когда фельяны сумели провести ряд дополнительных мер, направленных на закрепление конституционного строя.

Анализируя тактику фельянов в период между сентябрем 1791 г. и августом 1792 г., Тырсенко выявляет причины их поражения, которые было обусловлено дальнейшим обострением социально-политической конфронтации. Как противники революции, так и революционные демократы отвергали либеральный компромисс на основе Конституции 1791 года. В некотором смысле фельяны стали жертвами собственной веры в то, что революция завершилась принятием Конституции. Они не считали возможным вести конкуренцию с якобинцами на уровне политической организации, предпочитая действовать через институты государственной власти. Этим также был во многом предопределен их уход с политической арены.

Исследование Тырсенко ставит не только перед историками, но и представителями других общественных наук важную проблему обстоятельного и глубокого изучения компромисса социально-политических

элит. Очевидно, что любая экстраординарная историческая динамика (вне зависимости от ее качественной оценки: революция – контрреволюция, реформы – контрреформы, и т. п.) актуализирует эту проблематику. Причем особенно перспективным представляется сравнительное исследование моделей такого компромисса, когда, например, вся Французская революция – “от Тюрго до Ж. Ферри” – рассматривается в контексте поиска оптимальной модели компромисса элит и противостояния антиэлитарных сил этим попыткам.

Разумеется, исследование Тырсенко не ограничивается проблематикой компромисса элит. Но думается, что именно этот подход делает плодотворной историческую реконструкцию рассматриваемого автором этапа революции.

Д. В. ЕФРЕМЕНКО

A. KUCHENBECKER. *Zionismus ohne Zion. Birobidzan: Idee und Geschichte eines jüdischen Staates in Sowjet-Fernost*. Berlin. Metropol. 2000. S.272

А. КУХЕНБЕКЕР. *Сионизм без Сиона. Биробиджан: идея и история еврейского государства на Советском Дальнем Востоке*.

А. Кухенбекер защитила докторскую диссертацию по данной теме в 1998 г. в Центре по изучению антисемитизма при Берлинском техническом университете (научный руководитель В. Бенц). Книга посвящена одному из парадоксов советской истории, пережито существующему и сегодня, – Биробиджану («Еврейской автономной области Российской Федерации»). Евреев там сегодня, по-видимому, меньше, чем во многих других субъектах Федерации (хотя и там число их за последнее десятилетие резко сократилось).

О Биробиджане до сих пор написано немного. И не только потому, что советские архивы были недоступны. Не хватало, если можно так выразиться, нужного угла зрения на проблему. Генезис и развитие самой идеи «социалистической еврейской автономии» поставила в центр своего исследования Кухенбекер. Другие же аспекты – история заселения Биробиджана, хозяйственное и культурное строительство, – по ее мнению, достаточно освещены в имеющейся литературе.

Автор задалась несколькими вопросами. Почему коммунистическое руководство СССР попыталось осуществить сионистскую по сути идею «еврейской государственности», столь разительно противоречившую тезису о неизбежности ассимиляции евреев, сформулированному до революции В.И. Лениным и И.В. Сталиным? Почему ЕАО была создана в столь неподходящем, казалось, для этой цели месте – далеко от основных центров расселения советских евреев, в краю,

лишенном инфраструктуры, с неблагоприятным климатом? В чем заключалась национальная специфика ЕАО, какое реальное содержание скрывалось за названием «еврейская» в государственном образовании, где иудаизм, как и другие религии, отвергался, существование еврейской нации отрицалось, а традиционная еврейская культура клеймилась как «буржуазная»? И наконец, насколько проект «еврейской автономии под знаком серпа и молота» был привлекателен для различных слоев еврейской общественности за рубежом?

Книгу выгодно отличает широта авторского подхода к теме. Феномен ЕАО анализируется и в контексте сионистской идеи еврейской государственности, и как органическая часть истории евреев в СССР. Учитываются тогдашние представления Советов об окружающем их мире и о самих себе. Экскурс автора в дореволюционную историю Бунда позволяет читателю понять, почему именно светская идишитская культура была объявлена национальной культурой советских евреев, центром которой и должен был стать Биробиджан. Возникновение идеи еврейской автономии и ее реализация рассматриваются Кухенбекер в контексте национальной и переселенческой политики советского руководства. Обе волны чисток, затронувшие Биробиджан (1936–1938 и 1948–1953 гг.), освещаются под аналогичным углом зрения – что здесь было общего для всей страны, а что специфического, направленного против евреев. Только взгляд, выходящий за пределы области, и мог, по убе-

дению автора, дать должный масштаб и критерии оценок истории ЕАО.

Угол зрения предопределил и структуру работы. Первая глава («Религия, народ или нация? «Еврейский вопрос» и ответы на него») посвящена духовно-исторической предыстории биробиджанского проекта. Здесь анализируются бундовская идея «национально-культурной автономии», сионистские и территориалистские проекты создания еврейского государства, взгляды Ленина и Сталина на «еврейский вопрос». Во второй («Из местечка в город, от народа-парии к «экстерриториальному меньшинству»: еврейское население на пути интеграции в советскую систему») рассмотрены экономическое и социальное положение еврейства после революции, национальная политика Советской власти в 20-е годы и роль в ней евкомов и евсекций. Третья глава («Борьба вокруг идеи еврейской советской республики: На следующий год в Крыму? На следующий год в Биробиджане!») освещает процесс создания еврейских земледельческих колоний на юге Украины и в Крыму и возникшие в ходе его проекты образования еврейской автономии. В главе четвертой («Дальний Восток вместо Ближнего: ЕАО и ее стилизации») исследованы пропагандистские ипостаси биробиджанского проекта: «жемчужина в тайге», «центр советской еврейской культуры», «красная Палестина», «родина еврейских пролетариев всех стран». Название пятой («Конец начинания: ни еврейская, ни автономная, просто область») говорит само за себя.

Ядро источниковой базы исследования образуют документы из московских и биробиджанского архивов, использованы и материалы архивов израильских – Центрального сионистского и Центрального архива истории еврейского народа. К сожалению, нигде – ни в Европе, ни в Америке – не удалось до сих пор обнаружить архивы просоветских организаций помощи крымскому и биробиджанскому проектам (возможно, они были уничтожены сотрудниками этих организаций в эпоху маккартизма).

Во время пребывания в Москве, Биробиджане и Израиле Кухенбекер встречалась и беседовала со многими современниками и участниками описываемых ею событий. Но их устные свидетельства используются с большой осторожностью – из опасения, как пишет автор, «ошибок памяти, идеологизированных интерпретаций прошлого и приукрашивания его – вплоть до сознательных фальсификаций». Они привлекаются только для иллюстрирования положений, установленных путем анализа документальных источников. В принципе такой подход оправдан, если не забывать о двух вещах. Во-первых, некоторые из названных опасностей подстерегают историка и при использовании документов, особенно советского периода. Во-вторых, психология людей это тоже весьма существенная сторона исторического процесса. Для научной реконструкции прошлого свидетельства современников – ничем не заменимый исторический источник (разумеется, при критическом подходе, как и ко всем прочим видам источников).

Выводы Кухенбекер вкратце выглядят следующим образом. Идея создания еврейской советской республи-

ки, которую коммунистическое руководство СССР приняло в середине 30-х годов, по видимости, явно противоречила сформулированной Лениным и Сталиным до революции теории слияния этносов в гомогенную человеческую общность в социалистическом будущем. Еще сильнее противоречила она постулату о неизбежности и прогрессивности ассимиляции евреев при капитализме и тем более социализме. Однако ни от этой теории, ни от названного постулата большевики отказываться не собирались. Их национальная политика в 20-е и начале 30-х годов (утверждение советского федерализма, национальное строительство, коренизация) преследовала очевидные прагматические цели – укрепление своего господства над многонациональной страной. Как часть этой политики и следует рассматривать создание ЕАО.

Чтобы устранить хозяйственную нищету и социальное неполноправие («лишенцы») значительных слоев еврейского населения, решено было содействовать поселению евреев на земле (возможность вовлечь их в промышленность до начала форсированной индустриализации отсутствовала). На этой почве возникло редкое в истории временное совпадение целей различных национально- и социально-политических сил – советского руководства, еврейских национал-коммунистов и зарубежных еврейских организаций само- и взаимопомощи.

Общим знаменателем их сотрудничества стала идея «продуктивизации» – приобщения евреев к производительному, в данном случае земледельческому труду. При этом каждая из сторон была движима собственными мотивами. Советское руководство стремилось пополнить свои валютные резервы и как-то решить проблему «лишенцев», интегрировать их в существующую экономическую и политическую систему. Руководители евсекций и ОЗЕТА (многие из них в прошлом были членами еврейских социалистических партий – Бунда, «Поалей Цион», «Фарейникте» и др.), разделяя вторую из этих целей, видели в земледельческой колонизации средство изжить антисемитский стереотип еврея, неспособного якобы к производительному труду. Зарубежные еврейские организации помощи руководствовались чувствами национальной солидарности, заботы о благосостоянии соплеменников.

Программа еврейской земледельческой колонизации дала довольно впечатляющие результаты, однако когда речь зашла о создании в Крыму еврейской автономии, описанная выше временная коалиция интересов распалась. Советское руководство отвергло крымский проект в пользу биробиджанского. Большинство зарубежных организаций помощи («Агроджойнт», ОПТ, ЕКО), считая последний неперспективным, свернули свою деятельность в СССР.

Национал-коммунисты тоже были разочарованы. Идея создания еврейской республики в Крыму, считали они, давала реальную возможность соединить коммунистический идеал с национальным, провести в жизнь их старые антиассимиляторские взгляды и представления о еврейской нации, еврейской национальной культуре. Эти надежды развеялись – и, по мнению Кухенбе-

кер, не могли не разветься. Советское руководство отнюдь не было заинтересовано в создании полноценного, жизнеспособного еврейского политического и культурного образования – потенциально там могли бы развиться сепаратистские тенденции.

Создание же еврейской республики в отдаленном, малонаселенном, непривлекательном районе позволяло Кремлю избежать многих проблем. Прежде всего, столкновения интересов поселенцев и местного населения, затем – конфликтов между центром, с одной стороны, украинским и крымско-татарским руководством, с другой. Следует учесть, что указанный район и так нуждался в притоке населения для хозяйственного освоения. Создание там еврейской автономии давало советскому руководству возможность избежать антисемитски мотивированных протестов против еврейской колонизации Крыма («евреев в Крым, а русских в Нарым»), отвести от себя обвинения в покровительстве «своим», а с другой стороны парировать упрек в дискриминации евреев, не имеющих в СССР своего национально-территориального образования.

Евреи за пределами СССР благожелательно восприняли создание ЕАО, особенно в свете нарастающей тогда угрозы со стороны нацизма. Но активный интерес и поддержка биробиджанского проекта исходили лишь от сравнительно неширокого слоя просоветской леволиберальной еврейской общественности Запада и созданных ею организаций (ИКОР, ПРОКОР, «Амбиджан»). К этому слою принадлежали и примерно 1,5 тысячи иммигрантов, прибывших в Биробиджан из Европы и Америки (в 1937–1938 гг. многие из них исчезли в ГУЛАГе).

Уже к концу 30-х годов стало очевидно, что для подавляющего большинства советских евреев Биробиджан не имеет какого-либо национального или культурного значения. (Этим в значительной мере и была обусловлена предпринятая руководителями ЕАК в 1944 г. попытка реанимировать крымский проект.) Однако советское руководство не ликвидировало ЕАО, и не только потому, что такой шаг вызвал бы негативную реакцию за рубежом, но и потому, что Биробиджан выполнял определенную политико-пропагандистскую функцию, Его существо-

вание использовалось как доказательство того, что евреи в СССР находятся в равном положении с другими народами, имеют равные возможности национального развития, а непопулярность его среди советских евреев – как подтверждение тезиса об их стремлении к ассимиляции.

Ответ на вопрос, был ли биробиджанский проект успехом или неудачей, зависит, по мнению автора, от оценки намерений и целей инициаторов. Конечно, с точки зрения тех, кто стремился создать «социалистическую еврейскую республику на советской земле», дело кончилось полным провалом. Но в контексте советской внутренней и внешней политики аргументы критиков в значительной мере теряют свою убедительность. Организация заселения была не хуже, чем в других советских переселенческих проектах того времени. Критиковать же руководство СССР за то, что ЕАО не был придан «подлинно еврейский характер», вообще бессмысленно, ибо это значило предполагать намерения, которых изначально у него и не было. Слабая эмоциональная привлекательность Биробиджана для советских евреев не рассматривалась в Кремле как недостаток. С точки зрения основных целей его внутренней и национальной политики, отсутствие национального содержания в ЕАО могло рассматриваться скорее как плюс.

Имевшую место в годы перестройки попытку «еврейского национального возрождения» в Биробиджане автор характеризует как «последнюю вспышку перед угасанием». Принятая в октябре 1991 г. областным советом ЕАО декларация с требованием вывода области из Хабаровского края и преобразования ее в Еврейскую автономную республику в составе РСФСР – поистине парадоксальный политико-психологический феномен. Волна репатриации, в ходе которой большинство еврейского населения Биробиджана, уже крайне немногочисленного (4% жителей области), переместилось и Израиль, поставила предпоследнюю точку в истории ЕАО. Последняя – преобразование в обычную область – пока заставляет себя ждать.

С. А. МАДИЕВСКИЙ